

Леонид Бен-Шир

ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

Леонид Бен-Шир
(Бешер-Белинский)

ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

КНИГА ПЕРВАЯ

Сколько стоит поцелуй Харитона

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
ГЛАВА 1	
<i>Дела студенческие .....</i>	16
ГЛАВА 2	
<i>Наше первое предприятие – Майли-Су, п/я 200.....</i>	23
ГЛАВА 3	
<i>Мои руководители, товарищи, друзья.</i> <i>Становлюсь главным инженером рудника.</i> <i>Успехи, неприятности, наказания! .....</i>	28
ГЛАВА 4	
<i>Геолого-разведочные работы у реки Нарын .....</i>	71
ГЛАВА 5	
<i>Важный участок работ –</i> <i>внутришахтный транспорт.</i> <i>Рудник № 2. Женильба.....</i>	75
ГЛАВА 6	
<i>Добывать уголь – тоже стратегическая задача.</i> <i>Главный инженер угольного рудника .....</i>	81
ГЛАВА 7	
<i>Наш первый сын и первый автомобиль .....</i>	95
ГЛАВА 8	
<i>Немного об истории семьи. Одесса.</i> <i>Донбасс. Началась ВОВ.....</i>	100
ГЛАВА 9	
<i>Идет война. Мои первые друзья в эвакуации .....</i>	120
ГЛАВА 10	
<i>Тяжелый 1952 год, а для нас и «веховой».</i> <i>Наш второй автомобиль – «Победа».....</i>	131

ГЛАВА 11

Некоторые итоги

и мы начинаем жизнь на новом предприятии..... 140

ГЛАВА 12

Предприятие п/я 29 – «Развилка» 148

ГЛАВА 13

Нелегкая работа в новом амплуа.

Первые положительные результаты..... 158

ГЛАВА 14

Новые руководители предприятия.

«Революционные решения» Н. С. Прокопенко..... 168

ГЛАВА 15

Юлины родственники. «Хрущевская оттепель».

У нас второй сын – Виктор..... 185

ГЛАВА 16

Короткий период работы в геологоразведке –

предприятие п/я 30 – и жизни в Ташкенте 196

ГЛАВА 17

И снова предприятие п/я 29, но город уже Янгиабод.

Как возник поселок Дукент 214

ГЛАВА 18

Успехи закреплены.

Город «Коммунистического труда и быта».

Предприятие открыто для посещения

делегаций из Соцстран! 230

ГЛАВА 19

«Наугарзан» и интересные события с ним связанные..... 242

ГЛАВА 206

«Модельные» взрывы и первый результат..... 256

ГЛАВА 21

Второй, мощный «модельный» взрыв – неудача.

Удачный финал..... 269

ГЛАВА 22

Семипалатинский атомный полигон.

Третий «модельный» и удачный взрыв 276

ГЛАВА 23

*Жизнь атомного полигона. Я становлюсь
начальником экспедиции и «командиром в/ч».*

*Воздушные испытания. Подготовка к первому
подземному испытанию «изделия». Ю. Б. Харитон..... 288*

ГЛАВА 24

Первый в СССР подземный атомный взрыв.

Жизнь на полигоне продолжается 306

ГЛАВА 25

*Откомандирован на новое место работы –
Навоийский Горно-металлургический комбинат,*

директор З. П. Зарапетян..... 323

*«...Всё, что может рука твоя
делать по силам, делай!»
Экклезиаст*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Волею судьбы, проживаю я с Юлией (моей супругой) в Израиле уже 10 лет. Подробно объяснять причины и обстоятельства отъезда из самостоятельного государства – Республики Узбекистан – в 1995 году постараюсь по ходу повествования. Думаю, что большинство читателей моих писаний (если таковые будут), знают по собственному опыту, или из рассказов бывалых, о «большой алии» (выезд на постоянное место жительства) из СССР и стран постсоветского времени в Израиль. «Возвращение на Историческую Родину» – событие глубочайшего стресса, долгих моральных переживаний и физической перегрузки. «Абсорбция» (врастание) в новую страну в новое общество проходит очень не легко, особенно, у людей моего возраста. Тем не менее, мы освоились здесь, проживаем в красивом, довольно большом по местным меркам, приморском городе Натания, в 3-х комнатной (съёмной) квартире, имеем друзей и товарищей и, пока на ногах, ведём активный образ жизни. Под последним имеется ввиду не участие в «общественной и политической жизни», а частое участие в экскурсиях по многочисленным историческим местам и природным заповедникам, которыми изобилует эта маленькая, но прекрасная страна, встречи с друзьями по поводу тех, или иных, семейных дат и просто «поболтать», посещение (не частое) концертов и спектаклей заезжих театров и артистов.

Для меня, полностью воспитанного советской властью, работавшего более 47-ми лет в Атомном (с ударением на первом «О», как это выговаривал легендарный Министр среднего машиностроения СССР Е. П. Славский) ведомстве, практически до дня отъезда, самым тяжёлым стало «безделье», вакуум,

по сравнению с активнейшим, напряжённым ритмом производственной, творческой и общественной деятельности.

Родился я в простой еврейской семье, в одном из местечек бывшей «черты оседлости», в Украине. Воспитывался без отца, мамой, преданнейшей советской власти труженицей, с 30-х годов членом ВКП(б) – КПСС, и бабушкой. Пережил голод 33–34 годов, репрессии второй половины тридцатых годов (уже что-то соображал), все тяжелейшие годы Второй Мировой – Великой Отечественной войны (не на фронтах, а работая и участь). Получил высшее образование. Проработал в очень важном, секретном ведомстве почти полвека, пройдя от должности начальника горного участка уранового рудника, через все ступеньки иерархической лестницы, до директора большого комплексного предприятия (со своим городом и всей инфраструктурой) по добыче урана, а, затем главного инженера проектов по крупнейшему горному комбинату по добыче урана и золота. Стал кавалером «Ордена Трудового Красного Знамени», нескольких медалей, лауреатом «Государственной премии СССР», почётного звания «Заслуженный инженер УзССР». В результате общественной деятельности, неоднократно избирался депутатом поселковых, районных и областного Советов депутатов трудящихся. После достижения 60-летнего возраста стал «Персональным пенсионером Республиканского значения», хотя пенсию получал уже с 55-летнего возраста.

Я об этом говорю только для того, чтобы подтвердить моё мнение о том, что имел достаточно обширный, долгий опыт и основанный на нём кругозор, позволяющие мне попытаться описать большой период состояния, строительства и развития одной из важной составляющей подотрасли Атомной промышленности СССР – добычи и первичного обогащения уранового сырья – и создания крупнейшего предприятия по добыче и извлечению золота на базе уникального месторождения «Мурунтау» в Центральных Кызылкумах Узбекистана. Историю эту я буду описывать, в основном, в хронологическом порядке, а события с субъективных позиций, какими мне они виделись и оценивались мною в описываемое время.

Потребность изложить мои воспоминания появились у меня давно, после нашей «эмиграции», или возвращения на историческую Родину – «Израэль», где я, привыкший к непрерывной деятельности в труде и общественных делах, оказался не удел.

После приобретения персонального компьютера, благодаря помощи нашего младшего сына, Виктора, создались условия осуществления моей задумки. По мере освоения компьютера, работа шла быстрее, но, следует учесть, что у меня нет никаких записей, дневников и даже большинство любительских фотографий и других документов, имевшихся в наших семейных «архивах», были мною уничтожены перед выездом из Узбекистана, в силу весьма ограниченного объёма груза, разрешённого к вывозу (не более 40 кг на человека), и поэтому приходилось зачастую возвращаться к тексту, вносить коррективы. Все события, фамилии участников этих событий, их география и биография зиждутся лишь на моей, всё ещё неплохо действующей памяти! И должен заранее попросить прощения, если неточно отражу фамилию или имя-отчество некоторых участников событий, так как именно эти атрибуты, почему то, наиболее трудно вспоминаются, а вот сами события мною будут изложены точно, но, конечно, с моим видением именно в период их свершения, и иногда с комментарием с позиции сегодняшнего дня.

Начал я писать в 2001 году, не наметив никаких планов и состава труда. Мысли текли, написать хотелось многое, память держала много фактов и обстоятельств. Я старался как можно меньше описывать технических терминов, больше давать характеристик участникам событий через их реакцию на них.

Сегодня уже апрель 2005 года и у меня сложился план моего труда, если бог даст мне его закончить. Назвал я свои воспоминания «Взгляд изнутри». Будет он состоять из трёх книг, разбитых по принципу периодов моей работы и жизни моей семьи на разных предприятиях атомного ведомства. Первая книга уже написана – период работы на предприятиях Ленинабадского горно-химического комбината. Вторая книга написана в её первой части – период работы в Уч-Кудукском рудоуправлении Навоийского горно-металлургического комбината – и будет продолжена второй частью – периодом работы в Южном (Сабырсайском) рудоуправлении. Третья книга будет отражать период работы в Проектном Институте «ПромНИИпроект» в г. Ташкенте главным инженером проектов по НГМК.

И, последнее! Фамилия моя и имя – Бешер-Белинский Леонид Борисович, были всю мою прежнюю жизнь, а в Израиле я стал Бен-Шир Леонид (в переводе с иврита – «Сын

Песни»). Причина весьма банальная. Наши сыновья, уехавшие в Израиль на пять лет раньше нас, назвали себя «Бен-Шир», из-за того, что «Бешер» в переводе на иврит может быть прочитано и звучит, как «Басар», что значит «мясо». Их детей могли дразнить в школах.

Если учесть, что мне 75 лет (а сегодня осень 2001-го года) и начал я работать в системе Атомной Промышленности СССР с 1948 года, то станет ясно, что я сейчас один из немногих, оставшихся в живых, участников создания, развития, совершенствования и расширения подотрасли добычи, извлечения и первичного обогащения урана в бывшем СССР.

Известно, что настоятельная потребность в достаточных количествах обогащенного урана для научно-исследовательских, опытных и практических работ по созданию атомной бомбы в СССР возникла в 1944 году и особенно стала острой в 1945 г., после осуществленных США атомных бомбардировок японских городов Хиросима и Нагасаки.

При Совете Министров СССР было создано Первое главное управление, которое и возглавило все необходимые действия по осуществлению программы создания атомного оружия, в том числе и строительству, эксплуатации добычного комплекса, первичной переработки урановых руд и их обогащению. В составе ПГУ начали действовать управления и отделы, обеспечивающие руководство различными направлениями из общей комплексной программы. Руководителем этого, весьма секретного Ведомства, был А. П. Завенягин, который, как мне кажется, и стал первым Министром этого ведомства, которое называли «Министерством среднего машиностроения», такое вот условное наименование. Одно из управлений, в задачу которого входило геологическая разведка, строительство и эксплуатация урановых рудников и первичная переработка этих руд возглавлялось П. Я. Антроповым, а главным инженером был Б. И. Нифонтов. В руководстве других управлений и отделов были и другие специалисты и крупные организаторы, фамилии которых станут известными в последствии, такие как Е. П. Славский, А. Н. Комаровский, В. С. Емельянов, А. К. Круглов и другие. Известно, также, что всю комплексную программу создания атомной бомбы и всего, что связано с ней, лично курировал член Политбюро ЦК КПСС Л. П. Берия. Научно-организационное руководство всей программой осуществлял,

отозванный из советской армии ученый Игорь Васильевич Курчатов, а главным конструктором стал, тогда неизвестный большинству, учёный-физик Юлий Борисович Харитон.

В СССР были известны ряд месторождений урановых руд, правда, недостаточно разведанных, описанных во многих геологических источниках и учебниках по геологии и минералогии. Но самыми классическими из них были месторождения «Табошары», в республике Таджикистан, «Майли-Су» и «Туя-Муюн» на территории Киргизии.

И вот, в начале лета 1945-го года на железнодорожной станции «Ходжент», Средне-Азиатской железной дороги, поблизости от областного города Ленинабад, в Таджикской ССР, высадился небольшой отряд во главе с руководителем Борисом Николаевичем Чирковым. Он и стал первым директором первого уранодобывающего комбината, которому было присвоено закрытое наименование – комбинат № 6, а доступное наименование – предприятие п/я 25. В дальнейшем всем подразделениям, входящим в комбинат, и другим объектам всей системы, присваивались открытые адреса и наименования, почтовые ящики с соответствующим номером. Высокими темпами развернулось строительство прирельсовой базы, понтонного моста через реку Сыр-Дарья, автомобильной дороги от Ленинабада до месторождения Табошар и, одновременно, площадки и поверхностные сооружения рудников, восстановление старых и проходка новых горных выработок, выбрана площадка под строительство жилого поселка в Табошарах. Одновременно, в пустынной местности, южнее г. Ленинабада (ныне Ходжент), ближе к железной дороге были выбраны площадки для строительства промышленных объектов и жилого посёлка, в том числе таких, как ТЭЦ, база материально-технического снабжения (КМТС), завод по переработки урановых руд и выпуску концентрата (ГМЗ), ремонтно-механическая база, ставшая в последствии заводами ЗГО (завод горного оборудования) и АРЗ (авторемонтный завод) и другие жизненно-необходимые объекты инфраструктуры. В недалеком будущем этот комплекс стал городом Чкаловском, Ленинабадской области. В нем было выстроено довольно красивое четырехэтажное здание – управление комбината.

Менее чем через год, в 1946 г., аналогичные работы начались на месторождении Адрасман, в 70–80 км на восток от

Ленинабада, где ранее добывались цветные металлы Минцветметом, и на месторождении Майли-Су, которое находилось на территории Киргизии, а прирельсовая база её строилась на железнодорожной ветке от станции «Андижан-2» на территории Узбекистана.

Естественно, для того, чтобы развернуть и осуществить такой огромный объем строительства, кроме значительных финансовых и материальных средств, требовались немалые людские ресурсы! И эта проблема была решена следующим образом: руководящие и инженерно-технические кадры – в основном из системы МВД СССР, бывшее в то время, да и во все советские времена, государством в Государстве, а рабочие кадры – за счет перемещения на эти объекты, так называемого, спецконтингента.

Кто же это такие? – Это репрессированные по разным причинам советские граждане: заключенные ПФЛ (проверочных фильтрационных лагерей) первой (более легкой) и второй (более тяжелой) категорий, т. е. бывшие советские солдаты, попавшие в плен к немцам, а затем освобожденные советской или союзными армиями и возвратившиеся в Союз и здесь же брошенные в эти лагеря. Эта рабочая сила использовалась, в основном, на горных работах. Затем, это были выселенные из Поволжья и немецких селений Украины советские граждане немецкой национальности, которые использовались, в основном, на строительстве поверхностных промышленных сооружений и объектов жилья. В меньших количествах были, также, выселенные из мест постоянного проживания крымские татары и калмыки. Они все назывались спецпоселенцами. ПФЛ проживали в лагерных бараках, а большинство спецпоселенцев в построенных ими землянках, многие из них вместе с семьями.

Комплексы промышленных объектов и жилых поселков были названы предприятиями в системе комбината. Таким образом, в течение 1945–47 гг. в составе комбината №6 были организованы предприятие № 11 (на месторождении Табошары), предприятие № 12 (на месторождении Адрасман) и предприятие № 13 (на месторождении Майли-Су). Эти предприятия располагались в горных местностях, а подъездные дороги к ним были закрыты контрольно-пропускными пунктами (КПП), на которых круглосуточно дежурили солдаты и офицеры МВД.

Выезд ПФЛовцам и спецконтингенту за пределы предприятия категорически запрещался, а въезд на предприятие – только по специальным пропускам. Если к вольнонаемному сотруднику хотел, или должен был, приехать близкий родственник, то необходимо было заранее заказать пропуск.

Для того, чтобы осуществлять строительство, эксплуатацию в нужных темпах и качестве, в таких закрытых предприятиях, естественно, необходимо было создавать, и действительно осуществлялось, строительство и организация многочисленных объектов инфраструктуры: электроподстанции, линии электропередач (ЛЭП), автобазы, базы отделов рабочего снабжения, магазины, медико-санитарные части с больницами и поликлиниками, хлебозаводы, молокозаводы и молочные кухни и т. д. и т. п. Это, конечно, не в одночасье, а постепенно.

Первыми организаторами строительства и первыми директорами указанных выше предприятий стали:

Предприятия № 11 – Зараб (Зураб) Петросович Зарапетян;

Предприятия № 12 – Михаил Федорович Зенин;

Предприятия № 13 – Пётр Петрович Гаршин.

В дальнейшем все рассказанное и написанное мною – это то, что пройдено, пережито, осмыслено лично мною и членами моей семьи – женой, сыновьями – за 47 лет моей работы (1948–1995 гг.) на предприятиях атомной промышленности бывшего Советского Союза.

ГЛАВА 1

Дела студенческие

И так, с сентября 1943 г. по июнь 1948 г., я – студент горного факультета Средне-Азиатского Индустриального института в г. Ташкенте. Почему в Ташкенте и почему горного факультета? Да потому, что за пять дней до сдачи города Сталино (в последствии г. Донецка) немецко-фашистским бандитам, моя семья в составе моей мамы, бабушки и меня, пешком покинула город, а затем, в 15–20 километрах от него чудом втиснулась в железнодорожный эшелон, принадлежавший Сталинскому металлургическому заводу, и следовавший на Восток!

Не вдаваясь в подробности нашего полуторамесячного «путешествия» в эшелонах и поездах (об этом разговор ещё будет), мы оказались в г. Ташкенте, где я окончил среднюю школу, поработал слесарем, возчиком на Ташкентском текстильном комбинате (ТТК) и поступил на горный факультет потому, что достаточно лет прожил в шахтерских поселках, пригородах да и в центре г. Сталино, где высились огромные терриконы пустых пород из угольных шахт, на вагонетках которых я с мальчишками, моими сверстниками, катался, несмотря на категорические запреты, общался с шахтерами в общежитиях, видел собственными глазами героя-шахтера Алексея Стаханова!

Средне-Азиатский Индустриальный институт в начале 30-х годов был выделен из Средне-Азиатского Государственного Университета, который, в свою очередь, был создан в начале 20-х годов в Ташкенте по решению Советского Правительства. В составе Индустриального института было несколько факультетов, каждый из которых размещался в отдельных зданиях, находящихся в разных районах города. Горный факультет находился в одном из красивейших зданий по улице им. Гоголя, рядом со зданием ЦК КП Узбекистана. Профессорско-преподавательский состав факультета (как и всего института) был,

в основном, двух категорий (если так можно назвать): те, что приехали в Ташкент при создании Университета, и те, что эвакуировались в составе высших учебных заведений из западных районов страны, подпавших под оккупацию немцами. В числе первых можно назвать доктора геолого-минералогических наук, проф. Александра Сергеевича Уклонского, доктора геолого-минералогических наук, проф. Александра Васильевича Королёва, доктора технических наук, проф. Александра Сергеевича Попова, кандидатов технических наук, доцентов Николая Васильевича Мищенко, Александра Рувимовича Богуславского и Розалию Абрамовну Берзак, кандидата геолого-минералогических наук доцента Вениамина Львовича Дмитриева, Павла Александровича Шехтмана, Ольгу Денисовну Русанову, Яна Висневского, Татьяну Сикстель и других. В числе вторых, назовем доктора физико-математических наук, проф. Смогоржевского, кандидата технических наук, доцента Марциневского (оба из Киевского политехнического института) и многих других, из Ленинградского электротехнического института, Московского авиационного института. Это были высококвалифицированные, опытные, требовательные и, при этом, весьма доброжелательные преподаватели. Лекции проходили очень интересно, насыщено, а практические занятия и лабораторные работы также вели очень квалифицированные ассистенты и преподаватели. Хочу отметить, что студенты, желавшие и серьезно относившиеся к учебе, могли и, большинство окончивших, действительно приобрели глубокие и твердые знания в общеобразовательных и специальных дисциплинах по избранной специальности. Здесь следует напомнить, что еще шла Отечественная война и первые послевоенные годы и, несмотря на повышенную стипендию, большинство студентов подрабатывали где и кто как мог. В частности, я уже с начала 1944 года работал секретарем декана горного факультета, а деканом в это время был В. Л. Дмитриев, один из крупнейших ученых гидрогеологов Средней Азии. На горном факультете в это время обучение шло по четырем специальностям: горные инженеры: по эксплуатации пластовых (угольных) месторождений полезных ископаемых; по эксплуатации рудных месторождений полезных ископаемых; геологов и гидрогеологов. С 1944–45 г.г. учебного года был первый набор с присвоением квалификации «горный инженер-электромеханик».

В 1943 году на специальность «Разработка и эксплуатация угольных пластовых месторождений» поступило около 80 абитуриентов. На факультете организовали две группы по 40 студентов. Но уже в процессе учебы на первом и втором курсах по разным причинам большинство отсеялось и, забегая вперед, скажу, что окончили факультет всего трое из поступивших. Это Федя Абрамов, Леонид Цой и ваш покорный слуга. Всего же выпуск по нашей специальности в 1948 году составил шесть человек. К трем, указанным выше, добавились демобилизованные из советской армии в 45–46 годах бывшие студенты: Василий Макарович Штурбабин, Иван Антонович Лысенко и Михаил Денисов. После окончания занятий 3-го курса, по моей инициативе, наша группа, состоящая к этому времени из 7 студентов, выехала на первую производственную практику в Донбасс. Это стало возможным благодаря согласию декана горного факультета, обратиться с соответствующим письмом, и положительного ответа руководства комбината «Донецкуголь». Проезд по Стране, в этот период, (приобретение железнодорожных или авиа-билетов) был возможен только по специальным пропускам, выдаваемым органами МВД.

В начале мая 1946 г. мы, а руководителем группы был деканом назначен я, приехали в г. Сталино (так он назывался тогда). После беседы с главным инженером комбината «Донецкуголь» получили направление в трест «Снежнянтрацит» (г. Снежное), где нас распределили на шахты № 32 и № 18 («Американка» – так эту шахту называли). На шахте № 32, куда нас, четверых, направили, трое студентов, в том числе я, устроились на рабочие места помощников машиниста врубойной машины на добычные участки, а одна (это была студентка) – горным мастером на участок вентиляции. Мы были очень заинтересованы в «рабочих местах», так как это давало возможность получать заработную плату, а не быть просто студентом-практикантом. Шахта № 32 была восстановлена (после затопления во время оккупации немцами) лишь за четыре-пять месяцев до нашего приезда, но уже выдавала «на-гора» угля столько, сколько давала до войны. На многих горных выработках еще не было полностью заменено крепление, не восстановлены водоотводные канавки, а электровозы резво доставляли груженные составы к стволу и порожняк к местам погрузки, к лавам! Шахта отработывала слабо-наклонные пласты антра-

цита мощностью 1–1,2 м. Уголь этого сорта очень нужен был Стране, шахте нужны были кадры. На шахте работали кадровые шахтеры, проживавшие в рабочем поселке, завербованные в разных районах Страны рабочие, которых прямо на шахте обучали шахтерским профессиям, и УДО (условно-досрочно освобожденные из мест заключения, осужденные на срок до пяти лет).

Итак, я стал работать помощником машиниста врубовой машины в одной из лав. Лава длиной 110 метров, мощность пласта угля от 0,9 до 1,1 метров, при падении пласта до 30 градусов и довольно крепких кровле и почве. Технология добычи угля – сплошная система отработки с принудительной посадкой кровли. Машинист и его помощник на врубовой машине ГТК-3 делали нижний вруб (но не более, чем на 30–40 метров по длине лавы, во избежание просадки пласта). С отставанием, примерно, на 10–12 метров бурильщик электросверлом пробуривал шпуры длиной 1,8–2,0 метра (как и длина бара врубмашины и вруба), за ним взрывник заряжал шпуры и группу из трех–четырёх шпуров, после предупреждения свистком или голосом «взрываю», от электровзрывной машинки производил взрывание. Все рабочие, находившиеся в это время выше и ниже места взрыва, прятались кто куда мог за крепления или выбирались на верхний, вентиляционный, или нижний, откаточный, штреки. Газы от взрывов шли вверх, на вентиляционный штрек и, конечно, на тех, кто находился выше мест взрыва, в том числе на машиниста врубмашины и его помощника. В обязанности помощника машиниста входило постоянно лопатой с коротким черенком отбрасывать штыб из под движущейся рабочей цепи бара, а когда трос подтягивающей врубмашину лебедки, полностью наматывался на барабан, помощник должен был растянуть его на всю длину (примерно 10–12 метров) и закрепить петлю троса с помощью «упоры» (кусок рельса со специально откованным заостренным верхним концом и нижним концом в виде ласточкиного хвоста). Петля троса вводилась в «ласточкин хвост» и «упора» ставилась острым концом в кровлю. При подтягивании троса лебедкой врубмашины, «упора» распиралась между почвой и кровлей. Наматывая трос на барабан лебедки врубмашины, она (врубмашина) подтягивалась по почве. Старожилы нам рассказывали, что до войны на врубмашине с машинистом работали два помощника:

один на расштыбовке, а другой на растягивании троса. Так мы проработали на шахте более трех месяцев. Набрались хорошего опыта и, что тоже было очень важно, хорошо заработали. Кроме того, мы получали рабочую карточку, по 1,2 кг хлеба в день и, соответственно, другие нормированные продукты! В это время еще действовала карточная система, которая была отменена лишь в декабре месяце 1947 года.

Примерно в январе 1947 года, на факультете появились два человека в военной форме, которые, после беседы с деканом, стали вызывать к себе на разговор в предоставленный для этих целей кабинет декана отдельных студентов четвертого и пятого курсов. После беседы они вручали объемистую анкету и просили ее заполнить. В их числе оказался и я. Деканом в это время уже был доц. Мищенко Николай Васильевич (он же заведовал кафедрой «Разработка и эксплуатация рудных месторождений»), и был весьма уважаем в студенческой среде. Такой же отбор шел и на других факультетах института. Беседующие с нами майор и капитан не очень распространялись о том, кого они представляют, утверждали, что действуют по поручению солидного и важного предприятия. На горном факультете было отобрано 12–13 студентов разработчиков и геологов, в основном, бывших фронтовиков: из разработчиков пластовых месторождений И. Лысенко, В. Штурбабин и Л. Бешер-Белинский, из разработчиков рудных месторождений – Павел Васильевич Смирнов, Александр Загорельский и другие, из геологов Виктор Терентьевич Надеждин, Семён Мудрый, Борис Николаевич Хоментовский и другие – это из выпуска 1948 г. Из предыдущего выпуска – разработчики Андрей Рогозин, Николай Николаевич Хван, из геологов Елена Батурина, Вера Мячина. Через небольшое время мы, горняки, неофициально узнали, что сделан отбор на работу в секретное предприятие, добывающее УРАН! И что уже состоялось фактически наше распределение. В другие места работы нас уже не направят ни под каким предлогом.

Вторую производственную практику, после окончания 4-го курса, наша группа прошла на шахтах «Копейскуголь», Челябинского угольного бассейна. Я проработал на шахте № 43 горным мастером на подготовительном участке. Характерно, что и на этом угольном предприятии основной рабочей силой (кроме небольшого количества кадровых шахтеров) были военно-

пленные немцы, приводимые на шахту на смену под конвоем; УДО (условно-досрочно освобожденные из мест заключения); спецпоселенцы, немцы, выселенные из Немецкой автономной области и других мест их проживания. Вторая производственная практика тоже прошла успешно, мы приобрели богатый производственный опыт, материально подкрепились и возвратились в Ташкент, где с сентября 1947 года приступили к занятиям на пятом курсе.

После окончания 9-го семестра, каждый из нас получил от заведующего кафедрой проф. А. С. Попова тему будущего дипломного проекта и в декабре отправились на преддипломную практику. Я собирал необходимые материалы для диплома, работая заместителем начальника добычного участка на шахте № 1/5 угольного месторождения «Шураб», близ города того же названия, Таджикской ССР. На этой практике я получил достаточно интересный и в последствии очень пригодившийся опыт тушения подземного пожара от самовозгорания угля.

Следует здесь вспомнить, что как раз в декабре 1947 года в СССР была отменена карточная система на хлеб и другие продукты питания и, одновременно, проведена денежная реформа. Возвратившись в институт, группа получила соответствующую аудиторию, дипломантскую, а нас к этому времени было всего шесть студентов (это уже с демобилизованными из Армии студентами), и приступили к написанию дипломных проектов. В третьей декаде июня месяца 1948 года все выпускники Горного факультета успешно защитили свои дипломные проекты в Государственной экзаменационной комиссии (ГЭК), которую возглавлял уже известный в то время ученый-геолог и общественный деятель Узбекистана Х. М. Абдуллаев. В самом конце июня состоялись заседания комиссии по распределению окончивших институт инженеров, в работе которых участвовали офицеры, в свое время вручившие нам анкеты, и нам сообщили, что мы направлены в «Хозяйство Чиркова»! Нам вручили путевки, в которых предписывалось явиться в город Ленинабад по указанному адресу и в срок прибытия. Но приобрести железнодорожные билеты в это время было практически невозможно. Дело в том, что в августе 1946 года были отменены специальные пропуска для передвижения по железным дорогам и авиалиниям, и число желающих перемещаться по Стране значительно возросло и превысило возможности

транспортных ведомств. Оказалось, что «наше предприятие» оказывает разные услуги своим трудящимся, в том числе и с оформлением брони на проездные билеты. Нам подсказали, что для этого нужно явиться на улицу Алексея Толстого, дом 6 в г. Ташкенте. По этому адресу находилась небольшая контора, руководимая Родзян, с небольшим штатом, но с большими полномочиями по продвижению грузов, относящихся к Ведомству, по Средне-Азиатской железной дороге и имевшая специальные брони на определенные места в купейных и мягких вагонах на все направления. В середине июля 1948 года в эту контору пришли я со своим товарищем, бывшим фронтовиком, геологом Надеждиным Виктором, с которым мы договорились попасть на работу вместе на одну точку, получили бронь, в железнодорожных кассах приобрели билеты и через три дня выехали к месту назначения. Хочу здесь уточнить, что из моей группы на работу в комбинат были, кроме меня, направлены В. М. Штурбабин и И. Лысенко. Остальные три были направлены: М. Денисов – на угольное предприятие в Туркмению, Ф. Абрамов – на угольное предприятие «Шураб» в Таджикистане, Л. П. Цой на угольное предприятие «Кызыл-Кия» в Киргизии. На секретный комбинат из других групп были направлены: П. В. Смирнов, А. Д. Загорельский, В. Т. Надеждин, Б. Н. Хоментовский, С. Мудрый и другие. Несколько позже оказалось, что в эту же систему были направлены П. Д. Шилов, А. Теплов (оба инвалиды Отечественной Войны) и А. Галочкин, но не непосредственно на комбинат, а в Специальное проектное бюро, расположенное в Ленинабаде, как подразделение предприятия п/я 1119, находящегося в Москве. Как мне кажется, последние были направлены в это ведомство по их просьбам.

ГЛАВА 2

Наше первое предприятие – Майли-Су, п/я 200

В четырехместном купе вагона пассажирского поезда Ташкент – Джалал-Абад оказались две девушки, инженеры, окончившие энергофак нашего института, Лидия Репина и Юлия Шатуновская. Мы благополучно доехали до станции Ходжент, на автобусе до города Ленинабада (это примерно 7–8 километров) и, по имевшемуся у нас адресу, пришли к довольно высокому, каменному забору и через калитку попали в ухоженный двор, где стоял большой, каменный же коттедж с высоким крыльцом у входа. Нас принял сотрудник в полувоенной форме (кадровик), что-то записал и попросил нас погулять по городу, объяснил, где можно пообедать, и вернуться к концу рабочего дня. Выполнив все его рекомендации, мы увидели уже целую группу молодых специалистов, прибывших из разных городов и институтов.

А здание, где нас приняли – это и было управление предприятия п/я 25 или «Хозяйства Чиркова». Сотрудник отдела кадров объявил всем собравшимся, что будет подан автобус и нас повезут к местам отдыха и ночлега, а затем, в последующие дни каждый из нас будет принят начальником предприятия. Местом отдыха и ночлега для нас оказались деревянные коттеджи с незавершенными строительными работами (их в народе называли «финскими»), предназначенные для работников созданного подсобного хозяйства предприятия и находящегося в 15–20 километрах от Ленинабада, вверх по течению реки Сыр-Дарья, кажется, на правом берегу (в недалеком будущем подсобное хозяйство стало совхозом «Палас» в составе комбината). Нас накормили прекрасным ужином, состоявшим из разных овощей, молочных продуктов и очень вкусного, свежееиспеченного хлеба. Спали мы крепко после приятной прогулки по берегу реки среди зеленых насаждений. Утром нас

накормили завтраком, подали автобусы и повезли в управление. (Следует сказать, что в это время в Таджикистане еще днем отдыха была пятница, «жума» по-таджикски). Но начальник был очень занят, молодых специалистов принять не смог. Была среда, нас всех увезли обратно. Среду и четверг мы веселились, обедались, а в пятницу (т. е. в выходной день) нас всех, а к этому времени уже собралось не менее 25–30 человек, на автобусах доставили в управление. Два–три сотрудника кадров (в военной и полувойсковой форме) сопровождали нас в приемную, огромную комнату с большим числом стульев, расставленных вдоль стен. У противоположной входу стороне стоял большой канцелярский стол, за которым сидела секретарь, а у стен слева и справа располагалось по большому шкафу с широкими створками, одна из которых была отделана зеркалом. Однако через небольшое время мы поняли, что это входные двери в рабочие кабинеты, так как кто-то из этих шкафов выходил, а другие входили.

Наконец нас, по одному, стали вызывать в правый кабинет, который оказался кабинетом начальника!

Вдруг в приемную вошел человек, выше среднего роста, по виду кавказской национальности, и очень бодро, но заметно прихрамывая, направился к «шкафу» начальника. Увидав группу сидевших, спросил: «Кто такие?» – и, получив ответ, обратился ко мне – «Кто ты по специальности?», – «Горняк» – мой ответ, «А ты?» – к рядом сидящему Надеждину В., – «Геолог» – слышит в ответ. – «А! Геологи мне нужны.» – и вошел в «шкаф». Несколько позже мы узнали, что это З. П. Зарапетян. Вскоре он вышел и пригласили Надеждина. Через несколько минут он вышел и сказал, что направлен на предприятие № 11, где начальником т. Зарапетян. Тут же был вызван я. В просторном кабинете, в конце которого за большим письменным столом, сидел мужчина среднего телосложения, с выразительным, симпатичным лицом, шатен с сединой, и внимательно разглядывал входящего. Это и был начальник «Хозяйства» – Борис Николаевич Чирков! Вопросы задавал простые: что окончил, как успешно учился, семейное положение и т. п. Думаю, что у него уже были необходимые сведения о каждом из нас, перед ним лежали какие-то заметки, и, что у него уже были предварительные решения кого куда направить. Он вырвал из лежавшей перед ним шестидневки листок и сказал: «Поедешь на

предприятие 14». Мы, горняки, должен признаться, уже знали, несмотря на строгую секретность, что в «Хозяйстве» есть два предприятия около Ленинабада, одно где-то вблизи Андижана и организовалось новое предприятие вблизи г. Пап, Ферганской области. Это, последнее, и есть 14-е, где начальником Дитковский. Я знал, также, что Чиркову возражать нельзя, что это, практически, бесполезно. Но я решился и заявил, что туда не поеду. Аргументировал отказ тем, что я единственный сын и должен взять с собой маму, естественно, не совсем здоровую. Последовал удивленный, долгий взгляд на меня и он сказал: «Ну, хорошо, поедешь на предприятие 13». Я, все же, сказал, что хочу на предприятие 11, но в ответ услышал: «Нет, мне нужны горняки на предприятии 13» и он на вырванном ранее листке что-то написал и, вручив его мне, сказал: «В отдел кадров!». За этот день были приняты начальником, практически, почти все молодые специалисты и в течение следующего дня мы получили необходимые документы: направления на соответствующие предприятия, денежные авансы, проездные билеты на поезда. На предприятие 13 были направлены, кроме меня, геологи Б. Хоментовский, С. Мудрый, инженеры-электрики Ю. Шатуновская, Л. Репина, инженер-химик Анна Петровна Захарова. Вся перечисленная группа поездом «Ташкент – Джалалабад» доехала до станции «Андижан-2», где находилась «перевалочная база» (так называлась прирельсовая база), предприятия 13. А собственно предприятие – в 70-ти километрах в горы, на территории Киргизии. На базу мы прибыли уже во второй половине дня. Начальником перевалочной базы был Иван Илларионович Божко, который нас принял почти в конце рабочего дня и обещал сегодня же отправить на предприятие. Часа через два мы погрузились в кузов предварительно загруженного разными хозяйственными товарами автомобиля марки «Студебекер». Кроме нас, молодых специалистов, в кузове разместились два–три человека, из которых один, симпатичный мужчина, примерно тридцати лет, с «чапаевскими усами», оказался начальником строящегося рудника № 3 – Григорий Вереитинов. Дорога оказалась очень длинной, ехали уже в темноте. Сначала по равнинной местности, пересекали долину реки Сыр-Дарья, а затем почувствовался подъем и показались плохо различимые предгорья. Дорога пошла по довольно широкой пойме реки. Это уже была горная речка, сай, характерная

для Средней Азии. Пойма то расширялась, то сужалась, проехали какие-то небольшие поселки. Г. Вереитинов очень много расспрашивал нас, откуда, какие специальности, знаем ли мы куда едем, но практически, ничего не рассказал о поселке, производстве, о себе. Но вот пойма реки резко сузилась, дорога пошла вдоль извивающейся речки, которая называлась Майли-Су («масляная», или «жирная» вода). Через некоторое время автомобиль остановился, все пассажиры из кузова сошли на землю. Перед нами был шлагбаум и слева от него домик. Два охранника в форме МВД проверили документы у всех въезжающих и мы поехали дальше.

Через минут 20–25 мы очутились на одной из улиц городка с, как нам показалось, многоэтажными домами и светящимися на многих этажах окнами, видневшимися в дали. Вереитинов подсказал нам, что здесь мы должны сойти и пройти в один из домов, где гостиница. Под гостиницу был отведен двухэтажный жилой дом и нас разместили на имевшиеся свободные койки, где я (думаю как и все остальные) сразу же крепко уснул, так как была уже глубокая ночь. А проснувшись на следующее утро и выйдя, мы увидали, что находимся в поселке, разместившемся в небольшой долине, окруженной не очень высокими горами, и состоявшем из не более, чем десяти двухэтажных функционирующих и еще строящихся кирпичных домов, и размещенных на дальнем склоне, за речкой, землянок, располагающихся каскадами, друг над другом, освещенные окна которых прошлой ночью создали иллюзию многоэтажных домов.

Мы отправились в управление предприятия, которое размещалось в рядом стоящем с «гостиницей» таком же доме, и были приняты, по одному, начальником предприятия Петром Петровичем Гаршиным. Это был почти среднего роста, довольно упитанный, лет пятидесяти, человек, с широким лицом и мясистыми губами, очень часто складывающимися в улыбку. При беседе со мной он выяснил мою специальность, семейное положение, хочу ли я привести сюда мать и т. п. Затем, сказал, что я назначаюсь начальником участка на рудник № 1. Я пытался возражать, объясняя, что это рановато, и что я хотел бы поработать вначале горным мастером, но Гаршин отверг мои доводы и заявил, что очень требуется начальник ответственного участка, и что я должен с этим справиться. Все прошли беседу

с Гаршиным и получили назначения на должности: Б. Хоментовский – участковым геологом на рудник № 2, С. Мудрый – геологом в поисковый отряд, Ю. Шатуновская – начальником электротехнической лаборатории, еще на данный момент не существующей, и которую она должна была организовывать, Л. Репина – инженером-электриком одного из цехов завода № 3, А. Захарова – начальником смены на этот же завод. После оформления необходимых документов в отделе кадров, на следующий рабочий день, каждый из нас отправился в свои подразделения (так здесь и тогда назывались производственные части предприятия).

ГЛАВА 3

*Мои руководители, товарищи, друзья.
Становлюсь главным инженером рудника.
Успехи, неприятности, наказания!*

С этого дня и момента началась моя трудовая, рабочая деятельность на «закрытом» предприятии по добыче и переработке урановых руд месторождения Майли-Су. Также назывался и поселок, а его почтовый адрес звучал так: «Предприятие п/я 200». Что представляло это предприятие в указанный момент, т. е. к началу июля 1948 года? Следует при этом знать, что, как я уже писал ранее, в соответствии с поставленными задачами, освоение месторождений, т. е. доразведка, проведение горно-подготовительных работ, добыча руд, строительство поверхностных сооружений рудников, строительство перерабатывающего урановые руды завода, возведение объектов инфраструктуры и жилых поселков, производилось одновременно и высокими темпами. Так вот, на предприятии полным ходом шли горные работы (геолого-разведочные, горно-капитальные, горно-подготовительные и «очистные», т. е. добычные) на двух урановых № 1 и 2 рудниках и на угольном руднике № 4 и только-только начались горные работы на урановом руднике № 3. Каждый из этих рудников имел свою промышленную площадку, расположенную выше по течению речки Майли-Су от основного поселка, строительство которого развивалось вниз по течению.

Рудник № 1 находился в 1,5–2,0 километрах от северной границы основного поселка и его поверхностные сооружения и устья штолен были хорошо видны из поселка. Несколько ниже по течению и по отметкам, т. е. ближе к реке, были бараки лагеря для ПФЛ, это на правом берегу, а за речкой, на западном склоне гор, те самые землянки, где проживали спецпоселенцы. В этом районе через речку был выстроен деревянный

мост на левый берег и дорога к площадкам других рудников и объектов проходила по нему. Примерно, в 5-ти км по дороге вдоль реки, на правом же берегу, в несколько расширявшейся части поймы, располагалась площадка рудника № 2. Этот район назывался «Карагач». На середине пути между площадками рудников 1 и 2 уже работал завод № 3. В районе рудника № 2 дорога раздваивалась и налево, в горы, вела к строящемуся руднику № 3. Эта площадка называлась «Северный Карагач». Прямо, на север, дорога вела к району «Сары-Бия» («Рыжая лошадь»). Здесь, на левом берегу реки шло строительство объектов жилья соцкультбыта для работников угольного рудника, а далее дорога уходила вправо, к площадке угольного рудника № 4. На площадке рудника № 2, несколько ниже и в стороне от промсооружений, также было выстроено и продолжалось строительство одноэтажных, в основном деревянных, жилых домов.

Кроме описанных мной выше объектов основного производства, в составе предприятия уже действовали дизельная электростанция общей мощностью 1600 кВт, находившаяся вблизи основного поселка, и теплоэлектростанция, состоящая из трех корабельных теплоэнергоблоков (котел–турбина–генератор) по 550 кВт каждый, и расположенная в районе «Сары-Бия». Это и были все энергетические возможности и поэтому рудники работали по сдвинутому графику, т. е. на руднике № 1 смены начинались в пять утра, в час дня и в девять вечера, а на руднике № 2, соответственно, в восемь утра, четыре дня и двенадцать ночи, по своим графикам на рудниках № 3 и 4, так, чтобы пики нагрузок не совпадали. Работали небольшие ремонтно-механические мастерские, небольшая база материально-технического снабжения (склады), хлебопекарня, два магазина и столовая в основном поселке и по одному магазину на других площадках, медико-санитарная часть во временно приспособленных зданиях. Одновременно шло интенсивное строительство жилых домов (в основном двухэтажных, одноэтажных коттеджей), больницы, поликлиники, почты, заканчивалось сооружение шатерообразного объекта, предназначенного быть кинотеатром, клубом, местом проведения собраний и возле него организовали летнюю танцплощадку. Несколько позже, уже нами, молодежью, на воскресниках вокруг этого клуба был высажен парк. Все материально-техническое и про-

довольственное снабжение осуществлялось автомобильным транспортом с перевалочной базы в г. Андижане.

Явился я на рудник утром и вскоре был принят его начальником – Григорием Акакиевичем Авальяни. Это был среднего роста, очень плотного телосложения, даже несколько коренастый, человек с крупным мясистым носом, довольно светлыми, низко подстриженными волосами и с большими залысинами, крепко сидящей головой на объемистой шее. Видно было, что вся его фигура пышет здоровьем. Все обличье и сильный акцент свидетельствовали о его грузинском происхождении. Он расспросил меня по всем, уже стандартным, вопросам и попросил прийти к нему к двенадцати часам дня, а пока познакомил с главным инженером рудника Михаилом Григорьевичем Чайкой. В двенадцать дня начиналась «раскомандировка» т. е. начальники участков выдавали так называемый «наряд» руководителю смены, как правило, горному мастеру, а в нашем случае, десятнику (почему? – я объясню позже). Сам наряд, или задание на объем и характер работ, которые должны быть выполнены в очередной рабочей смене, начальник участка записывал в специальный журнал – «книгу нарядов», устно повторял принимающему наряд, а тот (мастер, десятник), расписавшись в книге нарядов, устно выдавал задание рабочим со своими комментариями. Этот порядок существует на горных разработках с далеких времен и до настоящего времени. Связано это с тем, что рабочее место – «забой» – на горных работах подвижно, все время изменяется и всегда представляет повышенную опасность для работающих. И, вообще, производство горных работ с любой целью, а, особенно, добыча полезных ископаемых, процесс весьма сложный, требует и от руководителей и от исполнителей любого уровня крепких теоретических знаний и значительный практический опыт. Недаром, во все времена ранее, горное дело называли «искусством». На этой раскомандировке меня представили как нового начальника участка и познакомили теперь уже с бывшим начальником участка, Кравцовым Иваном Андреевичем. Его оставили у меня на участке в качестве десятника. И. А. Кравцов был из ПФЛ, до войны работал на шахтах в Донбассе, имел десятилетний опыт крепильщика. Это был единственный на участке работник, который имел горняцкий опыт, все остальные рабочие и десятники стали горнорабочими только здесь, в Майли-Су, и

все они были из ПФЛ или спецпоселенцы. Десятники на участке, Леонид Задорожный, Константин Мамонов, Катин, стали руководителями смен не потому, что больше понимали в горном деле, а потому, что, по той или иной причине, понравились руководителям рудника, как например, Задорожный Леонид, за то, что по собственной инициативе убрал, погрузив на специальную платформу – «козу» – очень большой и тяжелый кусок горной породы, долгое время лежавший на свободном проходе одной из горных выработок, кроме того, он был сильным, мускулистым и довольно красивым молодым человеком и все это вместе стало достаточным для выдвижения его на должность десятника. Этих выдвиженцев, не имеющих специального образования, назвать горными мастерами не было основания. В тот же день я получил спецодежду, кирзовые сапоги, каску и карбидку (осветительную лампу) и на следующее утро в четыре часа был на «наряде» и вместе с Кравцовым поднялся в горные выработки участка. Началась моя настоящая практическая работа. Примерно месяц я очень внимательно присматривался к производимым на рабочих местах действиям и тем, что предписывалось на наряде, прислушивался к советам, которые давал мне Кравцов при написании нарядов и при обходе рабочих мест и горных выработок. И, хотя характер рабочих процессов отличался от тех, что имеют место на угольных месторождениях, я быстро освоил их, а также принятые здесь «термины». Дело в том, что почти в каждом горнодобывающем предприятии складываются свои названия видов крепи, инструмента, оборудования, даже профессии. В составе рудника было три горных участка, участок вентиляции и горно-механическая служба. Два горных участка проводили горные работы по добыче руды, горно-подготовительного и горно-разведочного назначения, а третий участок занимался горно-капитальными работами по вскрытию нижележащих горизонтов. В это время проходил «слепой» ствол с горизонта штольни № 5 (нулевой горизонт) на горизонт минус 120 метров. Начальником этого (третьего) участка был Андрей Константинович Кан, участка «Юг» – Лариса Сергеевна Огарёва и участка «Свод» – Бешер-Белинский, т. е. я. В составе управления рудника были: главный механик, старший геолог, маркшейдер, плановик, секретарь, главный бухгалтер с двумя бухгалтерами (материальный учет и заработная плата), старший нормировщик и нормировщик.

Все поверхностные сооружения рудника располагались на уровне основного откаточного горизонта, штольня № 5, и состояли из: временного здания радиометрического контроля, площадки сортировки руд, здания ремонтно-механических мастерских с кузницей. Всё это было связано со штольной разветвлением узкоколейных путей. В стороне от устья штольни № 5, за южным склоном горы, в которой находились все горные выработки, было одноэтажное, каменное здание бытового комбината, где располагались кабинеты управления, раздевалки со шкафчиками для чистой (домашней) и спецодежды и душевые. Рядом шло строительство двухэтажного здания, куда в дальнейшем должна была перейти «контора». За устьем штольни № 5, севернее, здание компрессорной станции и строилась центральная вентиляторная установка, а, пока, горные выработки проветривались за счет естественной вентиляции, т. е. разницы в отметках сбитых между собой штолен. Урановые руды были приурочены к известняковым пластам горных пород, под и над которыми залегаали мощные пласты зеленых и красных «жирных» глин. Штольни проходились по известнякам на расстоянии по вертикали друг от друга 30 метров. Выше штольни № 5 были штольни (снизу вверх) №№ 45, 11, 42, которые и входили в мой участок «Свод». Производительность рудника была незначительной, на уровне до 100 тыс. тонн руды в год, и все производственные процессы осуществлялись практически без механизации, довольно примитивно. Бурение шпуров – ручными перфораторами (ПР-17, ПР-22), взрывание шпуров – аммонитом и обычным огневым шнуром и детонатором, погрузка отбитой горной массы в проходческих забоях – вручную с помощью совковой лопаты, а чаще с помощью «тяпки» нагребалась в совок и погружалась в вагонетку емкостью 0,32 м³, откатка вагонеток вручную до «отвала» на поверхности. Ширина узкоколейных путей 600 мм. Доставка горной массы в очистных (где добывается руда) забоях – или скреперными лебедками, или под собственным весом в зависимости от угла падения пласта в конкретном месте. Вагонетки, загруженные рудой из очистных блоков, откатывались вручную же до специально оборудованных рудоспусков, по которым руда перепускалась на основной откаточный горизонт (штольня № 5), а из рудоспусков погружалась в вагонетки и по пять вагонеток в сцепке вывозились специально обученны-

ми лошадьми под управлением коногона на поверхность, для радиометрического контроля и дальнейшей обработки, а затем кондиционные руды доставлялись в бункера перерабатывающего руды завода № 3.

Раз есть лошади, значит должна быть и конюшня, и она располагалась за речкой, на левом берегу, в границах городка. Хочу подробнее остановиться на теме о лошадях! На конюшне имелись лошади, обученные к работе в горных выработках, каждая из которых прикреплена к определенному коногону, просто рабочие лошади, используемые на разных хозяйственных работах, и верховые, каждая из которых была закреплена за определенным должностным лицом. На этот, последний, вид обслуживания имели право, кроме руководства предприятия, начальники и главные инженеры рудников.

Рудники работали в круглосуточном режиме, т. е. продолжительность смены восемь часов без междусменных перерывов. Выходной день – воскресенье. Взрывные работы производились в любое время, т. е. по мере готовности; бурение шпуров шло «всухую» (без промывки), поэтому в рудничной атмосфере всегда присутствовали вредные газы и пыль. Начальник горного участка обязан был письменно оформлять и затем выдавать «наряд» на все три смены. Чтобы выдать «наряд» надо знать положение дел в каждом забое, блоке, восстающем (это вертикальная или наклонная горная выработка) к концу предыдущей смены. Поэтому десятник, находящийся на смене, за час до ее окончания, передавал через одного из рабочих записку или ненадолго выходил сам и рассказывал положение дел. Как правило, я после выдачи «наряда» на первую смену, которая начиналась в 5 часов утра, уходил на обход участка, осматривал состояние выработок, ход выполнения моих указаний и приказов, по ходу общался с бригадирами и рабочими, давал указания, т. е. занимался организаторской работой, направленной на выполнение производственного плана и обеспечения безопасности работ. Последнее всегда было особой заботой, потому что, кроме других неприятностей, каждый несчастный случай на производстве выбивал из колеи работу коллектива и негативно отражался на выполнении планов. А планы производства давались очень напряженные и ежемесячно, ежеквартально и ежегодно увеличивались. На моем руднике его начальник, Г. А. Авальяни, завел порядок, по которому каждый

начальник участка между часом и двумя дня был обязан доложить ему о состоянии дел по выполнению суточного плана по каждому виду горных работ: объему отбитой и выданной «на гора» горной массы, числу отработанных человеко-дней, производительности труда на отработанный день в кубометрах. Доклад производился в устной форме и подавался в письменной на специально разработанном бланке. После доклада и обмена информацией, Авальяни накладывал на уголке рапорта свою оценку и ставил свою подпись и дату. Оценка была, как правило, «плохо» или «очень плохо», а если был удовлетворен отчетом, то ставилась только подпись. После указанной процедуры рапорт сдавался плановику рудника. Иногда бывало и так, что начальник, очень недовольный результатом работы, отсылал обратно в шахту для организации усиления работ по ликвидации отставания в выполнении плана. После отчета начальники участков отправлялись обедать и отдыхать, так как должны были являться на рудник для дачи «нарядов» на третью смену, после которой, при благоприятных условиях, возвращались домой в одиннадцать, половине двенадцатого ночи, а не позже четырех утра уже надо было выдавать уже «наряд» на первую смену. В таком режиме мы работали изо дня в день и лишь в воскресенье удавалось отдохнуть, но бывало, что и воскресные дни объявлялись рабочими, если шло отставание в плане рудника (по инициативе начальника или при невыполнении планов предприятием по приказам начальника предприятия). Условия для отдыха у меня были весьма относительные. В гостинице мы, молодые специалисты, прожили недели две, к этому времени был сдан в эксплуатацию очередной жилой дом, который отдали под общежитие для молодых специалистов. Двухэтажный, двенадцатиквартирный, из которых восемь двухкомнатных и четыре однокомнатных. В большую комнату одной из двухкомнатных квартир на втором этаже, поселили меня, Хоментовского, техника маркшейдера Азарова Михаила, техника-связиста Леонтьева Александра, в меньшую – инженера-геолога Мудрого Семёна, фронтовика, который уже был женат и жена должна была вскоре приехать. Отопление комнат и плита в кухне – печное (на дровах или углях). На нашем же этаже, во второй двухкомнатной квартире разместились девушки – молодые специалисты из Ташкента, однокашницы Л. Репина, Ю. Шатуновская, А. Захарова, инженер-химик из

Алма-атинского горно-металлургического института Бродецкая Нина Андреевна и инженер-экономист из Саратовского экономического института. В третью, однокомнатную, квартиру на этаже заселили семью Кожевниковых, Владимира и Антонину, инженеров-гидрогеологов из Алма-атинского горно-металлургического института, с двухмесячным ребенком.

Почти ежедневно на предприятие приезжали новые молодые специалисты разных профессий и специальностей и из многих городов СССР, горняки, геологи, механики, электрики, экономисты, химики, врачи и др. из Ленинграда, Москвы, Ташкента, Алма-Аты, Горького, Саратова, Свердловска, Днепропетровска, Кривого Рога, Донецка и др.

Во всех подразделениях и на всех видах деятельности предприятия шла очень напряженная работа, конечной целью которой было наращивание объемов добычи и переработки урановых руд и строительства объектов. Начал функционировать радиоузел и ежедневно несколько раз в день шли радиопередачи, в которых сообщались результаты выполнения планов отдельными подразделениями, отмечались передовики и победители в соревнованиях, рассказывалось о новостях в жизни предприятия и поселка. Мой участок почти всегда перевыполнял производственные планы. Я очень скоро освоился в своем новом положении, как-то быстро и незаметно был принят коллективом, очень конкретно и быстро принимал необходимые решения, требовал их исполнения, систематически проверял это, в тоже время, создал атмосферу доверия в отношениях с десятниками и бригадирами, старался выполнять просьбы рабочих. Руководство предприятия, в целях скорейшего развития горных работ, приняло решение организовать скоростные проходки на перспективных направлениях. На моем участке таким направлением стал забой штольни № 42 геолого-разведочного характера. Штольня проходила сечением всего 3,6 квадратных метра, в известняках без крепления, протяженность ее к этому времени была более 400 метров, проветривалась лишь за счет вентиляторов частичного проветривания, работающих на сжатом воздухе, откатка вагонеток вручную. Была поставлена задача достичь скорость проходки 40 погонных метров в месяц. На рудниках предприятия организация работ основывалась на индивидуально-сдельной системе оплаты труда. Это означало, что после окончания рабочей смены, десятник

(в последствии – горный мастер) записывал в специальный бланк-наряд характер и объем выполненных звеном (не менее двух рабочих) работ, норму выработки по этому виду работ, процент выполнения норм и передавал этот документ в группу нормирования, где нормировщик проставлял расценки и стоимость выполненных работ и возвращал бланк мне, а, после моего подписания, десятник оглашал результат рабочим на очередной раскомандировке. Такая система организации и оплаты труда, зачастую приводила к приписке объемов отдельными десятниками, некачественному выполнению работ, предыдущая смена не стремилась создавать благоприятные условия для последующей. Многие виды, особенно вспомогательных, работ, расценки которых были низкими (низкоразрядными), выполнялись неохотно и поэтому десятники вынуждены были завышать объем их выполнения, при этом получалось, что нормы выработки на этих видах работ значительно перевыполнялись, хотя на самом деле это было неправдой. К таким видам работ относились, например, настилка узкоколейных путей, пробивка водосточной канавки, возведение крепи на пройденных ранее участках горных выработок, ремонт ранее возведенной крепи и др. Напомню, что в те времена в СССР было принято, практически во всех ведомствах, пересматривать нормы выработки на сдельных работах ежегодно, в феврале–марте, причем в сторону их увеличения. Каждому ведомству «сверху» устанавливался средний процент их увеличения. При проведении таких кампаний, естественно, увеличивали нормы выработки на значительно больший процент на тех видах работ, где нормы перевыполнялись больше. Этот порочный круг привел к тому, что нормы выработки на некоторых видах работ превышали физические возможности в три–четыре и более раз. В указанных выше условиях на руднике и на моем участке скорость продвижения забоев горизонтальных выработок (штолен, штреков, квершлагов) в месяц составляла 15–17 погонных метров. Чтобы осуществить скоростную проходку надо было делать что-то новое, необычное, кардинальное! У меня созрел определенный план, который мы обсудили с десятниками, его одобрило руководство рудника и началось претворение его в жизнь. Была собрана бригада из лучших на участке двух бурильщиков, четырех откатчиков и одного взрывника. Вместе с нормировщиком составили комплексный

наряд-задание, в котором отразили все виды и объемы работ, подлежащие к выполнению для проходки одного погонного метра, необходимого числа человеко-дней для осуществления их и заработную плату за пройденный погонный метр. Указанная бригада из семи человек должна была производить работы следующим образом: после очередного взрывания («отпалки», по местной терминологии) и частичного проветривания забоя, два откатчика должны были отгрести в первую очередь верхнюю часть взорванной горной массы с тем, чтобы пришедший через час бурильщик мог приступить к бурению верхних шпуров. Затем откатчики погружали породу в вагонетки и откатывали их к месту разгрузки, а закончив уборку породы, шли домой отдыхать, и вызывали на работу взрывника. Пока взрывник оформлял и получал взрывчатые материалы (ВМ), бурильщик добуривал все шпуры, уходил домой отдыхать и вызывал на работу вторую пару откатчиков. И так все 24 часа шёл непрерывный процесс. Чтобы сократить дальность откатки породы из забоя, сразу же организовал проходку восстающего с нижележащей штольни на штольню № 42, и уже через 1–1,5 месяца был оборудован породоспуск. Работа бригады с каждым днем, месяцем становилась более слаженной и темпы проходки увеличивались. Уже на третий–четвертый месяц мы достигли скорости проходки забоем 39–42 погонных метров, закрепили этот успех в течении нескольких месяцев и выполнили задачу по вскрытию новой залежи урановых руд, чем подтвердили прогнозы геологов. Систематические, из месяца в месяц, выполнения планов, вызвали какой-то энтузиазм в коллективе, определенную сплоченность, при этом, следует сказать, что значительно выросли и заработки рабочих и наши, я имею ввиду десятников, участкового геолога (а такой уже был на участке – девушка, молодой специалист, инженер-геолог), и мой. В ежедневных передачах местного радио рассказывали об успехах моего участка, лучших людях, передовиках и, конечно, произносилась и моя фамилия. Наилучших результатов из коллектива чаще всех добивались бурильщики Маркарян Григорий, Чаушеску И., откатчики Стрежеску, Салтынский, коногон Мороз и другие (многих фамилий я просто не помню). Это были простые люди, бывшие советские труженики, а в данной действительности ПФЛ. К этому времени лагерь ПФЛ был освобожден от колючей проволоки по периметру и лагерники

могли свободно передвигаться по территории городка, продолжая жить в лагерных бараках, но самостоятельно обеспечивая себя питанием и прочими жизненными благами. Какие-то вычеты из их заработков производилось на содержание жилья, охрану и комендатуру, куда они должны были ходить отмечаться. Выход и выезд за пределы территории предприятия им, как и спецпоселенцам, категорически запрещался и за нарушение этого правила применялись жесткие наказания.

Успехи участка и моего руководства им не приходили сами по себе, а были результатом большого труда, работы почти без отдыха, желания не отставать от других, здорового честолюбия, да и было с кого брать пример. Григорий Акакиевич Авальяни, горный инженер, с определенным уже опытом, прибывший в Майли-Су из Риддера, ведомства МВД, начальник моего рудника, очень внимательно следил за моей деятельностью, старался направлять мои организаторские начинания в нужное русло, поддерживал мои инициативы и авторитет в рабочей среде, в кругу ИТР рудника. Помню, как, через нескольких дней от начала моей работы, при одном из суточных отчетов, он спросил меня:

– Как зовут твоих десятников?

На что я бодро ответил:

– Иван, Лёня и...

– А как зовут тебя?.

– Леонид!

«Как, как!? – воскликнул он. – Что бы я никогда этого не слышал! – буквально выкрикнул он. – Только Леонид Борисович и только Кравцов, Мамонов, Задорожный !»

Сам же Авальяни Г. А. был очень уважаем и на руднике и в коллективе всего предприятия. В тоже время, он доверял нам, своим подчиненным, не очень часто посещал рабочие места, горные выработки, но после обхода их всегда находил недостатки в техническом и организационном исполнении, заострял на них внимание и, главное, помогал их устранять. Главный инженер рудника Чайка М. Г. по образованию горный инженер-маркшейдер, по возрасту был, пожалуй, самым старшим среди ИТР рудника, очень добрый человек, с красивым украинским акцентом, с непременными прибаутками в разговоре независимо от того, идет речь о серьезных производственных вопросах или обывательский «трёп» в минуты отдыха, в курилке. Чайка

довольно часто поднимался на мой участок, вместе со мной обходил забои, горные выработки, делал замечания, давал указания, но, как правило, не контролировал их исполнения. Расскажу лишь об одном, но очень серьезном эпизоде. Мой участок выдавал «на-гора» руду с весьма приличным содержанием урана, что очень поощрялось руководством, потому что давало возможность отправлять ее на завод, как правило, без сортировки и, главное, перекрывало недостаток металла в руде участка «Юг», где начальником была Огарева Лариса Сергеевна, горный инженер с порядочным стажем. О ней я расскажу еще чуть ниже. Добыча руды на участке велась одновременно в двух–трех блоках. Регулировать содержание в отбиваемой в блоках руде я научился, за этим строго следили, в соответствии с моими указаниями, сменные десятники и участковый геолог, план выполнялся и, зачастую, перевыполнялся. Крепление кровли в блоках производилось отдельными стойками (деревом) с шагом в 1,5 метра как по фронту забоя блока, так и по восстанию. Но, по проекту, отработанное пространство должно было заполняться пустой породой с вышележащего горизонта, причем, породная закладка не должна была отставать от линии забоя более чем на 7,5 метров. Угол падения отрабатываемых в этот период залежей был таким, что разгружаемая с верхнего горизонта порода самотеком не скатывалась, а дополнительных механизмов (скреперных лебедок) и добавочной рабочей силы на участке взять нигде было. На свой страх и риск я продолжал работы по добыче руды и дошло до того, что площадь обнажения без породной закладки достигла 2000 квадратных метров, при максимально допустимой 400 квадратных метров. О таком положении дел знал главный инженер рудника Чайка, но никаких мер не принимал. Лишь, при очередном (как я уже отмечал – редком) посещении горных работ участка Авальяни Г., обнаружив это безобразие, серьезнейшим образом отчитал меня, приказом по руднику наказал, но немедленно принял необходимые и действенные меры: срочно на мой участок была затребована через руководство предприятия дополнительная техника и направлены 30 работников. Принятые на работу женщины после двух-трехдневного обучения, сидя на специальных брезентах, подталкивали вниз, по падению, породу к необходимому месту, благо, что угол падения был таким, что больших усилий для этого не требовалось. А по горизонтали

порода уже доставлялась по блоку скреперной лебедкой. Конечно, допущенное обнажение кровли меня все время очень беспокоило. Я систематически наблюдал за поведением крепи блоков и состоянием пород кровли во избежание завалов и несчастных случаев. Выбирал время когда в блоках не было интенсивного шума (в промежутках между концом одной смены и началом очередной) и в воскресные дни, садился в блоке и прислушивался к скрипам и трескам крепи. Однажды я такие, довольно значительные, трески услышал, позвал в блок Кравцова (имевшего большой опыт крепильщика на шахтах Донбасса), он тоже внимательно прислушался и объяснил, что это звук, издаваемый жуком-древоедом, живущем в деревянных стойках крепи. В течение двух-трех месяцев отставание закладки было ликвидировано, получена дополнительная техника и работа пошла более спокойная и в пределах требований. В отработываемых на моем участке рудных телах, в известняках, часто встречались трещины, заполненные зеленовато-желтым, с некоторой голубизной, почти порошком, в котором содержание урана было очень высоким, по сравнению с рядовыми рудами. Такие, обогащенные в недрах, участки отбивали мы отдельно и эту руду вручную закладывали в «крафт-мешки», которые спускали вниз на ослах и дальше эта руда отправлялась в Ленинабад, а куда дальше, я не знал.

Пришло время сказать, что никто нам ничего не говорили о радиационной опасности, о каких-то специальных мерах, которые надо соблюдать, кроме одного, что после смены или посещения горных выработок, необходимо вымыться в душевой. Запыленность в воздухе горных выработок была очень значительной, бурение шпуров производилось «всухую», без промывки водой, о каких-либо нормах по пыли в воздухе требований не было. Но, раз-два в месяц, производился отбор проб воздуха в футбольные камеры пробоотборщиками, приходившими из центральной лаборатории, для определения содержания в воздухе радона, радиоактивного газа. О результатах этих измерений нам никто не сообщал. Примерно через полгода уже пробы брались в специальные металлические камеры. На этом фоне я считал возможным носить в кармане спецодежды кулек, наполненный описанным ранее красивым порошком и радоваться, когда я, еще не доходя до радиометрической метров 10–12, слышал восторженный крик девушек-радиометристов:

«О! Леонид Борисович идет!». Это значило, что радиометр, которым измеряли качество руды в каждой вагонетке, «зашкаливал». Допускал я, и не только я, хождение в спецодежде и домой, и, даже иногда, на танцы, в клуб. Это оправдывалось необходимостью не менее трех раз в сутки быть на руднике и часто посещать горные выработки более одного раза за 24 часа.

Я обещал выше, что расскажу особо о «лошадях-шахтерах». Да, это очень интересная тема, вызывающая у меня, даже сейчас, через столько лет, чуть не слезы умиления. Как я упоминал ранее, руда в опрокидных вагонетках емкостью 0,32 кубометра и с рудоспусков моего участка, и с участка «Юг» вывозилась партиями по пять вагонеток лошадьми, которые управлялись коногоном. Каждая лошадь имела своего коногона, или, если хотите, каждый коногон имел свою лошадь. Эта «пара» выходила на работу в свою смену, т. е. по графику, принятому на участке, руднике: неделю в первую, неделю в третью и неделю во вторую смены, со своим десятником. Коногон перед сменой отправлялся на конюшню, забирал свою лошадь и верхом на ней приезжал на рудник, докладывал о прибытии сменному десятнику, получал от него задание с какого рудоспуска сколько вагонеток выдать «на-гора» и отправлялся в шахту. Вагонетки имели специальные приспособления – сцепки, которыми, после погрузки из люка рудоспуска, сцеплялись между собой. Все эти операции выполнял коногон, который работал без помощника. Погрузив и сцепив пять вагонеток, коногон цеплял «барок» (специальное приспособление, накидывающееся на сцепку) за первую вагонетку, сам становился на буфер вагонетки и подавал сигнал лошади, причем, у каждого коногона были выработаны свои сигналы, слова для общения со своим питомцем. Лошади прекрасно знали весь маршрут, его особенности, на каких участках следует разогнаться, где, наоборот, необходимо притормозить и т. п. Но, бывало, что вагонетка (или несколько вагонеток) сходили с рельсов, что называлось «забуривались», и чтобы поставить ее, или их, на рельсы, необходима была помощь – один человек справиться с этим не мог. В таких ситуациях помогал обычно коногон из другого участка или любой другой, оказавшийся поблизости работник. Я был неоднократно участником и свидетелем того, как выходил из такого положения коногон по фамилии Мороз: если только два колеса вагонетки сходили с рельс – Мороз

становился на буфер со стороны стоящих на рельсах колес в качестве противовеса и подавал команду «Воронку» (так звали его лошадь): – «Воронок, грудью!» – Лошадь, предварительно отцепленная от головной вагонетки, грудью толкала боковую поверхность сошедшей части вагонетки в сторону рельс и в нужный момент Мороз опускал колеса на рельсы. Если вагонетка сходила с рельс всеми четырьмя колесами, то операция, аналогично, повторялась в несколько этапов и завершалась полным восстановлением дела. Действия лошади вызывали полный восторг, такое впечатление, что лошадь выполняла эти действия с гордостью, с поднятой высоко головой! Еще один интересный факт – лошадь точно чувствовала время и, выполнив рейс в конце рабочей смены, если истекло время, ни за что не хотела возвращаться в шахту! Я ранее, живя в Донбассе, во время производственных практик, слышал много всяких небылиц о поведении лошадей, работающих в шахтах, но то, что я рассказал вам, это истинная правда, увиденная собственными глазами.

Шли месяцы, предприятие росло, строилось, строительное управление, возглавляемое опытным строителем Нечаевским, пополнилось рабочей силой, был построен и организован лагерь заключенных, которых использовали только на поверхностных строительных работах. Расширялись горные работы на моем руднике. «Слепой» ствол уже доходил до отметки 120 метров. На еженедельных совещаниях, проводимых П. П. Гаршиным в управлении предприятия, на которых шли отчеты начальников участков о положении дел на скоростных проходках, мои успехи часто оказывались наилучшими. И в быту жизнь как-то наладилась. Мы, т. е. Хоментовский, Мудрый, я и девушки из САИИ, живущие в квартире напротив, Захарова, Репина, Шатуновская, стали питаться коллективом, т. е. в складчину. Условие было единственное, кто первый пришел с работы, тот начинал готовить еду. И чаще всех это был Хоментовский Борис, потому что он работал участковым геологом на руднике № 2, как правило, только в первую смену. Молодые специалисты продолжали на предприятие поступать, включались и в общественную жизнь, стали посещать семинары марксизма-ленинизма, организованные парткомом предприятия, собрания, киносеансы и танцы в летнем крытом зале. На профсоюзной конференции предприятия я был избран де-

легатом на общекомбинатскую конференцию, а на ней в г. Ленинабаде, членом группового комитета профсоюза № 140.

Ускоренными темпами строилась тепловая электростанция «ТЭЦ-Б» в районе Сара-Бии. На руднике № 1 закончилось строительство центральной вентиляционной установки, расширения компрессорной. Очень быстро развивались горные работы на других урановых рудниках и на угольном руднике, где начальником был Пётр Иванович Югов и главным инженером Николай Николаевич Хван, окончивший тот же факультет и специальность что и я, но на полгода раньше. Везде шла напряженная работа, в атмосфере коллектива всего предприятия чувствовался какой-то подъем. В феврале или марте 1949 года состоялось собрание партийно-хозяйственного актива предприятия, с участием начальника комбината Б. Н. Чиркова, начальника политотдела комбината, председателя группового комитета профсоюза, начальников ведущих отделов комбината, на котором Чирков выступил с очень яркой, зажигательной и, в тоже время, деловой речью, где, отметив успехи коллектива, резко подверг критике многих руководителей и потребовал значительного повышения темпов работ во всех направлениях и увеличения добычи и переработки металла (слово «уран» тогда не произносилось). Я был участником собрания актива и мне очень понравилось выступление Чиркова, умение расставить нужные акценты, правильная русская речь, умеренная жестикуляция, да и просто красивая осанка. После состоявшегося актива еще более чувствовалось, что приближается какое-то значительное событие, и что действительно требуется сделать максимум усилий для перевыполнения планов.

Наверно пришло время уже рассказать о людях моего ближайшего окружения: коллегах, товарищах и друзьях, о тех, с кем трудился, отдыхал, общался, радовался и делился в трудные минуты, с кем вместе и благодаря которым, рос профессионально, набирался опыта, ума-разума и с многими из которых был связан почти во всех периодах дальнейшей работы в системе Атомной промышленности, т. е. до 1995 года.

Начну со старших по чину и возрасту. Начальник предприятия Гаршин Пётр Петрович. Естественно, я его досье не читал, как и других, о которых буду говорить. По рассказам знавших его, бывший рабочий, машинист паровоза где-то на Севере, в Мурманской области. Затем, коммунист П. Гаршин учился и

закончил Промакадемию (была такая в тридцатые годы для выбившихся в руководители разных рангов, но не имеющих достаточного образования членов КПСС (ВКП(б))). С ним проживала супруга, домохозяйка, и старший сын – Александр (в быту Сашка). Александр был фронтовиком, на фронте получил контузию, на предприятии работал слесарем в лаборатории радиометрических приборов. Сашка был холост (год рождения, примерно, 1922–23), любил крепко выпить, что часто и делал, в выпившем виде обязательно ввязывался в скандал или драку. Младший сын Гаршина, офицер, служил, кажется, на флоте после окончания соответствующего военного училища. Начальник предприятия П. П. Гаршин (как и другие начальники аналогичных предприятий) был, как говорят на Руси, «царь, бог и воинский начальник» в пределах границ предприятия и городка и весьма уважаем за пределами этих границ. Ему были подчинены, прямо или косвенно, руководители всех подразделений инфраструктуры (как это принято говорить сейчас), административных и социальных служб. Здесь были Спецсуд, Спецпрокуратура, Спецмилиция, Поссовет. Все эти «Спец» имели своих соответствующих старших начальников «Спец» на уровне комбината в г. Ленинабаде, т. е. в подчинении начальника комбината Б. Н. Чиркова. Вся производственная деятельность предприятия, вся общественная жизнь поселка (а в последствии города) были под неусыпным его контролем, который осуществлялся посредством, конечно, аппарата отделов управления предприятия, парткома, профкома, комитета ВЛКСМ, и всех «Спец». Режим работы Гаршина и управления предприятия, при этом был следующий: в 9 утра начало рабочего дня до 18 часов (с перерывом на обед), а затем с 20-го часа и до 24-х часов, но, чаще, значительно позже, пока не уйдет из управления Гаршин, а он уходил домой после того, как из своего кабинета отправлялся домой Чирков в Ленинабаде, о чем Гаршин узнавал по телефонному звонку дежурного по управлению комбината. Управлял Гаршин делами уверенно, был довольно крут, умело выговаривал в нужных случаях, хотя, при этом казалось, что он пытается улыбаться. Среди прочих положительных качеств считаю необходимым отметить, что Петр Петрович внимательно следил за работой молодых специалистов, их продвижением, старался удовлетворять их бытовые запросы, хотя это было совсем не легко, т. к. молодых спе-

циалистов становилось все больше и больше и запросы их все более серьезнее и настойчивей. Строительство объектов жилья и соцкультбыта шло очень быстро, но потребность в нем полностью не могла быть удовлетворена. А молодые специалисты стали привозить родителей, уже совершались браки между ними, т. е. жизнь шла своим чередом, тем более, что в демографическом плане населения преобладала молодежь. Они все больше занимали важные для производственных процессов должности горных мастеров, начальников участков, вентиляции – на горных подразделениях, начальников смен, цехов, лабораторий и т. п. на заводе и других подразделениях.

Главный инженер предприятия Иван Демьянович Казак, горный инженер, родом из Донбасса, примерно сорока лет, был ни чем не выдающимся внешне человеком, мало говорящим, но вездливый, и необычным манером отчитывал за выявленные им недостатки или промахи в работе, но, как правило, не давал дельных рекомендаций для их устранения, общение с ним было не из приятных. Он никогда не вступал в противоречия с Гаршиным, даже в тех случаях, когда в этом была необходимость, а такие моменты в практике бывали. Такое его свойство не придавало ему авторитета в инженерной среде. Главным механиком предприятия был очень дельный, хваткий специалист, техник-механик, имевший неплохой практический опыт, Александр Иванович Баннов. Заместителем главного механика работал молодой специалист выпуска 1947 года горный инженер-электромеханик Леонид Иванович Бастриков. Главным энергетиком работал инженер-теплотехник Вертейм Владимир Моисеевич, окончивший институт в 1941 году и сразу же мобилизованный на фронт. После окончания войны начал трудовую деятельность. Эти главные специалисты с сотрудниками соответствующих отделов тоже трудились денно и ночью, чтобы обеспечивать нормальную работу действующих подразделений и своевременно поставлять необходимое оборудование для бурно строящихся объектов. Главный геолог Жерденко и главный гидрогеолог Александр Михайлович Величенко были специалистами с порядочным стажем работы. А. Величенко, имел лишь средне-техническое образование, но прекрасно справлялся со столь высокой должностью, благодаря опыту и незаурядной эрудиции. Начальники планового отдела Владимир Павлович Иванов и отдела труда и заработной

платы (ОТиЗ) Гартман Алексей Павлович – оба средних лет, с достаточным стажем работы по своим профилям на горнодобывающих производствах в системе МВД, прекрасно владели всеми возможными способами и уловками, дающими возможность всегда иметь неплохие показатели в многочисленных отчетах «на верх», существовавших в те времена. Иванов В. П. еще и имел стойкую привычку изрядно напиваться за чужой счет, при этом, он никогда не терял чувства юмора и очень складно рассказывал разные истории и анекдоты. Хочу отметить, что Казак И. стал главным инженером предприятия только в январе–феврале 1948 года, а до этого на этой должности работал Снегов Илья Александрович, говорили, что он – «горняк от Бога». Где-то перед новым, 1949 годом, мне довелось видеть его на каком-то мероприятии (вечеринке или др.), так он и внешне был очень представительным, высокого роста, весьма упитанный с красивым, мужественным лицом, в полувоенном, хорошо отглаженном костюме и с двумя орденами на груди. Приехал он в Майли-Су по личному делу из Ленинабада, где работал, к семье, которая продолжала проживать здесь. С должности главного инженера предприятия № 13 он был снят и переведен на другое предприятие за «оригинальное» преступление. Я уже упоминал о том, что в СССР в декабре 1947 года была проведена денежная реформа, при которой наличные деньги обменивались до 3-х тысяч – один к одному, остальные – один новый за десять старых; деньги, хранящиеся в сберкассе: до 3-х тысяч – один к одному, от трех до пяти тысяч – за один новый три старых, свыше пяти тысяч – за один новый рубль десять старых рублей. В семье Снеговых, очевидно, накопилось достаточно наличных, не сданных в сберкассах, купюр и терять их им очень не хотелось. Заработаны они были, конечно, нелегким трудом, супруга Снегова, Лариса Сергеевна Огарева, горный инженер, работала начальником участка на руднике № 1 и доход в семье был весьма приличным по тем временам. Так вот, Илья Снегов, используя свое служебное положение и дружбу с начальником ОРСа (отдел рабочего снабжения), накануне дня начала обмена, о чем поздно ночью было доведено до руководства предприятия, за эту ночь «купил» на складах ОРСа ряд товаров. «Злые языки» говорили, что большинство этих товаров не подходили для обычного семейного потребления, например, несколько бочек соленных огурцов!?

Кроме того, десятки кастрюль, сковородок и т. п., очевидно, ничего более подходящего на складах уже не было. А после проведения снятия остатков, эти товары уже реализовались по новым ценам на новые деньги, которые возвратились Снегову. Эта афера была быстро обнаружена, но уголовного дела, почему-то, заведено не было, а Снегова перевели на «рядовую» работу на предприятие № 11, а потом в управление комбината.

В управлении предприятия, в его отделах работали и рядовые инженеры и старшие инженеры, работали тоже с достаточной отдачей. Со временем в управление были переведены и молодые специалисты по разным причинам, например, горный инженер Смирнова Галина, окончившая Ленинградский горный институт, проработала почти год горным мастером и начальником участка на руднике № 2, но для девушки это не подходящая нагрузка и ритм жизни, и стала она инженером в производственно-техническом отделе (ПТО); горный инженер Падерин Владимир после того, как проработал мастером на руднике № 4, из-за плохого зрения, был переведен в ОТиЗ. Следует здесь напомнить, что в это время в СССР предписывалось использовать молодых специалистов только на производстве и запрещалось назначать их на управленческие должности.

О руководителях рудника Авальяни и Чайке я уже многое рассказал. Продолжу о других специалистах рудника, о тех, с кем непосредственно контактировал ежедневно в труде и в общественных делах, да и в быту. Главным механиком рудника был Шарапенко Александр Иванович, лет тридцати, худощавый, энергичный человек быстро реагирующий на изменяющиеся обстоятельства, немедленно отзывающийся на обоснованные просьбы и много делавший для быстреего внедрения механизации в производственные процессы. Старший геолог рудника Никитенко Иван, уже не молодой специалист, лет 30–32-х, был женат на красавице Анне, сотруднице отдела кадров управления предприятия, энтузиаст и оптимист: «Руда будет!» Любил и выпить в компании, причем, «перебирал» свои возможности до той степени, что уже самостоятельно двигаться не мог, поэтому мы, молодые, доставляли его к крыльцу квартиры в двухквартирном коттедже, укладывали у входной двери, нажимали звонок и прятались за угол, наблюдая почти всегда одинаково совершающийся ритуал: Анна открывала дверь и, поняв что происходит, произносила разные

(не матершинные) слова: «Дурак, сволочь, пьяница!» – приносила и выбрасывала подушку на голову лежащего мужа. Но она его очень любила, жалела и мы знали, что через небольшое время она его передислоцирует в кровать, разденет и будет принимать все меры, чтобы облегчить его состояние.

Начальник горного участка «Юг» Огарева Лариса Сергеевна, женщина лет 35-ти, горный инженер, супруга бывшего главного инженера предприятия Снегова И., трое детей, три сына от двенадцати до шести лет. Работала очень «тяжело», под этим я имею ввиду, что она очень старалась, тянула «лямку» изо всех сил, но получалось, как-то, не очень здорово: план, как правило, не дотягивала, качество выполняемых работ хуже, чем на смежных участках, со своими десятниками вечно в конфликте. Видно и в семейных делах у нее были проблемы, уже долгое время супруг, Снегов, не забирал семью на новое место его работы. Почти при каждом ежедневном отчете и на каждом совещании Авальяни ее журил, отчитывал, грозил, но чувствовалось, что он ее все же опекает, то ли по старой дружбе, то ли по другим причинам. Да и мы, ее коллеги и сослуживцы, относились к ней снисходительно, старались помочь. Бывало даже, что она просила меня отдать ей 500–1000 тон руды, добытой на моем участке, чтобы считать добытой на её участке. А делалось это просто. Руда с моего участка по рудоспускам перепускалась на основной откаточный горизонт (штольня № 5), относящийся к участку «Юг», т. е. к Ларисе Сергеевне. По этому горизонту выдавалась «на-гора» и руда с участка Ларисы Сергеевны. Коногоны (позднее машинисты электровозов) на поверхности, в радиометрической, заявляли откуда руда, с участка «Свод» или с участка «Юг», да радиометристки прекрасно сами знали какие коногоны с чьего участка. По моей команде мои коногоны разрешали коногонам участка «Юг» погрузить руду из рудоспусков участка «Свод» и радиометристам сдать её, как добытую на «Юге». Огарева довольно часто просила маркшейдера рудника давать ей «поход» при производстве месячных маркшейдерских замеров. Как я уже писал, мы, начальники участков, ежедневно подавали оперативные сводки о количестве пройденных метрах по каждому забою, о количестве добытой руды, об объеме отбитой горной массы. 30-го числа каждого месяца маркшейдер рудника в присутствии начальника участка производил замер (участковых марк-

шейдеров пока еще на нашем руднике не было). Результаты маркшейдерского замера сравнивались с суммой оперативных данных, поданных начальниками участков за месяц. У Огаревой часто оказывалось, что ее оперативные данные превышали фактические, определенные маркшейдерским замером, и она просила маркшейдера добавить недостающие объемы с тем, что она в очередном месяце покроет недостачу. Главным маркшейдером рудника стал работать молодой специалист, бывший фронтовик, Ведунов Михаил. Грамотный инженер, добрый человек, из очень интеллигентной семьи, холостяк. Михаил имел контузию, полученную на фронте, материально много помогал очень больной маме, проживающей, кажется, в Ленинграде, и видно было по его поведению и внешнему виду, что нервная система у него напряжена. По доброте своей он не мог отказывать в просьбах Огаревой (она это чувствовала), а в следующем месяце оказывалось, что опять Огарева дефицита не покрыла. Более того, она даже могла заявлять Ведунову: «А зачем ты мне давал “поход”?!» Дело дошло до того, что Ведунов, чувствуя ответственность и видя, что с Огаревой справиться не может, заболел нервным расстройством и попал в больницу.

Начальник участка горно-капитальных работ на руднике Кан Андрей Константинович, горный инженер, окончивший Алма-атинский горно-металлургический институт в 1947 году, примерно 21–22 года рождения, женат, супруга Валентина, очень красивая, симпатичная корейка, имел своеобразный характер, повышенную обидчивость, связанные, на мой взгляд, с тем, что принадлежал к незаслуженно репрессированной национальности. Корейцы были насильственно переселены из Дальнего Востока в Средне-Азиатские республики. Участок Кана осуществлял проходку «слепого» ствола и рассечку из него новых горизонтов, 60 и 120 метров, т. е. открывал условия для дальнейшего развития горных работ рудника. С глубиной горно-технические условия становились более сложными, резко возрастала обводненность горных пород, появлялись признаки нефтевыделений, повышение горного давления.

Начальником участка вентиляции рудника был Карлы Эмин, горный инженер с хорошим опытом работы на шахтах Подмосковного угольного бассейна, спецпоселенец в силу своей национальности – крымский татарин. Карлы имел жену, трех сыновей школьного возраста (супругам было примерно по

40–42 года). И Карлы, и его супруга были членами КПСС, принимали участие в партийных собраниях, были, даже, весьма активны и в работе, и общественной жизни. Она имела высшее юридическое образование, работала, но где и кем не помню. В начальном периоде существования предприятия на инженерно-технических и руководящих должностях среднего звена использовались спецпоселенцы и ПФЛ за неимением других. Э. Карлы пользовался достаточно большим авторитетом в нашей среде как опытный специалист и добрый, благожелательный человек, бескорыстно делящийся своим производственным и житейским опытом. Карлы многому научил и меня. В конце 1948 года Карлы был переведен на должность горного мастера на участок Кана, а начальником вентиляции была назначена Лыбина Анна Викторовна, горный инженер, молодой специалист из Донецкого индустриального института. Вот, пожалуй, и основной круг сослуживцев, с которыми проходила моя производственная деятельность в первые год-два работы на руднике № 1.

*Однокашники: Семён Мудрый, Анна Захарова,
Леонид Бешер-Белинский, Лидия Репина,
Юлия Шатуновская, Борис Хоментовский. 1948 г. Майли-Су*

Между тем, коллектив предприятия быстро пополнялся молодыми специалистами всех профессий и инженерами, и со

средне-техническим образованием и рабочими кадрами из системы ФЗО (фабрично-заводского обучения) и РУ (ремесленных училищ).

Через общие собрания, на совещаниях, в клубе на танцах мы знакомились, заводили дружбу, ухаживания и т. п., стали образовываться компании, встречи, вечеринки, празднования дней рождения, т. е. шла нормальная (если это можно было называть нормальной при указанном выше производственном режиме работы) жизнь людей, особенно молодых.

Наша, Ташкентская, группа сдружилась со специалистами из Алма-Аты: горняками Покровским Сталем Сергеевичем, Альбертом Таймасовым, Исаковым Виктором, металлургом Витковским Сергеем Николаевичем, Тележинским Всеволодом, гидрогеологами супругами Кожевниковыми В. С. и А. М. и др. О последних хочу рассказать более подробно. С ними мы, ташкентцы, познакомились на второй день по прибытию на предприятие. Нас разместили в гостинице, а, вернее, в комнатах недавно сданного в эксплуатацию жилого дома, временно приспособленного под гостиницу, в одних комнатах мужчины, в других – женщины. На следующий день, к вечеру, в гостиницу прибыла семья молодых специалистов Кожевниковых с месячным ребёнком, девочкой Наташей. Но, так как женских мест уже в гостинице не было, Антонину Кожевникову с малышом разместили на балконе (лоджии). Ночи уже были довольно прохладными и Юлия Шатуновская предложила Антонине своё место, а сама пошла на балкон. С этого момента и началась дружба наша, Ташкентских, с семьёй Кожевниковых. Затем, мы проживали в смежных квартирах общежития молодых специалистов, где ещё более сблизились. А в дальнейшем судьба складывалась так, что наши семьи жили рядом на одних и тех же предприятиях, или перекрещивались по другим обстоятельствам, и мы продолжали быть друзьями очень близкими и до этих пор, несмотря на проживание в разных странах и на разных континентах! (Написано в 2002-м году.)

На производственных подразделениях началась ускоренная ликвидация сложившихся отсталых методов производства работ, присущих мелким горным разработкам на уровне приисков, отдаленных от культурных центров, пошла борьба за механизацию производственных процессов, за повышение производительности труда, за улучшение условий труда, повышение

культуры труда, уменьшение производственного травматизма. Начали мы с внедрения бурения шпуров не «с плеча», как это делалось до сих пор, а с пневмоколонок, т. е. ручных перфораторов ПР-17, ПР-22, которые помещались на специальные устройства, работающие на сжатом же воздухе, и дающие возможность поднимать перфоратор на любую необходимую высоту, наклонять в необходимое направление, создавать давление на бур практически без человеческого усилия. Но, для этого надо было обучить бурильщиков, доказать им, что использование пневмоколонок повышает производительность, создает условия для перевыполнения норм, хотя на первых шагах производительность падала из-за неумелости, отсутствия опыта, и последнее приводило к упорному сопротивлению рабочих. Одновременно шел монтаж линий водопроводов по всем горным выработкам для перехода на «мокрое бурение», т. е. бурение шпуров с промывкой водой, а затем специальным раствором для подавления пылевыведения. Мокрое бурение вызвало еще большее сопротивление бурильщиков, в связи с тем, что применяемые для осуществления процесса специальные «иглы», вставляемые в перфораторы, были на первых порах несовершенны, часто выходили из строя, на их замену уходило время, бурильщик должен был брать на смену с собой много таких игл. При поломке иглы бурильщика обдавало струей воды. Мы пошли на выдачу бурильщикам дополнительной брезентовой спецодежды, временного снижения норм выработки, поощряли тех бурильщиков, которые первыми осваивали новые процессы. Несмотря на сопротивление, внедрение шло и, в конце концов, успешно осуществилось. На рудник поступила первая породопогрузочная машина, работающая на сжатом воздухе, марки ПМЛ-3 (пневматическая механическая лопата). У нее были пневмодвигатель хода по рельсовому пути, пневмодвигатель подъема и опускания ковша, но не было двигателя поворота, т. е. машинист должен был поворачивать корпус с ковшом для захвата породы с боков выработки собственными усилиями. Эту машину руководство рудника поручило мне внедрять в забое скоростной проходки. И здесь освоение шло при очень больших усилиях, дело доходило даже до того, что в моем присутствии или десятника шла погрузка с помощью машины, а как только лицо горного надзора (так называются инженерно-технические работники, непосредствен-

но руководящие горными работами) уходило из забоя, то машину отгоняли в другую, боковую выработку и погрузку вели вручную. Заставляя рабочих применять погрузмашину, я сам неплохо освоил работу на ней, да и в других случаях я стремился и осваивал рабочие профессии, это повелось у меня еще с институтских практик. Я научился производить взрывные работы с огневым шнуром и детонаторами, а затем и электро-взрывание, работу на скреперных и подъемных лебедках, бурение шпуров перфораторами, умел подготовить и установить рамы крепления совместно с напарником. Были получены первые электровозы на руднике, правда малые, аккумуляторные АК-2. Первое внедрение их выпало на долю Л. С. Огаревой на основной откаточной штольне № 5. На руднике была запущена в работу Центральная вентиляционная установка, что явилось большим событием. К нему готовился весь коллектив, на всех участках велись необходимые работы по сооружению вентиляционных устройств: дверей, завес и др. Словом, поступала техника, шла большая организаторская работа по ее освоению, а целью было скорейшее увеличение объемов работ, больше руды на завод, улучшение ее качества. Государство денег не жалело, все наши заявки исполнялись, мы свой труд и мозги отдавали сполна и дела продвигались успешно. Энтузиазм трудящихся подкреплялся не только новой техникой, не только призывами руководителей и партийных функционеров, а и весьма приличными заработками как инженерно-технических, так и рабочих кадров. Начну с того, что основной оклад у ИТР и служащих, тарифные ставки у рабочих были значительно выше, чем на аналогичных должностях в других ведомствах. Кроме того, за работу в высокогорной местности (отметка над уровнем моря 1200–1400 м) к окладу прибавлялось 40%, при выполнении месячного плана по основной деятельности (добычи руды и горно-подготовительных работ) на 100%, мне (и таким, как я руководителям, т. е. участковому персоналу и производственным руководителям рудника) полагался еще один оклад; при выполнении месячного плана участка по основной деятельности на 105% полагался еще один оклад (т. е. 1+1 премиальных окладов) и при выполнении этих планов на 110% еще один оклад, таким образом, имелась потенциальная возможность только за перевыполнение планов работ получать четыре оклада. Кроме указанного, ИТР получали

дополнительно оплату за стаж работы, а конкретно, за каждые шесть месяцев непрерывного стажа – к окладу прибавлялось 10% и так до 100%. Правда последнее, примерно, с конца 1950-го года претерпело изменение и потолок стал не 100%, а только 60%. Следует оговорить, что премии за выполнение и перевыполнение планов могли быть уменьшены, или полностью не выплачены, по приказу вышестоящего прямого руководителя за ту или иную провинность. При указанных обстоятельствах мой заработок в месяц составлял от 3000 до 8000 рублей. Чтобы было понятно нынешнему читателю ценность таких денег, сообщу, что в эти времена пол-литровая бутылка водки стоила 23, а бутылка шампанского 27 рублей. В конце 1949 г. на предприятие поступила разнарядка на реализацию трех автомобилей «Москвич-400» стоимостью 11000 рублей. Конечно, желающих приобрести оказалось больше трех, но не так уж много, еще не было моды на личные автомобили, особенно в провинции. В числе получивших, оказался и главный механик нашего рудника Шарапенко А. И. Через некоторое время счастливицы приобрели свои автомобили. Кроме Шарапенко, это были начальник планового отдела управления предприятия Иванов В. П. и командир ВГСЧ предприятия, по фамилии, кажется, Фролов, очень квалифицированный и с большим практическим опытом горняк, возрастом под шестьдесят.

В июне месяце 1949 г. я был вместе с начальником рудника Авальяни вызван к начальнику предприятия Гаршину П. П. и вышел из его кабинета уже главным инженером рудника № 1. При разговоре с Гаршиным я сопротивлялся этому назначению, называл, на мой взгляд, более достойную кандидатуру Кана А. К., я искренне считал, что мне рановато становиться на эту должность. Но мои доводы приняты не были. Ну, а самолюбие, конечно, делало свое дело и в душе я гордился повышением в должности тем более, что я был первым из сверстников, молодых специалистов, назначен на должность главного инженера уранового рудника.

Напомню, что к этому времени на руднике готовились к будущей отработке нижние горизонты – 120, – 60 метров. И еще то, что урановые залежи, тела и отдельные проявления в известняковых пластах могли располагаться без всяких закономерностей, поэтому было принято правило, по которому при проходке каждой горной выработке по простиранию, или

вкрест простирания, через каждые 25 метров влево и вправо проходились малым сечением орты до вскрытия налегающих или подстилающих глин, или до 10 метров. На глубине, кроме известнякового рудоносного пласта L-1, имелся висячем боку пласт L-2. Повторю, что все горные работы рудника велись только на правом берегу реки Майли-Су. Со временем геологи выявили рудопроявления и в выходящих на поверхность пластах L-2 на левом берегу реки и в апреле – мае месяцах 49 года была начата проходка штольни № 6 на левом берегу и организационно это осуществлял участок «Юг». Название реки «Майли-Су» – «Масляная Вода» – возникло потому, что в воде очень часто встречались, плыли черно-масляные пятна, берега, береговые камни были покрыты нефтяными отложениями, да и ниже по течению от границ предприятия километрах в 10–12 работал небольшой нефтеприиск. Известняковые породы пласта L-2 были обильно пропитаны нефтевыделениями, уже в первых десятках метрах, пройденных забоем штольни № 6, ощущался запах сероводорода. Сероводород – газ без цвета и одним из отличительных его свойств является то, что в очень малых его концентрациях в воздухе резко чувствуется запах тухлых яиц, а в больших концентрациях совершенно нет никаких запахов. В тоже время, газ этот очень опасен для вдыхания человеком, вызывая стойкое отравление, отек легких со всеми вытекающими последствиями. При проведении штреков на горизонте – 120 метров, а также через 25 метров проходились орты до вскрытия пласта L-2. Они (орты) были до 15–20 метров по длине. Зачастую, при вскрытии забоем орта пласта L-2, бывали обильные выделения нефтяных ручейков, чувствовался запах тухлых яиц. Вентиляционная служба рудника, возглавляемая инженером Лыбиной А., уже имела штат пробоотборщиков, составляла и практически, в основном, выполняла график отбора проб рудничного воздуха на содержание в нем кислорода, окислов азота (от взрывных работ), сероводорода и, с некоторых пор, метана. Кроме того, отбирались специальные пробы на радон. На метан пробы стали отбирать после несчастного случая, происшедшего с начальником участка «Юг» Огаревой Л. Однажды, случилось это в штольне № 6, когда Огарева вошла в штольню с карбидным светильником, произошла вспышка и небольшой взрыв локального скопления метана. Огарева получила ожоги лица и рук, к счастью,

не очень сильные. С этого дня, а случилось это в марте или апреле, на руднике, в бытовом комбинате, была смонтирована аккумуляторная установка индивидуального освещения, всем подземным работникам выданы аккумуляторные светильники и заведен соответствующий учет их, использование открытого огня в шахте строго запрещено. На нижних горизонтах было запрещено огневое взрывание. Но, на руднике, по прежнему, не был изменен режим работы смен, т. е. продолжительность смены 8 часов без межсменного перерыва, взрывание в забоях в любое время по мере готовности их.

Проветривание выработок шло за счет установки центрального проветривания, забойные части проходок – вентиляторами частичного проветривания. Вся сложившаяся на руднике обстановка, с точки зрения горно-технических условий, диктовала необходимость ужесточения требований безопасности производства работ. Действовавшие «Правила безопасности...» и «Правила технической эксплуатации при строительстве и эксплуатации рудных, нерудных месторождений полезных ископаемых» уже не соответствовали конкретному положению дел. Но, переход работы рудника на другой режим, другие «Правила безопасности и технической эксплуатации» мог быть совершен лишь по приказу вышестоящей инстанции уровня не ниже комбината и при согласовании этого с еще более высокой инстанцией. Моя деятельность в ранге главного инженера начиналась вот в такой сложнейшей обстановке. В это же время я впервые узнал, что имеется и познакомился с техническим проектом строительства и отработки рудника, который находился в секретном отделе управления предприятия. Я узнал, что есть проектная организация, которая осуществляет проектирование рудников нашей системы, других видов производств, что она находится в Москве и имеет бригаду в Ленинабаде. Так как я являлся членом группового комитета профсоюза, то стал ездить в командировки в Ленинабад на заседания комитета, профконференции. Каждое предприятие в старом городе Ленинабада имело свою «гостиницу». В кавычки я слово «гостиница» взял потому, что фактически это был арендованный глинобитный дом из двух–трех комнат с удобствами во дворе, с двориком, в котором росло несколько деревьев, висающим на одном из них умывальнике, небольшой «хауз» (по русски «искусственный водоем»), возле которого

стоял кустарно сбитый стол и скамьи вокруг него. В одной из таких командировок я познакомился с Оганезовым Эдуардом Тиграновичем, сотрудником Московского проектного института, который тогда назывался предприятием п/я 1119, открывший в Ленинабаде проектную группу, названную СПБ-2. С Э. Т. Оганезовым в дальнейшем меня судьба связывала практически весь период работы в системе, мы стали друзьями и о нём ещё много я буду рассказывать...

Основные штреки проходились на запад и на восток на – 120 м с параллельно проводимым верхним просеком, т. е. горной выработкой малого сечения, между которыми был целик 10 метров, и сбивались эти выработки между собой тоже через 10 метров. С просека на горизонт +30 метров был пройден вентиляционный восстающий штрек, по которому исходящая (загрязненная) струя воздуха выбрасывалась на поверхность. Я прошу читателя простить меня за такие профессиональные подробности, но иначе совсем не будет понятно очень важное событие, сыгравшее значительную роль в судьбе и жизни моей, и многих других, моих сослуживцев.

Темпы развития горных работ и на руднике № 1 и на других урановых рудниках, и на угольном руднике увеличивались, соответственно, росли объемы добычи руды, росли и темпы строительства других объектов инфраструктуры и жилья. Напомню, что площадка предприятия не имела железно-дорожного подъездного пути, все строительные материалы (кроме местных), конструкции, оборудование привозились только по автомобильной дороге с битумным покрытием, выполненным методом смещения, и значительная часть которой проходила в горных условиях, повторяя все изгибы горной речушки. Автобаза предприятия была оснащена обычными грузовыми автомобилями советского производства ЗИС-5, ЗИС-50, ГАЗ-51 и несколько единиц автомобилей американского производства «Студебекер», оставшихся со времени ВОВ от ленд-лиза. Самые тяжелые и ответственные грузы, оборудование перевозилось именно на «Студебекерах», которыми управляли лучшие водители, фамилии которых знали почти все трудящиеся. Одного из них я помню и сейчас – Галиулин! Полным ходом шло строительство завода № 7 по переработке урановых руд по более прогрессивной технологии, чем на заводе № 3, и теплоэлектростанции «ТЭЦ-Б». Забегая вперед, скажу, что оба эти

важные объекты были пущены в эксплуатацию в конце 1950-го или начале 1951 года. А пока, мы знали, что в августе месяца 1949 года успешно проведен в СССР атомный взрыв, т. е. и в нашей Стране есть оружие равное американскому, что американская монополия закончилась. Мы гордились тем, что в этом деле есть и частица нашего вклада. Забегая вперед, расскажу, что партия и правительство отметили это событие награждением большого числа рабочих, ИТР, учёных, военачальников и других орденами и медалями. Указ вышел, где-то в феврале–марте 1950-го года. В число награждённых попала и наша однокашница, Репина Лидия, которая была отмечена медалью «За доблестный труд». Значительно позже, в 1951-м году, когда я работал главным инженером угольного рудника, а заместителем начальника рудника по хозяйственным делам работал член парткома предприятия, он же секретарь партбюро рудника (фамилию его никаким образом вспомнить не могу), мне от него стало известно, что при формировании представлений на награды от нашего предприятия, а происходило это в ноябре 1949-го, моя кандидатура была представлена на награждение орденом Ленина, высшей по тем временам награде, и это было утверждено на заседании партийного комитета предприятия, на котором он присутствовал. Произошедшая в январе 1950-го авария на руднике со смертельными исходами, вычеркнула мою фамилию из этих списков. Но всему своё время!

Думаю, что пришло время более подробно поговорить о кадрах рабочих и технических, о людях, живущих в поселке, об их быте, интересах и т. п. Ранее уже говорилось, что основной рабочей силой были спецконтингент из ПФЛ и спецпоселенцев. Несмотря на то, что рабочие кадры стали с 1949–50 годов пополняться и выпускниками ФЗО и РУ, все равно положение не менялось. Контингент трудящихся из ПФЛ, как я общал выше, делился на две категории, первую и вторую. Как это деление производилось, я не знаю, компетентные органы нам, руководителям моего ранга, не сообщали, но мы знали, что вторая категория более тяжелая, т. е. более в чем-то провинившаяся. Лагерь ПФЛ, обустроенный ранее по всем правилам «лагерей для заключенных», в начале 1948 года был реорганизован, колючие и прочие ограждения и вышки ликвидированы и бараки превращены в общежития для контингента. Имелась комендатура с соответствующим персоналом, где ПФЛовцы

(так их называли) должны были отмечаться не менее одного раза в десять дней или чаще по указанию комендантского персонала. Кроме того, работала усиленная группа сотрудников КГБ, «обслуживавшая» этот контингент. Результатом такого «обслуживания» являлось, иногда, «исчезновение» рабочего, а оказывалось, что появились данные о таких «проделках» этой персоны, которые дали основание для его осуждения на 25 лет каторжных работ. Спецпоселенцы (граждане немецкой, крымско-татарской, калмыцкой национальностей) тоже отмечались в спецкомендатуре один раз в месяц. Спецпоселенцы, в основном, проживали в полуземлянках, построенных на склоне горы на левом берегу реки, с семьями.

Вольнонаемные ИТР и рядовые трудящиеся относились и к спецпоселенцам, и к ПФЛовцам как к нормальным трудящимся, членам трудовых коллективов, без всяких дискриминационных актов. Рабочие из спецконтингента сполна получали заработанные ими деньги, передовики поощрялись, нерадивые наказывались обычно принятыми в таких случаях формами через приказы по руднику или предприятию. Вместе с тем, вольнонаемным сотрудникам не рекомендовалось общение с ними вне производства и запрещалось вступать с ними в брак. Все эти ограничения оговаривались в подписках, которые мы давали в так называемых Первых отделах, которые имелись в каждом производственном подразделении, и сотрудники которых были косвенными или прямыми сотрудниками КГБ. Одна из молодых специалистов-экономистов, работавшая плановиком на одном из рудников, вышла замуж за ПФЛовца и была немедленно снята с этой должности, но не уволена, а переведена на такую же должность в механические мастерские. Надо отметить, что с самого начала и до развала СССР кадровая политика в системе атомной промышленности (наверное, и в других секретных ведомствах) была таковой, что не желали увольнять, выбрасывать, особенно инженерно-технические кадры, из системы. Думаю, что это была установка с самого «верха» во избежания утечки секретов, для возможности всегда следить за поведением кадров. Известно также, что сотрудники отделов кадров всех уровней в советских предприятиях и учреждениях тесно сотрудничали с компетентными органами и, зачастую, сами были в их штате. Последнее касается сотрудников кадров предприятий и учреждений атомной системы, особенно в начальный период.

В отделе кадров предприятия, кроме начальника, Федорова, было несколько сотрудников, в том числе один очень внешне красивый, светловолосый, с военной выправкой человек, носивший полувоенную форму, по фамилии Сметанин. В конце 1949 года он почему-то исчез. Через некоторое время нам стало известно, что он арестован и являлся агентом иностранной разведки. Но, это уже из другой области событий.

На практике, все-таки, мы, т. е. руководители среднего звена, общались со спецконтингентом и в быту по разным поводам. Вот например, празднование годовщины Октябрьской Революции в столовой рудника в ноябре 48 года да и других «красных дат». Я неоднократно приходил в гости домой к моему десятинику Кравцову И. А., с которым у меня были хорошие товарищеские отношения, во-первых потому, что он очень помогал мне на первых порах в освоении должностных моих обязанностей начальника участка, во вторых, он жил с семьей (супруга и два сына), в которой была очень приятная атмосфера. Кравцов был хорошим семьянином. В домике, полуземлянке, в которой проживала семья Кравцовых, всегда было чисто и опрятно, вкусно пахло приготовляемой едой, которую стряпала Кравцова (имя и отчество не помню). Кравцов был охотником, но без оружия, понятно, что спецконтингенту оружие иметь не полагалось. У Кравцова было две собаки, по-моему простые дворняги, средних собачьих размеров, но Кравцов сумел обучить их охоте на барсуков и дикобразов, которых в окрестных местах водилось в больших количествах. Охота велась самым примитивным образом. Мне довелось пару раз поучаствовать в такой охоте. Кравцов и я «вооружились» каждый большой палкой из крепкого дерева (имелись в запасе в хозяйстве Кравцова) и с двумя собаками перед сумерками отправлялись за пределы поселка. На «вооружении» имели еще по шахтному аккумуляторному светильнику. Собаки, бегая впереди нас, вынюхивали животное и, окружив его, вступали с ним в единоборство, вернее в противостояние. Если это был дикобраз, то он выставлял свои мощные иглы так, что тела не видно, а если барсук, то скалил зубы, устрашал собак. Но в это время подбегали мы и ударами палок оглушали животное. Дальнейшие действия охотников описывать не стану. Добыча приносилась домой и Кравцов умело разделял тушки. Отмечу, что мясо дикобразов довольно вкусно, если умело приготовлено, как это исполняла супру-

га Кравцова. Что касается барсуков, то с этим связаны у меня особые впечатления. Дело в том, что в результате «качества и режима» питания в военные и студенческие годы, я страдал «язвенной болезнью», а затем язвой желудка. Проходил несколько раз обследования в медсанчасти, глотал «шланги» и т. п. Медикаментозное лечение заметных результатов не давало. Кто-то из врачей неофициально порекомендовал мне попить барсучий жир с молоком в сочетании с трехкратным приемом во внутрь по 20 грамм чистого спирта. Я почти два года такие процедуры выдержал и, представьте, язву зарубцевал. Барсучьим жиром меня полностью обеспечивал Кравцов, но заодно, и блюда из барсучьего мяса перепробовал неоднократно, и они оказались достаточно вкусными при умелом приготовлении.

Жизнь в поселке все более налаживалась, появилось больше магазинов, открылось почтовое отделение, справлялись новоселья, молодые специалисты стали привозить членов семей из мест прежнего проживания. Мы успевали много времени проводить на производстве, но и веселиться, отмечая дни рождения и праздники.

Работа рудника в указанном выше режиме шла, казалось, нормально, продолжалось развитие горных работ и на левобережье, самой штольни № 6 и из нее. Стали проходить гезенк (вертикальная горная выработка небольшого сечения) на нижний горизонт, на глубине 30 метров, рассекли из него штреки на запад и на восток. Все это производилось по пласту L-2. Из стенок гезенка, в штреках возросла интенсивность нефтевыделения, загазованность атмосферы также увеличивалась. Я обратился к главному инженеру рудоуправления Казаку И. Д. с официальным письмом с требованием изменить режим работы рудника, который больше бы соответствовал реальной обстановке. Но, вразумительного ответа не получил. Свои тревоги я высказывал начальнику рудника Авальяни, который понимал серьезность положения, но вступать в какой-то конфликт с вышестоящей инстанцией не хотел, так мне казалось. Но мне Авальяни посоветовал написать письмо с такими же обоснованиями и требованиями в адрес главного инженера комбината, Попова А. А. Такое письмо я написал и отправил его в управление предприятия, переписка через «голову», т. е. минуя непосредственное вышестоящее начальство, запрещалась. Я не знаю каким сопроводительным письмом, с каким

его содержанием Казак И. Д. отправил его по назначению, но оно было отправлено.

Несмотря на напряженность работы в течение суток, дней, месяцев, я, благодаря Авальяни Г. А., его любви поохотиться на дичь, тоже побывал дважды на такой охоте, смог увидеть все красоты горной природы, окружавшей нас. Уже упоминал, что по должности и за мной была закреплена верховая лошадь. Как-то в сентябре, в одну из суббот, в конце дня, Авальяни предложил мне:

– Леонид Борисович, едем завтра на охоту на кекликов!?

Отвечаю:

– Никогда на кекликов не охотился, да и ружья не имею!

– Ничего, у меня все есть, выезжаем в пять утра!

Он поднимает трубку телефона и у телефонистки просит конюшню, просит (правда в виде приказа) заведующего конюшней подать лошадей ему и мне. Я подготовился к охоте: купил в магазине десяток яиц, четыре четвертинки водки, булку хлеба, грамм триста сливочного масла. Яйца отварил вкрутую, все уложил в вещь-мешок. Ровно в пять утра лошадь была у подъезда моего дома, мы встретились в условленном месте и отправились вверх по дороге к Сара-Бие и далее уже по тропам в горы. Чем выше мы поднимались, тем гуще встречались заросли кустарника и деревьев, причем, многие из них были фруктовыми и ягодными. Но, в данном случае, это нас не волновало. Наконец, Авальяни предложил остановиться, привязали поводья лошадей к деревьям, положили нашу поклажу и с одним ружьем Авальяни поднялись еще выше, где уже не было зарослей, а лишь отдельные кустарники, и, оказалось, что именно здесь есть много кекликов. Авальяни был опытным охотником и знал места охоты. Он довольно часто стрелял, похоже много раз попадал в дичь, но не во всех случаях удавалось найти убитую, а еще реже раненую «курочку». Я выполнял больше роль «собачки», выискивая и подбирая найденную дичь. Активная охота продолжалась часа три-четыре. Затем отправились с добычей к лошадям. Но, после проделанных за убегающими птичками маршрутов, определить место нахождения лошадей оказалось задачей не из легких и на её решение ушло не менее двух часов и нервотрёпки. Поиски завершились, после обильной трапезы с изрядным «возлиянием» и закусью (супруга Авальяни снабдила его снедью, конечно, более вкусной и раз-

нообразной, чем моя холостяцкая). Ну, а после обеда положено и соснуть. Проснулись уже к концу светового дня. В поселок въехали с привязанными к поясам тушками подстреленных ке-кликов, у него к специальному охотничьему, а у меня просто к ремню. А с понедельника начались обычные будни.

В сентябре–октябре 49 года руководством предприятия (наверное в соответствии с решением вышестоящей инстанции) было принято решение об организации новой производственной единицы, рудника № 6 на базе пройденных нами горных выработок левобережья. Был издан приказ, в соответствии с которым я, главный инженер рудника № 1, должен в такой-то срок сдать, а назначенный главным инженером рудника № 6 Вихарев обязан принять комплекс горных и поверхностных сооружений левобережья, о чем представить соответствующий акт. Вихарев, горный инженер, говорили, с достаточным опытом, лет сорока отроду, был прислан и назначен приказом по комбинату. Мы договорились встречаться по утрам у устья штольни № 6 и начали обход объектов сдачи-приема. Так шло три дня, а на четвертый день Вихарев на рудник не появился. Во время совместных обходов я видел и чувствовал, что Вихарев поражен горно-техническими условиями, в которых ведутся работы, что он понял об огромной ответственности главного инженера в таких условиях. Вихарев исчез, не являлся ни на рудник, ни в управление предприятия. Наконец, его нашли в пивной в состоянии глубокого опьянения, он запил. Протрезвев через два–три дня, он официально заявил, что отказывается от приемки и отбывает в комбинат. Через некоторое время приехал на предприятие Петрухин, назначенный начальником рудника № 6 и совершилась передача. Рудник № 6 укомплектовывался кадрами и стал самостоятельной единицей. Естественно, часть кадров перешла и с рудника № 1. Петрухин, горный инженер с большим стажем работ в угольной промышленности в то время был единственным специалистом на предприятии, носившим форменную одежду, введенную в 1948 году в угольной промышленности, но и принятую в нашем ведомстве. Мне тоже позже было присвоено звание «Горный инженер 1-го ранга». Но сшить себе соответствующую форму мне не пришлось, сначала из-за отсутствия в пошивочной мастерской необходимых материалов, а затем уже потому, что в нашем ведомстве ношение этой формы в «моду» не вошло. Но, какое-то время

я носил форменную фуражку, которую заказал в частной пошивочной мастерской Капустянского в г. Ташкенте во время одного из отпусков.

Утром, в воскресный день, 8-го января 1950 года, около восьми часов я сидел в кресле единственной в поселке парикмахерской и меня брил мастер-парикмахер Яков, кстати еврей по национальности из ПФЛовцев, чудом выживший в немецком лагере для военнопленных. В парикмахерскую неожиданно забежал посыльный и сообщил мне, что на руднике авария, топит 120-й горизонт. Я немедленно побежал на рудник, в ламповой взял светильник, добежал по штольне № 5 к стволу № 1, в клетки спустился на горизонт – 120 и увидел, что по квершлагу, идущему к рудничному двору, до ходков в помойницы насосной станции, идет поток воды с нефтью высотой выше колена. У стволового (прошу прощения у неискующих за множество специальных терминов), бывшего на месте, спросил:

– Сколько людей и кто еще в шахте?

– Горный мастер Карлы и двое рабочих кажется в просеке, – услышал в ответ. Я вошел в поток воды и нефти и быстро направился к дучке, ведущей в просек. Поднялся по лестнице в просек и пошел в сторону вентиляционного восстающего, по которому уже уходила отработанная вентиляционная струя. За сопряжением восстающего и просека метрах в десяти я увидел лежащего Карлы и рядом с ним валяющуюся аккумуляторную лампу. В голове быстро возникла мысль вытащить Карлы из зараженной атмосферы на свежую струю. Набрал в легкие побольше воздуха, забежал за сопряжение и попытался поднять Карлы, который был одет в телогрейку. В это время услышал сзади себя крик: «Тикай!».

Обернулся и увидел падающего человека в спецовке. Мысль лихорадочно работала, кого вытаскивать?! Решил, что надо брать Карлы, лежащего дольше здесь, но приподняв его, потерял сознание! Первый раз я очнулся почти через сутки (мне кто-то сказал, что 9-е число) и понял, что я в больничной палате, вокруг меня стоят пять–шесть врачей и медсестер, что мне делают какие-то процедуры, но я ничего не ощущал. Затем, я почувствовал, что у меня отнимаются ноги, идет какая-то «волна» вверх по телу, ниже которой уходит мое тело, вот уже подходит к горлу, а вот уже и меня нет! В течение последующих двух суток я приходил в сознание ненадолго три–четыре раза.

А когда очнулся окончательно, то увидел, что возле меня дежурит одна из наших Ташкентских подружек, что мои руки и ноги все в сплошных синяках от уколов и капельниц, и лежу я под капельницей, и рядом кислородная подушка и даже баллон со сжатым кислородом производственного назначения. Шевелить ногами и руками я почти не мог, каждое такое движение немедленно вызывало нехватку «воздуха» и подключение к кислородной подушке. Через несколько дней, когда состояние мое стало почти стабильным, я узнал, со слов проводывавших меня сослуживцев, некоторые подробности случившегося. В конце ночной смены в ночь с субботы на воскресенье был готов к «отпалке» (взрыванию забуренных шпуров) забой разведочного орта на L-2. Дежуривший на смене взрывник Куркчи (спецпоселенец крымско-татарской национальности, кстати, один из лучших и опытных взрывников на руднике) произвел в присутствии горного мастера Карлы зарядание, после чего Карлы сказал взрывнику, что он (Карлы) пойдет в забой просека, где работают два проходчика (а взрывные газы по вентиляционной струе должны идти через этот просек), выведет забойщиков на свежую струю и после этого можно будет произвести взрывание. По неизвестным мне причинам, Куркчи произвел взрыв тогда, когда Карлы еще не дошел до забоя просека. В забое просека работали два проходчика, окончившие ФЗУ горного профиля, молодые ребята 18–19 лет. Взрывом забоя орта был вскрыт пласт L-2 в районе карста (природной полости, заполненной, в данном случае, нефтеводяной смесью, различными газообразными продуктами органических процессов таких, как метан, сероводород, водород и др.) Карст весьма внушительных размеров по объему и количеству заполнявших его жидких и газообразных продуктов, которых хватило на выделение в течение нескольких суток. Но, вернемся к воскресенью. Таким образом, в загазованной атмосфере оказалось трое: два проходчика и горный мастер. Но, за мной, когда я поднимался в просек, еще, оказывается, пошел откатчик Захарян, который ранее работал на моем участке «Свод», а затем переведенный на участок № 3. Он (Захарян), в момент, когда я спустился на горизонт –120 м, был в рудворе и видел, что я быстро отправился в просек, очевидно, решил помочь мне. Я говорю это предположительно и сейчас поймете почему. Как было понятно, с момента потери мною сознания все пятеро

оказавшихся в отравленной атмосфере (двое проходчиков, Карлы, я и Захарян) пробыли в ней до прибытия горноспасателей. Их силами все были извлечены из шахты на поверхность в бытовой комбинат, где уже были и медики на скорой помощи. Всем оказывалась первая необходимая помощь и затем все доставлены в больницу медсанчасти. Один из молодых проходчиков оказался уже умершим. Остальные, трое, по очереди, несмотря на все принимаемые меры медиками, умерли в течение первых суток. На запросы руководства комбината и членов созданной комиссии по расследованию аварии, о состоянии моего здоровья, медики отвечали, что сомневаются в том, что я выживу. Но мой молодой организм, усилия врачей, помощь моих друзей и товарищей, все это вместе помогло мне выжить. Постепенно я стал ощущать свое тело, начал понемногу шевелить руками и ногами, поворачивать головой. Примерно через месяц я начал уже садиться в постели, затем ненадолго спускать ноги на пол и потом по немного учиться ходить. Через два месяца меня выписали из больницы и через несколько дней отправили на санаторно-курортное лечение в Подмосковский санаторий «Абрамцево». Санаторий этот принадлежал Академии Наук СССР, располагался в красивейшем месте Подмосковья, в двух–трех километрах от железнодорожной станции «Хотьково», в бывшей усадьбе промышленного магната и известного мецената Мамонтова. Атомное ведомство и его профсоюзы еще не имели собственных санаториев и домов отдыха, а академические институты и наука атомного ведомства очень плотно взаимодействовали. Санаторий был рассчитан на пятьдесят отдыхающих и обстановка почти семейная. Впервые в жизни я попал в санаторий, да ещё в какой! Лечебный корпус, двухэтажное, кажется кирпичное, здание, в котором размещалась и администрация санатория, остальные разбросанные в глубь леса одно- и двухэтажные деревянные коттеджи, в которых размещались лечащиеся, были дореволюционной постройки, и каждому больному (санатории в советское время считались лечебными учреждениями) выделялась отдельная комната. В большом, деревянном же, отдельно стоящем здании, недалеко от лечебного корпуса находилась столовая со всеми необходимыми кухонными и подсобными помещениями. Были на территории санатория и оставшиеся от бывших хозяев уникальные постройки, а именно, семейная

церквушка очень красивой архитектуры, в которой размещался музей с экспонатами, представлявшими предметы быта, произведения известных художников, артистов, посещавших Мамонтовское имение в дореволюционное время, оригинальный «домик на курьих ножках», в котором развлекались отпрыски бывших хозяев. Музеем и всем старинным заведовал один из братьев Мамонтова-мецената, довольно преклонного возраста, но ещё бодрый и с удовольствием исполняющий функции экскурсовода. В лечебном корпусе были расположены процедурные кабинеты, ваннные помещения для водных процедур, кабинеты физической культуры, где с разрешения лечащего врача можно было получить лыжи и лыжные костюмы для прогулок в лесных просторах. Более того, несколько позже я узнал, что лечащиеся могут приглашать в гости на день, или более, за оплату по прейскуранту родственников или друзей с получением возможных услуг: проживание, тоже с питанием, или ещё и с лечением. Можно и отлучаться на день, предупредив обслуживающий персонал, и тебя в столовой будут ждать твой обед, ужин, который подогреют, и тебя обслужит дежурный персонал. У меня была путёвка на 26 дней. Но, как я разобрался, в санаторий приезжали отдыхающие и на несколько дней, и на выходной день и это были, в основном, крупные учёные академических и других институтов Москвы и Подмосковья. В санатории господствовала полная тишина, даже не было радиоточек в номерах и на территории. Большинство приезжающих привозили с собой переносные радиоприёмники, бывшие в это время в дефиците. Мне врач не разрешал на первых порах прогулок на лыжах. Лечение, прекрасная природа, доброжелательное отношение, качественное питание сделали свое дело, я окреп и получил разрешение и на лыжные прогулки и на поездки в Москву. В одно из воскресений я отправился в Москву и посетил своего товарища, с которым сдружился в Ташкенте во время эвакуации и переписывался изредка, Дэвику Аксельбанту. О нашем знакомстве и дружбе рассказ впереди, а сейчас сообщу лишь, что он к этому времени, окончив Московский Юридический институт, работал в Московской городской адвокатуре, был уже женат и у них уже родился сынок. Молодая чета проживала вместе с родителями супруги и её младшим братом в коммунальной квартире в Потаповском переулке района улицы Кирова, в центре Москвы. В этой коммуналке семья

занимали две комнаты, всего в квартире проживало не менее шести семей, которые и пользовались общей кухней. Занимаемые моими друзьями комнаты были довольно плотно обставлены добротной мебелью, что не удивительно, так как родители Адочки (так звали супругу Давида Марковича Аксельбанта), коренные москвичи, отец Абрам Соломонович Сарнэ – инженер-строитель, мать – Софья Рубанова, врач-педиатр. Младший брат Адель Абрамовны – Юрий учился в 10-м классе. В семье проживала, также, няня, которая выходила в свое время Аду и Юрия, а сейчас ухаживающая и за малышом Александром (Сашей). Со всеми, кроме Дэвика, я познакомился в этот раз и, забегая вперед, скажу, что наша дружба семьями продолжалась всю жизнь и продолжается и сейчас с оставшимися в живых, о чём буду рассказывать по хронологии событий. А подробно об их быте изложил для того, чтобы были понятны мои дальнейшие действия, связанные с желанием повидать Москву, где я, практически, ранее не бывал, за исключением проезда с вокзала на вокзал. У меня была возможность остаться в Москве на недельку после выписки из санатория, о чём я сказал Дэвику, и просил его, если это возможно, помочь мне устроиться в какую-либо гостиницу. Он, естественно, предложил остановиться у них, на раскладушке, от чего я категорически отказался. К концу моего пребывания Дэвик сообщил, что устройство в гостиницу возможно. Ещё одно интересное обстоятельство – каждого отдыхающего в санатории отвозили на станцию «Хотьково», к электропоездам, на саночках, запряженных красивым, серым в яблоках жеребцом, украшенного бубенцами, а ноги отъезжающего покрывались от холода медвежьим пологом. Таким манером и меня доставили на станцию и я прибыл к Дэвику в воскресенье около часу дня и мы отправились устраивать меня в гостиницу. Это оказалась гостиница «Метрополь» в самом центре. В вестибюле за стойкой администратора сидел худощавый, явно высокого роста, лет тридцати, подтянутый человек, который вежливо ответил на наши приветствия и, очень внимательно рассматривая нас, спросил чего мы желаем. Дэвик объяснил, что должен был быть звонок из Московского областного управления КГБ о предоставлении номера для гражданина Бешер-Белинского. Администратор немедленно отреагировал, заглянув на какую-то бумажку, и спросил, кто же из нас это лицо. Я представился

и администратор сообщил мне, что номер 501 ждёт меня, стоит это 35 рублей в сутки и дал мне для заполнения небольшую анкетку, где, кроме всего прочего, в последнем пункте сообщалось о необходимости немедленного освобождения номера по требованию администрации гостиницы. Оплатив номер за пять дней, мы на лифте с лифтьером поднялись на пятый этаж, вошли в номер, который состоял из прихожей, из которой прямо был вход в большую, хорошо обставленную добротной, «тяжелой» мебелью жилую комнату-кабинет, а налево дверь, ведущая в большую же ванную с туалетом, тоже хорошо оборудованную всем необходимым. Впервые в жизни я проживал в таких «барских» условиях, в гостинице, где было много иностранцев, не зная ещё, что нарушаю запрет, предписанный сотрудникам моего Ведомства. Благополучно провёл я все пять дней в Москве. Дэвик уделял мне много внимания, показал возможные за это время достопримечательности Москвы. Оказалось, что Давид работает ещё и юрисконсультom одного из первых кооперативов, строящего кооперативный жилой дом в районе конечной тогда станции метро «Сокол», у Инвалидного рынка (ставший в будущем Ленинградским рынком). Он предложил мне вступить в кооператив, а такая возможность ещё была, на двухкомнатную квартиру, показав всю выгодность такой сделки и рассказав, что в члены этого кооператива вступили такие граждане, как Тимур Гайдар, служивший тогда офицером на флоте, и другие, проживающие в это время далеко от Москвы. Материально я мог потянуть оплату кооператива, но я был ещё холост, не мог понять, а что я буду делать с этой квартирой, которая уже по планам должна быть готова в конце 1953, или начале 1954 года. Я отказался от этого предложения.

Почти окончательно здоровым я вернулся домой, т. е. к месту работы. Еще май месяц врачи продолжали медикаментозное лечение и с июня я мог приступить к работе. Меня никто не допрашивал, никаких взысканий на меня не накладывали. Думаю, что в этом сыграли большую роль те письма, которые я в свое время направлял в адреса руководства предприятия и комбината. Уголовное дело было, все же, заведено и, в последствие, я узнал, что был осужден взрывник Куркчи на срок два года исправительных лагерей. На рудник № 1 были назначены новые начальник и главный инженер. На руднике проводились еще восстановительные работы. Бывший начальник

рудника Авальяни Г. А. был направлен работать начальником небольшого подразделения по проходке геолого-разведочных выработок на известном месторождении Туя-Муюн. На этом месторождении в горах Киргизии, в двадцати километрах от г. Джалал-Абада, в конце двадцатых – начале тридцатых годов на правах концессии Бельгийские промышленники добывали соли урана для использования их как красители в производстве фарфора, в фото- и кинопроизводстве. На этом участке мы еще с вами встретимся в дальнейшем моем рассказе. Промышленным это месторождение не стало. Меня Гаршин П. П. направил работать заместителем начальника по горным работам геолого-разведочного подразделения, организованного с целью разведки на уран на левобережье реки Нарын, в районе города и угольного месторождения Ташкумыр. Начальником геолого-разведочной партии был опытный геолог со средне-техническим образованием Ерзин Фарид Ахметович, а главным геологом мой однокашник и друг Хоментовский Борис, ранее работавший участковым геологом на руднике № 2. Но, что бы закончить эту главу в моей жизни, следует сказать, что рудник № 1, после восстановительных мероприятий, начал работы в новом режиме, по требованиям самых жестких в Советском Союзе «Правил безопасности и Технической эксплуатации при добыче озокерита». А это значило, кроме многих других требований, только шестичасовую рабочую смену, двухчасовой перерыв между сменами, производство взрывных работ только в отсутствии людей в горных выработках рудника, передовое бурение 10-метровых скважин в каждом забое. Произошедшая авария решила этот вопрос немедленно. Начальником рудника был назначен Югов Пётр Иванович, а главным инженером – Ковалёв Пётр. Оба были переведены с других подразделений нашего же предприятия.

ГЛАВА 4

Геолого-разведочные работы у реки Нарын

Река Нарын – это мощная горная с быстрым течением в относительно узких ущельях-каньонах река, основной приток одной из главных рек Средней Азии Сыр-Дарьи. Урановое рудопроявление, детальную разведку которого должно было провести наша геолого-разведочная партия, находилось, примерно, в пяти километрах ниже по течению реки от угольного месторождения Ташкумыр, на левом берегу. Угольное месторождение Ташкумыр тоже располагалось на левом берегу, а обогатительная фабрика, основные объекты инфраструктуры и город угольного рудника были сооружены на правом берегу, на относительно ровном участке предгорий и соединялись с рудником мощным транспортно-пешеходным мостом. Невзрачные одно-, двух-, трехэтажные жилые дома и объекты соцкультбыта, построенные из рваного камня, небольшое количество чахлой зелени, жаркий летом и холодный зимой резко континентальный климат, все это создавало неприглядную картину города и в народе бытовало название не «Ташкумыр», а «Тяжкий мир». Площадка геологоразведочного подразделения занимала пространство относительно пологой части от берега до начала крутых склонов небольшого хребта, примерно, метров 150–200 и вдоль реки, около 300 метров. На этом пространстве собрали два «финских» деревянных домика для приема командированных извне и десятка землянок, в которых проживали трудящиеся подразделения. Начальник подразделения Ерзин, главный геолог Хоментовский и я занимали двухкомнатную землянку, где первая комната была кабинетом, а вторая нашей спальней.

На площадке были сооружены временные складские и другие вспомогательные помещения. Выше по склону метров на 15–20 и несколько ниже по течению реки была организована промплощадка штольни: склад лесоматериалов, рельсовые узкоколейные пути, дизельная электростанция, компрессорная на передвижных компрессорах и т. п. К моменту моего прибытия было пройдено метров 100–120 штольни.

Ниже по течению реки, метров в двухстах, действовало интересное сооружение, «паром» между правым и левым берегами реки. Река в этом районе имела ширину, примерно, метров 80–90 и глубину, говорили, метров 30 в средней части. Правый берег очень крутой, фактически отвесная скала с превышением над поверхностью воды метров 30–40. На обоих берегах к «парому» подходили автодороги местного назначения. А само сооружение состояло из двух мощных тросов диаметром около 60 мм, закрепленных на правом берегу в скалу на высоте над водой метров 8–10, и друг от друга, примерно, 1–1,2 метров, а на левом, пологом, берегу тросы крепились к специально возведенной металлической вышке. Собственно «паром» — это соединенные деревянным настилом несколько металлических понтонов, два мощных троса, одним концом закрепленные к парому, а на других концах запанцерованы мощные блоки, которые катятся по тросам, натянутым над рекой. Движение «парома» в ту или иную стороны происходит за счет быстрого течения реки, ударяющего в борта понтонов, подставляемых течению паромщиком с помощью руля. Паромщик с семьей проживал тут же, на правом берегу в построенном для него доме. «Паром» работал на переправе строго по установленному графику, только в дневное время.

Наша геологическая партия вела, в основном, разведку горными выработками, но были и поисковые отряды. Фактически я, как заместитель по горным работам, выполнял роль главного инженера партии. Горные выработки проходились в скальных породах, в основном, без крепления, но в отдельных местах и сопряжениях выработок необходимо было возводить крепление. Это в каждом случае определялось мною. Для хранения необходимых взрывчатых материалов был построен временный склад взрывчатых материалов (ВМ), емкость которого была достаточной лишь на 4–5 дней работы. Поэтому, в такие же сроки направлялся представитель подразделения, имеющий

соответствующие права на получение и сопровождение взрывоопасных грузов, на соответственно оборудованном грузовом автомобиле на базисный склад ВМ, расположенный в районе предприятия, это, примерно, 80 километров по проселочным дорогам степи и предгорий. Зачастую эту роль исполнял я сам. Водителем спец автомобиля был очень опытный и с большим стажем Виктор Андреевич Паршутин (не уверен, что фамилия правильна), который очень быстро обучил меня водить грузовой автомобиль ЗИС-50. Уже с четвертой или пятой поездок я фактически вел автомобиль туда и обратно. Геолого-разведочные работы велись очень интенсивно, в три смены и фактически без выходных дней. Условия жизни в партии были далеко не «шикарными». Сильная жара, питание, практически только в столовой подразделения с весьма ограниченным выбором, проживание в землянках при интенсивном проникновении в помещения, особенно в вечернее и ночное время, фаланг, скорпионов и тому подобные прелести переносились не очень приятно и большинство трудящихся подразделения рассматривали своё нахождение здесь, как временное наказание. Говорили: «Царь ссылал в Нарымский край, а Гаршин ссылает в Нарынский край!..» Я тоже считал мое пребывание здесь наказанием. Кроме всего прочего, разыгралась язва желудка. Обратился к Гаршину с просьбой перевести меня на другую работу в пределы основной площадки предприятия. Одновременно, попросил выделить мне квартиру, т. к. решил привезти к себе маму, проживавшую в Ташкенте, работавшую следователем в отделе сыска Узбекского республиканского управления милиции и имевшую офицерское звание. Она подала рапорт о переводе ее в распоряжение Таджикского управления милиции, т. к. отделения милиции, обслуживающие предприятия комбината, независимо от места их нахождения, подчинялись этому управлению. Мою просьбу начальник предприятия Гаршин П. П. удовлетворил и в октябре 1950 года меня перевели на урановый рудник №2 начальником внутришахтного транспорта рудника. Чтобы закончить со страничкой о Нарынской «ссылке», расскажу о некоторых «картинках» жизни в геологической партии.

Среди трудящихся нашего подразделения котирировалось такое мероприятие, как в свободное от работы время (это, в основном, рабочие и горные мастера) через паром отправиться на правый берег и дойти до г. Ташкумыр, где можно было

побродить по рынку, кое-что приобрести в немногочисленных магазинах и, самое главное, попить пива в пивной в районе рынка. Пиво было не всегда, а когда было, то теплое и не лучшего качества, но все же удовольствие при однообразии жизни в поселке геопартии. И ежедневно какое-то количество наших работников уходило в Ташкумыр. Но платная паромная переправа работала, как я уже говорил, до 18-ти часов и тот, кто являлся позже, уже не мог переправиться на пароме. Находились среди опоздавших смельчаки, которые переходили на левый берег по натянутым тросам парома. Точнее, эта «операция» выполнялась так: человек становился ногами на нижний трос, руками держался за верхний и на корточках передвигал (скользил) ноги и руки по тросам. Это было очень нелегко и очень опасно, ведь тросы висели над уровнем воды метров десять по высоте, раскачивались при движении по ним, требовались значительные усилия, чтобы удерживаться на тросах. Однажды, все таки, наш бурильщик, возвращаясь ночью, сорвался с тросов, упал в реку удачно, не разбившись, его прибило течением к правому, крутому берегу, где он смог задержаться за выступы скалы. Его обнаружили дети паромщика утром, отправляясь в школу. Правый берег практически вертикальный, высотой метров 30 и оказать помощь промерзшему и орущему «благим матом» не представлялось возможным. И лишь вызванные паромщиком пожарники из города Ташкумыр извлекли пострадавшего наверх.

Геологоразведочные работы на правом берегу р. Нарын были закончены позднее, без меня. Промышленного месторождения не получилось. Поисковые и геологоразведочные работы в районе действовавшего предприятия продолжались довольно интенсивно на многих площадях специальными подразделениями в составе предприятия. Поиск и разведка новых площадей, рудных тел и проявлений стали традицией всех действующих и будущих горно-рудных комбинатов и предприятий системы, им уделялось должное внимание, выделялись средства и это, как правило, давало значительный прирост промышленных запасов и увеличивало сырьевую базу отрасли.

ГЛАВА 5

Важный участок работ – внутришахтный транспорт. Рудник № 2. Женильба

В начале октября я приступил к исполнению обязанностей начальника внутришахтного транспорта рудника № 2. Это был самый большой по производительности, объему действовавших горных выработок и прочих показателей рудников предприятия. Находился он (рудник) географически севернее основного поселка в 4–5 километрах, на площадке именуемой «Карагач». Рудник имел две поверхностные промплощадки, находящиеся на разных уровнях с превышением одной над другой в 70–80 метров. Обе промплощадки соединялись узкоколейными путями, так как добываемая руда и с одной и с другой отправлялись как на перерабатывающий завод № 3, так и на строящийся и уже в скором времени начавший работать новый завод № 7. Завод же № 3 находился на уровне «нижней» промплощадки, а завод № 7 – на уровне «верхней» промплощадки. Оба крыла рудника вскрывались штольнями. Из основных транспортных штолен восстающими выработками вскрывались верхние горизонты, а слепыми стволами – нижние горизонты. Участку внутришахтного транспорта принадлежали всё путевое хозяйство поверхности, основных транспортных штолен, узкоколейные пути, соединяющие промплощадки рудника с бункерами руды на заводах №№ 3 и 7. От «верхней» промплощадки на завод № 7 трасса, общей протяженностью в 6–8 километров, пролежала через транспортный тоннель длиной в 400 метров, двухпутевая горная выработка, и эксплуатационное содержание его (тоннеля)

входило в обязанности моего участка. Путь хозяйство на поверхности, транспортных штолен состояло из узкоколейных путей шириной 900 мм, по которым ходили 7-ми тонные троллейные электровозы 2-ТР-2Г. Весь вагонный парк, состоящий из глухих вагонеток емкостью 1,1 кубометра, тяговая подстанция для электропитания троллея с ртутными выпрямителями и прочим оборудованием, электровозное депо с ремонтным участком, расходные склады материалов и многое другое тоже принадлежали транспортному участку. В задачу участка входило планомерное и своевременное обеспечение подачи порожняка и вывозка руды и горной массы из рудника, содержание в рабочем состоянии подвижного состава, путь хозяйство, крепление транспортного тоннеля и обеспечение безопасности работ. Во все времена вывозка добытой руды (угля), обеспечение порожняком были на добывающих предприятиях узким местом. Не напрасно же и до сих пор поют песню про коногона! Тяговая подстанция, электровозное депо, расходные склады, небольшая конторка с раскомандировочной находились на уровне нижней промплощадки. Раздевалки уличной одежды, спецодежды, душевые в общем административно-бытовом комбинате рудника, находившемся на уровне верхней промплощадки. Как и в других подразделениях, основной рабочей силой являлись контингент из ПФЛ, среди которых уже были достаточно квалифицированные специалисты по ремонту электровозов, вагонеток, настилке и ремонту железнодорожных путей, креплению и ремонту крепи горных выработок, электро- и газовой сварки, но не хватало специалистов в одной из важнейших для участка профессий – машинистов электровозов! Это являлось одной из главных причин неудовлетворительного обеспечения производственных участков порожняком, из-за частых аварий, схода вагонеток и электровозов с рельсов, беспрерывных поломок пантографов, электровозов и т. п. На ежедневных диспетчерских совещаниях у начальника рудника участок внутришахтного транспорта в моем лице подвергался острой критике и неприятным разговорам. Неприятно было вдвойне из-за того, что критика и требования исправить положение происходили в присутствии моих товарищей, друзей, с которыми я общался в быту, и работавшими к этому времени на руднике. Это Покровский Сталь – начальник одного из участков, Морозов Николай, Исаков Виктор, Будрянович Вульф

Израилевич (в быту Владимир Иванович) – начальник другого участка, Грановский Лев и др. Начальником рудника № 2 был Кузьменко Андрей Федосеевич, горный инженер, фронтовик, довольно крутой руководитель, коренастый, с военной выправкой, красивый мужчина. Он очень часто обходил рабочие забои и горные выработки, почти ежедневно, причем делал это в любое время и во вторую и в третью смены, не предупреждая об этом начальников участков. При обнаружении недостатков, вызывал по телефону на рудник ответственное лицо. Это, конечно, начальник участка и, в соответствующих случаях, главный инженер рудника или начальник ПТО, или другое должностное лицо управления рудника и устраивал соответствующий «разгон». Доставалось и мне неоднократно. Наконец, я на одном из совещаний резко поставил вопрос о необходимости организации курсов по обучению машинистов электровозов для вольнонаемных молодых людей. Но таковых на предприятии не оказалось. Думаю, что идея о вольнонаемном составе машинистов электровозов заинтересовала Кузьменко и он поставил ее перед руководством предприятия. Важно, что дело закончилось прибытием на предприятие и именно на мой участок двадцати трех молодых людей, окончивших специальное техническое училище машинистов магистральных электровозов в г. Кемерово. Совершилось это в течение одного-полутора месяцев. Прибывшие молодые ребята (18–20 лет) были поселены в общежитие, на Карагаче, вблизи рудника, и я немедленно начал с ними работу с целью их быстрейшего включения в производственный процесс. Сложность оказалась в том, что ребята были очень недовольны постигшей их участью работать на малых электровозах, на руднике, а не на магистральных электровозах в системе Министерства путей сообщения. Их нужно было заинтересовать чем-то, внушить мысль, что они удостоились чести работать в весьма важном и очень нужном стране деле – добыче урана для защиты Родины! Я провел с вновь прибывшими необходимый производственный инструктаж, а, главное, ежевечерне я собирал их в общежитии, рассказывал о нашем предприятии, производственном процессе, людях, о важности их участия в деле улучшения организации работ на руднике, стабильности во всех производственных переделах. Ребята довольно быстро осваивали вождение электровозов в условиях весьма сложных профилей узкоколейных железнодоро-

рожных путей и троллейного провода. Участок внутришахтного транспорта стал работать равномерней, резко сократилось число сходов с рельсов составов и электровозов, а значит и число ремонтов путей, повышались заработки машинистов электровозов и сцепщиков. Возникла очень важная проблема, чем занять молодых, вольнонаемных ребят в нерабочее время, не допустить увлечение спиртными напитками и прочими нежелательными делами. Пришлось, практически, мне проводить большинство вечеров в рабочем общежитии, организовывать их досуг, давать советы по покупкам, сколько денег посылать родителям, что читать и многое другое. Убедил ребят создать общую кассу – копилку для приобретения мотоциклета, он был куплен и организовали кружок-курсы по изучению устройства мотоциклета и практической езде на нем. Все участники курсов успешно сдали экзамены на права вождения мототехники. Таким образом, весь состав молодых, вольнонаемных ребят прекрасно вписался в коллектив моего участка. Многие из них стали виртуозами вождения электровозов. Отмечалось ранее, что бывали случаи обрыва составов груженных вагонеток с верхней промплощадки на нижнюю и они с большой скоростью и страшной силой на одном из многих серпантинов сходили с рельсов (забуривались), переворачивались, рассыпая руду по всему склону. Кроме опасности для жизни людей, это приводило к значительным простоям, непроизводительным расходам и прочим неприятностям. Так вот, ребята научились «ловить» сорвавшиеся составы, выезжая на электровозе с нижней площадки и, «брать» состав, «на себя», т. е. на движущийся, но с меньшей скоростью, электровоз, а затем торможением останавливать весь состав. Это было рискованно, но каждый такой поступок вызывал восхищение и поощрялся. Были и неприятные минуты, когда приходилось наказывать за «лихачество» и другие промахи. И еще более горькие события, как гибель одного из ребят, машиниста электровоза Клепикова, в результате грубейшего нарушения им простого правила – «не становиться на корпус электровоза при включенном троллее». Клепиков, ремонтируя пантограф, поднялся на корпус электровоза, случайно коснулся троллея, попал под напряжение, «электрическим ударом» был сброшен с электровоза и головой ударился о рельс. Последнее привело к летальному исходу. Это печальное событие потрясло весь коллектив

участка внутришахтного транспорта и с этого дня резко уменьшилось число нарушений «Правил безопасности...».

Работа участка стала равномерной, стабильной. Было построено здание электровозного депо с тяговой подстанцией, капитальное здание, в нем же разместился мой кабинет, помещение раскомандировочной. Была создана хорошая ремонтная бригада по производству текущего, среднего и даже капитального ремонта электровозов и вагонеток. У меня появился механик участка, мой заместитель. Разнородный по возрастам, гражданскому положению, образованию и другим характеристикам коллектив участка стал дружным, атмосфера доброжелательная и это способствовало систематическому выполнению производственных планов. У многих молодых машинистов электровозов возникло желание продолжить образование. С некоторыми из них я встречался в будущем, когда они уже занимали инженерные и руководящие должности. Помню даже некоторые фамилии – Субботин Николай, Ремезов и др.

Несмотря на очень напряженный труд, жизнь личная в нашей среде, всё ещё молодых специалистов, шла своим чередом. Мы встречались, дружили, ухаживали за девушками. Устраивали вечеринки по поводу дней рождения, праздников, встречались на вечерах танцев, в кино. Сложились компании товарищей и друзей. Наша дружная компания Ташкентцев – Хоментовский, Бешер-Белинский, Захарова Анна, Репина Лидия, Шатуновская Юлия, Мудрый Семён и его супруга Нюся – крепко сдружилась с молодыми инженерами из Алма-Аты – Витковским Сергеем, Покровским Сталем, Тележинским Всеволодом, Бродецкой Ниной, Исаковым Виктором и др. Компания наша расширялась, в неё влились врачи терапевты супруги Тарловы Ефим и Раиса и другие специалисты. В связи с производственной и общественной работами ширился круг друзей и товарищей, таких, как врачи Варенцова Нинель Николаевна (хирург), Валерия (терапевт), Евдокия (детский врач) (фамилий их не помню), Исаева Валентина (инженер-плановик), Сохарев Евгений (горный инженер), молодые горные техники из города Дзауджикау Бондаренко, Симонян и другие (в 1949 году прибыла большая группа молодых горных техников в основном армянской национальности). Складывались, естественно, и пары в результате ухаживаний, любви и начались свадьбы. Первыми из нашей компании сочетались браком Сер-

гей Витковский с Анной Захаровой, свадьбу которых сыграли в конце 1950 года. Я фактически стал ухаживать за Юлией Шатуновской с момента нашего путешествия из Ленинабада на предприятие в 48-м году. Бывали в наших взаимоотношениях и размолвки, но, примерно, с октября 50-го года я окончательно убедил Юлию в своей любви к ней и мы определили дату нашей свадьбы – март 1951 года. Мы получили согласие родителей Юлии и свадьба совершилась в марте в квартире, где я проживал с моей мамой. В трехкомнатной квартире одну комнату занимали двое молодых специалиста (большую), а две меньших – я и моя мама. Юлия продолжала проживать вместе с Репиной Л. в большой комнате двухкомнатной квартиры общежития молодых специалистов, в малой комнате которой проживали две девушки, плановики. Юлина подруга Лидия Репина согласилась перейти в мою комнату, а я переселился к Юле. Но проживали мы здесь не долго. Вскоре женился наш товарищ Покровский Сталь Сергеевич, который долго выбирал себе подругу, ухаживал последовательно за несколькими девушками и, неожиданно для всех нас, друзей, женился на инженер-химике по имени Воля. Оригинально! «Сталь и Воля!» Женился мой однокашник Борис Хоментовский на враче-хирурге Неле Варенцовой. Позже стали супругами Виктор Исаков и Валентина Исаева. Сразу надо сказать, что все эти и другие наши друзья и товарищи остались ими на многие и многие годы, судьбы наши переплетались на разных предприятиях и в разных обстоятельствах в нашей системе атомной промышленности.

ГЛАВА 6

*Добывать уголь – тоже стратегическая задача.
Главный инженер угольного рудника*

В начале июля 1951-го года я был приглашен к начальнику предприятия Гаршину П. П., где меня познакомили с уже подписанным приказом о назначении меня главным инженером подразделения № 4, угольного рудника. Мотив был прост:

«Ты окончил институт по специальности “Разработка угольных месторождений”, начальником рудника работает Хван Н. Н., твой однокашник, вы сработаетесь!»

Местоположение угольного рудника мною уже описывалось. А что же он представлял собою? Рудник разрабатывал небольшое, но очень сложное по горно-техническим условиям, месторождение бурых углей. Добытый уголь отправлялся на действующую электростанцию ТЭЦ «Б», которая была к этому времени основным источником электроэнергии предприятия. Уголь по качественным характеристикам относился к весьма посредственным, был достаточно зольным и средним по калорийности. Угольное месторождение состояло из нескольких разрозненных участков, расположенных в горах, на высоте от 1400 до 1700 метров. Центральный участок находился примерно в 3–4 километрах от жилого посёлка Сары-Бия. Здесь же располагалось управление рудником, которое размещалось в двухэтажном каменном здании, где были и административно-бытовой комбинат, ламповая, раскомандировочные участки, зал для проведения собраний трудящихся и т. п. На этой промплощадке было несколько других зданий и сооружений: центральный материальный склад, котельная, электроподстанция. Это на одном склоне. А на противоположном склоне другого горного хребта располагались: устье основной штольни, по которой выдавался добытый уголь, отвалы пород от проходки капитальных горных выработок, бункера угольные и породные.

Из угольных бункеров уголь выгружался в автомобили-самосвалы, увозящие его на «ТЭЦ-Б», а из породных бункеров автосамосвалами же порода вывозилась на породные отвалы, располагающиеся ниже по рельефу на специально подготовленной площадке. Ко времени моего вступления в должность главного инженера рудника основная добыча угля производилась на центральном участке (первое шахтное поле), где было вскрыто четыре горизонта с шагом 30 метров по вертикали. Примерно в 10 километрах на север, выше по рельефу, на другом склоне того же хребта, проводились горно-капитальные и горно-подготовительные работы на втором участке, штольне № 9, на 2-м шахтном поле. Сложность горно-геологических и горно-технических условий заключалась в том, что месторождение углей в последующие геологические эпохи подвергалось воздействию многократных тектонических процессов горообразования. Угольные пласты, а их было от одного до трёх, имели широкий диапазон характеристик по мощности пластов от 0,5 до 5 метров, по углам падения от вертикального до горизонтального, по величине породного прослойка между пластами от 0,5 до 3–5 метров. Угли самовозгорающиеся, а с глубиной появилось и метановыделение. Горные работы велись по ежегодно составляемым проектам проектными группами предприятия и ПТО рудника. Лишь в самом конце 1951-го года на предприятие приехали представители СПБ-2 (специальное проектное бюро), базирующееся в г. Ленинабаде (вернее в его пригороде, который в последствии назвался городом Чкаловск), с предложениями, которые должны были быть включенными в «Технический проект отработки Майли-Суйского угольного месторождения». Этими представителями были главный инженер проекта Колегова (инициалов не помню) и инженер-проектировщик Суворова А. П. Их предложения были предварительно рассмотрены на совещании при главном инженере предприятия, а затем переданы нам, на рудник, для составления письменного заключения, которое и было составлено, в основном, мною и начальником рудника Хваном Н. Н. и, после рассмотрения у главного инженера предприятия, отправлено в СПБ-2. В нашем заключении практически все предложения проектировщиков были отклонены, как невозможные к осуществлению на практике. Здесь я должен прервать на некоторое время рассказ об угольном руднике и остановиться на

произошедших важных событиях в масштабе предприятия и даже комбината. В конце августа 1951 года неожиданно для всех нас был снят с должности начальник предприятия Гаршин П. П. (для нас в то время «бог, царь и воинский начальник»). Затем, стало известно, что причиной этого события стали вскрывшиеся факты приписок в объёмах извлеченных из руд металла на перерабатывающем заводе. Такие приписки делались в отдельные месяцы, в которых не хватало извлеченного металла для отчетных показателей по выполнению плана, а затем, в последующем месяце, все приводилось в норму. Но проведенная комиссионная ревизия за июль месяц сотрудниками комбината выявила такую приписку. Руководством комбината, после соответствующего разбирательства, было принято решение о переводе Гаршина П. П. на вновь организуемое предприятие по добыче урана, находящееся в 120 километрах от города Ташкента, в Чаткальском хребте. Два расположенных недалеко друг от друга, довольно крупных по тем временам, месторождения были разведаны геологической экспедицией «Краснохолмскгеология» министерства геологии СССР. Об этом предприятии и об этой геологической экспедиции мы ещё будем много говорить. Через несколько месяцев на это новое предприятие был переведен на должность главного инженера и Казак И. Д., очевидно, по просьбе Гаршина П. Вместо Гаршина П. начальником нашего предприятия был назначен Вишняков Василий Григорьевич, горный инженер с большим стажем работ. Из какого он ведомства я точно не знаю, но думаю, что всё из того же ведомства – МВД. Главным инженером предприятия был назначен Мальский Лев Христович, горный инженер, тоже стажированный, переведен с предприятия № 11, а ранее работавший на одном из рудников Риддерского комбината, относившегося также к системе МВД.

Как уже говорилось, главной задачей коллектива угольного рудника было бесперебойно обеспечивать углем электростанцию «ТЭЦ-Б». На центральном участке рудника (первое шахтное поле) добыча угля велась на двух горизонтах, третий горизонт подготавливался к очистным (добычным) работам. Главной вскрывающей штольной была штольня № 4, оборудованная электровозной откаткой. На этом же горизонте находилась центральная вентиляторная установка, представленная центробежным вентилятором во временном здании, системой

вентиляционных каналов и другими средствами управления. Вентиляционная установка работала «на нагнетание», т. е. вентиляционная струя по выработкам горизонта штольни и через ряд вентиляционных восстающих подавалась на верхние горизонты, очистные забои, а к тупиковым забоям проходок свежий воздух подавался по металлическим трубам с помощью электрических вентиляторов частичного проветривания. Основной системой отработки была, так называемая система «зонами», т. е. горизонтальными слоями с обрушением кровли. Начальником горного участка на шахтном поле 1 был очень квалифицированный и имевший опыт работы на шахтах Донбасса горный техник Шестаков Михаил.

Действующими уже в то время «Правилами технической эксплуатации» и «Правилами техники безопасности» при отработке угольных месторождений эта система отработки была прямо запрещена без всяких оговорок. Чем же диктовалась такое положение? Ответ достаточно прост. Это самая простая по исполнению система разработки, не требующая ни специальной техники, ни высокой квалификации кадров. Но и отрабатывать этой системой можно было только ту часть угольных пластов, падение которых обеспечивало свободное падение отбитого угля самотёком по восстающим, то есть при падениях от 40–45 градусов до вертикального. Рабочие кадры рудника были, как и на других рудниках предприятия, из ПФЛ. Не знаю по каким причинам, но почему-то на угольном руднике оказались в большинстве наиболее нелояльные к советской власти люди. Следует особо подчеркнуть, что мы, инженерно-технические работники, относились к работавшим на руднике спецконтингенту (из ПФЛ, спецпоселенцам) также, как и к вольнонаемным. В специфическом плане с ними работали гласно и негласно работники спецслужб – из комендатуры МВД, госбезопасности и т. п. Я и тогда, и до сих пор считаю и убежден, что подавляющее большинство лиц из этих категорий были нормальными советскими людьми, попавшими в беду не по своей вине, ставшими жертвами существовавшего режима. Но, среди них были, и не так уж мало, и притаившиеся и открытые враги советской власти. Одни из них были врагами этой власти и до Отечественной войны, а другие стали таковыми в результате репрессий, которым они подверглись. Так, еще когда я работал на руднике № 1, то столкнулся с экземпляром из

ПФЛ второй категории (фамилии не помню), который не скрывал и не стеснялся в открытую бахвалиться тем, что он служил в частях СС в Германской армии чуть не в чине капитана, как ему там было хорошо. Он с гордостью показывал татуировку на плече, взхлеб рассказывал окружающим его в этот момент «товарищам» как он развлекался, что пил и ел, и каких имел женщин, будучи в той армии. Он был достаточно грамотным человеком и использовался как маркшейдерский рабочий. Спецслужбы работали и результатом довольно часто становилось «исчезновение» того или иного ПФЛовца. Со временем оказывалось, что и он арестован и препровожден в другие, «не столь отдаленные места», и в дальнейшем становилось известным, что получил он 25 лет заключения или каторжных работ. На угольном руднике среди работающих из спецконтингента многие были из «тяжелой» категории, то есть, те, кто относился к советскому режиму достаточно враждебно и, соответственно, это отношение переносил на нас, инженерно-технических и руководящих работников. В связи с этим, поддерживать необходимый технологический процесс, нормы требований технической эксплуатации, техники безопасности и, в конце концов, просто трудовой дисциплины приходилось путем неимоверных усилий, постоянным надзором со стороны инженерно-технических работников, небольшого числа вольнонаемных бригадиров за счет их постоянного присутствия на рабочих местах. Поэтому руководящие сотрудники рудника, начиная с начальников участков, производственных отделов управления, главный инженер (в данном случае я), да и начальник рудника (Хван Н. Н.) большую часть суток проводили на руднике. Весьма сложные горно-технические условия: угольные пласты разной мощности, слабые вмещающие породы, породные прослойки и вкрапления в продуктивных пластах, самовозгорающиеся угли, приводившие к частым экзогенным пожарам в обрушенном пространстве и в плохо проветриваемых местах горных выработок, появившиеся и все более интенсивное выделение метана, резкое увеличение обводненности горных пород с понижением отрабатываемых горизонтов – весь этот «букет» был причиной большого числа аварий, подземных пожаров, затоплений горных выработок и несчастных случаев. В обычные дни, т. е. в дни, когда нормально шел рабочий процесс, добыча угля и проходка горных выработок были в пределах плана, мой

рабочий день начинался в семь – половине восьмого утра и заканчивался в восемь, девять вечера. В дни же непредвиденных обстоятельств – самовозгораний, переходивших в пожар, обрушений в добычных забоях, серьёзных несчастных случаях с тяжелым или летальным исходом – мы (главный инженер, начальник рудника, главные специалисты управления) находились на руднике и сутки, и двое и трое, принимая необходимые меры к ликвидации аварии, расследованию причин их возникновения и восстановлению технологического процесса. К этому еще следует добавить, что рудник работал по непрерывной неделе, т.е. и в воскресные дни, поэтому мы с начальником рудника, по очереди, дежурили на руднике через воскресенье.

Работая на угольном руднике в должности главного инженера, я очень быстро набирал опыт производства горных работ и руководства достаточно большим коллективом в сложнейших горно-технических условиях. Я освоил практические навыки работы в изолирующих аппаратах, имевшихся в то время на вооружении горно-спасательных частей, вместе с горноспасателями ходил в зараженную атмосферу для разведки обстановки в районе подземных пожаров или руководства работами по их тушению. Мною было предложено и я возглавил организацию работ по «зайловке» выработанного и обрушенного пространства для предотвращения загораний в нем потерянных при добыче углей. Для этого было создано с «нуля» специальное подразделение, приобретено и освоено специальное оборудование, обучены рабочие и инженерно-технические кадры.

Наверно надо особо пояснить, что я понял очень важное обстоятельство – меня направили на угольный рудник на должность главного инженера, должность весьма ответственную, не случайно. Обеспечение углем электроэнергетического сердца большого уранодобывающего и ураноперерабатывающего предприятия было весьма стратегической задачей и значительный перебой в поставке угля на «ТЭЦ-Б» значил остановку всего предприятия со всеми вытекающими из этого последствиями. Можно себе представить эти «последствия» в то время и при том режиме, напоминая, что это были 1951–53 годы!

Для того, чтобы обеспечить бесперебойное снабжение электростанции углем, очень важным фактором было своевременное вскрытие и подготовка новых запасов угля, что в указанных ранее горно-геологических и горно-технических усло-

виях, было делом весьма непростым. Расскажу лишь об одном, но очень запомнившемся, событии, связанном с этим. Ко времени моего прихода на рудник, как уже отмечалось, основным вскрывающим и откаточным горизонтом на шахтном поле 1 была штольня № 4. Подготовленные и отрабатываемые запасы угля на вышележащих горизонтах и привязанных к горизонту штольни № 4 довольно быстро «съедались». Для вскрытия новых запасов была начата проходка капитальной штольни № 10 на 60 метров ниже горизонта штольни № 4 (два горизонта). Этот горизонт должен был стать основным на первом шахтном поле и, поэтому, нашим проектом предусматривалась и фактически осуществлялась проходка этой штольни большим сечением, двухпутевой, крепление спаренными деревянными рамами, с прокладкой водоотводной канавки солидного сечения. Был сооружен красивый, бетонный портал, распланирована и оборудована большая поверхностная промплощадка и т. п. Для проходки этой штольни организовали проходческую бригаду из лучших на руднике проходчиков и оснастили бригаду новым проходческим оборудованием. Предусматривалось проходить забой скоростными, по тем временам, темпами. До вскрытия угольного пласта следовало пройти не менее 400–500 погонных метров. Был создан еще один горный участок, назначен начальник участка. Им стал горный инженер, назначены горные мастера, механик участка, то есть, была проведена вся необходимая подготовка для успешной работы и осуществлению намеченных планов. Планы успешно выполнялись и через пол года, или чуть больше, забоем штольни был вскрыт пласт пород, где должны были быть продуктивные пропластки угля. Но, увы, нормальных угольных пластов не оказалось. Начали проходку по простиранию напластований, штрек на восток, и лишь через 200–300 метров стали появляться признаки угля и, наконец, угольный пласт. За это время был, также, пройден капитальный вертикальный восстающий на горизонт штольни № 4 и организовано, таким образом, проветривание горизонта штольни № 10. Ещё ранее, во время проходки участка штольни № 10 перед районом возможного вскрытия угольных пластов, из левой стороны выработки и кровли появилось усиленное водовыделение, которому особого значения никто не придал. Но, с каждым днём приток увеличивался и всё с большим напором. Штольня № 10 к этому времени уже полностью была

оборудована постоянными узкоколейными путями, водоотводной канавкой с перекрытием, постоянным освещением и т. п. Место усиленного водовыделения было ближе к устью штольни, чем капитальный восстающий, служивший вентиляционным и запасным выходом для горизонтов штолен № 10 и 4. Приток воды нарастал, начался вынос мелких частиц пород, увеличивалось горное давление в районе водопритока. Водоотводная канавка стала интенсивно заиливаться, водоприток и горное давление нарастали. Замеры величины притока воды показывали уже угрожающие цифры – 50–100–150–200 кубометров в час! Крепь в этом районе стало ломать и принимаемые меры по восстановлению крепи не давали нужного эффекта. Водоотводную канавку очищать от ила стало невозможным, её полностью занесло породой. Крепь на участке, примерно, в 10 метров, проломало, произошёл завал горной выработки и она стала тупиковой, то есть, без проветривания и запасного выхода. Произошедшее событие намного времени задержало возможность подготовки к отработке новых запасов угля на 1-м шахтном поле.

Для обеспечения углем электростанции пришлось интенсифицировать добычу угля на втором шахтном поле, штольня № 9, где начальником участка был Волошин Иван Иванович. Угли на этом шахтном поле были более качественными, меньшая зольность, большая калорийность, чем на 4-м шахтном поле. На втором шахтном поле горные работы шли на трех горизонтах, из которых верхний, практически, уже был отработан и поддерживалась лишь часть штольни, как вентиляционная для выдачи отработанной вентиляционной струи. Отработка запасов угля велась «обратным ходом», то есть, от границ до устья штолен. Добыча велась «зонами» с обрушением выработанного пространства и очистные работы на нижележащем горизонте отставали от таковых на вышележащем на 80–100 метров. Чтобы увеличить объёмы добычи угля на этом участке необходимо было провести целый ряд мер. Дело осложнялось тем, что в обрушенном пространстве первого горизонта самовозгорелись потерянные при отработке угли. Пожар тлел уже давно, временами он становился более интенсивным, временами угасал. В выработанном пространстве оставалось много дерева, служившего крепью каждого обрабатываемого слоя, доски настила на почву слоя перед обрушением, который

становился кровлей для очередного слоя. Естественно и этот материал питал подземные пожары. Так как на этом участке еще не было организовано заиливание выработанного пространства, при обрушениях налегающих слоёв, пожар распространялся и во вновь обрушаемое пространство. Поэтому пожар распространился и на выработанное пространство второго горизонта. Горные работы на втором шахтном поле к этому периоду еще вентилировались за счёт естественного проветривания, то есть, за счет разности атмосферного давления, которое, как известно, меняется в течение суток, времени года и других атмосферных явлений. Таким образом, при отработке третьего горизонта и обрушениях, разогретые породы вышележащего обрушения повышали температуру воздуха в действующих забоях до отметок более 30 градусов (по Цельсию), а, при смене атмосферного давления, вентиляционная струя шла сверху вниз и загазовывалась и задымлялась атмосфера в них до смертельных концентраций. Всё вышеописанное и заставило нас, руководство рудника и, в первую очередь меня, главного инженера, ответственного и за безопасность работ, выполнить в сжатые сроки следующее:

1. У каждого восстающего к очистному забою смонтировать сдвоенные вентиляторы частичного проветривания и вентиляционные трубы, чтобы создать искусственное проветривание и избыточное давление в забоях, за счёт нагнетательной системы.

2. Сократить продолжительность пребывания рабочих в забое до 4-х часов, а, чтобы обеспечить круглосуточную работу забоев, перевести из других участков дополнительных рабочих-очистников.

3. Организовать постоянный отбор проб воздуха в каждом забое и разделку этих проб в кратчайший срок, для определения содержания в них вредных газов, и принятия необходимых мер в зависимости от результатов анализов.

4. Усилить горный надзор на участке, для чего сюда были направлены инженеры из отделов управления рудника.

5. Установить круглосуточное дежурство отделения ВГСЧ (военизированная горно-спасательная часть)

6. И, наконец, установить чрезвычайный режим работы для ИТР рудника, то есть, отлучаться с рудника только в крайней необходимости с разрешения начальника или главного инженера рудника.

В бытовых комбинатах на 2-м и 1-м шахтных полях были установлены раскладушки, организовано питание и основной состав горного надзора, инженеры и техники все 24 часа проводили на руднике, в основном в горных выработках, урывками, при возможности, умудрялись поспать.

Я, главный инженер рудника, в основном находился на 2-м шахтном поле, где обстановка была наиболее серьёзной и острой. Центральная газоаналитическая лаборатория, производившая анализ проб воздуха, находилась в центральном поселке, т. е. в 12–15 километрах от промплощадки 2-го шахтного поля и доставка их (проб) на автомашине занимала не менее 30–40 минут, производство собственно анализа ещё 30–40 минут и, если результаты были выше или на грани допустимых, по телефону передавалось сообщение (у телефона на участке круглосуточно дежурили) и, соответственно, исполнялись необходимые действия – дежурные горноспасатели и горные мастера срочно выводили рабочих из соответствующего забоя. Но результат анализа мы имели лишь через 1,5 часа! И каждому, даже не специалисту, ясно с каким риском и под каким прессом шла работа и какую ответственность брали на себя начальник участка И. И. Волошин и стоящий над ним главный инженер рудника, т.е. я, Бешер-Белинский. В таком режиме добыча на этом участке шла в течение 4–5 месяцев и, к чести участников её, не произошло ни одного серьёзного несчастного случая или крупной аварии. Были, при этом, ещё усугубляющие обстоятельства. Зона обрушения выработанного пространства расширялась по поверхности и стало ломать крепь сохраняемой части верхнего горизонта, сечение штольни уменьшалось и возникла угроза остаться участку без вентиляции. Чтобы избежать этой угрозы приняли решение вписать в оставшуюся часть сечения металлический короб из листовой стали толщиной 8–10 мм, который сваривали на месте, на исходящей вентиляционной струе. Все участники этой операции работали в изолирующих аппаратах, бывших на вооружении ВГСЧ. Как уже отмечал, я ранее натренировался работать в таких аппаратах, а здесь я получил очень хороший опыт, стаж, которые мне пригодились в будущем. Созданный таким образом короб дал возможность доработать весь период аврала и не сорвать поставку угля на ТЭЦ.

Одновременно шло восстановление заиленной штольни № 10. Здесь работы велись, практически, как новая проходка:

очистка от вынесенной породы, перекрепка в отдельных местах сгнившего крепления, для проветривания монтировались металлические трубы диаметром 500 мм. В соответствии с разработанным «Планом ликвидации аварии», утвержденном мною, впереди места производства работ, не далее 10-ти метров, устанавливался «Крест» из двух брёвен – это знак у горняков, означающий, что дальше этого знака проход запрещен. Работы велись непрерывно 24 часа. Вёлся, также, усиленный горный надзор. К этому периоду у меня уже был заместитель главного инженера, он же начальник участка вентиляции рудника. Эту должность занимала Лыбина Анна Викторовна, та самая, что работала ранее со мной на руднике № 1. Она вышла замуж за Волошина И. И. и переехала жить и работать в Сары-Бия. Так как я в этот период не так часто отлучался с участка штольни № 9, то обязал моего зама быть ответственным от управления рудника за работы на штольне № 10. По мере приближения восстановительных работ к месту завала штольни объём вынесенных пород становился больше, породы более обводненные и погрузка их в вагонетки усложнялась, темпы восстановления уменьшались. Чтобы иметь правильное представление о предстоящих ещё объёмах восстановления, я решил осмотреть состояние капитального восстающего, находящегося за местом завала штольни № 10. Осмотреть его можно было лишь со стороны штольни № 4. В соответствии с «Правилами...» в отдаленные и тупиковые забои следует идти не менее, чем двум человекам, поэтому я предложил пойти со мной Лыбиной А. В. Конечно, следовало в таком случае привлечь бойцов ВГСЧ, но, так как наличный состав ВГСЧ был занят на работах на 2-м шахтном поле, мы пошли самостоятельно. Мы благополучно спустились по лестничному отделению восстающего до уровня затопления его водой, это оказалось почти на уровне сопряжения восстающего со штольной № 10. Дышать было очень тяжело, не хватало воздуха! Мы стали подниматься, Лыбина впереди, то есть, выше по лестнице, а я ниже. Нагрузка нарастала, а дышать всё хуже и хуже. А подняться было необходимо на 60 метров! Примерно на середине расстояния Лыбина заявила, что больше не может подниматься. Я был вынужден грубо приказать ей двигаться дальше, не останавливаться. Наконец, я упёрся головой, простите, в попу Лыбиной и неимоверными усилиями проталкивал её вверх,

а она еле переставляла ноги на перекладины лестниц. Силы постепенно покидали и меня. Я понял, что если не найду силы и волю, то мы погибнем, ведь я никого не предупредил о том, что мы идем в указанный маршрут. Сознание путалось, но я упорно толкал Лыбину и собственное тело и всё же дотянул до устья восстающего и уже вытащил Лыбину на сопряжение со штольной № 4, благо, что это расстояние было небольшим. Нами, двумя горными инженерами с уже определённым стажем и опытом работ была допущена грубейшая ошибка, которая могла стоить нам жизни. Через пару дней я направил горноспасателей набрать пробы воздуха в восстающем и оказалось, что в атмосфере, по мере удаления от вентиляционной струи на штольне № 4, содержание кислорода уменьшалось и дошло до 11–12 процентов, при норме 20 процентов. О нашем случае мы, конечно, никому не рассказали, было стыдно!..

Ранее, до аварии на штольне № 10, для дальнейшего поддержания и развития производительности рудника, были начаты горные работы по проходке трех штолен, на трех горизонтах на третьем шахтном поле. Это шахтное поле располагалось в 5–6 км от основной промплощадки рудника, на восток, а по отметкам значительно выше. Горные работы горно-капитального характера велись в соответствии с открытием финансирования их. А строительство подъездной дороги к новому шахтному полю и к площадкам штолен почему-то не финансировалось и, естественно, не осуществлялось. Просто бульдозерами мы провели грунтовую дорогу шириной в одну колею. Благо, что грунты (наносные породы), глины и выветрелые мергели, позволяли это делать без особых мероприятий. Но эти же грунты при осадках летом и всю зиму не позволяли проезжать к шахтному полю на автотранспорте. Только на тракторах с тележкой-прицепом можно было добраться до мест работ, чтобы доставить необходимые материалы достаточно большой номенклатуры и, в дальнейшем, вывозить попутно добытый уголь. Такое несоответствие в плановом хозяйстве бывшего Советского Союза встречалось очень часто, как я всё больше стал понимать по мере того, как поднимался по иерархической лестнице. Начальником участка на третьем шахтном поле работал горный техник Спирин Иван, умный специалист, парень с хитрецей, не лишенный юмора. На работу и с работы ИТР и трудящиеся добирались пешком от бытового комбината на

основной промплощадки рудника. На третьем шахтном поле никаких поверхностных сооружений не строилось, бытовых помещений, кроме трех (на каждой штольне по одному) временных деревянных сараев для укрытия поверхностных рабочих, размещения бачков с водой и т. п., не было. Условия, прямо скажем, весьма тяжелые, ведь время в пути на работу и обратно с работы в рабочее время не входило, а добираться до площадки пешком, в гору, особенно, в распутицу по липкой грязи, приходилось не менее полутора часов.

Попутно добываемый уголь из проходческих забоев складировался в угольных отвалах, а так как вывозить его на тракторных тележках, которых тоже не хватало, не успевали, он самовозгорался, задымлял атмосферу в районе штолен, этот воздух захватывался устьевыми вентиляторами частичного проветривания и доходил до забоев. Все просьбы руководства рудника к руководству предприятия о выделении средств на строительство, в первую очередь, подъездных дорог, поверхностных сооружений, дополнительного транспортного оборудования оставались безответными по непонятным для нас причинам.

Я очень подробно описал обстановку работы на руднике, сложности, дал характеристику основным кадрам и рабочим, и инженерно-техническим, но хочу еще добавить, что несмотря на всё это работа шла довольно слажено, спускаемые сверху планы выполнялись.

Основные подразделения предприятия, рудники, в том числе и угольный, были хозрасчетными, им спускался целый ряд экономических показателей, вплоть до себестоимости единицы продукции при заданном качестве. Для угольного рудника — это тонна угля при плановой зольности. Кстати, планировалась работа рудника как планово-убыточная, то есть, при плановой себестоимости одной тонны угля, скажем, 100–110 рублей, отпускная цена его для ТЭЦ планировалась 78 рублей. Я никак тогда не понимал, зачем это так делалось? Ведь чем рудник больше добывал угля, тем больше приносил убытков! Лишь с годами, позже я стал понимать, что в Социалистическом плановом хозяйстве, практически, по подавляющему числу продукции, цены и оптовые и розничные, по «высшим соображениям» искажались до неузнаваемости. Я опять ушел от основной мысли, так вот, коллектив рудника планы выполнял, участвовал в социалистическом соревновании между рудниками

предприятия, был не на последнем месте! И это приносило определённую удовлетворённость, даже гордость! И не только у меня, а у большинства и ИТР и многих рабочих и обслуживающего персонала.

После этого серьёзного рассказа о производственных делах необходимо, наверное, обрисовать и обстановку в личном плане, которая не менее важна в жизни и оказывает значительное влияние на все обстоятельства и производственные, и прочие.

ГЛАВА 7

Наш первый сын и первый автомобиль

Как я уже говорил выше, мы, т. е. я и моя молодая жена Юля, после свадьбы недолго прожили в предоставленной нам комнате и переехали из центрального поселка Майли-Су в выделенную двухкомнатную квартиру в поселке Сары-Бия. Юля продолжала работать в управлении предприятия заместителем главного энергетика и добиралась до работы на попутном транспорте, или на редко курсирующем между посёлками автобусе. Это было совсем не легко, особенно в зимний период, да к тому же она и была уже в «интересном положении». Даже вернувшись домой после трудового дня, она вынуждена была ещё ожидать моего возвращения, которое никогда не было предсказуемым. А вернувшись с работы, я, как правило, съев ужин, засыпал за столом. В течение ночи тоже, обычно, раздавалось несколько телефонных звонков с рудника по разным поводам, то не подаётся порожняк для выдачи «на-гора» угля, то недостаточно подано автобазой единиц самосвалов для вывоза угля из бункеров, то у рабочего произошла травма с серьёзными повреждениями или возник новый очаг подземного пожара. В последних двух случаях приходилось немедленно отправляться на рудник. Несмотря на то, что я спал, казалось, крепко, но телефонный звонок немедленно поднимал меня. Это уже выработалось у меня с первого года работы. Ещё я просыпался сразу, как только раздавались звуки работы бульдозера на бункерном складе угля «ТЭЦ-Б». Дело было в том, что дом, в котором мы проживали, располагался напротив территории электростанции, находившейся на противоположном берегу сая. Работа бульдозера означала, что подвоз угля с рудника отстаёт от потребности и уголь в питательные бункера подаётся из резервов, значит на руднике что-то не в порядке и приходилось звонить на рудник, выяснять причины недопоставки угля и принимать необходимые

оперативные меры. Вот в таком режиме и обстановке проходил наш первый год (и не только он) совместной жизни. Естественно, это никак не укрепляло нашу любовь. Происходили ссоры и размолвки, но и я и Юля понимали, что в корне изменить что-либо невозможно. Мы реже, чем прежде, но встречались с друзьями, стали дружить с семьёй Хвана Н. Н. (детей у них не было). На руднике и в воскресные дни производился значительный объём работ по ремонту основных горных выработок (перекрепка), оборудования, заготовка элементов крепи (венцов, рам, стоек и др.), вывозка угля из отвалов и т. д. Поэтому, мы с Хваном, по очереди, через воскресенье, дежурили с утра до 17–18 часов.

Кстати, на руднике работал на должности заведующего хозяйством (складские объекты, содержание бытового комбината и управления, подсобных объектов и прочих) интересный человек Евгений Семенович Малый. Он был старше по возрасту и Хвана и меня, фронтовик. В то же время он был бессменным секретарем партийной организации рудника и членом парткома предприятия. Мы очень уважали его за мудрость, подсказки по многим вопросам взаимодействия с разношерстным трудовым коллективом и умение с юмором и прибаутками находить компромиссные решения в возникающих разногласиях между людьми. Евгений Семенович всегда был и участником нашей небольшой группы ИТР рудника, собиравшихся по тем, или иным поводам немного «разрядиться» с приемом допустимого количества выпивки. В одном из таких «собраний» он рассказал, что в ноябре или декабре 1949 года был участником заседания партийного комитета предприятия, на котором рассматривался окончательный список представлений к государственным наградам трудящихся, связанных с выполнением важного государственного задания. В этом списке значилась фамилия Бешер-Белинского Л. Б., представляемого к Орденом Ленина. Понятно, что этого не состоялось потому, что в самом начале января 1950 года на руднике № 1, где я был главным инженером (и пострадавшим), произошла известная читателю авария с жертвами. Указ о награждении, после многочисленных ступеней согласований на разных уровнях, вышел позже.

Иногда мы с Юлей проводывали и мою маму, которая работала в Майли-Сайском отделении милиции следователем. Так прошло время до того момента, как Юлии уже казалось, что она

вот-вот родит, а преддрового отпуска ей почему-то не давали. Лишь в середине января 1952 года Юля получила декретный отпуск, а я взял трудовой и мы уехали в Ташкент, к Юлиным родителям. И, вскоре, 24-го января Юля благополучно родила сына, которого мы, с полного согласия родителей с обеих сторон, назвали Борисом. Это в честь прадеда с Юлиной стороны и деда с моей. До этого у нас было ещё одно радостное событие – мы купили автомобиль! Это был «Москвич-401». На предприятие поступали ежегодно по несколько этих автомобилей. Они уже были лучше тех, что поступали в 1949 году, двигатель мощнее, аж 23 л. с., шины пошире и цена стала не 11 тысяч, а 9 тысяч рублей. Цена нас не смущала, так как заработки у нас были весьма приличными по тем временам. Желаящих приобрести автомобиль было больше, чем их поступление, и распределялись они только руководством предприятия в порядке поощрения лучших трудящихся. До приобретения автомобиля я уже готовился к этому и мы (я и Хван Н.) самостоятельно изучали «Правила движения...» и другие материалы, сдали необходимые экзамены и получили права на вождение легковых автомобилей без права найма. Таким образом, после родового отпуска Юля с сыном и её мамой, Рахиль Исаевной, приехали в г. Андижан и я их встречал на собственном автомобиле. По дороге домой, а проехать следовало более 70 километров, произошел казус, о котором хочу рассказать. Автомобильная дорога от перевалочной прирельсовой базы предприятия (от границы г. Андижана) до нашего городка Майли-сай поддерживалась соответствующим подразделением предприятия, то есть производился ямочный ремонт, периодически (примерно раз в год) возобновлялся верхний рабочий слой. Этот слой (мы его называли «асфальт») приготавливался путём смешения гравия с битумом, а затем эта смесь равномерно раскладывалась грейдером по всей ширине дороги на ремонтируемом участке и укатывалась тяжёлыми катками. Выполнялась эта операция так: гравийно-песчаная смесь доставлялась с карьера на определённый равнинный участок у трассы, вне её габаритов, на неё проливалось необходимое количество нефтебитума и эта смесь бульдозером перемешивалась. Через некоторое время пропитанная смесь завозилась на трассу и раскладывалась по оси дорожного полотна на протяжении нескольких километров в виде вала с бороздой в середине. Проезжая часть автодороги

разделялась таким образом на две полосы, по одной в каждом направлении движения. После дополнительной пропитки этого вала нефтебитумом, грейдером вал раскладывался на всю ширину дороги и укатывался катками, да и проезжавшим автотранспортом. Так вот, когда мы двигались по такому ремонтному участку, я увидел, что впереди, примерно в 1–1,5 километрах, грейдер, двигаясь по моей стороне, раскладывал вал. Я принял решение переехать на встречную полосу, где на обозримую часть дороги, встречного транспорта было не видно, да и нашёлся прогал в валике. Но через небольшой промежуток времени, впереди показался движущийся навстречу на порядочной скорости грузовик и я, как законопослушный водитель, решил переехать на сторону правого движения, но вал был слишком высоким для «Москвича». Попробовал, всё же, преодолеть его, нажал на газ до предела, передние колёса прошли вал, а задние, ведущие, на какое-то время забуксовали. Но не успел я отреагировать, как пробуксовка закончилась и автомобиль вырвался из вала, а я вырулить на проезжую часть не успел, и автомобиль, к счастью, довольно плавно, опрокинулся в глубокий кювет, лёг на правый бок, где впереди, рядом с водителем, сидела Рахиль Исаевна, держа на руках малыша Бориску! Я быстро открыл дверь с моей стороны, вышел, через эту же дверь извлёк из автомобиля сына и тещу, Юля тоже вылезла с левой дверки. Все оказались целыми и невредимыми, отделавшись легким испугом и небольшими ушибами. Подъехал трактор с грейдером, тракторист быстро прицепил наш автомобиль тросом, грейдерист, я и водитель встречного автомобиля старались приподнять правый бок «Москвича», а трактор вытащил наш авто на трассу. Машина без всяких фокусов завелась, даже существенных царапин не оказалось и мы благополучно доехали домой.

Рахиль Исаевна прожила у нас пару месяцев и это очень облегчало нашу и, особенно Юлину жизнь, помогала освоить способы ухода, кормления и другие тонкости обращения с крошкой-сыном. Но, отец Юлин, Макс Борисович, офицер советской армии в чине майора, часто отправлявшийся в командировки по объектам Туркестанского военного округа (ТУРК-ВО), не мог долго обходиться без супруги и она вернулась в Ташкент, а нам стало значительно труднее и сложнее жить. Мой режим работы не только не улучшался, а еще усугубился,

события, ранее описанные мною, произошедшие на штольне № 10, интенсификация добычи угля на втором шахтном поле и другие «прелести» пришлось, как раз на этот период. Юля на разных видах транспорта добиралась на работу и обратно, нанимаемые «няньки» не удовлетворяли минимальным требованиям, плюс Юля простудилась, началась грудница, пропало грудное молоко, имевшаяся в центральном посёлке «детская кухня» не могла обеспечить всех нуждающихся в её услугах. Я не мог выполнить все предъявляемые мне справедливые требования Юли, наша совместная жизнь начала давать трещину! В конце концов, мы приняли согласованное с Юлиными родителями решение и Юля увезла шести–семимесячного Бориска в Ташкент и оставила его на искусственном питании у своих родителей. Это стало началом того, что наш старший сын, Борис, практически, больше времени воспитывался у бабушки с дедушкой, чем у нас, до студенческого возраста. Возникает справедливый вопрос, а что же вторая бабушка, моя мама, которая проживала в нашем центральном поселке, не поспешила нам на помощь? Чтобы прояснить этот вопрос, следует вернуться к некоторым деталям моей биографии, что я и сделаю в очередной главе.

ГЛАВА 8

Немного об истории семьи. Одесса.

Донбасс. Началась ВОВ

Родился я в небольшом провинциальном городке Бершадь, Винницкой области (каково было тогда административное деление, я не знаю). Но, в нём я никогда больше не был, так как в восьмимесячном возрасте был увезен к бабушке, в еврейское местечко Тростянец, Винницкой же области. Здесь я воспитывался до 4–5 лет отроду. С бабушкой Ханой (Евой) я проживал на втором этаже двухэтажного дома, принадлежавшего семье Белинских. Мой дед, Йохим, по рассказам моей бабушки и других членов семьи, с которыми я общался в последующей жизни, был очень хорошим дамским портным и пользовался большим авторитетом, как специалист в среде местной помещной элиты. Поблизости от местечка находились усадьба и угодья крупного помещика, семья которого большую часть года проживала в Париже. Так вот, приезжая на летний сезон в именье, она (мадам) привозила Парижские журналы мод и дед шил ей платья и пальто так, что она блистала в них в Париже. У деда с бабушкой было три сына – Гриша, Володя (Велвел), Илья – и дочь Дора, которая и стала моей мамой. Старший сын, Гриша, уже где-то в 1905–7 годах ушел из дому и примкнул к орудовавшему в Молдавии отряду Григория Котовского. По рассказам дяди Гриши, он довольно близко дружил с Григорием Котовским, тёзкой. Из «бандитов» они перешли в Красную Армию и дядя Гриша провоевал в рядах котовцев до первой половины 20-х годов. О дяде Грише мы ещё узнаем, если будет интересно. Младший сын, Илья, получил среднее образование, кажется в Одессе, и стал революционером (я не знаю, каким?). Он участвовал в революционном движении, революциях и стал бойцом Красной Армии. Прошёл всю Гражданскую войну в рядах Конной Армии и был комиссаром казачьей сотни. Имел

ранения и контузии. В родное местечко уже не возвращался. Из армии ушёл в первой половине 20-х годов, обосновался в Одессе, где закончил Педагогический институт, а затем Электротехнический. Женился и у него родился сын, которого называли Вил (в честь Владимира Ильича Ленина). Средний сын, Володя, оставался в родном местечке и стал парикмахером, женился и со своей семьёй жил в отцовском доме. В 1919 г., при очередном еврейском погроме, все евреи-мужчины были согнаны в какое-то каменное здание на окраине и порублены саблями и расстреляны. В эту бойню попали и мой дед Йохим и дядя Володя. Через несколько дней оказалось, что дядя Володя, по счастливой случайности, остался жив, был лишь порублен шашкой, разрублены щёки, язык, грудь и др. Он остался лежать среди груды убитых, а затем смог выбраться, спрятаться и, наконец, добраться домой, где получил помощь и выжил. Дед же мой, Йохим, погиб в этом погроме (Да будет Благословенна Память о нем!). Говорят, что дядя Гриша с отрядом бойцов появился в Тростьянце через некоторое время и провел акцию по выявлению участников еврейского погрома, и уничтожил многих из них. В этой операции принимала участие и моя мама Дора.

Самый младший ребёнок, дочь Дора, была отправлена учиться в гимназию, но её не закончила, в связи с начавшейся Гражданской войной. Она включилась в общественную деятельность, стала работать в органах ЧК, вернее, по её поручениям, в органах советской власти, женсоветах и подобных организациях. Но маленькое местечко ограничивало возможности такой работы и Дора уехала в город районного значения, Бершадь. Здесь она вышла замуж за Бориса Бешера, который и стал моим отцом. Через много лет я узнал, что это был уже второй его брак. Очевидно, моим родителям было не легко возиться со мной, особенно маме, общественнице, и меня, несколько-месячного, в конце 1926 или начале 1927-го годов, привезли в Тростьянец, к бабушке, где я и воспитывался. Как помните, мы с бабушкой проживали на втором этаже, а на первом жила уже большая семья дяди Володи: он с супругой, два сына и дочь. Родителей своих я не видал до 30-го года. Помню, что однажды бабушка собрала свои и мои вещи, нас проводили куда-то, затем мы очутились в вагоне поезда и, через какое-то время, нас встретила моя мама в Одессе, где она жила уже без моего

папы. Они разошлись. Мама, Белинская Дора, жила в комнате, довольно большой, по моим тогдашним понятиям, в которую вход был прямо со двора. Двор находился по адресу: улица Свердлова № 55, это бывшая Канатная улица. Когда, на много позже, я читал «Белеет парус одинокий...» В. Катаева, то почему то в душе гордился тем, что и я жил на Канатной улице, где жил Гаврик! Двор был поблизости от угла пересечений с улицей Большой Арнаутской (а может быть Малой Арнаутский, уже не помню!). От улицы двор отделялся каменным забором, в котором были высокие ворота и калитка. За воротами было довольно большое свободное пространство, слева ограниченное тоже забором, за которым высились корпуса канатной фабрики, а справа шли два или три одноэтажных жилых (кажется частных) домов, а затем, высокое одноэтажное кирпичное здание маслобойного цеха. С этого места двор разделялся на два «рукава» каменными строениями, которые служили складами маслобойного цеха и в которых хранились семена подсолнечника, то есть сырьё, и бидоны с подсолнечным маслом, продукция, и жмых, то есть, используемые отходы производства. В левом «рукаве» по левой стороне в каменных одноэтажных строениях, тыльной стороной примыкавших к забору канатной фабрики, очевидно, ранее, также склады, теперь располагались жилые квартиры. Вот такая однокомнатная квартира была выделена моей маме, которая работала в это время в одном из районных отделений милиции. Комната была довольно сырой, уровень пола был ниже уровня почвы улицы сантиметров на десять. Но, как говорили мама и бабушка, большое счастье, что удалось получить такую квартиру и в хорошем районе. Ну, естественно, все «удобства» во дворе в специальных, деревянных сооружениях.

В начале нашего двора, справа в первом собственном доме проживала семья нэпмана. В доме, довольно большом, кроме жилых помещений, было производство повидла и варений многих сортов, а рядом с дворовой калиткой, внутри двора, стоял большой деревянный ларек с выходящим на улицу окном-стойкой, на которой были выставлены образцы товаров и шла их реализация. Сам нэпман, его супруга и дети (сын и дочь постарше на 2–4 года меня) были очень полными и крупными. Большинство проживавших в нашем дворе семей, кроме семьи нэпмана, были ниже среднего достатка и мы, дети, свободно

общались между собой по возвратным меркам. Натянутыми были только взаимоотношения между нэпмановскими детьми и их сверстниками из других семей. Мама моя работала очень много, уходила рано утром и приходила с работы, практически, когда я уже спал. Я полностью был лишь на воспитании и под надзором бабушки. Она же вела домашнее хозяйство и экономику семьи. Бабушка Хава (Ева) была ещё полна энергии, довольно красивая женщина выше среднего роста, умела вкусно приготовить всякие украинские, молдавские и еврейские блюда. По русски разговаривала, но с сильным акцентом и с половиной украинских слов, а основным, родным языком был еврейский, идиш. В местечке и я разговаривал только на идиш и русский освоил лишь здесь, в Одессе. Я рос, а жизнь становилась всё тяжелее, надвигался и пришёл голод. Мы, дети, подпитывались подножным кормом, во-первых жмыхом подсолнечных семян после отжима масла. Не можете представить себе, какая это вкуснятина! Во-вторых, мы умудрялись через оборудованные решётками вентиляционные окна складов красть в достаточных количествах семечки подсолнухов. А, иногда, и доставались нам очищенное от шелухи семя, ну это уже было сверх блаженство! Да и жмых (мы его называли по украински «макуха») от семян без кожуры – это ещё более вкусный «деликатес»! Бывало, что и нэпман угощал нас, детей 5–7 летних, очевидно из жалости, повидлом своего изделия и это превращалось для нас в праздник. На улицах стало появляться всё больше просящих милостыню, сидящих и лежащих на тротуарах людей, и, зачастую, оказывалось, что это уже умершие. На сколько я понимал, бабушке немного помогал и сын Илья, в это время проживавший в Одессе, кстати, тоже на улице Канатной. А старший брат, Григорий Белинский, в это время жил в городе Сталино, в Донбассе. Работал он рядовым милиционером. Город Сталино – административная столица Донбасса, одного из самых развитых промышленных районов Европейской части СССР, главный поставщик энергетических и технологических углей снабжался намного лучше, чем Одесса и её округа. И дядя Гриша посоветовал маме переехать в Сталино. Гриша с семьёй проживал на одной из дальних окраин города, в посёлке Сталинского азотного завода, первенца азотной промышленности Союза. Семья его состояла из супруги, тёти Сони, и четырех дочерей, из которых к этому времени

старшая, Евгения, работала следователем в одной из районных прокуратур, имела свою семью и жила в г. Горловке, Сталинской области. Анна (вторая дочь) вскоре вышла замуж и переехала в город Енакиево (в Донбассе же), а Бэлла и Ольга учились в школе. Семья занимала трёхкомнатную квартиру с небольшим приусадебным участком в двухквартирном коттедже. Переехав в Сталино, мама была принята на работу в городской военкомат на должность начальника военно-учётного стола Смоляниновского района. Ей выделили квартиру в рабочем общежитии Азотного завода. Это было четырехэтажное каменное здание на окраине посёлка. На первом этаже общежития в каждой комнате размещалась семья, а в начале и в конце этажа были коммунальные кухни, а на 2–4 этажах в каждой комнате проживали по 5–6 работников-холостяков. Подавляющее большинство и холостяков, и семейных были работниками Азотного завода, но жили и трудящиеся других ведомств. В частности, проживала семья заведующего учебной части средней школы, в которой я начал учиться с сентября 1933 года после нашего с бабушкой приезда. Неподалёку от нашего дома, в полукилометре, действовал прекрасный по тем временам Дворец культуры. Это было самое большое здание в посёлке. В нём размещался большой кинотеатральный зал, мест на 400, с большой сценой, а в трехэтажной административно-бытовой части было много комнат и залов для кружковых работ, занятий физкультурой и др. Действовало много кружков и для детей и для взрослых драматического, музыкального направления, гимнастики, изобразительного искусства, фотодела и многих других. Почти ежедневно в Дворце культуры проходили какие-либо развлечения, или сеансы кино, или спектакли приезжих театров, или цирковые представления, или концерты собственной художественной самодеятельности. Вскоре я поступил в ученики в духовой оркестр, который функционировал при Дворце культуры. Руководил оркестром профессиональный дирижер и музыкант-кларнетист Ян Станиславович Мицкевич, бывший капельмейстер высокого ранга в Царской армии, в генеральском чине. Оркестр состоял из 12–15 профессиональных музыкантов и 15–20 учеников на разных инструментах. Все профессионалы и руководитель оркестра числились на разных рабочих должностях на Азотном заводе, где и получали заработную плату, а фактически ежедневно с

утра и вечером по три часа репетировали, обучали нас (учеников). У Яна Станиславовича была дома большая нотная библиотека, он очень любил классику, сам прекрасно играл на кларнете. Подобрал он и прекрасных профессионалов, таких как баритонист Кобелев, трубач Яковлев (мой непосредственный учитель) и другие. Кроме кружковой работы, оркестр всегда шёл в голове колонны трудящихся завода на праздничных демонстрациях, играл на торжественных собраниях коллектива завода, выступал в концертах художественной самодеятельности и на похоронах заслуженных людей по указаниям руководства завода. Я в учёбе на трубе делал хорошие успехи и, через год, мне уже доверяли играть соло партии второй трубы на концертах. Я хорошо учился и в школе, всегда был вторым или первым по успеваемости учеником в классе, но не всегда по поведению. А мама моя, по-прежнему, работала с раннего утра до позднего вечера и я её видал очень редко. Здесь, в заводском посёлке, мы прожили до 1939 года. Я закончил шестой класс, стал неплохим трубачом. Лето, как правило, проводил в поселке и лишь в последние каникулы месяц был в пионерском лагере, расположенном в лесу, около немецкого колхоза-колонии «Мемрики». Осталось в памяти и то, что все семьи трудящихся завода имели огородные участки, которые располагались за окраиной посёлка, за нашим домом и за Дворцом культуры с тыльной стороны. Огороды занимали большое пространство между нашим посёлком и посёлком шахты № 10–10-бис. Огороды были огромным подспорьем, дающим возможность выжить. Ранней весной огороды вскапывали, затем высаживали, главным образом, картофель. Почти у каждого хозяина, оставалась небольшая делянка для чего-либо вкусного – зеленого горошка, мака, подсолнуха и др. Мы, мальчишки, часто устраивали набеги на чужие огороды, срывали созревшие и полусозревшие горошек, а особенно мак. Из коробочек мака «вылущивали» по полному картузу (фуражке) зерен мака и прямо из этой шапки набирали полный рот макинок, прожёвывали кое-как, и так пока не закончится весь. А осенью было блаженством вечерком собраться гурьбой и накопать остававшиеся в лунках после уборки урожая картофелины и на разведенном из ботвы костре печь их, обжигая пальцы, кушать под общий смех и радость, а затем прыгать через пламя костра. Расходились уже поздно, в 10–11 вечера. Жизнь постепенно улучшалась,

снабжение продуктами и промтоварами увеличивалось. Но и нарастала в семье какая-то тревога, мама с бабушкой о чём-то шептались. Я понял, что идут аресты, уже посадили некоторых крупных работников системы военкомата, в том числе и областного военного комиссара по фамилии Альтман, носившего тогда ромб в петлицах! Но, мама продолжала работать и учиться на юридических курсах и успешно их закончила. В этом ей помогла племянница Евгения, старшая дочь дяди Гриши, уже много лет работавшая в системе прокуратуры. Мама была «трудоголиком», полностью отдавалась работе и у неё всё получалось. Она была передовиком в своей сфере труда, да и трудящиеся её уважали, за ней, даже закрепилась кличка «Смоляниновский Ворошилов».

В конце 1938 года мама перешла на работу в городскую прокуратуру г. Сталино на должность следователя. Прокуратура размещалась в центре, на 1-й линии. Подавляющее число параллельных улиц, идущих с Запада на Восток, назывались линиями, хотя и имели названия. 1-я линия называлась улицей имени Артёма, но горожане всегда называли улицы по старому – линиями. Добираться на работу и обратно, особенно, если учесть ненормированность продолжительности рабочего дня, маме было очень сложно и, понятно, мы с ней виделись, по-прежнему, от случая к случаю. Город Сталино, бывшая Юзовка, исторически сложился из отдельных посёлков при шахтах, заводах. Почти в центре города до 1941 г. действовала шахта № 7 (за правильность номера не отвечаю). В состав города периодически, по мере развития строительства, включались посёлки. К описываемому времени в состав города входили такие отдалённые посёлки, как машиностроительного завода имени 15-летия ВЛКСМ (бывший завод Базсе), посёлок нескольких шахт Рутченково, посёлок шахты № 11 имени Шверника – Смолянка (районный центр) и другие. К этим большим окраинам подходили трамвайные линии, связывающие их с центром города. А от конечной остановки трамвая на Смолянке до посёлка Азотного завода, где мы жили, надо было в любую погоду идти пешком 3–4 км.

К началу нового 1939–40 учебного года, в июне или июле маме выделили квартиру в самом центре города, на 1-й линии (ул. Артёма), в одноэтажном доме, стоящем прямо напротив Дома Советов, где располагались Областной и городской Сове-

ты и много других государственных учреждений. Наша квартира состояла из одной комнаты, примерно 16–18 квадратных метров, через которую проходили соседи в свою комнату (двухкомнатную квартиру занимали две семьи). Кухней служил небольшой тамбур, вход в который был с улицы. В нём стояли две тумбы-столы, на которых размещались керогазы или электроплитки и над ними на стенке висели кастрюльки, поварёшки и пр. Я поступил в среднюю школу № 2, которая находилась на 2-й линии, практически очень близко от нашего дома. Начал учиться в 7-м классе. Стал посещать Дом Пионеров, тоже находившийся на 1-й линии, играл в духовом оркестре. Но, жить в такой квартире втроём (мама, бабушка и я) было невмоготу и мама принимала самые энергичные меры, которые успешно закончились выделением ей двухкомнатной квартирki на той же улице Артёма, в доме № 13, вход с большого двора на второй этаж по внешней лестнице в одном из крыльев большого Г-образного двухэтажного дома. Мы переехали в эту квартиру и все были очень счастливы. Маме на работу пять минут ходу, бабушке в магазин за продуктами – прямо в нашем доме, в длинной части буквы «Г» находился большой продуктовый магазин, вход с улицы Артёма, а служебный вход и все складские помещения магазина с нашего двора. Да, собственно, основные покупки поручались делать мне. Опыт покупок продуктов для семьи я приобрёл, ещё живя в общежитии Азотного завода. Кроме покупок, которые поручала мне бабушка, я часто бегал за разными продуктами по поручению живших в общежитии холостяков, чаще это была водка, папиросы, колбаса или другие закуски. Возможно общение и «дружба» с холостяцкой частью жильцов и привело к тому, что я с некоторыми моими соучениками уже в четвёртом классе начал покуривать папиросы и, вскоре, стал заправским курцом, уже в седьмом классе я «вышел из подполья» и курил при маме и бабушке. Несмотря на переезд в другой район, я продолжал учиться в прежней школе № 2 и не ушёл из неё и в следующем учебном году и продолжал принимать активное участие в работе оркестра в Дворце Пионеров.

Жизнь в Донбассе, наверное, как и во всём Советском Союзе, становилась лучше и лучше, продукты в большом ассортименте (по тем представлениям) в магазинах по весьма доступным ценам, одежда, ткани и другие промтовары тоже становились

более доступными. Учился я по-прежнему хорошо, продолжал быть, если не первым, то вторым учеником в классе. Сдружился очень с некоторыми соучениками, большинство из которых были из интеллигентных семей с достатком выше среднего – Эдик Злобинский, Яков Перельштейн, Виктор Михайлов, Вилля Альтман, Борис Сегал. Мы дружили, проводили часто вместе свободное время после учёбы в школе и в выходные дни. Следует вспомнить, что в то время была пятидневная рабочая неделя с выходными днями 6-го, 12-го, 18-го, 24-го и 30-го числа каждого месяца. Отмечали дни рождения, праздники и т. п. Слушали патефонную музыку, и девочки начали обучать нас, мальчиков, танцевать ставшие модными танцы – танго, фокстрот, вальс. Зимой ходили на каток, где можно было взять на прокат коньки с ботинками, играла музыка. В общем, это были, пожалуй, самыми лучшими годами моего отроческого периода жизни. Мне кажется, что 39–40-е годы были самыми лучшими для большинства населения СССР, с точки зрения снабжения продуктами питания и ширпотребом, и относительно доступными ценами на них.

Так как я часто занимался покупками продуктов (о чём уже говорил) и хорошо помню цены на некоторые, то стоит и сообщить их: хлеб (буханка) в зависимости от сортности, от 60 – 70 копеек за чёрный, 1 руб. 10 коп. – 1 руб. 30 коп. за серый, 1 руб. 50 коп. – 1 руб. 70 коп. за белый и от 2 руб. 70 коп. до 3 руб. 20 коп. за очень белые с изюмом, маком и др., которые потребляли лишь богатенькие. Наша семья пользовалась хлебом стоимостью 1,10–1,30 руб. за буханку. Водка пшеничная, 0,5 литра, стоила 6 руб. 05 коп., причём на этикетке приводилась калькуляция: водка – 5 руб. 50 коп., бутылка – 50 коп., пробка – 05 коп.; папиросы стоили (одна пачка 25 штук) от 35 коп. («Дон»), 65 коп. («Тачанка»), 1 руб. («Красная звезда»), 1 руб. 30 коп. («Беломор-канал»), 2 руб. («Пушки»), 3 руб. 15 коп. («Казбек»), 4 руб. 50 коп. («Северная Пальмира»), были и дороже, но я уже не знаю их цен. Сливочное масло – 3 руб. за кг., а вот Советское шампанское стоило 22 руб. за бутылку, но кто его пил!? По понятиям людей моего круга, только «профессура»! Но такие вещи, как часы наручные, были принадлежностью немногих, а велосипед был предметом роскоши.

Друзья: Виктор Михайлов, Эдик Злобинский, Виля Альтман, Яков Перельштейн, Леонид Бешер-Белинский. г. Сталино. 1940 г.

Мама моя продолжала работать в прежнем темпе, днём и часто по ночам. Мне запомнился довольно большой период соркового года, когда по всей Стране (мама рассказывала) проходила кампания по «потрошению» виноделов и виноторговцев. В городе Сталино было много магазинов и магазинчиков (очень часто в подвальчиках и полуподвальчиках), где продавали вина даже на разлив, вина обычные, рядовые и элитные. Жители города и шахтёрских поселков выпить умели и желали. В производстве вин, торговле ими имелись значительные злоупотребления – пересортица, недолив, «левое» производство, подпольные цеха и прочее и прочее. Были созданы бригады сотрудников прокуратур, милиции, МВД, которые и днем и ночью производили обыски в квартирах подозреваемых, магазинах, складах, допросы, дознания и т.п. В кабинете моей мамы, в горпрокуратуре, стояли горы опечатанных бутылок для экспертизы (я часто заходил в прокуратуру, к маме по всяким поводам). Теперь ясно, что моя мама не была никогда, с самого юношества, домохозяйкой, не умела готовить на кухне, вести домашнее хозяйство и даже нянчить ребёнка. Поэтому, и не могла оказывать нам, молодым родителям, существенную

помощь, да и оставлять работу ей, одинокой, не имело смысла, так как она и не собиралась жить с нами.

А чтобы закончить эту главу, я, коротко уже, доскажу о самых значительных с моей точки зрения, событиях 39–41 годов, пережитых до ухода из города перед его сдачей немецко-фашистским захватчикам. В 1939 году, после того, как Советский Союз освободил Западные части Украины и Белоруссии (я выражаюсь так о тех событиях, как знал и понимал о них тогда, а не так, как знаю о них сегодня), к нам, в город стало приезжать довольно большое число беженцев из этих областей, с целью найти работу, жильё, обустроиться в Советских условиях. Один из них был принят на работу в нашу школу преподавателем немецкого языка, звали его Оскар Семёнович (фамилию не помню). Это был очень симпатичный человек, лет тридцати, очень плохо говоривший на русском языке. Он, фактически, уча нас немецкому, учился, с нашей помощью, русскому разговору. В моём классе я ему был помощником, потому, что я понимал почти всё на немецком бытовом, так как знал еврейский язык, идиш. Я помогал ему общаться с учениками класса, как переводчик, довольно продолжительное время, но он очень быстро освоил русскую речь и я уже мешал ему, так как мне немецкий давался легко, а дисциплиной я не отличался. Поэтому Оскар Семёнович, приходя на урок, предлагал мне покинуть класс, что я с удовольствием выполнял и проводил это время вне школы, а Оскар ставил мне пятёрки. В 40-м, во время Финской компании, собственно, Советско-Финляндской войны, в городе появились военные госпитали и в них раненые советские воины. Раненых было много и даже учащихся школы № 1 перевели в близлежащие школы, а здание преобразовали в госпиталь. Ученики старших классов стали шефами раненых и наш класс курировал одну палату раненых. Мы, по несколько человек, приходили к подшефным, приносили подарки, развлекали больных, помогали санитаркам и т.п. А подшефные отплачивали нам своей доверительностью, рассказывали всякие истории из гражданской и военной жизни, действительные и, иногда, вымышленные. А мне и ещё нескольким учащимся доставались, ставшие дефицитом папиросы, которыми нас щедро угощали подшефные.

Не менее трёх раз, в летние каникулы, мама меня устраивала на месячный заезд в один и тот же пионерский лагерь, принад-

лежавший какому-то крупному предприятию. Лагерь этот находился на одной из больших полей в лесу, в северной части области. Северо-Восточная часть Украины находится в лесостепной климатической зоне. В 2–3 километрах от нашего пионерского лагеря, уже в степной части, размещался очень красивый, чистенький посёлок, под названием «Мемрики». Это была деревня немецкого колхоза, а в прошлом немецкой колонии. Посёлок был застроен большими одноэтажными коттеджами с четырёхскатными черепичными крышами, при каждом доме довольно большой участок земли, на котором размещались разные подсобные помещения, амбары, сараи для инвентаря, для скота и, как правило, фруктовые сады, где росли и хорошо плодоносили яблони, груши, сливы, вишня, черешня и другие прелести, а у домов были разбиты клумбы с разнообразными цветами. Деревня состояла из одной улицы, довольно широкой, усадьбы по одну и другую стороны. Каждая из которых отделялась от улицы красивым забором, с воротами и входной калиткой. В центре деревни, на небольшой площади, высилась католическая церковь (костел), с красивыми витражами (на неизвестные для нас темы росписи), внутри церкви фисгармония, на которой играли и во время служб и когда проводились просто вечера отдыха, праздники, общие собрания колхозников. Население деревни было немецким, за исключением одной русской семьи, глава которой был пастухом стада коров, принадлежащих колхозникам индивидуально (не общественное стадо). Дом этой семьи находился на окраине деревни со стороны леса. Нас, пионеров, часто приглашали в деревню на праздники, потчевали угощали всякими угощениями и фруктами. Мы давали самодеятельные концерты, просто пели песни, танцевали вместе с колхозниками и молодёжью, то есть дружили. Колхоз был богатым, обрабатывал много земли, где выращивал, в основном, пшеницу, много овощей и другой сельхозпродукции. Но, мы, пионеры постарше, довольно часто производили и негласные набеги на фруктовые сады колхозников, на амбары, где гнездились много голубей (не диких), хозяева их разводили сотнями, а среди нас были и голубятники. Кстати, я тоже разводил голубей, когда жил на посёлке Азотного завода, очень этим увлекался, и это не мешало мне хорошо учиться. Бывало, что кого-либо из нас хозяева ловили, хорошенько поднадавали тумачков. Наши деяния получали огласку, разбор руководством пионерлагеря,

пионервожатыми, но всегда это заканчивалось небольшими официальными наказаниями и налаживанием нормальных взаимоотношений между колхозниками и пионерами. Мне очень нравилось пребывание в пионерском лагере, походы, пионерские «костры», военные игры, новые друзья и ещё много других коллективных удовольствий.

Прошёл 40–41 учебный год, я закончил 8-й класс. Намечалась очередная поездка в тот же пионерский лагерь. Но наступило 22-е июня и... всё изменилось! Не буду описывать как люди прислушивались к сообщениям о вероломном нападении фашистской Германии, о первых бомбёжках городов, сдаваемых врагу городов, сёл, деревень. Толпы ошетинившихся людей стояло у чёрных тарелок-репродукторов и понуро расходились после очередной «Сводки Советского информбюро». В городе было объявлено «затемнение», то есть, все окна должны были быть тщательно занавешены изнутри так, чтобы зажигаемый в квартирах свет не был виден снаружи, все стёкла оклеивали по диагоналям бумажными полосками (из газет), чтобы стекла не разлетались вдребезги от звуковой волны при бомбёжках. Нас, школьников 7–10 классов, стали обучать способам тушения зажигательных бомб, каждый из нас получил определенное место, куда он должен был подняться во время объявления «Воздушной тревоги». Моё место было у одного из слуховых окон чердака моего дома, а на чердаке были установлены бочки с водой и специальные щипцы с длинными ручками, с помощью которых я (или другие такие же) должен был схватить пробившуюся сквозь крышу зажигательную бомбу и бросить её в бочку с водой. Но, практика прошедших бомбардировок, начавшихся уже в июле, показала, что немцы не такие уж дураки, чтобы бомбить зажигательными каменные дома городов Донбасса, где дерево всегда было дефицитом в строительстве, а строительный камень было где добывать. Бомбили немцы город фугасными бомбами и, как правило, большими, в сотни килограммов и полусотенными. Встречать бомбёжки на чердаках отменили. Теперь мы во время бомбёжек стояли в подворотне, вход в наш двор с улицы Артёма проходил под домом. После каждой бомбёжки мы, мальчишки, бегали к местам разрушений, где наблюдали весь ужас последствий, убитых и раненых, увозимых скорой помощью. В первой половине августа меня и моих сверстников вызвали в школу и обязали ехать на убор-

ку урожая. Несколько классов моей школы были привезены в Амвросиевский район Донецкой области, в крупный совхоз имени Артёма, в его второе отделение. С нами были и преподаватели, мужчины. Я не сказал, что на сбор урожая вывезли только мальчиков. Разместили нас в каких-то бараках, на приготовленных двухэтажных нарах, правда, на матрацах. Кормили неплохо. Режим работы и отдыха был очень напряженным, весьма тяжёлым для нас: подъём в 5 утра, утренний туалет с умыванием из подвешенных на деревьях умывальников; завтрак в 5,30; выход на места работ в поля по бригадам. Наша бригада занималась уборкой пшеницы. Жатву вели рабочие совхоза на «лобогрейках», комбайнов почему-то не было. Кто не знает что такое «лобогрейка», то ему трудно это объяснить. Это весьма примитивный механизм из металла, который приводится в действие двумя лошадьми, а от вращающихся колес приводятся в действия механизмы резания колосьев и привод задних граблей, которые периодически сидящим на механизме «машинистом» поднимаются и собранные в валик колосья с соломой остаются на земле, а затем собираются в копны. Подсохшие в копнах колосья доставляются к молотилке для обмолота. Мы, школьники, в основном, работали на молотилке. В молотилку исходный продукт загружается сверху, а продукция, разделённая на три вида (зерно, солома, солома), выгружалась в трёх сторонах молотилки. В местах выгрузки соломы и половы необходимо было всё время вилами выгребать выходящую массу, иначе она забивала выходное отверстие и приводила к остановке работ. Вот на выгребе соломы и половы стояли мы, по одному человеку, подчёркиваю это. Это значило, что необходимо было непрерывно выгребать с большим усилием, при этом поднималась неимоверная пыль, поэтому на каждом была одета марлевая повязка на нос и рот, стояла жара и грохот от работы трактора, приводящего через ременную передачу в действие механизмы молотилки, и от самих механизмов молотилки. Силы быстро убывали, дышать нечем, пот заливал глаза, но сдаваться было нельзя, стыдно, мы ведь уже взрослые, надо выполнять заданные нормы (те же, что у штатных работников), надо скорее собрать урожай хлебов, идет война! А урожай пшеницы был очень хорошим, небывалым, говорили работники совхоза. Рабочий день продолжался от зари до зари. В обеденный, 2-часовой перерыв, съедали привезенные

в молочных термосах первое и второе блюда («суп и каша — пища наша») и немного успевали подремать. За десять дней наше отделение совхоза собрало хлеба со всей засеянной площади, нам, учащимся, устроили праздничный вечер-проводы, с вкусным ужином, благодарностями, выступлениями руководителей совхоза, школы, активистов-учащихся и на следующий день увезли на станцию железной дороги и мы вернулись домой перед началом нового учебного года.

Несмотря на режим затемнения, возможные бомбёжки, учащаяся молодёжь, школьники старших классов, студенты ВУЗов в вечернее время собирались в свои компании и, по установившейся многолетней традиции, прогуливались по 1-й линии на участке в 3–4 квартала. В безоблачный, тёплый вечер 31-го августа, а завтра в школу, мы «дефилировали» по улице, встречались с соучениками, с которыми не виделись в каникулы, обсуждали всякие дела и, вдруг, слышали шум летящего на небольшой высоте самолёта. Все решили, что это наш, советский, несущий охрану аэроплан. Но, через некоторое время, этот самолёт буквально в бреющем полете, промчался вдоль всей улицы с непрерывно работающими пулеметами и расстрелял тассирующими пулями гуляющих людей. Лишь после этого завывли сирены противовоздушной обороны, возвещающие о воздушном нападении, а в это же время второй самолёт противника, бомбардировщик, сбросил десяток крупных бомб на город, стремясь больше попасть на объекты металлургического завода, территория которого начиналась прямо от начальной части 1-й линии (ул. Артёма), а дом, в котором я жил, располагался вблизи завода — ул. Артёма № 13. От пулемётного обстрела я не пострадал (раненые ребята были) и помчался домой, беспокоясь о бабушке и маме. Мамы дома не было, а бабушка, страшно напуганная, сидела на кухне в задымленной квартире с разбитыми воздушной волной стёклами. Она показала мне врезавшийся в подоконник крупный бомбовый осколок. Я помчался в прокуратуру, убедился, что и мама не пострадала и побежал к местам, где бомбы сделали своё чёрное дело. Видел выстоявшие половинки двух- и трёхэтажных домов, как бы «дом в разрезе», с оставшейся у целых стен мебелью и висящими полууцелевшими портретами.

Учебный год начался 1-го сентября, но фашисты всё приближались, в городе появилось много беженцев, с запада на

восток проходили колонны подвод с людьми, скарбом, число воздушных тревог и бомбёжек увеличивалось, часто над городом возникали воздушные бои между немецкими и нашими истребителями, за которыми мы с интересом наблюдали, выкрикивали советы нашим лётчикам, «молились» об их победе. Но, к сожалению, бои не всегда заканчивались победой наших. Часто «мессершмиты» сбивали И-16 и они, горевшие, падали недалеко от города и мы, мальчишки, добирались до таких мест, и «обследовали» оставшиеся обломки самолётов, «щупали» их и очень огорчались, что конструкции, в основном, фанерные.

Тревога нарастала, немецко-фашистские захватчики приближались. Нам ничего не было известно о судьбе семьи дяди Володи в Тростянце, его в Армию взять не могли, так как он был инвалидом, не было и сведений о семье Ильи из Одессы, его самого призвали в Армию, но вестей от него не поступало. В октябре через город уже проходили тыловые подразделения Армии, полевые госпитали. Началась эвакуация некоторых производств и учреждений. Между 15 и 18 числами на улицах города стали устанавливать противотанковые надолбы, перегораживать улицы поваленными троллейбусами и трамваями. В это время мама велела собрать самые необходимые вещи и документы. Бабушка сшила рюкзаки каждому из нас. В рюкзаки были сложены личные вещи каждого и, кроме того, для каждого сложен чемоданчик или сумка с документами, минимальным количеством еды и тем, что казалось ценным. Мы отправились в прокуратуру, куда собрались семьи ответственных сотрудников и откуда, по маминым словам, должны были организованно эвакуироваться на Восток. Здесь мы пробыли почти двое суток, сжигали документы в печах, а прокурор города всё куда-то уезжал на казенном автомобиле по организации транспорта для нас всех. В городе начался грабёж магазинов, складов, слышалась стрельба, уже были слышны и раскатыстые гулы артиллерийских канонад. Вдруг стало известно, что прокурор города (фамилию не помню) исчез вместе с двухмесячной суммой заработной платы всех сотрудников, которую он должен был раздать им, и что организованного отъезда не будет. Моя мама договорилась с заместителем прокурора, по фамилии Дончик, что мы, две семьи, будем держаться вместе и пешком со скарбом на плечах и в руках

отправились из города. Дончик, молодой симпатичный человек, его супруга и сынишка, примерно, пяти лет. Точно не определю, но прошли мы где-то километров 15–18 и на каком-то полустанке железной дороги, а в Донбассе была самая насыщенная железными дорогами сеть из всех областей Советского Союза, Дончик и мама встретились с одним из заместителей директора Сталинского металлургического завода, а в данный момент, начальника эшелона, следующего на Восток с оборудованием на железнодорожных платформах и людьми в оборудованных нарами и печурками крытых вагонах. Очевидно, в силу их прежнего знакомства, он, начальник эшелона, решил помочь нашим семьям и приложил много стараний и упорства, чтобы поместить нас в одну из теплушек. А дело было в том, что, «старожилы» теплушек никак не хотели под разными предложениями пускать нас, потесниться, уступить часть занимаемой площади. Но, напор начальника эшелона победил и мы оказались в весьма приличных условиях бегства на Восток. Тягой эшелона из бесконечного числа вагонов (так мне казалось) служили три паровоза разной мощности, принадлежавших металлургическому заводу же, и конечной целью было добраться до какого-то города в Западной Сибири. Подробно весь маршрут описывать не буду, да и не смогу, он был очень сложным, думаю, что складывался не планоно, а по сиюминутным возможностям пропускной способности железной дороги. В первую очередь пропускались, естественно, воинские эшелоны в ту и другую стороны, госпитали на колёсах, ещё имевшиеся какие-то пассажирские поезда, а потом лишь эшелоны, подобные нашему. Все станции и разъезды были забиты составами, особенно узловые. Территории станций были сплошь загажены продуктовыми отходами, выбрасываемыми из проходящих и стоявших составов, туалеты (выгребные) переполнены и всё вокруг них загажено неимоверно. Ведь из теплушек и грузовых платформ спуститься на землю немолодым людям и детям было сложно, а во многих местах и невозможно. Ещё одной важной проблемой была необходимость добывать пропитание. Нас, правда, зачислили в списки эвакуируемых и на этом основании мы получали ежедневно по 200–300 грамм хлеба (когда руководителю эшелона удавалось получить его в местных органах), небольшие порции круп и т. п., но этого было явно недостаточно для поддержания жизненных сил. Дончик и с ним

я, выработали тактику добывания продуктов, которая была связана с большим риском потеряться, но оправдавшая себя. Мы с ним оставляли эшелон на какой-либо стоянке, чаще перед впереди приближающимся районным центром, садились на платформу, или другой грузовой или пассажирский вагон уходящего в том же направлении состава, а в городке обращались в местные органы прокуратуры и, как правило, сотрудники-коллеги оказывали возможную помощь в приобретении нами продуктов, за деньги конечно, вне очереди в магазинах или сельпо. Потом мы искали свой эшелон на путях станции, разъезда, если он уже пришёл, или догоняли его проходящими составами, если наш уже оказывался прошедшим дальше. Конечно, наши родные (да и мы сами), при этом были в весьма стрессовом состоянии. Да и было несколько раз так, что мы долго не могли найти свой эшелон и теряли всякую надежду. Хотя мы знали его номер, под которым он шёл по железнодорожному ведомству, но добиться вразумительного ответа от станционного диспетчера не было возможности, и приходилось просто пролезать под вагонами с одного пути к другому и таким образом искать свой эшелон, при этом надо учесть, что подобные эшелоны эвакуируемых были очень похожи, и уверено узнать свой мы могли лишь увидав средства тяги в голове, то есть три наших паровоза цугом. Попадали мы, то есть наш эшелон, и под сильнейшие бомбёжки на некоторых станциях, особенно узловых. Если не ошибаюсь, то одной из них была станция Поворино. Здесь скопилось много эшелонов разного назначения и направления, одни на фронт, а другие с фронта. Станция с очень большим развитием путей и на каждом стоял тот или иной состав. Немецкие бомбардировщики налетели неожиданно и начался ад крошечный. Бомбы рвались непрерывно, большинство людей бросились с территории станции, но это сделать не так легко, все пути забиты составами, многие оставались лежать под вагонами. Мы, то есть, моя семья, в этих ситуациях оставалась в теплушке. Моя бабушка, возраст которой приближался к семидесяти и, к тому же, у неё незадолго до эвакуации обнаружили рак пищевода и она была не в состоянии покидать вагон, прыгая из него, а тем более потом забраться в вагон. Оставлять же её в вагоне, а самим убежать из него, конечно же, я и мама не могли и помыслить. Взрывы бомб, выстрелы зенитных орудий противовоздушной обороны, дым, возникшие

пожары – всё это я видел из вагона, а затем, уже после прекращения собственно бомбардировки, с земли. Но, прямого попадания в наш эшелон за всё время пути не было, нам очень повезло! Эшелон медленно, то уходя южнее, то, наоборот, как бы возвращаясь, на северо-запад, но продвигался на восток и праздник годовщины Октябрьской революции мы отметили в городе Саратове. Но Волгу эшелон не переехал, его направили на север и Волгу пересекли в районе г. Сызрани. Перед этим Дончик и я отправились на очередной поиск продуктов, а эшелон в этот раз очень быстро ушёл и проехал безостановочно большую дистанцию. Была уже середина ноября месяца, резко похолодало, начал падать снежок. Чтобы догнать эшелон, мы смогли лишь попасть на одну из открытых платформ уходящего состава, на которой были погружены трубы разных диаметров и другой металл, даже сесть было невозможно из-за холода. Одеты мы были «не по сезону». А состав, на котором мы ехали, как назло, плёлся малой скоростью (или нам так казалось) и кончилось тем, что мы прибыли уже в темноте на весьма большую узловую станцию Батраки. Мы долго искали свой эшелон, почти потеряли надежду найти. Представляем себе как переживали наше отсутствие наши семьи! Но всё окончилось благополучно, мы нашли и нашлись к радости всех. Нас долго приводили в себя, потому что оказались у меня отмороженными кончики ушей (всю оставшуюся жизнь они у меня, особенно левый, шелушатся), а у Дончика – кончики пальцев на левой руке. Проехали город Куйбышев (Самара), а за ним станция Кинель. Здесь мы, то есть обе наши семьи из прокуратуры, эшелон оставили. Наша семья потому, что решили ехать в город Чирчик, Ташкентской области, куда должны были эвакуироваться семья маминой самой старшей племянницы Евгении, супруг которой был не то директором, не то главным инженером химического завода в городе Горловке, где они и проживали, и нам об эвакуации сообщили. Семья же Дончика тоже имела родственников где-то в одной из областей Узбекистана. В проходящие пассажирские поезда, в основном, под номерами пятисотыми (501, 520 и т. п., которые впоследствии называли «пятьсот весёлыми»), и в эшелоны, шедшие на Юг, попасть оказалось весьма и весьма проблематично. Мы просидели на платформе более трёх суток. Питались в сухомятку продуктами, которые можно было приобрести только в обмен на

вещи, денежные знаки продавцы не хотели брать. И всё же нам удалось прорваться в один из вагонов поезда, шедшего в один из городов Узбекистана, Наманган или Фергану. Через 5–6 дней моя семья покинула поезд на станции Чирчик-горный. Это не доезжая один, небольшой, перегон перед станцией Ташкент-пассажирский. Станция Чирчик-горный фактически находилась в Ташкенте, в районе улицы Пушкинской, а называлась она (станция) так потому, что от неё отходила железнодорожная ветка в город Чирчик, где строился большой химический комбинат и куда должны были эвакуироваться горловчане. Так мы оказались в Ташкенте и был уже конец ноября 1941-го года. Хочу здесь лишь коротко вспомнить о самых важных событиях моей жизни и общей обстановки в стране, которые в определенной степени могли и повлияли на остальную жизнь, характер и мировоззрение за период с этого момента и до описанных в главе первой.

ГЛАВА 9

Идет война. Мои первые друзья в эвакуации

И так, мы на платформе станции Чирчик-горный. Быстро темнеет, но нам некуда идти. Поезд в город Чирчик отправляется завтра, или послезавтра, т. е. бывает не каждый день. Да и платформа эта не сегодняшнее понятие, а просто спланированный грунт и рельсовые пути на территории станции. Холодно, конец ноября. Станционного здания нет, сидеть на земле неприятно и неудобно, но бабушка стоять не может долго. Неожиданно подходит простая женщина, одетая в телогрейку, с «авоськой» в руках и спрашивает нас:

– Чего Вы сидите? Кого ждёте? Куда Вам надо добираться?

Мама объяснила ситуацию и незнакомка предложила нам пойти к ней. Говорит, что она живёт совсем недалеко, и мы можем пожить у них, пока разберёмся, что делать дальше. Предложение вызвало двоякое чувство, с одной стороны, радость и огромную благодарность, а с другой – большие сомнения, не афера ли это и прочие страхи. Но победило первое и мы пошли с ней. Шли недолго, вдоль железнодорожного полотна. Небольшой домик, среди других таких же, комбинация глинобитного с деревянными конструкциями, был собственностью семьи железнодорожных рабочих, и глава семьи, и его жена (наша спасительница) трудились в бригадах по ремонту железнодорожных путей. Деревянный тамбур, три небольшие комнаты, очень просто обставленные, удобства на улице. Семья (супруги и двое детей) смешанная, русско-татарская, ровное, уважительное отношение друг к другу и радушный прием, который оказали нам, запомнились на всю жизнь. Мы прожили у них более полумесяца, так как наших горловчан в Чирчике на тот момент не оказалось, и мама устроилась на работу в Ташкентский областной военкомат с использованием её на рядовой работе в поселковых отделениях. Первым местом нашего

пребывания был посёлок Троицкое, а затем Кара-Су. Я, всё же, сумел закончить 9-й класс в средней школе № 13 в посёлке Кара-су с весьма приличными оценками, а летом поступил на подготовительные курсы при Ташкентском текстильном институте и, благодаря им, уже осенью 1942-го года, экстерном сдал экзамены за 10-й класс в той же школе и получил аттестат. В посёлке Кара-су мы жили в комнатухе, снимаемой у местного хозяина, узбека, владельца довольно большого глинобитного дома с внутренним садиком. Семья хозяина, супруга, несколько детей разного возраста, проживала в центральной части дома, в одном из крыльев снимала квартиру русская семья, сын – пилот в гражданской авиации, его мать и жена, а наша комната была у входа во двор. Хозяева очень доброжелательно относились к нам, эвакуированным, часто приносили какие-либо вкусные блюда узбекской кухни, особенно для бабушки, которая к этому времени, в силу прогрессирующей болезни рака пищевода, уже была плоха, почти не поднималась с постели. В марте бабушка скончалась.

Мама делала неоднократные попытки перейти на работу в органы прокуратуры, но желающих среди эвакуированных было, очевидно, не мало, а вакансий единицы. Но она добивалась своего и ей категорически не отказывали и подавали надежду. Каким-то образом, маме удалось получить ордер на вселение в комнатку в 13 квадратных метров со входом со двора дома №7 по улице Туркестанской, это в самом центре Ташкента. В начале зимы 42–43 годов мы переехали в эту комнату.

В период проживания в Кара-су, учёбы там и на подготовительных курсах в Текстильном институте, я познакомился с большим количеством сверстников, с которыми подружился. Все они были эвакуированными из разных городов, но большинство из них были из Москвы. Мы почти ежедневно по вечерам собирались большой компанией на берегу речки Кара-су или у кого-либо в квартире, вели разговоры на разные темы, читали стихи, пели модные в тот период песни из фильмов. Большинство московских семей были довольно зажиточными, главы этих семей, как мне казалось, были в Москве (и продолжали здесь, в Ташкенте) деловыми людьми, руководителями производств в системе промкооперации и подобных артелей. Некоторые знали друг друга в Москве и продолжали дружбу и сотрудничество в эвакуации. Пожалуй, всего два–три товарища

из нашей компании были из семей простых советских служащих и, соответственно, наименее обеспеченные. Наша дружба продолжалась и после моего переезда в город. Да собственно говоря, семьи всех моих друзей в течение конца 42-го и 43-го годов тоже переехали жить в разные районы города Ташкента, и мы, как правило, вместе проводили много времени, ходили в кино, концерты, театральные спектакли и т. п. Известно, что во время Великой Отечественной войны культурная жизнь продолжалась, многие известные театры и актёры театров и кино были эвакуированы на восток, в том числе и в Ташкент. Думаю, что не будет излишним, если я назову многих из друзей и товарищей, с которыми провёл от двух до пяти тяжёлых военных и послевоенных лет, которые во многом помогали мне, и друг другу, преодолеть множество возникавших жизненных проблем. Это были Давид (Дэвик) Аксельбант, Аркадий Бернштейн, Аркадий и Ида Ройфе, Яков Эпштейн, Ася (девичью фамилию забыл, а впоследствии Голодовская), Женья (Евгения) Давыдова, Ева Городецкая (в последствии Любинская), Володя и Вэлка Дудлеры (двоюродные братья), Фаня, Фаина, Зоя (фамилий не помню), Виктор Кириленко, Роман Рышин, Сеня (Семён) Кристаль и другие. Большинство из них в течение 44–45 годов вернулись в ранее оставленные города, а некоторые остались в Ташкенте также, как и я. Яков Эпштейн, очень красивый, широкоплечий, светловолосый с голубыми глазами парень, 1925 года рождения, сочинял, на мой, и не только на мой, взгляд, серьёзные и хорошие стихи, эвакуировался из города Смелы, Полтавской области. В конце 43-го года он был призван в Армию и в начале 44-го был убит на фронте (Да будет Благословенна память о нём!) Остались в Ташкенте Володя Дудлер, Виктор Кириленко, Роман Рышин, с которыми я (вернее мы, то есть, моя семья), неоднократно встречались в последующие годы, дружили семьями. Москвичи все вернулись в Москву и с ними я, редко, но встречался, будучи в Москве в командировках, или проездом в отпуск. А вот с одним, это с Дэвиком Аксельбантом, мы очень сдружились с момента знакомства на Кара-су и наша, я бы сказал, большая, настоящая дружба продолжалась всю оставшуюся жизнь! Да, к настоящему времени написания этих строк, Давид (Дэвик, Додик) уже не дожил, скончался в Москве в 2000-м году (Да будет Благословенна память о нём!). Сдружились и наши жёны

в последствии, и наши дети. При всех возможностях мы встречались в Москве, Ташкенте и других местах, вели переписку постоянно. Об этом ещё расскажу по ходу повествования.

В феврале 43-го, неожиданно, маму арестовали и я остался один, совершенно обескураженный, без средств существования и т. п. Я нигде и никак не мог добиться причин ареста и где находится мама. Лишь через месяца два–три я узнал, что маму содержат во внутренней тюрьме МВД (насколько я помню, в то время в это ведомство входило и госбезопасность). Ей «шили», как в те годы было принято, всякие антисоветские действия и бездействия, и это продолжалось около 9-ти месяцев. Именно в этот период мои друзья и товарищи, и некоторые их родители очень помогли мне и советами и морально и, иногда, и материально. Я работал на разных работах, слесарем-монтажником сантехники, экспедитором в тресте «Облхлебснабсбыт» и, наконец, возчиком на «Текстильном комбинате». Эта последняя работа заключалась в том, что нам, мне и напарнику, было необходимо в течении 12-часовой смены снабжать Ниточную фабрику пряжей, которую производили на 2-й Прядельной фабрике. Делалось это так: мы на 2-ой прядельной загружали пряжу определенных номеров в мешки из забракованной ткани, произведенной на Ткацкой фабрике комбината. Каждый мешок при наполнении весил около двух пудов. Эти мешки мы укладывали на тележку с передним и задним бортами и на четырёх колёсах с резиновыми ободьями (точно такие тележки применялись на вокзалах для перевозки багажа по перронам в багажные вагоны и из них). Нагруженную тележку мы толкали с прядельной на ниточную фабрику и там разгружали мешки на склад, откуда уже пряжу брали работницы ниточной к станкам-агрегатам, на которых начинался долгий процесс производства ниток. За смену мы таким образом привозили до 10 тонн пряжи. Работа очень тяжелая, особенно в дневную смену, в жару. В ночной смене было легче, но затем было трудно отдыхать – спать днём при Ташкентской жаре. Большинство трудящихся на Текстильном комбинате боли женщины. На 2-й прядельной фабрике основной контингент был из женщин-зключенных, которых приводили на работу из лагеря, а на ниточной фабрике работали исключительно молодые вольнонаёмные девушки. Надо отметить, что условия труда у текстильщиц были весьма и весьма тяжёлые и вредные:

громадная запыленность, неимоверный шум от работающих машин на прядильной фабрике, тот же грохот от машин, едкие испарения от различных маслянистых химических растворов, применяемых в ниточном производстве, отражались на здоровье работающих, причём это было видно невооруженным глазом: постоянный кашель, язвы на руках и ногах, бледность кожи у работниц ниточной, частые заболевания. Работали по 12 часов в день, практически без выходных дней, только большая пересменка после недели ночных смен. Мой заработок составлял, где-то 500–600 рублей в месяц. Этого хватало, может быть, лишь на оплату только обедов в столовой фабрики, где их можно было получить по соответствующим карточкам на мясные, крупяные и жировые продукты, выдаваемые в начале месяца каждому по соответствующей категории труда, учёбы или домохозяйке. Для того, чтобы выжить надо было искать и находить дополнительные источники дохода и каждый что-то делал. Почти ежедневно в столовой давали дополнительно какое-либо блюдо без карточек, но уже по повышенной цене, чаще всего это были супы, или второе, из черепашьего мяса. Черепах заготавливали специальные бригады комбината, выезжавшие для этого в пустыни Узбекистана. Я, как и многие, с удовольствием поглощал эти блюда. На работе нам выдавали спецодежду, хлопчатобумажный костюм неопределенного цвета, который очень быстро насыщался потом во время работы, и после просыхания на спинке куртки выступала соль.

Маму продолжали держать во внутренней тюрьме, допрашивали, как правило, по ночам, не давая присесть, должна была только стоять на ногах по 8–10 часов, шантажировали, заставляли подписать показания, сочиненные самим следователем. Но, мама имела опыт и стойко стояла на своём, не поддавалась на шантаж, объявляла голодовки, не соглашалась выходить на положенные прогулки в бетонной яме, из которой видно только кусочек неба. При голодовках ей насильно делали питательные клизмы, а на прогулку вытаскивали за связанные ноги. Всё это я узнал от неё, уже когда она вернулась домой. А пока, в конце августа 43-го, я решил подать документы для поступления на горный факультет САИИ и после ночной смены отправился в институт. Приём документов уже закончился и мне пришлось идти на приём к начальнику учебной части института. На удивление, Григорьянц А. А. (нач. уч. части, ини-

циалы могут быть не точными) принял меня довольно быстро и, выслушав мои доводы, распорядился принять мои документы и зачислить в институт. Но администрация Текстильного комбината не отпускала меня, несмотря на то, что из института мне дали специальное письмо, в котором предписывалось на основании Постановления Совнаркома СССР освобождать от работы зачисленных в Высшие учебные заведения за 10 дней до начала учебного года. Во избежание возможных неприятностей я самовольно оставил производство лишь 30 августа и начал учёбу на Горном факультете с 1-го сентября 1943 года. Маму отпустили из-под ареста в ноябре месяце, я её забрал домой в очень болезненном состоянии. Но, в течение пары месяцев она пришла в норму, добилась полной реабилитации и её приняли на работу в органы милиции. Она получила должность следователя отдела уголовного розыска Республиканского управления милиции, МВД Узбекской Советской Социалистической Республики.

Чтобы закончить с описываемым периодом моей жизни, периодом весьма нелёгким, постараюсь, насколько можно, коротко рассказать о событиях, касающихся и меня лично и общей обстановки, которые могли и оказали определённое влияние на дальнейшую жизнь мою и страны в целом.

Учёба в институте началась точно с 1-го сентября. Все группы 1-го курса были наполнены студентами почти до предела, по 30–40 человек. В группах по специальностям эксплуатации месторождений полезных ископаемых (1 и 2 ЭП – 43, 3 и 4 Эр – 43) было больше юношей, а в группах геологов и гидрогеологов – больше девушек. Через небольшое время студенты освоились, перезнакомились и пошла и нелёгкая, и, в тоже время, весёлая студенческая жизнь. Большая часть наших студентов проживала дома, в своих семьях, меньшая – в студенческом общежитии.

Администрация института располагалась в здании на ул. Асакинской, в котором находились и Строительный факультет, и большинство кафедр и лабораторий общеобразовательных дисциплин. Недалеко от этого здания располагалась и институтская столовая, а в одном из крыльев, продовольственный магазин, в котором можно было отоваривать студенческие продовольственные карточки. В силу указанных обстоятельств мы, студенты горного факультета, находившегося на ул. Гоголя,

переходили, скорее это надо назвать перебежали, с факультета на факультет на очередную лекцию или в столовую. Студенты в ту пору получали хлебную карточку на 400 грамм хлеба в день, соответствующую карточку на крупы, мясо, жиры. Хлебные карточки состояли из талонов, в которых указывалось количество грамм и число месяца, т. е. можно было получить лишь указанную норму и только в этот день. Остальные карточки тоже состояли из отдельных талончиков, в которых значилось количество граммов продукта, но без даты.

Очень интересной была обстановка и распорядок получения обедов в столовой. Функционировала столовая в определенное время в рабочие дни. При входе в зал стоял дежурный (как правило, пожилой человек), который выдавал каждому входящему алюминиевую столовую ложку и не выпускал выходящего, не сдавшего столовую ложку обратно ему, или штраф 10 руб. Получившие ложку, отправлялись к стойке буфета, где буфетчица вырезала талончики из карточек и выдавала 400 грамм хлеба и местный, изготовленный на простой бумажке со штампом столовой, талончик на один обед. Обед состоял, как правило, из трёх блюд, это первое – суп-затируха, второе – кусочек мяса, или два кружёчка поджаренной колбасы с гарниром – ложкой картофельного пюре и третье – компот или кисель. При желании, можно было взять два и три вторых, при этом вырезали из продуктовой карточки соответствующее количество круп, мяса и жиров. Но это значило, что в дальнейшем не сможешь обедать в какие-то дни месяца. Получив хлеб и талончики мы садились за столы (по 4 человека) и ждали прихода официантки (о самообслуживании тогда и не слыхали). Чаще всего до прихода официантки я (да и другие) съедал, или почти съедал, пайку хлеба. После такого обеда впечатление сытости продолжалось не более 1–2 часов, а затем уже хотелось опять есть. А это уже можно было осуществить лишь за деньги (если они были), на которые можно было купить продукты на рынке. А чтобы иметь деньги, каждый студент тем или иным способом зарабатывал их. Так как я очень неплохо играл на трубе, то сразу подключился к самодеятельному духовому оркестру, имевшемуся в институте, и мы, оркестранты, кроме обслуживания институтских вечеров, торжественных собраний, праздничных демонстраций, довольно часто подражались играть на похоронах. А несколько летних сезонов наш оркестр пригла-

шался играть по несколько часов три–четыре дня в неделю на территории Республиканского дворца пионеров. Эти мероприятия приносили некоторый доход. На втором курсе я уже стал работать секретарём декана горного факультета. Я старался и, наверное, неплохо помогал декану, а эту должность тогда занимал Дмитриев Вениамин Львович, один из известных гидрогеологов в Средней Азии, и он был очень доволен моей работой. Зимой подрабатывал чисткой снега с плоской крыши здания горного факультета, не чурался других одноразовых работ, которые подворачивались. Определённым подспорьем было и то, что нам, студентам, довольно часто выдавались талоны на приобретение некоторых промтоваров, например, на 3 метра ситца или другой ткани, на папиросы «Казбек» и т. п. Полученный товар мы немедленно выносили на рынок и реализовывали его по рыночной цене, которая была во много раз больше твердой по талону. Всё это давало возможность покупать дополнительно продукты питания, иногда посещать кино, театры и гастроли знаменитых артистов, музыкантов или делать другие необходимые расходы.

Мама продолжала работать в Отделе уголовного розыска, впоследствии переименованного в Отдел сыска республиканского управления милиции МВД УзССР. Я часто посещал маму на работе, это давало возможность иногда и пользоваться столовой на территории управления. Мне даже выдали постоянный пропуск на территорию. Республиканское управление, также как и большинство других учреждений и производств, имело в сельской местности, вблизи посёлка Кибрай Орджоникидзевского района, выделенный, довольно большой, участок земли, который обрабатывали коллективом, вспахивали, сажали картофель, пропалывали, окучивали растения и собирали урожай, который впоследствии делили между работниками по числу членов семьи. Коллектив отдела выезжал на сельхозработы, как правило, по выходным дням, воскресеньям, вернее в субботу вечером. После ночевки, с раннего утра и до позднего вечера работали в поле с перерывом на обед. Вместо мамы на эти сельхозработы ездил я. Я работал очень хорошо, старался не отставать от взрослых, довольно тренированных мужчин. У меня всё получалось неплохо, сотрудники отдела относились ко мне очень доброжелательно. Я даже сдружился с отдельными сотрудниками. Меня научили стрелять из пистолета

ТТ, браунинга, этим занимались перед вечером, по приезду на сельхозучасток.

Отдел Сыска и отдел ОБХСС находились в одном одноэтажном здании. Республиканское управление милиции занимало довольно большую территорию в центре города. На этой территории размещались многочисленные отделы, канцелярия начальника главного управления (комиссара милиции), школа милиции, где обучались молодые кадры и повышали квалификацию стажированные кадры, эскадрон конной милиции с конюшней для очень красивых и обученных лошадей, много различных подсобных подразделений и мастерских, гараж для авто- и мототехники, КПЗ (камеры предварительного заключения) и т. п. Всё это размещалось в многочисленных зданиях, преимущественно одноэтажных, кроме канцелярии руководителя управления и Школы милиции. Вся территория была ограждена высоким забором, с въездными, высокими воротами и проходной с улицы им. Лахути. Режим работы сотрудников (буду говорить лишь об офицерах отделов розыска и ОБХСС) был формально таков: начало рабочего дня в 9 утра, перерыв на обед в 13 на час, работа до 18-ти. А с 21-го и до 24-х опять работа в кабинетах, вернее, вечернее бдение продолжалось не до 24-х, а до ухода с работы начальника отдела. Начальники же отделов уходили домой после того, как уезжал из управления его начальник. Правда, на следующий день сотрудники являлись на рабочие места к 9, а начальники отделов могли появиться и к 10–11 часам. Это всё касается обычного распорядка и не относится ко всяким оперативным и розыскным мероприятиям, которые происходили довольно часто и при которых работа могла идти сутками и более, а иногда, и неделями без появления домой.

Несмотря на все трудности жизни в условиях продолжавшейся Отечественной войны, мы учились, работали, встречались компаниями, парами, иногда проводили вечеринки по поводу дней рождения, праздников, Нового года. У меня появились друзья из однокашников-студентов, особенно после Дня победы 9-го мая 1945-го. Дело в том, что большинство моих друзей из эвакуированных, в последний год войны и, в основном, по её окончанию, уехали на прежнее место жительства. А годы совместной учебы сближали нас, студентов. К третьему курсу на нашем наборе осталось всего 45–50 чело-

век на всех четырёх специальностях, мы очень сдружились. На старших курсах было ещё меньше студентов и мы знали и дружили и с ними. Преподаватели знали студентов по имени. Мой набор, 1943 года, стал первым, в котором были введены, как и в других некоторых ВУЗах, военные кафедры и имелось ввиду, что нас выпускают лейтенантами артиллерии. После второго и четвертого курсов студенты-мужчины должны были пройти лагерные сборы в воинских частях, но, по каким-то причинам, этих сборов не организовали и нас после четвёртого курса выпустили командирами взводов дивизионной артиллерии и присвоили звание «старших сержантов». Я пользовался, почему-то авторитетом и у студентов, и у преподавательского состава и меня военная кафедра назначила старшиной факультета и в день военной учёбы (каждый вторник) я был самый «главный командир» среди студентов. Кроме того, что я работал почти два года секретарём декана, я участвовал в общественной жизни коллектива, избирался в члены профсоюзного комитета факультета, участвовал в художественной самодеятельности факультета и института. Меня, да и многих других старшекурсников, знали и уважали студенты младших курсов. Наиболее близкими друзьями стали мне однокурсники Федя Абрамов, Яков Ткач, Павел Шилов (горняки), Виктор Надеждин, Юрий Антипов, Альберт Аганов, Борис Хоментовский (геологи), Нариман Ходжибаев (гидрогеолог) и не мало других из старших и младших курсов. Сближали и ежегодные поездки в начале каждого учебного года на сборы урожая хлопков в колхозы на 2–2,5 месяца, в полевые, очень неустроенные условия. Только взаимная поддержка, доброжелательность и выручка помогали не унывать многим и даже веселиться. Очень благоприятной была и обстановка во взаимоотношениях большинства профессорско-преподавательского состава со студентами, особенно старших курсов. С великим уважением все относились и к знаменитым в то время учёным А. С. Попову (зав. кафедрой разработки пластовых месторождений), Уклонскому А. С., Королёву А. В. (зав. кафедрой геологии), Мищенко Н. В. (зав. кафедрой разработки рудных месторождений), Дмитриеву В. Л. (зав. кафедрой гидрогеологии), Шехтману П. А., Русановой О. Д. (кафедра каустобиолитов), и к преподавателям Богуславскому А. Р., Берзак Р. А., Протодьяконовой З. М. (дочь знаменитого корифея горной науки Протодьяконова М. М.), Висневскому

Яну, Сикстель Татьяне и другим. Наконец, пришло время окончания учёбы, написания и защиты дипломов, и разъезда по направлениям на производства и другие места работы. Наш выпуск, 1948-го года, по отзывам преподавателей, да и по статистике жизненных карьер выпускников, был одним из самых сильных в истории факультета. Большинство наших однокашников начиная с 1958-го года (10-летнего юбилея со дня окончания) и в дальнейшем, через каждые пять лет, в мае месяце встречались на факультете в назначенный час и отмечали очередной юбилей. На эти сборы приходили и многие преподаватели и бывшие сотрудники из лабораторий, дежурные на входе на факультет, «вечный комендант» Михаил Кийко, Нина Георгиевна и другие. Конечно, число принимавших участие в этих торжествах с каждым разом уменьшалось. Последний раз мы смогли собраться на сорокалетний юбилей в 1988 году. На этом и закончу это отступление от хронологии событий. И стало понятно, что моя мама не очень могла ухаживать за малыми детьми, всю жизнь она трудилась на «мужских» работах, готовить еду приучена не была. Кроме всего прочего, она с нами жить не собиралась и должна была трудиться, что она и делала до выхода на пенсию.

ГЛАВА 10

*Тяжелый 1952 год, а для нас и «веховой».
Наш второй автомобиль – «Победа»*

Итак, мы с Юлей продолжали трудиться в заведенном режиме без малыша Бориски, естественно, беспокоясь о нём, хотя понимали, что у бабушки ему лучше. Подходил конец 1952-го года. В советском обществе происходило очередное всеобщее событие, разоблачены очередные враги, заговорщики, убийцы. Это врачи правительственных медицинских больниц и поликлиник, подавляющее большинство из которых евреи, известные всей стране специалисты. Им предъявлены обвинения в том, что они систематически применяли методы лечения своих пациентов, а это Высшие руководители страны и партии, при которых здоровье последних подрывалось и вели к неминуемой смерти. По всей стране проходили собрания и митинги, требующие самого жёсткого приговора, смертной казни заговорщикам. Начались репрессии по отношению к тысячам специалистов еврейской национальности во всех областях науки, культуры, искусства, промышленного производства. Это докатилось и до нашей глубинки, до нашего комбината. Были сняты с занимаемых, крупных по масштабам производства должностей главный технолог комбината Михлин, главный энергетик комбината Линцер Арнольд Семёнович и другие. Названы фамилии тех, которых я знал лично. Мы, это Юля и я, в то время понимали, что идёт клеветническая кампания, антисемитский всплеск, но вслух с товарищами, не евреями, это не обсуждалось. Юлия была уже членом КПСС, я членом ВЛКСМ. Специалистов еврейской национальности на предприятии и смежных подразделениях, дислоцирующихся в нашем городке, было очень мало, их можно было перечесть по пальцам. Это главный энергетик Вертейм В. М., начальник управления строительства Нечаевский, сотрудник строительного

управления Маламуд Е. М., наш однокашник геолог Мудрый С., горные инженеры на руднике № 6 Массовер М. М., Резников Е., горные инженеры на руднике № 2 Будрянович В. И., Грановский Лев, врачи Тарловы Ефим и Раиса. Может быть была ещё пара фамилий, которых я мог и не знать. Нас, тех кого я перечислил, вроде и не коснулась волна преследований, но в воздухе что-то чувствовалось. Потом, со временем, я всё-таки понял, что определённую лепту в моей дальнейшей судьбе эта истерия сыграла. Бывший главный технолог комбината Михлин был назначен на должность технолога на наше предприятие, а Линцер А. С. стал рядовым сотрудником энергетического отдела в комбинате, а затем был направлен на должность главного энергетика на предприятие № 22, или п/я 29, где, впоследствии, мы и близко познакомились. Очень квалифицированный и опытный технолог Михлин, после того, как эпопея евреев-врагов закончилась (уже после смерти И. Сталина) стал главным технологом нового уранового комбината, созданного на базе руд, найденных в Криворожье, о нём (Михлине) писалось множество хвалебных газетных статей и других печатных изданий, он многократно награждался, но это потом, и мы ещё об этом вспомним далее. Уже значительно позже мы узнали из рассказов моих друзей в Москве, что почти два года ходили безработными такие знаменитости как кинооператор Ромм, актёр Марк Бернес и многие другие.

Как я уже описал, общесоюзные перипетии меня не коснулись и шла обычная, как и прежде, напряженная работа. Восстанавливалась штольня № 10, осваивалось третье шахтное поле без строительства подъездных дорог, нормального проекта на строительство и отработку угольного месторождения от проектной организации не поступало. Предприятие и наш рудник посетил вновь назначенный заместитель начальника комбината по капитальному строительству Данилин Кирилл Васильевич. Он два или три дня посвятил знакомству с работами на руднике, внимательно выслушал наши жалобы, предложения и просьбы, обещал помочь. Надо отдать должное ему, он уже через короткое время действительно выполнил некоторые из обещаний.

Понятно, что на горном производстве, да и с такими сложными горно-техническими условиями и с таким контингентом рабочих кадров, не могло не быть несчастных случаев, вер-

нее, производственных травм и с тяжёлым и даже летальным (смертельным) исходом. Каждый такой случай тяжело отражался на моральном состоянии сотрудников, причастных к ним, да и всего коллектива, нарушал нормальный ход работ и имел другие отрицательные последствия. В середине лета погибли два лесогона, во время посадки блока. Причиной послужила явная оплошность, допущенная горным мастером, не предупредившем лесогонов о том, что будет производиться посадка блока. И вот, не то в декабре 52-го, не то в январе 53-го на восстановлении штольни № 10 произошёл несчастный случай со смертельным исходом, погиб звеньевой смены, проходчик. Как я уже говорил, восстановление производилась как вновь проходка, то есть, с монтажом вентиляционных труб и вентиляторов частичного проветривания через каждые 80–100 метров. Но, так как впереди была горная выработка, частично заполненная вынесенной породой, и была возможность пройти по ней на какое-то расстояние, а воздушная атмосфера в той части, естественно, была ненормальной, из-за усиленного гниения крепи, то предусматривалось не далее как в 10 метрах вперёд от места производства восстановительных работ, устанавливать «крест» из двух брёвен или досок. Каждый горняк знает, что такой знак есть запрет для прохода дальше. Перенос «креста» на новое место по мере необходимости производился лишь по письменному указанию при выдаче наряда на производство работ на очередную рабочую смену. В начале ночной смены звеньевой проходчиков первым пришёл к месту работы, а члены звена задержались у устья штольни, чтобы погрузить несколько рам крепи на «козу» для доставки к рабочему месту. Придя к месту работы, они обнаружили, что звеньевого нет на месте. Проходческое звено состояло из 4-х человек. Поняли, что звеньевой, очевидно, пошёл за «крест». Решили немного подождать, но он не возвращался, тогда ещё двое отправились за «крест», чтобы позвать звеньевого обратно, или оказать ему помощь. Четвёртый член звена ещё через некоторое время сообразил, что произошла беда и бросился к устью штольни, где был телефон и сообщил о случившемся. Прибывшие горноспасатели вынесли всех пострадавших на поверхность, а «скорая помощь» доставила в медсанчасть. Двух проходчиков удалось привести в сознание, а звеньевой погиб. При расследовании обстоятельств произошедшего несчастного случая

специальной комиссией возникли сомнения, а был ли «крест» на месте, может быть его и не было?! Выдвигались и другие, надуманные сомнения, которые вели к обвинению лиц горного надзора (так в нужных случаях называются должностные лица в горном производстве, начиная с горного мастера и выше на руднике). А должность главного инженера рудника всегда была первой ответственной за технику безопасности. К этому времени, надо отметить, уже в посёлке, или вернее, рабочем городке предприятия, были учреждения советской власти и правоохранительных органов, как они называются сегодня. Кроме поселкового Совета, были спецмилиция, спецпрокуратура, приезжали на выездные сессии спецсуды. Все эти «спец» были подразделениями соответствующих общесоюзных ведомств, обслуживающих производства и население закрытых городков, а в последствии и не маленьких городов, атомного ведомства СССР. Я не помню точное время, когда атомное ведомство, то бишь Первое главное управление при Совмине СССР, было преобразовано в Министерство среднего машиностроения СССР, но это состоялось, кажется, в 1950-м году и так оно называлось до развала СССР, то есть, до 1991-го года. Уже начальник предприятия не был полностью единоличным «хозяином», хотя руководители всех любых подразделений ведомств, не входящих в непосредственное подчинение предприятию, косвенно зависели от начальника предприятия по многим причинам и, естественно, он, начальник, мог и влиял на принимаемые ими решения. Я почувствовал, что моё положение, в связи с произошедшими несчастными случаями, с одной стороны, и еврейской «эпопеей» с другой стороны, весьма неустойчиво и при ещё одном несчастном случае, или аварий с негативными последствиями, я буду отдан под суд, независимо от степени моей вины. При этом, надо сказать, что у меня не очень сложились взаимоотношения с начальником предприятия Вишняковым В. Г., с которым несколько месяцев назад я имел стычку при посещении им нашего рудника. О моих мыслях и решениях я поделился с главным инженером предприятия Мальским Л. Х., который полностью с моими доводами согласился и обещал поддержать меня. Я решил попросить руководство предприятия (Вишнякова) перевести меня на работу в один из производственных отделов управления, чтобы не быть прямым руководителем горными работами, на годик,

а, затем, я буду готов работать на любом руднике. Но, Вишняков В. Г. категорически воспротивился моим просьбам, несмотря на поддержку Мальского Л. Х. Более того, при последней беседе один на один с ним в его кабинете, он в самой резкой форме, с применением отборного русского мата, заявил, что ни в коем случае не удовлетворит мои пожелания и заставит меня работать на занимаемой должности. Я тоже не выдержал эмоций и не менее отборным матом послал начальника во все возможные места, хлопнул дверью и, выйдя из управления предприятием, сел в кабину грузового автомобиля, направлявшегося в Андижан, а затем поездом прибыл в г. Ленинабад и на следующий день был принят главным инженером комбината Поповым А. А. Александр Александрович выслушал меня внимательно и попросил погулять несколько часов по городку, который к этому времени уже был весьма красивым, чистеньким, Социалистическим, как тогда было принято называть, с оформившимся центром. За четыре с небольшим года, кроме производственных объектов, было построено много жилых домов, объектов соцкультбыта, Центральную площадь окаймляли здания драматического театра весьма красивой архитектуры, гостиницы, от площади лучами отходили улицы-магистрали, а поперечные улицы пересекали их полуокружностями. Действовал постоянный профессиональный коллектив драмтеатра. Сооружен комплекс техникума с учебными корпусами, лабораториями и общежитиями. В техникуме обучались студенты по многим, необходимым для производств комбината профессиям. Функционировали продуктовые и промтоварные магазины. Довольно большая площадь была отдана под парк зеленых насаждений, которые были посажены с учётом парковой архитектуры, сооружены каналы-арыки, мостики через них, беседки, зонты и т. п. Промышленные объекты располагались далеко за пределами границ города, который в недалёком будущем назвали «Чкаловск», в честь легендарного советского лётчика-аса, Героя СССР. Между городом и промышленными объектами оставалась санитарно-защитная зона, величина которой рассчитывалась по принятым в то время нормам. В промышленной зоне действовали ГМЗ (гидрометаллургический завод) по извлечению урана из руд и выпуску концентрата, АРЗ (авторемонтный завод), завод по ремонту горного оборудования, впоследствии ЗГО (завод горного оборудования),

база МТС (материально-технического снабжения) и другие, более мелкие, подразделения. Темпы строительства объектов промышленных, жилищно-бытовых, торговли, культуры, коммуникаций были очень высокими, значительно выше, чем на рядовых стройках, осуществляющихся в те времена в стране.

В конце рабочего дня Александр Александрович предложил мне встретиться на следующий день. Я понял, что он доложил обо мне начальнику комбината Чиркову Борису Николаевичу и ждёт решения последнего. При следующей встрече Попов А. А. сообщил мне, что мне предлагается должность заместителя главного инженера предприятия № 22 (п/я 29), находящегося в 120 километрах от Ташкента, вблизи города Ангрена. Начальником предприятия и главным инженером этого предприятия были бывшие руководители предприятия № 13, соответственно Гаршин П. П. и Казак И. Д. Несколько позже мне стало известно, что Б. Н. Чирков переговорил с Вишняковым В. Г., который очень возражал отпустить меня, и с Гаршиным П. П., который сразу же дал согласие на перевод меня к нему на предприятие. Мне совершенно не хотелось возвращаться на работу к Вишнякову и я дал согласие на перевод. В этот же день я получил приказ, подписанный Чирковым Б. Н. о моём новом назначении в порядке перевода, и поездом я возвратился в Майли-Су. С приказом комбината я явился не к начальнику, а к главному инженеру, Мальскому Л. Х., который сам зашёл в кабинет Вишнякова В. И., получил его резолюцию о моём откомандировании. Я уезжал из Майли-Су 5-го марта 1953-го года, в день похорон Сталина И. В. У уличных радиорепродукторов стояли толпы людей, слушавших репортаж с места событий, многие утирали слёзы, и это люди, большинство из которых были в той или иной степени репрессированы! Надо сказать, что и у меня непроизвольно подступали нервные горланые потуги к всхлипыванию, но я сумел их погасить. В воздухе «висели» вопросы: – «А как будет без “отца родного”? Что будет с Страной?!» Но, я как-то глубоко не переживал это событие. Все последние мои перипетии по уходу и переходу на другую работу и другое предприятие проходили очень быстро, я ни с кем из друзей даже не посоветовался и не состоялось никаких проводов.

Возвращаясь несколько обратно, хочу отметить, что друзья наши тоже трудились с полной отдачей, продвигались по долж-

ностям, набирались опыта. Хоментовский Борис стал главным геологом геолого-разведочного подразделения «Нарын» (эта уже отмечал), Покровский Сталь стал главным инженером рудника № 2, Витковский Сергей – начальником цеха на заводе № 7, Тележинский Сева – начальником химфизлаборатории завода, Морозов Николай – начальником проектного отдела предприятия. Кстати, Хоментовский Б. женился на Нинель Николаевне Варенцовой, враче-хирурге медсанчасти, которая, вскоре, стала главным хирургом, и у них родился первый ребёнок, дочь Алёна.

Думаю, что здесь надо рассказать и об одном радостном событии, имевшем место в жизни моей семьи, это приобретение автомобиля «Победа». Примерно, через 6–7 месяцев после покупки нами автомобиля «Москвич-401» мне позвонил начальник ОРСа предприятия Сапожников Василий Иванович и предложил внести деньги в количестве 16 тыс. рублей и получить автомобиль «Победа». Очень заманчивое предложение, но 16 тыс. рублей собрать оказалось не так-то легко. Желание купить автомобиль значительно лучший, чем «Москвич», поддержала Юлия. Пришлось приложить много усилий. Во-первых, я предложил на руднике, через профсоюзный комитет, найти желающего приобрести мой «Москвич», на котором мы проехали не более 2 тысяч километров.

Покупатель нашёлся очень быстро, один из подземных слесарей, и я получил за мой автомобиль 8 тыс. рублей (при первоначальной стоимости 9 тыс. руб.). Собрали все свои сбережения, попросил главного бухгалтера рудника выписать мне усиленный аванс (4 тыс. руб.) и собралось 15,8 тыс. рублей. Сапожников В. И. говорит:

– Приезжай и плати, я добавлю тебе до необходимой суммы!

Наш первый автомобиль – «Москвич-401». 1952 год

Что я и сделал. А на следующий день, пригласив опытного шофёра, выехали в г. Ленинабад для оформления и получения автомобиля на базе УРСа комбината. За две-три недели до этого и я, и Юлия были в командировке на комбинате, я, кажется, на профсоюзной конференции, а Юлия по производственным нуждам, и мы, проезжая мимо базы УРСа на вокзал, увидали как разгружают с железнодорожных платформ прибывшие автомобили «Победа». Нам очень понравились особенно машины темно-синего цвета, которых было немного, а всего было десятка 4–5 машин, но в основном светло-серого цвета. Думаю, что как раз увиденная тогда картина и послужила принятию нами решения о покупке, несмотря на финансовые трудности, автомобиля «Победа». Заведующий базой УРСа, которому я предъявил документы (доверенность от ОРСа предприятия, квитанцию об оплате), повёл меня на территорию базы к стоящему ряду автомобилей. Их осталось лишь 4 светло-серых, причём 2 из них уже были с дефектами. Но, я увидел, что поодаль, несколько в стороне, под брезентом стоит несколько автомобилей, и предположил, что это и есть тёмно-синие. Я отказался выбирать из указанных мне и сказал, что хочу из тех, стоящих под брезентом. Заведующий базой объяснил мне, что они только по указанию Чиркова Б. Н. выдаются. Я решил идти на приём к начальнику комбината. Но по пути, немного поостыв, решил предварительно обратиться к начальнику УРСа, управление которого располагалось в бараке, недалеко от базы. Начальник УРСа Карамов Георгий Аветисович выслушал мою претензию, что мне не дают автомобиль, который я хочу, спросил меня, а кто я такой и, услышав ответ, сказал :

– Идите на базу и Вам выдадут то, что просите!

На базе заведующий по телефону связался с начальником УРСа и, только после получения от последнего команды, разрешил мне выбрать один из тёмно-синих автомобилей. Так мы стали владельцами нового автомобиля «Победа» престижного цвета. Своим ходом мы (я и водитель) вернулись домой.

Стоит рассказать и ещё об одном интересном событии, имевшем место во время работы на угольном руднике. Известно (а может быть кто-то и не знает), что многие годы в СССР ежегодно, как правило весной, проводились кампании по распространению государственных займов. Подписка на займ проходила на всех производствах, учреждениях, во всех кол-

лективах. Партийная директива всегда была одна: добиться, чтобы сумма подписки была не менее среднемесячного фонда зарплаты соответствующего коллектива. Подписку поручали проводить командирам производства. Ну, а сами командиры (руководители участков, цехов, смен, рудников, заводов и т.п.) подавали, естественно, пример и подписывались на два-три оклада. И я уже с самого начала работы на предприятии проводил эту работу среди своих подчиненных и делать это было нелегко, если учесть характер контингента работающих. Я всегда подписывался на три месячных оклада. Как правило, мне удавалось подписать коллектив в среднем на месячные оклады и на руднике № 1 и на руднике № 2. В ходе подписки на заём 1952 года мне один из начальников участка доложил, что есть у него рабочий, не желающий подписаться ни на копейку. Это плохо отражалось на весь ход подписки на участке. Я приказал пригласить этого рабочего (он был из ПФЛ второй категории) ко мне в кабинет. Беседа продолжалась более двух часов и все мои доводы положительного результата не давали. В конце концов, я ему предложил подписаться на месячный оклад при условии, что я ему буду ежемесячно отдавать вычитываемую с него сумму подписки. И он действительно приходил ко мне в день выдачи зарплаты и получал с меня соответствующую сумму. Надо сразу сказать, что за время работы у нас с Юлией накопилась очень солидная сумма государственных займов, на которые небольшие выигрыши изредка выпадали на нашу долю, а многие, в последствии, погасились, но и потерь оказалось немало.

ГЛАВА 11

Некоторые итоги и мы начинаем жизнь на новом предприятии

В этой небольшой главе я хочу подвести некоторые итоги нашей работы и жизни на первом предприятии и моего видения состояния нашей подотрасли в системе атомной проблемы СССР, повторяю, с моей тогдашней колокольни. И так, ведомство наше началось с Первого главного управления при СНК СССР, которое и организовало разработку известных месторождений урана. Ими были месторождения Табошары, Адрасман, Майли-Су, находящихся в Средней Азии, на территории Таджикистана и Киргизии. Эти месторождения, относительно небольшие по запасам в начале строительства и разработки и имевшие определённую перспективу по наращиванию запасов, вошли в состав первого комбината по добыче и первичной переработки ураносодержащих руд с выпуском урановых концентратов. Основным источником руководящих кадров и рабочей силы стали резервы всемогущего ведомства Внутренних дел СССР, имевшего громадный опыт строительства, эксплуатации промышленных объектов, рудников, городов и посёлков, практически во всех географических и климатических условиях Советского Союза, особенно на Севере, Востоке, Сибири, в том числе по строительству и отработке месторождений цветных и редких металлов.

На площадках урановых месторождений в короткие сроки были организованы лагеря заключённых, во временных сооружениях размещены жизненно необходимые объекты, ввозилась рабочая сила из возвращаемых в Страну из немецких лагерей военнопленных солдат, создавались посёлки спецпоселенцев, выселённых с мест проживания граждан немецкой, крымско-татарской, калмыцкой и других национальностей. Руководители ведомства, начальники (директора) предпри-

7-е ноября 1948 г. Застолье однокашников

ятий (комбината, рудоуправлений) наделялись широкими полномочиями, неограниченными правами. На строительство, освоение месторождений, создание всей инфраструктуры государством выделялись соответствующие, не малые, средства и материальные ресурсы. Атомному ведомству предоставлено было право преимущественного отбора выпускников высших и средне-технических учебных заведений, рабочих кадров из ремесленных училищ и школ ФЗО. На месторождениях одновременно велись горные работы геолого-разведочного, горно-подготовительного назначения и добыча руд. Горные работы в начальный период велись на верхних горизонтах при штольневом вскрытии, а затем уже вскрывались более глубокие горизонты, велась проходка вертикальных стволов и необходимых горных комплексов.

Урановые руды стране были необходимы немедленно, сейчас, и поэтому горные работы начались с использованием самых простых, по тем временам, технических средств. Пневмотехника, лёгкие перфораторы, отбойные молотки, передвижные и малопроизводительные поршневые компрессоры, передвижные электростанции, малогабаритные опрокидные вагонетки, ручная откатка и лошадиная тяга, примитивные вентиляторы частичного проветривания и т. п. и т. д. Одновременно с производством работ шло обучение рабочих кадров горным и

другим профессиям. Привлечение лучших кадров, выделение ресурсов, высокая по сравнению с другими отраслями оплата труда, «железная», полувоенная дисциплина, да и немалый энтузиазм большинства работающих, в первую очередь, инженерно-технических кадров, позволяли держать очень высокие темпы развития производств, увеличение объёмов добычи и переработки руд и обеспечить научно-исследовательские и практические работы по созданию атомного устройства, осуществлению взрыва атомной бомбы на Семипалатинском полигоне в 1949 году.

На каждом промышленном предприятии, естественно, строился и возникал жилой посёлок с необходимой инфраструктурой. Посёлки были закрытыми, проезд в них только по специальным пропускам. В зависимости от мощности предприятия, его значимости и численности населения, посёлки административно переходили в разряд городов различного подчинения. Строительство этих посёлков и городов велось по проектам, индустриальными методами, то есть, по принятым в то время принципам, создавались «Социалистические города». Снабжение этих посёлков и городов продовольственными и промышленными товарами преимущественно было централизованным, как называли «Московским». Хотя это не исключало, всё же, распределение особо дефицитных товаров и других благ через руководство, профсоюзы и другими, известными в то время, способами.

Для управления множеством направлений по развитию всего комплекса работ создания и использования атомной энергии, было образовано министерство (ранее «Народный Комиссариат»), которому, в целях секретности и завуалирования истинного назначения, дали официальное наименование «Министерство среднего машиностроения». Первым министром стал, как мне кажется, Завенягин А. П. На сколько мне помнится, Завенягин совсем недолго пробыл в этой должности, скончался, и Министром стал Малышев В. А., имевший и ранг Заместителя председателя Совмина СССР, учитывая важность возглавляемого им для страны ведомства. Для управления разными направлениями деятельности в министерстве создали главные управления и управления по отраслям и назначениям, которым присвоили условные номера. Добычей, первичной переработкой руд, развитием сырьевой базы руководило Первое глав-

ное производственное управление министерства. Уже где-то с 1950 или 51-го года им руководил Карпов Николай Борисович. Первый раз я с ним познакомился, когда работал на 2-м руднике начальником внутришахтного транспорта, а он приехал на рудник ознакомиться с горными работами. Это был небольшого роста, довольно упитанного телосложения человек, с практически лысой головой. Говорил он с каким-то «выдохом», выдававшим его украинский акцент. В последствии я узнал, что он действительно в нашу систему пришёл из Донбасса, где прошёл хорошую школу и имел опыт ведения горных работ на угольных шахтах, заслужил звание Героя Социалистического Труда. С ним мы будем встречаться неоднократно и много лет, он возглавлял Главк более 35 лет.

Быстрые темпы развития всех направлений атомной проблемы требовали расширения сырьевой базы. Геологическая служба комбината № 6, кроме обслуживания ведущихся горных работ, вела поиски, разведку новых рудопоявлений как вблизи действующих месторождений, так и в других прилегающих районах. В составе комбината геологический отдел преобразовали в геологическое управление, которое возглавлял очень опытный геолог Данильянц А. А. В составе этого управления создали геологическую экспедицию – предприятие п/я 30, которую возглавил геолог Смирнов Сергей Артемьевич. Это предприятие, в котором действовало 5–7 геологоразведочных и поисковых партий, довольно интенсивно и успешно вело соответствующие работы, открыло, разведало и утвердило в Государственном Комитете по Запасам СССР довольно крупное месторождения урана Чаули. На базе этих запасов возникло предприятие № 23 и посёлок Красногорск в Ташкентской области. Группе геологов и руководителей экспедиций и комбината за это открытие была присуждена Ленинская Премия СССР, в том числе начальнику экспедиции Смирнову С. А., главному геологу экспедиции Муромцеву Н. Н. Глобально же, поисками и разведкой урановых месторождений занималось Министерство геологии СССР, в составе которого этим руководило тоже Первое главное геолого-разведочное управление, к этому времени возглавляемое Кузьменко В. И., а затем многие годы этим ведомством руководил Карпов Н. Ф., внешне чем-то похожий на главу нашего ведомства Карпова Н. Б. Поиски и разведка месторождений урана велись не только в Средней Азии, а уже

практически по всей Стране. В составе ПГГРУ Министерства геологии СССР во многих регионах страны организованы территориальные геологические экспедиции, подобные «Краснохолмскгеологии» в Средней Азии.

В составе комбината № 6, возглавляемого Чирковым Борисом Николаевичем, к 1953-му году уже действовали предприятия № 11 Табошары, № 12 Адрасман, № 13 Майли-Су, № 14 Пап, строились и развивались № 18 Чиркассары, № 21 Майли-сай, № 22 «Развилка» (Катта-сай и Алатаньга). На предприятиях № 11 и 13 действовали заводы по переработке урановых руд, а руды с других предприятий перевозились на ураноперерабатывающий завод на Ленинабадской площадке (г. Чкаловск в будущем). Технология извлечения и обогащения урана, благодаря проводимым научно-исследовательским работам и рационализации по предложениям практических работников, совершенствовалась в направлениях увеличения степени извлечения и снижения затрат. На предприятии № 13 был построен завод № 7 и продолжал действовать завод № 3. Гонка вооружения в результате «холодной войны» и дальнейшее развитие использования атомной энергии в мирных целях требовали резкого увеличения объёмов добычи, обогащения урана, для поставки концентрата на заводы по его дальнейшей очистки и использования в конечной продукции. Коллектив комбината № 6 успешно справлялся с возложенными на него задачами. Многие трудящиеся комбината награждались орденами и медалями СССР, а его руководитель, начальник комбината (в будущем их стали называть директорами) Чирков Б. Н. был удостоен звания Герой Социалистического Труда.

Бурное развитие атомной промышленности, для осуществления которого выделялись громадные средства, могло при- творяться в жизнь только при наличии мощных строительных организаций. Первоначально в каждом предприятии организовывались свои строительные участки, подразделения, управления (в зависимости от уровня основного предприятия), осуществлявшие строительные работы хозяйственным способом. Но, главные объёмы строительства, вскоре, стали осуществляться на основе генподрядного способа, для чего создавались строительно-монтажные, монтажно-строительные управления, самостоятельные СУ (строительные управления) в зависимости от характера и объёмов производимых работ, ко-

которые подчинялись Главному строительному управлению Министерства среднего машиностроения. Вначале это было ГУ № 10, а затем, по мере увеличения объёмов работ и их географии, были созданы ГУ № 11 и № 12. Последнее, это Главное монтажное управление, в состав которого входили механомонтажные и электромонтажные организации в рангах трестов, МСУ и участков. В эксплуатационных же организациях оставались свои строительные подразделения и ими руководили заместители руководителей по капитальному строительству, со своими отделами, ОКСаами, которые курировали и генподрядные строительные организации.

Дальнейшая переработка урановых концентратов, доведение их до конечных продуктов, проведение научно-исследовательских работ производились на многих уже действовавших предприятиях, заводах, научно-исследовательских институтах и опытных заводах. Соответственно, в Министерстве были созданы производственные управления ГПУ №№ 3, 4. Кроме центрального аппарата, управления руководящих кадров, действовали Главное управление капитального строительства под № 9, Управление зарубежными предприятиями за № 8, Управление подсобными предприятиями за № 13. Режимом секретности и охраны руководило Главное управление № 2. У министра были Первый заместитель (мы считали его главным инженером), Заместитель министра по строительству, Заместитель министра по кадрам. Были и другие управления и отделы. Для министерства было выстроено, я бы сказал, величественное здание в 12 этажей с главным фасадом на улице Большая Ордынка.

Строительство и эксплуатация промышленных объектов разных назначений, жилья и других объектов соцкультбыта, посёлков и городов не могло происходить без серьёзных проектных проработок. Для этого были созданы проектные, проектно-изыскательские и научно-исследовательские институты. Так, предприятия, входящие в состав Первого главного управления, проектировались предприятием п/я 1119 (в дальнейшем названном ГСПИ-14 – Государственный специальный проектный институт), который подчинялся ГУКСу (ГУ-9). В составе ГУ-9, со временем, появилось ещё несколько подобных институтов с определённой специализацией. Технологию производств по переработке урановых руд, дальнейшего их обогащения и очистки проектировали соответствующие научно-

исследовательские институты, подчиняющиеся ГПУ №№ 3, 4 и др. В частности, технологию производств по переработке руд и выпуску концентратов, металлов, входящих в Первое ГПУ, разрабатывал специализированный институт НИИ-10 (в дальнейшем – «ВНИИХТ»). Большинство институтов находились в Москве, Ленинграде и в некоторых других крупных городах Союза. С 1952-го года НИИ-10 и ГСПИ-14 размещались в очень большом комплексе зданий, на территории посёлка Москворечье по Каширскому шоссе в Москве. Проектные институты, как правило, для оперативности управления ходом проектирования, особенно, в рабочей стадии, проведения авторского надзора создавали рабочие группы проектировщиков на местах, т. е. в посёлках и городах, где находились проектируемые объекты. Так, в Ленинабаде (позже городке Чкаловске) действовала группа проектирования от ГСПИ-14, которая называлась СПБ-2 (Специальное проектное бюро), где работали и мои однокашники по горному факультету Шилов П. Д., Галочкин А., Теплов А.

Конечно, структуру построения министерства я узнал не сразу, а постепенно, по мере продвижения по иерархической лестнице и расширения моих служебных функций. Я просто изложил это несколько опередив события.

И вот, я закончил работу на моём первом предприятии атомной системы. Честно говоря, уезжать не хотелось. Здесь прошли пять лет молодости, упорного труда, становления специалиста. Здесь много друзей-однокашников, здесь приобрёл многих новых друзей и товарищей, здесь женился. Здесь остаётся мама (а я единственный у неё), здесь, хоть и временно, остаётся любимая жена. Здесь, в коллективах и рудника, и предприятия уже есть определённый авторитет. Посёлок быстро вырос, уже есть Дворец культуры, много магазинов, новое здание управления предприятием, много зелёных насаждений, в том числе и посаженных лично мною и другими молодыми специалистами в первый период пребывания здесь. Особенно не хотелось расставаться с друзьями, а удастся ли ещё встречаться когда либо, да и переход в новый коллектив всегда для меня был не лёгким событием, несмотря на мой коммуникабельный характер.

Знай я, что в недалёком будущем Вишняков В. Г. не станет начальником (директором) предприятия (а это произошло), несмотря на некоторые преимущества моего перевода, а именно,

повышение ранга, близость нового места работы к г. Ташкенту, крупному культурному центру, где проживают родители Юли и наш сын, где есть наша (мамина) квартира, забронированная за нами (и такая привилегия имела в нашем ведомстве), я не пошёл бы на перевод. Так в жизни сложилось, что я уже больше никогда не был в Майли-Су. Но с друзьями, остававшимися здесь, в дальнейшем мы встречались, переписывались или оказывались на совместной работе на других предприятиях, городах или посёлках нашей системы. Как я уже отмечал, кадры первенца, комбината № 6, использовались при возникновении новых уранодобывающих предприятий, на которые и переводились, при необходимости, опытные специалисты.

ГЛАВА 12

Предприятие п/я 29 – «Развилка»

Предприятие № 22 (это условно – открытое наименование), или предприятие п/я 29, строилось на базе запасов урановых руд двух месторождений: Катта-сай и Алатаньга. Оба они были названы по наименованию двух горных рек, в районе которых были обнаружены и разведаны.

Открыты были эти месторождения геолого-разведочной экспедицией «Краснохолмскгеология» Министерства геологии СССР. В 1951-м году эти месторождения были официально переданы Минсредмашу для строительства уранодобывающего предприятия в составе комбината № 6. Месторождения эти расположены в Чаткальском хребте Тянь-Шанской горной системы, на территории Узбекской ССР, в Ташкентской области. Горные речки-сай, Катта-сай и Алатаньга, бурные и полноводные в весенне–летний период и почти безводные в осенне-зимний период, сливаясь, составляют речку-сай Дукент. Оба месторождения находятся в 5–7 км выше по течению (каждое по своему) саев от места их слияния. Относительно большая площадь с небольшим уклоном сразу выше места слияния рек стала местом, выбранным для строительства центральной части будущего городка. Отметка этой площадки 1200–1300 метров над уровнем моря. Над этой площадкой высились со всех сторон горные хребты, заросшие, в основном по северным склонам, деревьями хвойных пород, называемых «арча». Говорят, что это наилучшие сорта дерева для изготовления карандашей. Другие склоны тоже имели растительность других сортов деревьев и кустарника. С площадки городка были видны только склоны

гор и голубое (в летний период) небо, или низкую облачность в осенне-зимний период. Первоначально, городок был назван «Развилка». Горные работы на месторождении Катта-сай были названы рудником № 1, а на месторождении Алатаньга – рудником № 2. Промышленные площадки рудников 1 и 2 находились на отметках 1500–1600 метров, а горные работы велись в диапазонах 1800–1400 метров при штольневом вскрытии, а затем (забегаю вперёд) отрабатывались и горизонты ниже отметок 1400 метров, которые вскрывались «слепыми» вертикальными стволами. Горно-технические условия разработки резко отличались от тех, что были на урановых рудниках в Майли-Су. Рудные залежи и тела типа «штокверк» в скальных породах (гранодиоритах, гранитах), зачастую перемятых последующими тектоническими процессами, весьма широкий диапазон коэффициента крепости пород от 8–9 до 20, сложность оконтуривания границ оруденения и другие характеристики требовали много разных технических решений при доразведке, подготовке и отработке их. К сказанному надо добавить, что предприятие п/я 29 располагалось в 15–18 километрах от города Ангрен, который, в свою очередь, возник на базе месторождения бурых углей, которые начали разрабатывать перед самой Великой Отечественной войной. Темпы строительства и отработки углей карьером и подземным способом (шахта № 9), соответственно и города были довольно большими, этого требовала военная обстановка – энергетические угли удовлетворяли потребности электростанций и населения Узбекистана.

Из Ташкента в г. Ангрен доехал на поезде, это около 100 километров. В Ангрене уже существовала и продолжала строиться прирельсовая база предприятия, располагавшаяся за городской чертой, и в состав которой входили склады материально-технического снабжения, деревообрабатывающий цех, автобаза, центральные механо-ремонтные мастерские. Отсюда на попутной автомашине добрался на Развилку по грунтовой дороге, идущей по левобережному склону реки-сая Дукент. Дорога проложена по осадочным, в основном, глинистым породам, шириной для проезда одной автомашины и с расширением в некоторых местах до двустороннего проезда. По правому берегу шло строительство постоянной автодороги. Долина реки Дукент, скорее ущелье, имело ширину не более 100–150 метров. Постоянную дорогу строили заключенные, которых

привозили из лагерей, находящихся в районах строительства рудников №№ 1 и 2. Дорога пробивалась по скальным грунтам, выполнялась по всем правилам дорожного строительства и защищалась от размыва потоком сая в паводковый период специальными конструкциями из проволочных сеток, заполненных камнями скальных пород. На площадке строительства городка уже были построены по правому склону Катта-сая 7–8 трехэтажных каменных (бутовых) домов и выше них несколько одноэтажных, двухквартирных коттеджа. Управление предприятия занимало один из этих трехэтажных домов. По ущелью сая Алатаньга (левобережью) стояло несколько деревянных бараков, в которых размещались конторы некоторых строительно-монтажных организаций, ремонтные мастерские, ЖКХ и другие подразделения, а один из них был столовой общественного питания. Благоустройство и озеленение минимальные.

Начальником предприятия был, как понятно из предыдущих рассказов, Гаршин Пётр Петрович, а главным инженером – Казак Иван Демьянович, переведенные с прежнего предприятия, соответственно, в 1951 и 1952 годах. Вскоре я узнал обстоятельства и причину перевода сюда Казака И. Д. До него главным инженером предприятия работал Кравченко Пётр Иванович. Но, произошёл групповой несчастный случай со смертельным исходом четырёх горнорабочих и Кравченко был снят с занимаемой должности, а по просьбе Гаршина П. П. назначили Казака И. Д. Был, также, снят с работы и помощник главного инженера по технике безопасности и охране труда Колесников Пётр. Это был довольно пожилой человек, болезненного вида, горный инженер (наверное заочного обучения), с хитринкой в характере и «крестьянским» юмором. Кравченко П. И. перешёл работать в ГСПИ-14, в Москву (наверное был «москвичом»), а Колесников П. остался на предприятии и работал до пенсии на разных должностях – зав. складом ВМ, в отделе подготовки рабочих кадров и т. п. Надо прямо сказать, что отношение к вопросам безопасности работ и охране труда, в этот период, мягко говоря, было ниже, чем к мерам по выполнению производственных планов, темпов увеличения объёмов работ. Соответственно, и на должности помощников главных инженеров по ТБ и ОТ, а такие были не очень давно введены в штаты комбинатов, предприятий (рудоуправлений),

и потом и рудников, не очень охотно шли специалисты, знающие себе цену. И у меня душа не лежала к будущей деятельности, я рассчитывал недолго пребывать на этой должности. А что из этого вышло – покажет будущее.

За время разведки месторождений «Краснохолмскгеологией» был выполнен довольно большой объём геолого-разведочных выработок сечением 3,6 квадратных метров на 6–7 горизонтах каждого месторождения. Большая часть этих горных выработок пройдено было без крепления, рельсовые узкоколейные пути были уложены из рельсов самых лёгких профилей. На некоторых горизонтах были проведены опытные работы по добыче нескольких тысяч тонн руд для технологических проб, необходимых при подсчёте запасов. Для производства опытных очистных работ «Краснохолмскгеология» привлекала бригады специалистов-горняков комбината № 6, так сказать, заказчика. Говорили, что комбинат, кроме того, неоднократно, в какие-то «тяжёлые» моменты выполнения планов по выпуску металла, направлял бригаду для добычи богатых руд и отправки их на перерабатывающий завод в Ленинабаде. Пройденные горные выработки при геологоразведке стали основой для рудников уже горного предприятия. На основных промплощадках рудников со времён разведки остались по несколько деревянных казарм (типа КЩ), в которых размещались конторы управления рудника, различные службы, а в других жилые помещения, где проживали инженерно-технические сотрудники и с семьями (в одной-двух комнатах), и общежития для одиночек. Ниже (по течению саев) промплощадок находились лагеря для заключённых (ЗК), которые являлись основной рабочей силой на строительстве поверхностных промышленных объектов, жилья и объектов соцкультбыта в городке. Примерно в 2–3 км перед въездом в городок, на основной дороге на предприятие в двух деревянных коттеджах (типа «финские») был КП со шлагбаумом и жилые помещения для сотрудников МВД, обслуживающих этот объект. Здесь проверялись пропуска на въезд в городок. Ещё ниже по течению, километрах в 2–3, в нескольких таких же домиках находилось войсковое подразделение, осуществляющее охрану подъезда к предприятию, его воздушное пространство (имелись зенитные установки, располагающиеся в горах). Это, пока, общие положения и географо-топографическая справка.

Теперь о кадрах, пожалуй, главнейший вопрос, особенно на вновь строящемся предприятии. После передачи месторождений от геологов остались работать на предприятии какое-то число работников геологоразведочных подразделений. В частности, начальником рудника № 1 был назначен Тимофеев Константин Михайлович, горный инженер, участник и инвалид ВОВ, и его супруга, Инна, заняла должность плановика рудника. К 1953-му году рудник № 1 был более развитым по горным работам и руды добывал больше, чем рудник № 2. На последнем производились больше работы по проходке основных горизонтов, обустройству подъёмников на верхние горизонты для доставки элементов крепления и других вспомогательных материалов, строительству центральной вентиляционной установки, административно-бытового комбината и других объектов. Рудник № 2 должен был стать основным по производительности добычи руд и, естественно, по объёмам проходки горных выработок всех видов, численности трудящихся и т. п. На рудниках без перерыва во времени с момента передачи их в комбинат производились одновременно горно-подготовительные и очистные (добыча руды) работы, частичная реконструкция бывших геологоразведочных выработок на основных горизонтах, продолжалась проходка геологоразведочных выработок для доразведки выявленных и выявления новых рудных тел. Промышленные площадки (основная и вспомогательные) рудника № 2, по сравнению с площадками рудника № 1, находились в более узком ущелье с более крутыми склонами гор, что усложняло условия производства и строительных работ, и доставки материалов, и вывозки руды и пород. В недалёком будущем выявилось, что эти склоны опасны по сходу снежных лавин, о чём рассказ впереди. Укомплектование предприятия кадрами проходило, в первую очередь, за счёт перевода специалистов и рабочих с горных подразделений действующих предприятий комбината. А это были, главным образом, предприятия № 11 (Табошары), предприятие № 12 (Адрасман), предприятие № 13 (Майли-Су). Пополнение шло и за счёт молодых специалистов из высших и средне-технических учебных заведений. Незадолго до моего прибытия начальником рудника № 2 был назначен Бикмурзин М., переведенный с предприятия Табошары, взамен работавшего до этого Дмитриева А. Н., у которого произошёл тяжёлым психический срыв. С Дмитриевым А. Н.

мы познакомились после его выздоровления и были хорошими друзьями многие годы. Главным инженером рудника № 2 был Соколов Николай, горный инженер со стажем, лет сорока отроду. Рудник был разделён на 3–4 участка, начальниками которых были, в основном, горняки со средне-техническим образованием. Рудники разрабатывали скальные породы с большим содержанием SiO_2 (более 70%), пыль которых очень опасна при вдыхании, вызывающая силикоз легких. Болезнь эта не поддаётся лечению и приводит, в конце концов, к летальному исходу. Главным инженером рудника № 1 работал Ивашов Николай Иванович, горный инженер, выпускник Новочеркасского Политехнического института, человек весьма напористого характера, несколько переоценивающий свои способности и возможности. На руднике № 1 тоже было несколько горных участков. Одним из них руководил горный инженер Пушкарев П. Д. Добыча руды велась на обоих рудниках системой блоков, с послойной выемкой снизу вверх, при креплении квадратными окладами и последующей закладкой выработанного пространства пустыми породами с вышележащих горизонтов. Длина и ширина блока зависели от величины рудного тела, но не более 900–1200 кв.м. Система отработки очень трудоёмкая, довольно опасная, так как в определённый период работ нет второго запасного выхода из слоя, необходимость иметь настилы подмости для производства операций добычного цикла – бурения, возведения очередных элементов крепи и т. п. С одного блока можно было добыть не более 1–1,5 тыс. тонн руды в месяц. Темпы проходки горизонтальных выработок равнялись 25–40 метрам в месяц на забой. Центрального проветривания ни на первом, ни на втором рудниках ещё не было. Бурение шпуров в забоях велось с промывкой, но просто технической водой без добавок, улучшающих смачиваемость пород и образующейся пыли при бурении. В забоях, да и в горных выработках на всём протяжении, запыленность и содержание радиоактивного газа радон были значительно выше норм, установленных в то время «Правилами...» и достигали по пыли 10–20 норм, а по радону – 100–150 норм. Рабочие кадры на этом предприятии комплектовались только вольнонаёмными трудящимися также за счёт перевода их с действующих в комбинате объектов, централизованного направления молодых рабочих из школ ФЗО и РУ. Только на строительстве поверхностных промышленных объектов

и объектов жилья и соцкультбыта, инженерных коммуникаций использовались заключённые двух лагерей. Естественно, это были неквалифицированные кадры. В строительных подразделениях были и квалифицированные кадры вольно-наёмных рабочих строительных и монтажных профессий и специальностей.

Строящийся и действующий городок «Развилка» был закрытым, как и все предприятия и посёлки комбината, въезд в них только по спецпропускам, которые проверялись на КПП, за 2–3 километра до въезда в городок. Под началом руководства предприятия имелись (и создавались по мере необходимости) все необходимые службы инфраструктуры – энергослужба, ЖКХ, ОРС, автобазы технологического и бытового назначения и т.п. Строительство в городке велось в три смены, в первую очередь строились жилые дома (в основном трёхэтажные), а строительство объектов быта, торговли отставало от потребностей. В то же время, темпы развития горных работ на рудниках и укомплектование их кадрами значительно опережало темпы строительства жилья. Поэтому, получить квартиру для семьи было проблемой, которую можно было решить лишь со временем и не скорым.

Рудоуправление (будем называть так уже управление предприятия) размещалось в жилом доме, как я уже упоминал. Отдел ТБ и ОТ, которым я начал руководить, находился на втором этаже. На этом же этаже помещались кабинеты начальника и главного инженера рудоуправления, производственно-технический отдел, отдел главного механика. Другие отделы размещались, соответственно, на других этажах трёхэтажного здания. На входе в подъезд круглосуточно стоял охранник, которому предъявлялся специальный пропуск. В отделе был ещё один сотрудник – инженер по охране труда Шитова Марина, горный инженер. Её супруг, горный инженер Шитов Андрей Сергеевич, работал на руднике № 1. Они выпускники Ленинградского Горного института и уже потрудились в ГДР (Германской Демократической Республике), на одном из предприятий Совместного акционерного общества «Висмут». Так, я впервые узнал, что СССР совместно с ГДР добывает урановую руду на известных ранее и уже новых месторождениях, там же производится концентрат, который весь доставляется на дальнейшую переработку на предприятия, находящиеся только на тер-

ритории СССР. Через небольшое время мне стало известно и то, что подобные предприятия имеются и в других Странах Социалистического лагеря – Болгарии, Венгрии, Чехословакии, Румынии, Польше. Начальником ПТО (производственно-технический отдел), он же заместитель главного инженера, работал Соколов Михаил Николаевич, фронтовик, при этом скромнейший человек, горный инженер, выпускник Ленинградского Горного института. Где он работал до этого я просто не помню, но большого опыта работы на производственных должностях, мне кажется, у него не было, но был он весьма сообразительным и грамотным. Он был женат и имел уже двух детей. При ПТО была проектная группа, которую возглавлял Дмитриев А. Н. (о нём я уже упоминал), в этой группе работал старшим инженером Афанасьев Георгий. Последний тоже был переведен в рудоуправление с рудника № 2 за какие-то провинности. Оба эти горные инженеры были переведены с предприятия № 12 (Адрасман). Дмитриев А. Н. был постарше возрастом меня (окончил институт после демобилизации из армии), а Афанасьев Г. помоложе меня на пару лет. Главным механиком (он же начальник энергомеханического отдела) работал горный электромеханик Валерий (фамилию не помню), а у него заместителем (он же главный энергетик) Гизерский Лев Абрамович, инженер-энергетик, окончивший энергофак нашего института в том же, 1948-м году, куда он вернулся после демобилизации из Армии, фронтовик, переведенный сюда с предприятия № 11 (Табошары). Предприятие снабжалось электроэнергией от энергосистемы и в составе энергослужбы имелись и строились ЛЭП (линии электропередач) и подстанции 110, 35 и менее киловольт. Главным геологом трудился Коновалов Иван Мефодиевич, человек весьма большого роста, опытный геолог и пытливый специалист, за что был уважаем весьма. Здесь же я встретился со старыми знакомыми и друзьями. В рудоуправлении работали: главным маркшейдером – Красиков Н. Ф., главным диспетчером – Кан А. К. Эти два совершенно разных по характеру человека стали друзьями на всю оставшуюся жизнь. А началось это ещё в Майли-Су, на предприятии № 13. И Красиков, и Кан, выпускники Алма-атинского горно-металлургического института 1946-го, или 47-го годов, по распределению стали трудиться на предприятии № 13. Кан А. на руднике № 1 начальником участка, а Красиков Н. на руднике № 2 главным

маркшейдером. В своё время, где-то в 1951-м году, они были уже Красиков Н. – начальником, а Кан А. – главным инженером строящегося рудника № 6. В 1952-м году у них на руднике произошёл групповой несчастный случай, при котором погибло четверо проходчиков при аварии на проходке вертикального ствола. Среди прочих виновных они были осуждены на короткие сроки принудительных работ с выплатой части заработной платы, а руководством комбината переведены на предприятие № 22. Семья Красиковых была интересной в нашем окружении. Жена его, Зоя, не имела оконченного высшего образования, очевидно окончить его помешало рождение ребёнка во время ещё учёбы. К описываемому времени в семье было трое детей и, кроме того, они воспитывали племянника Зои с малых лет, а к этому времени ему уже было лет 10–11. Семья проживала совместно с родителями Зои, отцом и матерью, т. е. состояла из 8 человек. Это необычно для нашего времени и места. Уже в Майли-Су семья содержала корову, которая была очень уважаема и за которой очень хорошо ухаживали. Корова давала хорошие удои. Эту корову и привезли с собой и на Развилку. Это была единственная корова на весь посёлок. Удои от коровы полностью удовлетворяли потребности семьи в молоке и часть реализовывалась семьям друзей и знакомых. Корова, конечно, была и подспорьем в семейном бюджете. Николай Красиков очень ценил корову и часто на спор, или в других случаях, мог (как бы в шутку) закладывать её в долг или за ценное действие. Не помню какой это был год, в СССР приезжал с официальным визитом шах Ирана с красавицей шахиней, фотографии которых были опубликованы в газетах. Разглядывая фото с компанией сослуживцев, Николай произносит:

– Корову отдал бы за один поцелуй шахини!!!

Проживала семья Красиковых в одном из первых построенных двухквартирных коттеджей на верхней улице. В последствии и мы пользовались молоком от Красиковской коровы для детей. Работали уже на предприятии и наши друзья Кожевниковы Владимир и Антонина, гидрогеологи, и Михаил Ефремович Закинов начальником ОРСа, который и на предприятии № 13 трудился в этой же должности. Это был человек средних лет, фронтовик, бухарский еврей по национальности, очень энергичный и редкой доброты. Семья Закинова М. состояла из супруги, домохозяйки, и четырёх детей от 2 до 6 лет. Прожива-

ли они в одном из деревянных одноэтажных (финских) домиков, на самой верхней отметке склона горы. Мы были знакомы по Майли-Су, но не очень близко (разность по возрасту и др.), но это не помешало им, Закиновым, предложить мне перевезти Юлю на новое место работы, т. е. сюда, не ожидая получения квартиры, а временно пожить у них. Так я и поступил и уже в конце апреля перевёз семью (жену, сын продолжал пребывать у Юлиных родителей), скарб и автомобиль («Победа» тёмно-синего цвета) на Развилку, где Юля приступила к работе в отделе главного механика в качестве старшего инженера-энергетика. Вскоре к нам присоединилась ещё одна семья – Лисневского (имени и отчества не помню) с 4-летней дочерью (супруга умерла в Майли-Су от болезни), строителя, переведенного из ОКСа на прежнем предприятии в ОКС же, сюда. Сказать, что проживание в таком сообществе, несмотря на 3-комнатную квартиру, было удобным, не скажешь. Но, мы, работавшие с утра и до ночи, не замечали всех неудобств, а доставалось, в основном, супруге Закинова, которая ухаживала за 5 детьми дошкольного возраста и старалась ещё и приготавливать еду на всю компанию. Бывало, мы частенько собирались часам к 10–11 ночи к «достархану» (так в Узбекистане называют застолье) и обсуждали всякие события дня, конечно, на производственные темы с рюмочкой водки и вина (конечно без детей). А в выходные (воскресенье, но не в каждое) Закинов любил приготовить «фирменный» плов и мы пировали всей большой «семьёй». Заместителем начальника предприятия по общим вопросам был Божко Иван Илларионович, бывший начальник перевалочной базы предприятия № 13 в г. Андижане.

ГЛАВА 13

Нелегкая работа в новом амплуа. Первые положительные результаты

И так, я начал трудиться в новом качестве с того, что облачившись в спецодежду (бельё, брезентовая роба, резиновые, или кирзовые, сапоги, каска и карбидная, а в недалёком будущем, аккумуляторная лампа) с раннего утра и до вечера обходил горные работы поочерёдно на рудниках №№ 1 и 2, с целью ознакомиться с ними, во-первых, с руководителями их, лицами горного надзора среднего и низового звеньев, технологическими процессами производства горных работ в конкретных условиях. А после 20 часов в кабинете изучал проектные материалы и занимался текущими бумажными делами, которых не так уж и мало в управленческой деятельности. Значительное время и усилия уходило на экстренные обстоятельства по немедленному выезду на места происходивших тяжёлых и с летальным исходом несчастных случаев на производстве (не только на горных, но и в других подразделениях предприятия). А несчастных случаев на производственных подразделениях происходило всё больше и больше вместе с бурным ростом объёмов производства. О каждом несчастном случае с тяжёлым или со смертельным исходом, или групповом (при 4 и более пострадавших) немедленно докладывалось руководству предприятия, а директор или главный инженер его должен был доложить о происшедшем в управление комбината. По таким случаям немедленно издавался приказ о создании комиссии по расследованию обстоятельств и причин произошедшего. Независимо от времени происшествия я немедленно прибывал (а зачастую и главный

инженер рудоуправления) на место, где маркшейдер рудника делал привязку и эскиз места происшествия, а я опрос свидетелей, лиц горного надзора и других, кого считал необходимым. Часто в таких случаях на предприятие прибывал и представитель комбината, как правило это был заместитель главного инженера по ТБ и ОТ. В мою обязанность входило на основании осмотра места происшествия, опроса свидетелей и других действий выявить причины несчастного случая, определить виновных в произошедшем, выработать меры, выполнение которых предотвратит подобные случаи в будущем. Всё это надо было изложить в развёрнутом акте, который докладывал на заседании комиссии. Конечно, в процессе расследования и составления акта я обсуждал свои выводы с председателем комиссии, которым являлся главный инженер рудоуправления, другими членами комиссии, которыми были, как правило, руководитель подразделения, на котором произошёл случай, председатель (или член) комитета профсоюза рудоуправления. Со временем, при комбинате (а затем и при крупных рудоуправлениях) появились технические инспекторы Центрального комитета профсоюза отрасли и районные горно-технические инспекции. Последние были подразделениями ГГТИ (Главная горно-техническая инспекция) Министерства среднего машиностроения. Они включались в комиссию по расследованию по согласованию с соответствующими инстанциями этих организаций. Акт подписывался всеми членами комиссии, а, если кто-либо из них не был согласен с какими-либо положениями акта, то он имел возможность изложить своё особое мнение. На основании акта о несчастном случае издавался приказ начальника (директора) рудоуправления, в котором акт утверждался и определялись наказания виновным в произошедшем. Иногда и указывалось о передаче материалов служебного расследования в органы прокуратуры для привлечения виновных к уголовной ответственности. Текст приказа также подготавливался мною. Чтобы квалифицированно готовить указанные выше весьма ответственные материалы, необходимо было знать досконально не только сам технологический процесс, но и все требования соответствующих норм «Технической эксплуатации при разработке рудных и нерудных полезных ископаемых», «Правил техники безопасности при строительстве и эксплуатации...». И за не очень большой

период я изучил эти документы в такой степени, что практически мог цитировать их положения на память. Со временем я не хуже узнал и соответствующие «Правила...» для многих видов производств, входящих в состав предприятия. А в состав предприятия входили и автобазы, и железнодорожный цех, действующий от станции МПС (Министерства путей сообщения) до прирельсовой базы предприятия (в черте города Ангрен), и имевший в своём составе тепловозы, приписанные железнодорожные вагоны и платформы, железнодорожное путёвое хозяйство, железнодорожное депо и т. п.; энергоцех с линиями электропередач от 110 до 6 кВ, жилищно-коммунальное хозяйство с ремонтными мастерскими и котельными; деревообрабатывающий цех, в котором на многочисленных станках изготавливались детали крепи для горных работ, разные поделки для ЖКХ, столярные изделия для стройки (цех располагался при прирельсовой базе); центральные ремонтно-механические мастерские (ЦРММ) тоже в районе прирельсовой базы. Это не полный перечень видов производств. Таким образом, я очень расширил свой кругозор, причём, мне очень нравился процесс познания и я старался знать всё не хуже специалистов соответствующих производств. Но задачей службы ТБ и ОТ было добиваться и получить положительный эффект в снижении числа травм на производстве, добиться практического улучшения условий труда, в первую очередь, на горных работах, где, кроме травм, резко увеличивалось число заболеваний профессиональными заболеваниями, приводившими к инвалидности и, в конце концов, к летальному исходу у заболевших. Чтобы представить масштабы происходивших несчастных случаев и профессиональных заболеваний, приведу некоторые данные статистики, запомнившиеся мне (если и есть некоторые ошибки, то они незначительны). В соответствии с действующими в то время инструкциями и правилами, учёту подлежали все производственные травмы, приведшие к временной нетрудоспособности пострадавшего на три и более рабочих дня. По таким случаям составлялся начальником участка или цеха акт по стандартной форме. Травмы, могущие привести к стойкой нетрудоспособности, т. е. к инвалидности, считались тяжёлыми и расследовались, как я уже описал выше, специально назначенной комиссией, как и травмы с летальным исходом. Так вот, в 1953, 54, 55 годах на предприятии происходило до 200–250

учитываемых несчастных случаев в год, в том числе до 10–15 тяжёлых и до 10–13 со смертельным исходом. Состояние техники безопасности на производствах оценивалось по двум показателям: коэффициент частоты и коэффициент тяжести. Первый – это число несчастных случаев на 1000 трудящихся за соответствующий период, а второй – это число дней нетрудоспособности на один несчастный случай. Годовой коэффициент частоты составлял 66–50, а коэффициент тяжести 40–45. Это были очень большие цифры и характеризовали весьма неблагоприятное состояние дел по рассматриваемому вопросу. Не лучше была и обстановка с состоянием условий охраны труда, в первую очередь, на основном, горном производстве. Я уже упоминал в начале главы, что и запылённость и содержание радиоактивного газа, радона, в атмосфере рудников была во много раз больше допустимых норм, действовавших в указанный период. Я подчёркиваю «в указанный период», потому, что нормы тоже не стояли на месте. За период с 1948-го по 1961-й годы норма содержания радона в рудничной атмосфере изменялись в сторону уменьшения в десятки раз. Научно-исследовательские работы в этой, как и в других, областях радиационной безопасности, и практические данные и результаты заставляли это делать. В системе министерства бурно росли объёмы производств по добыче, переработке, обогащению и других технологических переделов урана и других радиоактивных материалов, и объёмы и глубина научно-исследовательских и проектно-изыскательских работ. Создавались новые виды производств, научно-исследовательские институты, проектные и конструкторские институты, опытные производства, машиностроительные заводы и всё, что необходимо для производства атомного оружия, атомной энергетики и других целей использования атомной техники и технологии. На этом фоне и на комбинате была создана Центральная научно-исследовательская лаборатория (ЦНИЛ), в составе которой были группы по исследованию состояния и выработке рекомендаций по улучшению состояния радиационной безопасности. Техника отбора проб атмосферы, разделки этих проб и их достоверность значительно возросли. В это же время на нашем предприятии (да и на других, аналогичных предприятиях комбината) содержание силикозоопасной пыли в атмосфере было в 15–20 раз выше нормы, а содержание радона доходило в

отдельных забоях до 100–150 норм. Норма в это время по содержанию радона была в 1 эман. Объяснять эту единицу радиационной безопасности не стану, имея ввиду, что читателю всё равно не будет ясно, а во-вторых, могу уже неправильно определить, забыв (прошло уже много лет, как этим не занимаюсь и память сдаёт) формулу, её составляющую. Вдыхание рудничного воздуха, в котором содержалась смесь этой пыли и радона приводила к профессиональному заболеванию силикозом и силико-туберкулёзом у горнорабочих, в первую очередь, у основных специалистов – забойщиков и проходчиков. Число заболевших этим видом профессиональной болезни росло из года в год. Кажется в 1957 или 58 году было выведено на поверхностные работы около 400 горнорабочих. Пылевыведение в рудничную атмосферу происходило не только при бурении шпуров, но и при погрузке горной массы погрузочными машинами, работе скреперных установок, транспортировке горной массы (руды и породы) в вагонетках, т. е. при всех операциях горного цикла. Радон выделялся непосредственно из радиоактивных составляющих руды и из скоплений его в выработанном пространстве после отработки блоков. Мокрое бурение перфораторами и телескопами, применение специальных добавок в промывочную воду не обеспечивали полную смачиваемость пыли. Отсутствие установок центрального проветривания в первый период и даже их работа в дальнейшем, также, не дали необходимого эффекта. Требовались и другие, радикальные меры, определить которые и предстояло. Решать задачи улучшения приходилось в условиях бурного роста объемов производства, увеличения числа трудящихся в основном за счёт приёма вольнонаемных людей, не имеющих нужных профессий и квалификации, при пополнении инженерно-технического персонала за счёт перевода из других, родственных, предприятий и, в основном, за счёт молодых специалистов. Кроме решения технических вопросов, внедрения образцов новой техники и технологических новинок, приходилось преодолевать самое тяжёлое – это налаживание дисциплины трудовой, технической, а, главное, изменить отношение к вопросам соблюдения правил безопасного ведения работ, которые, на первый взгляд, требовали как бы дополнительных усилий, не производительных, снижающих темп выполнения норм выработки и, соответственно, заработков, ведь все работы были

сдельными. А налаживанию дисциплины очень мешало отсутствие единомышления. Не было ещё того, что называется «коллективом». Стажированные инженерно-технические работники, собранные с разных предприятий, где сложились свои традиции, свои способы производства тех или иных видов горных работ, их организации, свои виды рудничных креплений и т. п., не находили между собой, зачастую, общего языка, оперативно не решались необходимые вопросы, возникали группировки и даже склоки. Естественно, для того, что бы изменить такую обстановку, требовались неимоверные усилия и заинтересованность руководителей производств всех рангов, материальные и трудовые затраты и достаточно много времени. Я видел и свою, немаловажную, роль в этом процессе. Поэтому я очень много времени, почти ежедневно и планомерно обходил горные работы, участок за участком. Совместно с начальниками соответствующих участков посещал все рабочие места, забои, горные выработки, выявлял многие нарушения «Правил...». Все выявленные нарушения обсуждал на совещаниях ИТР при руководителе рудника (или другого подразделения). Руководству рудника оставлял «Предписание», в котором отмечались выявленные нарушения, необходимые мероприятия и сроки их выполнения, ответственные за их выполнение. А, главное, я никогда не забывал проверять исполнение предписанных мероприятий и был непреклонен, когда приходилось делать организационные выводы к лицам, проигнорировавшим мои указания. Регулярно докладывал положение дел руководству предприятия, которые поняли мой объективный подход и, практически, всегда соглашались с моими решениями о мерах и степени наказания, и безоговорочно подписывали подготовленные мною приказы. Я же всегда и всем говорил, что это Я, а не руководство предприятия, наказываю. Одной из немаловажных причин высокого травматизма являлось плохое знание «Правил безопасности...» инженерно-техническими работниками и рабочими. С моей подачи было принято решение о проведении аттестации всех ИТР предприятия путём сдачи экзамена, для чего приказом начальника предприятия созданы центральная комиссия под председательством главного инженера (я – заместитель председателя) и комиссии в каждом подразделении под председательством главных инженеров. К приказам прилагался график проведения проверок с

указанием фамилий и дат. Все инженерно-технические сотрудники управления подразделений, начальники, главные инженеры, их заместители, руководители отделов и служб, также и руководители и сотрудники отделов управления предприятия сдали экзамен по знанию «Правил технической эксплуатации...» и «Правил техники безопасности...», соответствующих их специальности, центральной комиссии. Затем, комиссии подразделений принимали уже экзамены у сотрудников участков, цехов, смен и т. д. В результате экзамена выставлялась оценка по пятибалльной шкале. Не сдавшие экзамена отстранялись от работы без сохранения содержания. Ход мероприятия широко освещался на проводимых совещаниях, по местному радио, стенгазетах, т. е. было создано общественное мнение и возникла атмосфера состязательности, старались сдать на лучшую оценку. Я добился того, что результаты знаний указанных правил и, конечно, и их применения на практике, учитывались при повышении денежных окладов и при повышении по служебным должностям. Это относилось к инженерно-техническому составу и руководителям производств. Но не менее сложно, а пожалуй посерьёзней, было поднять уровень отношения к безопасному ведению работ со стороны рабочего класса. Это понятно если знать, что почти любая операция по обеспечению безопасности требует дополнительных физических усилий и время на их выполнение, а это снижает процент выполнения норм, соответственно заработка. Чтобы понять это, приведу некоторые примеры. Статистика показывала, что наибольший процент травм на горных работах в то время происходил по причине «падения кусков пород». Классификация по причинам несчастных случаев производилась по определенной методике в каждый отчётный период (месяц, квартал, год). Более 40% приходилось на указанную причину. После проведения взрывных работ в проходческих и очистных забоях и проветривания их, необходимо тщательно провести «обборку» кровли и боков от нависающих кусков пород по образовавшимся трещинам. Куски эти разных размеров могут в любой, непредвиденный момент вывалиться и травмировать находящихся в забое людей. В зависимости от величины куска породы, высоты падения травмы могут быть самые разнообразные по характеру и тяжести. Чтобы произвести забой в безопасное состояние необходимо иметь специальный инстру-

мент (ломики разной длины со специальной формой концов), необходимую квалификацию для определения степени опасности трещин отколовшихся кусков и желание (или чувство ответственности) провести обборку опасных кусков. Надо сказать, что все эти три условия в большой степени не соответствовали необходимым и менялись в лучшую сторону лишь под большим и систематическим нажимом. Первым делом было обеспечить материальную часть, то есть изготовить необходимое количество и набор инструмента и заставить и приучить персонал иметь его в призабойном пространстве. В соответствии с приказом по рудоуправлению, в ЦРММ и ремонтно-механических мастерских рудников были изготовлены по чертежам, разработанным проектной группой рудоуправления, достаточное количество комплектов ломиков и выданы бригадирам всех проходческих и очистных бригад. Напомню, что в это время и на этом предприятии основной системой организации горных работ была сквозная бригада, разбитая на сменные звенья. Во главе бригады стоял, как правило, самый квалифицированный горняк, а на смене – звеньевой. Для повышения квалификации рабочих были организованы курсы по специальностям на рудниках, при отделе подготовки кадров (ОПК), который был создан, в связи с этой необходимостью, в других производственных подразделениях. Для ведения курсов был привлечён большой круг специалистов из числа ИТР, причём и это, в отдельных случаях, пришлось делать в приказном порядке, так как были попытки под разными предлогами увильнуть от преподавания. Рабочим, окончившим успешно курсы, присваивался соответствующий квалификационный разряд, от которого зависел повременный месячный тариф, на сумму которого начислялись проценты за работу в высокогорных условиях, за выслугу лет и др., что существенно влияло на конечный заработок. А чтобы получить конечный результат от проводимых выше мер, осталось добиться практического выполнения знаний и умений. Пожалуй, это не самая лёгкая часть. Для этого были ужесточены дисциплинарные меры и к инженерно-техническим работникам, и к рабочим кадрам профилактического порядка, то есть, за нарушения требований технологии и безопасности работ, еще не приведшим к несчастным случаям. Были удовлетворены мои предложения по введению в штаты рудников и других крупных подразделений

должностей помощников главных инженеров по ТБ и ОТ. На эти должности были назначены опытные, принципиальные инженеры, имеющие авторитет в коллективах. В частности, на руднике № 1 им стал горный инженер Пушкарев Пётр Данилович, на руднике № 2 – Черепанов Константин Иванович. Через какое-то время Черепанов К. стал старшим инженером у меня в отделе, а на руднике № 2 его место занял горный инженер Шиман Михаил, бывший выпускник ЛГИ, очень инициативный и грамотный специалист. По завершению очередной (или внеочередной) проверки состояния дел на объекте руководству выдавалось подробнейшее предписание с указанием выявленных нарушений, необходимых мер по исправлению и сроках их исполнения, виновных в нарушениях. При руководстве подразделения собиралось специальное совещание, на котором я (или другое проверяющее лицо) делал разбор выявленных положений. А затем издавался приказ начальника рудоуправления с теми или иными дисциплинарными наказаниями или оргвыводами. Как правило, главный инженер и начальник предприятия соглашались с намеченными мною мерами наказания, которые я уже огласил на проведенном совещании при руководителях подразделения.

Принимаемые меры постепенно стали давать эффект снижения травматизма и его тяжести. Но темпы снижения не устраивали ни руководство предприятия, ни общественные организации, ни меня. Ведь известно, что партийная организация, а точнее партком предприятия, имел огромную силу и влияние на все стороны жизни коллектива и, хотя это имело как бы формальный характер, однако вопросы о состоянии травматизма и охраны труда довольно часто заслушивались на заседаниях руководящих партийных органов всех ступеней и общих партийных собраниях. Их решения, зачастую, были очень неприятными для руководителей производств и, конечно, для сотрудников службы ТБиОТ. Замечу, что партийные организации предприятий, входящих в состав комбината № 6, были подведомственны только политотделу, которым руководил начальник политотдела, как уполномоченный от ЦК КПСС. Политотдел располагался в отдельном здании, недалеко от управления комбината и руководил политотделом Зорин (не помню инициалов), который занимал этот пост со времён его организации и до ликвидации этого института (политотделов) в конце

пятидесятих годов. Улучшения начали ощущаться лишь после полутора–двух лет. В это же время произошло много событий и в других областях жизни коллективов, имевших определенное влияние на освещаемые выше вопросы.

ГЛАВА 14

Новые руководители предприятия. «Революционные решения» Н. С. Прокопенко

Примерно в середине 1954-го года легендарный начальник комбината № 6, Герой Социалистического Труда и кавалер многих орденов Чирков Борис Николаевич был приказом министра переведен на работу в район городка Пятихатки, в Украине, это в Криворожье. Как уже отмечалось мною, поиски и разведка месторождений урана велись практически уже во всех регионах Советского Союза, где имелись обоснованные предварительные геологические данные о возможном наличии проявлений радиоактивных элементов. Все геологические экспедиции и геологические партии Союза, независимо на какие полезные ископаемые они ведут работы, обязывались проводить радиометрические проверки и анализы проб со всех геологоразведочных выработок на наличие радиоактивных химических элементов и агрегатов. Таким образом и дальнейшими геолого-разведочными работами было выявлено, разведано месторождение урана параллельно с залежами железной руды на окраине Криворожского железо-рудного бассейна. На базе этих руд начал создаваться комбинат и это было поручено имеющему большой опыт в таких делах Чиркову Б. Н. Под его руководством были построены рудники «Первомайский» и «Новый». Вблизи каждого из них современные посёлки. Рабочий посёлок рудника «Новый» со временем стал городом Жёлтые воды. В городе при Чиркове Б. Н. было выстроено очень красивое по архитектуре, монументальное, величественное здание Дворца Культуры, ставшее легендарным после того, как (расскажу, забегая вперёд) его (это

здание) захотела приобрести супруга высокопоставленного гостя из США, посетившего город с разрешения правительства СССР, и который после возвращения в США сразу занял пост руководителя ЦРУ (фамилию не помню). Было это, примерно в 1957 или 58 годах. Мне довелось побывать в порядке обмена опытом на этом комбинате через 3–4 дня после отъезда этого американского деятеля с супругой. Даже останавливался я вместе с заместителем главного инженера нашего, Ленинабадского комбината, Сосновским Александром Фёдоровичем в том же люксовском номере гостиницы посёлка «Первомайский», где до нашего приезда проживал высокопоставленный гость. В этот раз я познакомился с начальником (директором) Первомайского рудоуправления Григорьяном, который нас принял лично и создал все условия для успешного выполнения наших заданий и желаний. Это был довольно крупного телосложения человек с ярко выраженным обличем армянского происхождения, в котором одновременно виделась очень добрая душа. В недалёком будущем он, Григорьян, станет Директором очередного уранового комбината, созданного на базе месторождения «Меловое» в западной части Казахстана, где и построился город Шевченко. Наверное, здесь надо уже и отметить, что, примерно в это же время уже строилось и функционировало ещё одно уранодобывающее предприятие на территории Киргизии, в районе городка Кара-Балты, переросшее в дальнейшем в Киргизский горно-рудный комбинат – КГРК. О предприятии в Кара-Балтах мы уже знали, находясь ещё в Майли-Су. Из каких-то источников стало нам известно, что там, на «верхней» площадке добываются технологические угли, из которых на заводе, который располагается на «нижней» площадке, извлекается урановый компонент. В конце 1953-го или в начале 1954-го года на это предприятие был переведен и назначен главным инженером начальник рудника № 2 предприятия 13 (Майли-Су) Кузьменко А. Ф. Вот такими быстрыми темпами развивалась сырьевая база, создавались производственные мощности по извлечению и дальнейшему обогащению урана и других радиоактивных материалов. Параллельно, естественно, и может быть ещё более ускоренными темпами, проводились научные исследования, проектно-конструкторские разработки по созданию атомного оружия и других областей использования атомной энергии.

Но, вернёмся к повествованию о моём предприятии и его делах. Вместо Чиркова Б. Н. начальником комбината № 6 был назначен Десятников Дмитрий Терентьевич. На ближайшем партийно-хозяйственном активе комбината я впервые увидел его. Это был солидный, много выше среднего роста человек, широкоплечий, с благородным лицом и значительной сединой. Всё его обличье и фигура свидетельствовали об «аристократическом» происхождении, хотя было оно таковым, или нет, я не знал и не знаю по сегодняшний день. Из разговоров в кулуарах узнал, что Дмитрий Терентьевич инженер-металлург, занимал крупные должности в системе Минцветмета, а во время ВОВ имел большие заслуги в развитии производств и обеспечении оборонной промышленности алюминием, весьма стратегическим материалом. Через небольшое время наш начальник предприятия Гаршин П. П. был откомандирован в распоряжение комбината «Жёлтые Воды», т. е. к Чиркову Б. Н., где был назначен заместителем начальника комбината по общим вопросам. Думаю, что произошло это по просьбе Чиркова Б. Н. Начальником предприятия был назначен Данилин Кирилл Васильевич. С ним я уже был знаком, если помните, в связи с посещением им угольного рудника в Майли-Су. По прошествии 2–3-х месяцев уехал от нас и главный инженер предприятия Казак И. Д., который по понятным причинам уволился по собственному желанию и уехал в Донбасс, откуда и был родом. Мне кажется, что причиной его отъезда было то, что он не справлялся со своими обязанностями, не пользовался он авторитетом в среде ИТР, не владел производственной обстановкой, редко посещал производственные объекты. Он почувствовал, что без такой поддержки, какую имел при Гаршине П. П., может быть снят с работы с «треском», да ещё и привлечён к судебной ответственности. На должность главного инженера предприятия был назначен Прокопенко Николай Степанович, переведенный с предприятия № 11, Табошар, где он работал заместителем главного инженера. Надо отметить, что происходили частые смены руководителей и на уровне рудников, особенно № 2, и участков. Так, вместо Бикмурзина начальником рудника № 2 был назначен Зиновьев Александр Яковлевич, горный инженер, переведен с предприятия № 12, Адрасман. Но и он недолго занимал эту должность. Его методы работы с кадрами — высокомерность, крикливость, частые

обращения к подчиненным с криком: «Выгоню, сгною!» – не давали положительных результатов, авторитет его упал до прямого неподчинения. Начальником рудника был назначен Кухаренко Иван Константинович, горный инженер, переведен с предприятия № 11, Табошар. Ещё ранее, в начале 1954 года на рудник № 2 был назначен новый главный механик Шварцман Борис Исаакович (очевидно с его подачи называли «Исаевич»), горный инженер-электромеханик, участник ВОВ, переведен с предприятия 12, Адрасман, где он работал механиком горного участка после окончания Криворожского горного института. Главным инженером рудника стал переведенный из Табошар горный инженер Шапиро Пётр Иосифович, участник ВОВ. Начальником одного из горных участков стал горный техник, имевший хороший опыт, Седаков Георгий Харитонович. Это была не «чехарда» с кадрами, а целенаправленное укрепление кадров на быстро развивающемся и перспективном предприятии, которое наращивало объёмы по добыче урановой руды и становилось одним из главных поставщиков руды на Ленинабадский ГМЗ. Особенно это касалось инженерно-технического персонала на уровне рудника, участка. Сразу хочу отметить, что со всеми перечисленными выше лицами мы встречались всю оставшуюся жизнь (имеется ввиду до нашего отъезда в Израиль), наши судьбы переплетались, с одними стали друзьями, с другими просто добрыми товарищами, с третьими – сослуживцами.

Новый начальник предприятия, К. В. Данилин, начал свою деятельность с ужесточения требований к подчиненным в вопросах экономики производства. Каждое первое число месяца начиналось с расширенных совещаний у него с отчётом руководителей основных производственных подразделений о выполнении планов прошедшего месяца по всем показателям, вплоть до себестоимости продукции. Это вызывало очень большое неудовольствие у начальников объектов, которые считали невозможным иметь уже к первому числу необходимые данные. Но, Данилин не снял своих требований, согласившись лишь на изменение планово-бухгалтерского учёта с 25-го по 25-е число месяца. Кирилл Васильевич любил рассказывать о присущей немцам традиционной черты экономить во всём, бережливо относиться ко всему достоянию, личному и общественному. Оказалось, что он несколько лет работал в ГДР, на

довольно большой руководящей должности в акционерном обществе «Висмут», о котором я уже упоминал. Его супруга не работала, потому что было не положено работать жёнам советских специалистов. Их семью обслуживала приходящая домашняя работница, немка по имени Эльза. Так вот, эта простая женщина, приходя на работу, снимала свою верхнюю куртку с меховым воротничком, бережно помещала её в целлофановый чехол и вешала на вешалку, а сама облачалась в чистенький, красивый фартук, одетый на рабочую, скромную одежду. Эльза вела всё домашнее хозяйство, готовила еду и т. д. Однажды, Кирилл Васильевич в обеденный перерыв приехал с одним из прибывших в командировку из Министерства товарищей домой. Эльза забеспокоилась и задала вопрос: «Гость будет с нами обедать?!» – и услышав ответ:

– Да!

Тут же заявила:

– А у меня обед приготовлен только на три человека!

Это, в противовес того, что приготовленным нашей, Советской, домашней хозяйкой обедом на три персоны, можно было насытить 5 и 6 человек. Кирилл Васильевич подавал и личный пример тем, что всегда был очень выбрит, элегантно одет, красиво, не крикливо, всё подобрано в тон. Это постепенно повлияло и на нас, сотрудников управления и на большинство руководящих и инженерно-технических работников. Ранее мы допускали являться на работу иногда даже в спецодежде, ну а практически в большинстве дней, кроме сугубо летних, в кирзовых сапогах. Вместе с тем, Кирилл Васильевич старался быть ближе к окружающим его сотрудникам, особенно в неофициальной обстановке вёл себя по товарищески, любил подтолкнуть слегка собеседника в бок, или по отечески похлопать по плечу.

Главный инженер Николай Степанович Прокопенко, горный инженер с солидным производственным стажем, в том числе, несколько последних лет в Табошарах под началом Зарапетяна З. П., оказался человеком весьма оригинальным. Внешне это был выше среднего роста, с красивой осанкой и высоко поднятой головой, светловолосый и средней седины человек, всем своим поведением выражавший гордость и достоинство. Как я понял, родом он был с Кавказа, где и получил высшее горное образование. Супруга была у него осетинка (к сожалению не

помню её имени и отчества, хотя был с ней знаком) и, говорят, аристократического происхождения. Имели они двух сыновей и дочь. Лет ему было примерно 40–43. Начал он со знакомства с каждым сотрудником управления предприятия путём личной беседы, при которой подробнейшим образом расспрашивал об опыте работы, оценке расспрашиваемого о положении дел на нашем предприятии в целом и, особенно, в вопросах, за которые собеседник отвечает. Он объехал и обошёл все подразделения и объекты. У каждого руководителя подразделения и начальника отдела управления он просил доложить их мнения о необходимых мерах и технических мероприятиях для улучшения дел. Особенно, как главного инженера, его интересовали и вопросы состояния техники безопасности и охраны труда, которые продолжали быть неудовлетворительными по всем статьям, несмотря на некоторое улучшение, о котором ему было известно лишь из предыдущих отчётов. А число несчастных случаев всё ещё велико, состояние рудничной атмосферы по содержанию рудничной пыли и радону хоть и улучшилось, но превышало нормы в несколько раз и число профессионально заболевших продолжало доходить до 250–300 в год.

Предприятие развивалось, объёмы росли, численность трудящихся увеличивалось, строительство велось быстрыми темпами, но, всё же, жильём потребность не удовлетворялась и возведение объектов социальной и культурной сферы отставало ещё больше. При этом всё-таки, мы переехали в новое здание рудоуправления, рядом начал функционировать кинотеатр с залом на 400 мест и широким экраном, шло строительство Дворца Культуры, магазинов, гостиницы. На основных площадках рудников были построены и начали функционировать в постоянных, капитальных зданиях административно-бытовые комбинаты.

Руда перевозилась в автосамосвалах от бункеров на центральных площадках рудников 1 и 2 до прирельсовой перевалочной базы, где был «рудный двор». Здесь они разгружались на отвал, а затем руда экскаваторами погружалась в железнодорожные вагоны. Руда в самосвалах покрывалась брезентами, для предотвращения рассыпания и радиоактивного заражения дорог, а также из-за секретности производства. По последней причине в железнодорожных накладных и других документах она (руда) фигурировала как «продукт 4». Рудный отвал,

действия экскаватора при погрузке в железнодорожные вагоны создавали облака пыли, разносившейся по всему району. Через некоторое время на рудном дворе был сооружён прирельсовый бункерный склад, на который автосамосвалы заезжали и разгружались в соответствующие отсеки, а из них шла загрузка железнодорожных вагонов. Конечно, санитарные условия в районе перевалочной базы резко улучшились.

Как уже отмечал, руда с каждого рудника вывозилась автосамосвалами сравнительно небольшой грузоподъёмности, что диктовалось характером подъездных дорог к рудникам, проходившим по крутым склонам узких ущелий или вблизи русла саев, которые в весенне-летний сезон становились бурными реками, несшими в потоке громадное количество ила и камней иногда весьма солидных размеров. По этим же дорогам на рудники доставлялись все необходимые материалы для осуществления горных и строительных работ, а также трудящиеся в автобусах марки ПАЗ, т. е. небольшой вместимости. На промплощадках рудников, находящихся в узких ущельях с крутыми склонами прилегающих гор, невозможно было осуществлять строительство крупных зданий и сооружений, необходимых для проведения ряда технологических процессов, как сортировка выданных «на-гора» руд и других. На основании предложений инженеров предприятия, поддержанных руководством, было принято совместно с руководством проектного института решение о проходке капитальной подземной магистрали из района городка до рудников, по которой должны будут производиться откатка рудной массы, доставка трудящихся, и у устья которого будут построены необходимые объекты основного и вспомогательного назначения. Подготовка площадки для начала строительства указанной магистрали началась в начале 1954 года, ещё при прежнем руководстве предприятия. В соответствии с проектом только квершлаговая часть этой магистрали, до разветвления горных выработок на рудники №№ 1 и 2, была 2100 метров. Длина штрека на рудник № 2 – более 2500 метров. Квершлаговая часть проектировалась двухпутевого сечения, а штрековые части к рудникам – однопутевыми с разъездами через 200 метров. Понятно, что соорудить такую магистраль, при проходке достигнутыми в то время темпами в 50–70 метров в месяц, потребовало бы более пяти лет! О таких сроках не могло идти и речи. проектной группой ПТО предприятия был раз-

работан «Проект организации скоростной проходки», в котором предусматривались способы производства всех операций горного цикла при максимально возможном размещении числа исполнителей в сечении выработки, численность звеньев и бригады, применяемую технику, способы обеспечения подачи и обмена вагонеток, численность и квалификационный состав вспомогательных бригад и т. п. Моим отделом в этом проекте были разработаны все возможные меры по обеспечению безопасного производства операций, при конкретных стеснённых условиях и темпе. Проектом предусматривалось достичь скорости в 300 метров в месяц. Начали подбирать состав бригады проходчиков, обучать их прогрессивным способам и приёмам работ и их организации, с целью скоростной проходки.

Весной 1954 года было сооружено устье штольни, получившей № 11, забетонирован и очень красиво оформлен портал. У устья построили временные здания бытовок, ламповой, мехмастерской. Всё это располагалось за восточной окраиной жилого посёлка, на северном склоне Катта-сая. К середине года бригада была сформирована. Бригадиром был назначен Жуков Кузьма Иванович, опытный горняк-проходчик, на вид простоватый мужичок, а на самом деле довольно крутой организатор, сумевший заработать авторитет и у членов бригады и среди ИТР. Для руководства скоростной проходкой был создан отдельный участок, подчиняющийся непосредственно рудоуправлению, т. е. начальнику (директору) предприятия. Начальником участка стал Овешников Зосим Васильевич, горный инженер (не помню из какого предприятия он был переведен к нам). Зосим Васильевич был фронтовиком, человеком среднего роста, крепкого телосложения, левая рука достаточно изуродована в результате фронтового ранения. Он был холост, хотя возраст уже, по нашим понятиям, довольно солидный, лет 33–35, солидная лысина и редкие, рыжеватые волосы. Несмотря на своеобразный, довольно упрямый и волевой характер, производил впечатление сильной застенчивости. Может быть это было из-за того, что речь у него была (от рождения очевидно) невнятная, не выговаривал чётко некоторые звуки букв и сильно картавил. Бригада состояла из более чем сорока проходчиков. Участок укомплектовали необходимым числом вспомогательных рабочих, всем необходимым горно-механическим оборудованием, лицами горного надзора: горными мастерами,

механиком участка, заместителем начальника участка и другими. Это были исключительно молодые люди с высшим или средне-техническим образованием. В первый же месяц было пройдено 110 метров двухпутевой выработки с креплением деревянной крепью. Это было неплохо, но значительно меньше поставленной задачи, а именно, достичь среднемесячной проходки 300 метров этим забоем. Все службы предприятия знали о задачах скоростной проходки штольни № 11 и были обязаны оказывать необходимые услуги, входящие в их обязанности. Бригадир Жуков К. имел право в любое время суток звонить по телефону любому руководителю и прямо директору предприятия. В проектной группе управления предприятия систематически корректировались схемы организации и методов исполнения всех элементов технологии проходческого цикла, в забое круглосуточно дежурили инженерно-технические сотрудники производственных отделов и отдела труда и зарплаты (ОТиЗ). Они хронометрировали всё происходящее в забое и исполнение разработанных паспортов организации работ. Участвовали в этом и сотрудники моей службы ТБ и ОТ. Работе этой бригады мне самому пришлось уделять особое внимание, так как интенсивность и насыщенность одновременно работающих в ограниченном пространстве людей и механизмов, азарт и стремление каждого участника к минимальной затрате времени и сил на выполнение операций, иногда пренебрегая нормами безопасности, были потенциальными источниками возникновения несчастных случаев и травм. В забое одновременно тяжёлыми перфораторами бурили забой 4–5 бурильщиков, шла погрузка отбитой горной массы двумя погрузочными машинами, откатывались груженные вагонетки и подавались порожние под погрузку малыми аккумуляторными электровозами до временной разминовки, устанавливалась временная деревянная крепь, стоял неимоверный шум и грохот. Члены бригады объяснялись, в основном, жестами. Нет смысла рассказывать подробно о всех деталях производства работ и тому подобном, это интересно лишь специалистам. Отмечу лишь, что уже с третьего или четвёртого месяца были достигнуты нужные темпы проходки 290 – 301 – 310 метров, а максимальная, рекордная скорость было зафиксирована – 340 м. Квершлаговая часть штольни была пройдена меньше, чем за год. Был поставлен рекорд в системе министерства и достиг-

нутая среднемесячная долгосрочная скорость проходки одним забоем стала близка к рекордной в масштабе страны. Бригада Жукова стала знаменитостью, большинство членов бригады были отмечены ценными подарками министра, а в очередной кампании награждений бригадир Жуков К. И. был отмечен Высшей наградой СССР – орденом Ленина! Проходка транспортной магистрали продолжалась скоростными темпами. Одновременно было организовано несколько бригад, которые производили возведение постоянного металлического крепления с железобетонной затяжкой боков и кровли, настилку постоянных железнодорожных путей колеёй 900 мм.

Каким был длинный путь выданной «на-гора» руды с несколькими перегрузками из одного вида транспорта в другой от рудника до перерабатывающего завода в г. Чкаловске, я уже описал. Поэтому очень важным было до минимума сократить в руде количество пустых пород. Кроме всего прочего, их присутствие значительно увеличивало материальные расходы при переработке руд на заводе. Мероприятия по предотвращению разубоживания руд начинались с момента работ по подготовке к их добыче и до выдачи гружёных вагонеток на поверхность для разгрузки в перегрузочные бункера. Контроль за качеством руд производился систематически при всех операциях горного цикла. Делалось это с помощью различного рода исполнения радиометров штатом радиометристов, в основном, это были молодые женщины. Однако, повагонетная сортировка всё же допускала значительную часть пустых и забалансовых кусков в объёме, идущих на дальнейшую транспортировку и переработку как руда. Вопросы создания методов и аппаратуры для радиометрической сортировки урановых руд начали заниматься значительно раньше. Уже при моей работе на руднике № 1 на Майли-Сайском предприятии (1948–49 гг.) появились первые образцы радиометров, смонтированных на ленточном транспортёре и воздействующих на исполнительный орган – плужок, который и отсекал порции пустых пород с транспортёра в сторону, а рудную массу пропускал в конец для погрузки в ёмкость. Но это были первые шаги и весьма примитивные. Исследования продолжались, конструкторские разработки совершенствовались и к описываемому периоду уже имелись успешные решения, которые позволили запроектировать и начать строительство вблизи устья штольни

№ 11 довольно солидного объекта – фабрику радиометрического обогащения, РОФ. Забегая вперёд, скажу, что к моменту полного оборудования всей подземной магистрали постоянными железнодорожными путями, креплением, вентиляционным оборудованием, развитием поверхностных путей и опрокидов, фабрика начала функционировать. На предприятие были переведены с заграничных совместных предприятий несколько специалистов-геофизиков, ставших ядром, вокруг которого воспитались и другие, молодые кадры. Очень больших усилий специалистов и всего состава фабрики потребовалось, чтобы отладить и пустить в работу уникальное оборудование, автоматику и наладить весь сложный процесс. Весь комплекс стал функционировать, кажется, в 1957-м году. Руда стала отгружаться, в дальнейшем, без значительной части пустых пород. Комплекс штольни № 11 стал «полигоном», где постоянно проводились испытания многих технологических и конструкторских разработок по идеям как сотрудников предприятия, так и проектно-конструкторских организаций в области транспорта (автоматические сцепки, круговые опрокиды и др.) и радиометрического обогащения. Освоенные здесь оборудование и технологии внедрялись и на других, смежных предприятиях комбината и министерства.

Строительство всех объектов предприятия велось по проектам, разрабатываемым проектным институтом в г. Москве, который назывался ранее предприятие п/я 1119, а позднее ГСПИ-14 (Государственный специальный проектный институт). Первым директором (начальником предприятия) стал Нифонтов Борис Иванович, бывший главный инженер Первого главного управления при Совмине СССР. Институт тоже рос и расширялся, он стал Научно-исследовательским и проектно-изыскательским. Кадры его пополнялись как за счёт переводимых по разным причинам с производственных подразделений, главным образом руководящих сотрудников, так и молодыми специалистами, некоторые из которых не имели возможности работать на производстве по причине здоровья. В числе последних и мои однокашники Шилов П., Теплов А., Галочкин А. (все инвалиды ВОВ) и другие. А к первым относятся, как я уже упоминал, бывший главный инженер предприятия п/я 29 (предприятие 22, где мы трудимся в описываемый период) Кравченко П. И., позднее главный инженер предприятия 13

(Майли-Сайское, где мы трудились ранее) Мальский Л. Х., чуть позже директор последнего Вишняков В. Г., примерно, в этот период и наш главный энергетик Линцер А. С. и другие. Наше предприятие стали довольно часто посещать сотрудники проектного института и его СПБ-2, находящегося в Ленинабаде (Чкаловске), для согласования многих вопросов проектирования, обсуждения технических решений и в порядке авторского надзора. Научная часть института начала заниматься вопросами разработки предложений по переходу на отработку наших месторождений на более производительные системы разработки, чем применяемые в настоящее время блоками с креплением квадратными окладами и закладкой выработанного пространства.

Выросла и численность партийной организации. Если до сих пор партийный комитет предприятия возглавлял секретарь не освобожденный от основной работы, то теперь была выделена штатная единица по линии КПСС. Секретарём парткома до этого избирался начальник отдела кадров предприятия Аникин Пётр Дементьевич. Добрый по натуре, но несколько крикливый, с пронзительным тембром в голосе, он был очень коммуникабельным человеком и большинство сослуживцев уважали его. Забегая вперёд, скажу, что его многократно избирали в члены парткома, а через несколько лет он стал заместителем директора предприятия по общим вопросам, но это впоследствии, когда мы (я имею ввиду себя и Юлию) уже не работали здесь. Освобождённым секретарём парткома стал Тимофеев Константин Михайлович, работавший начальником рудника № 1. На его место был назначен Кан Андрей Константинович.

Андрей Константинович Кан, кореец по национальности, окончил Алма-Атинский горно-металлургический институт в 1947-м году и начал работать начальником горного участка на руднике № 1 предприятия 13, где, как помните, начал и я свою работу на полгода позже, и где мы подружились. Дальнейшую его историю изложил ранее. Но коль уж затронул тему, что Андрей по национальности кореец, то хочется посвятить этому некоторые мысли, думаю интересные для тех, кто ещё молод и не знает обстановки описываемых лет. Советские корейцы, проживавшие компактно в Дальневосточном районе СССР, были оттуда выселены в середине 30-х годов XX столетия советской

властью, в основном, в Казахскую и Узбекскую Республики, по мотивам их нелояльного отношения к советскому режиму и симпатиям к сородичам, проживающим в сопредельных странах на Корейском полуострове, в Маньчжурии и Японии и, поэтому, являющиеся потенциальным материалом для вербовки их в шпионско-диверсионную деятельность вражескими спецслужбами. Это был один из первых опытов переселения целого народа в другие, отдаленные от места прежнего проживания, районы, в дальнейшем «успешно» освоенный Сталинским советским режимом с Крымско-татарским, Чечено-Ингушским, Калмыкским народами, Немцами Поволжья и другими. В Узбекистане корейцы были расселены в неосвоенных, болотистых или пустынных районах, где они занялись сельскохозяйственным трудом, подготовкой земель и выращиванием, в первую очередь, риса. Благодаря неимоверному трудолюбию этого народа, бросовые земли превратились в ухоженные поля, дающие прекрасные урожаи многих сельхозкультур. Выросли новые посёлки корейских колхозов с домами, отличавшимися от глинобитных домов-кибиток местного узбекского стиля. Корейские колхозники стали жить лучше других, некоторые корейские колхозы к сороковым годам стали колхозами-миллионерами, особенно те, что находились в Ташкентской области, поблизости от столицы, города Ташкента, где, как понятно, был большой рынок сбыта сельхозпродукции. Уже в первый год ВОВ, поддержав инициативу некоторых коллективов из Центральной России, колхозники корейского хозяйства «Полярная Звезда» перечислили в Фонд Оборона средства на постройку эскадрильи боевых самолётов, а Председатель этого колхоза Ким Пен Гван из собственных сбережений отдал в этот фонд 1 миллион рублей. Большинство молодых людей из корейских семей, после окончания средней школы, стремились попасть в высшие учебные заведения. А будучи зачисленными, как правило, учились хорошо. И со мной в одной группе на горном факультете учились Цой Леонид, Люгай Дмитрий. Люгай из-за болезни ушёл из института, а Цой Л. закончил и был направлен на работу на угольное месторождение «Кизил-Кия», в Киргизии. Здесь он сделал хорошую производственную карьеру и был избран первым секретарём Кизил-Кийского горкома КПУз. Впоследствии стал председателем Госгортехнадзора Киргизской ССР.

Примерно в это время произошли организационные и кадровые изменения на смежных предприятиях. Не знаю по каким причинам (впоследствии мне стало понятно), начальник (директор) предприятия № 11 (Табошары) Зарапетян З. П. был переведен в Москву и стал там заместителем начальника одного из главных управлений министерства геологии СССР. Министром геологии в это время уже был Антропов Пётр Яковлевич, который хорошо знал Зарапетяна З. П. по прежним совместным работам. За короткий срок руководителями предприятия № 11 дважды назначались присланные сверху лица, не сумевшие справиться с этими сложнейшими и ответственными обязанностями. Третьим был назначен Зубарев Геннадий Васильевич, очень крепкий руководитель и симпатичный, скорее красивый, человек с необычной, «Курчатовской» бородой. Он прекрасно справлялся со своими обязанностями и, совершенно заслуженно, очень быстро рос по служебной лестнице. Буквально через пару лет стал директором комбината № 6, а ещё через несколько лет – первым заместителем Председателя Совмина Таджикской ССР. Но, судьба распорядилась так, что этот талантливый руководитель погиб в катастрофе вертолёта в одном из горных ущелий Памира, во время рекогносцировки с целью определения возможных мер по ликвидации образовавшейся при землетрясении «плотины», перекрывшей реку Зарафшан в верховьях, и возникшего из-за этого озера, в котором накопилось несколько миллионов кубометров талых вод, прорыв которых нанес бы непоправимый урон городам и посёлкам, находящимся ниже по течению в Таджикской и Узбекской Республиках. В этой катастрофе погибло несколько крупных руководителей и специалистов. На предприятии № 13 произошла смена руководителей: Вишняков Василий Григорьевич был переведен в Москву и стал заместителем главного инженера предприятия п/я 1119 (проектного института), а директором предприятия назначили Степанца Петра Ефимовича, опытного горняка и крупного руководителя, работавшего в последнее время первым секретарём одного из обкомов КПСС. Вскоре он добился того, что предприятие № 13 выделилось из комбината № 6 в самостоятельный комбинат.

Укрепление руководства предприятия и других уровней инженерно-техническими кадрами с высшим и средне-техническим образованием, налаживание связей производственных

руководителей с проектными и исследовательскими организациями позволило резко ускорить разработку и внедрение многих технологических и конструкторских идей, рационализаторских предложений практически на всех видах и горных, и других работ, проводимых на предприятии, и давало значительный экономический эффект. Но уровень травматизма и профессиональных заболеваний оставался весьма высоким. Одной из главных причин такого положения являлось остававшийся большой объём эксплуатировавшихся горных выработок прежних лет проходки при проведении геологоразведочных работ, малого сечения, без крепления, в которых не выдерживались требуемыми действующими «Правилами...» размеры свободных проходов, обустройство узкоколейных откаточных путей и другие параметры. Каждый несчастный случай с тяжёлым и летальным исходом, кроме всего прочего, приводил и к большим моральным потерям. Приходилось отстранять от занимаемых должностей зачастую квалифицированных руководителей, специалистов (а иногда и доводить до судимости их), которых и не являлись прямыми виновниками произошедшего. Такова была практика в советском государстве, особенно яростно поддерживаемая партийными органами, что обязательно должен быть наказан «руководитель», несмотря на то, что при служебном расследовании определена вина рабочего, звеньевго, бригадира. Николай Степанович Прокопенко, наш главный инженер, обсуждая в узком кругу со своими замами и специалистами управления создавшееся положение, пришёл к мнению, что дальше терпеть это ненормальное положение нельзя. Он пригласил к себе в кабинет меня и заместителя главного механика рудоуправления Николая Поликарповича (фамилию вспомнить не смог) и очень чётко поставил нам задачу:

«Взять в руки тетрадки и ручки, обойти все действующие горные выработки, поверхностные площадки, забои и описать все отступления от действующих “Правил безопасного ведения работ” и “Правил технической эксплуатации при строительстве и разработке рудных и нерудных полезных ископаемых”, определить какие виды работ необходимо провести, чтобы эти отступления ликвидировать. Не спешить, но работать плотно и не отвлекаться на другие дела».

Мы очень скрупулёзно выполняли задачу, понимая всю серьёзность и ответственность, работая с 8 утра и до 8–9 вечера

ежедневно. Начали с рудника № 2, как наиболее «тяжёлого». На выполнение задачи у нас ушло более полутора месяцев. Наш «труд» вылился в два солидных тома, содержание которых стало предметом обсуждения в кругу главных специалистов рудоуправления. После небольшой корректировки, документ был передан в ОТиЗ (отдел труда и зарплаты), где была обчислена трудоёмкость выполнения всех описанных нами работ, необходимые для их выполнения людские ресурсы по профессиям (бурильщиков, крепыльщиков, откатчиков и т.п.), время на их производство. Получилось, что для проведения этих работ на руднике № 2 необходимо задействовать 180 рабочих в течение 2-х месяцев, а на руднике № 1 – 140 рабочих в течение 1,5 месяцев. Естественно, кроме людских, потребовалось и достаточно много материальных ресурсов: креплений, труб, металла, разного оборудования и прочих ресурсов. Предстояло ведь во многих местах расширять сечение горных выработок, устанавливать крепь деревянную или штанговую, перестилать узкоколейные пути, сооружать водяные завесы, дополнительные вентиляционные устройства, капитальные перемычки, предотвращающие выделения радона из отработанного пространства, секторные затворы на местах выгрузки горной массы из восстающих, водяные распылители при них и многое, многое другое. Всё что я перечислил, и не перечислил, было разработано на предприятии по предложениям умельцев-рабочих и ИТР, изготовлено в ЦРММ по чертежам проектно-конструкторской группы, рекомендовалось в результате исследовательских работ отделами ЦНИЛа комбината, организаций, подведомственных 3-му Главному медицинскому управлению Минздрава СССР, Академии Наук СССР. Отвлечь такие ресурсы от предусмотренных для выполнения основных, плановых, задач не было возможным без согласия директора, К. В. Данилина, а он категорически воспротивился. Это стало причиной конфликта между Прокопенко Н. С. и Данилиным К. В. Но, Прокопенко Н. С. на свой страх и риск, отдал распоряжения, оформленные письменно, об организации выполнения всех указанных мероприятий, установлении жёсткого контроля за ходом этих работ, ежедекадной отчётности начальников рудников и их личной ответственности за исполнение. Действия Н. С. Прокопенко ещё больше подняли его авторитет в среде ИТР, большинство из которых поддерживали его. Не знаю

какие обстоятельства повлияли, но К. В. Данилин не отменил официально распоряжения главного инженера. Бригады были сформированы, назначены лица горного надзора, руководившие этими работами на каждом руднике, и они были осуществлены в течение полугода. Состояние горных выработок преобразилось, снизилось содержание пыли и радона в рудничной атмосфере и снизился уровень травматизма в очередных периодах. Теперь задачей коллективов в вопросах улучшения состояния безопасного ведения работ и охраны труда стало не допускать отступлений от «Правил...» во вновь производимых работах и избавляться от, так называемых, «карманных» нарушений безопасности! Об этом позже, после некоторых других воспоминаний.

ГЛАВА 15

Юлины родственники. «Хрущевская оттепель».
У нас второй сын – Виктор

Предприятие продолжало набирать объёмы, коллектив разрастался, городок строился и хорошел, всё больше становилось объектов торговли и бытового обслуживания, улицы благоустраивались, появились тротуары, зелёные насаждения, бордюры ограждения. Налаживалась культурная и личная жизнь. Ранее знакомые становились друзьями, со многими новыми сослуживцами становились более близкие отношения, формировались компании. Мы дружили с Кожевниками Антониной и Владимиром, у которых были уже две дочери, сдружились с Шитовыми Мариной и Андреем, с семьёй Рейзен, часто встречались с семьями Красиковых и Канов. О Рейзенах расскажу особо. Борис Рейзен работал механиком на важнейшем участке по проходке штольни № 11, о котором я уже писал, после окончания Московского Горного института по специальности «горный электромеханик» и распределения на работу в наш комбинат. Он был родным племянником знаменитого певца-баса, солиста Большого театра оперы и балета СССР Марка Рейзена. Супруга Бориса, Людмила (кажется), горный инженер-маркшейдер, трудилась в рудоуправлении в отделе главного маркшейдера. Наша семья проживала в двухкомнатной квартире, на первом этаже трёхэтажного дома на улице, находящейся выше по склону горы от центральной. Так как дома на этой улице привязывались на склоне, то одна из комнат была полуподвальной. Руководство предприятия обещало улучшить условия нашего проживания, имея ввиду то, что у нас должно произойти

прибавление семейства. Это и совершилось в октябре 1955 года, Юлия благополучно в Ташкенте родила второго сына, которого назвали Виктором! Послеродовой отпуск Юлия проводила в Ташкенте у родителей, где я навещал их почти каждое воскресенье. Каждая такая поездка, а совершал их я, естественно, на собственном автомобиле «Победа», была подвигом. Дело в том, что от города Ангрена и до районного города Ахангаран, а это примерно 50 километров, не было организованной автомобильной дороги, а шли грунтовые, проложенные грузовыми автомобилями в лёссовой почве колеи, которые в осенне-зимние периоды становились непроезжими для легковых автомобилей, а в летние периоды пылили так, что ехать можно было только с полностью задраенными стёклами при жаре 35–40° в тени. Можно себе представить какая температура при этом была в кабине автомобиля! Но это ещё не всё. Чтобы проехать от нашего городка «Развилка» до Ташкента надо было вброд преодолеть поймы трёх горных речек-саев, которые в весенне-летний период становились бурными, широкими, быстро текущими потоками. Мосты через эти реки появились лишь через 5–6 лет. На географических картах Узбекистана и Ташкентской области дорога эта называлась «Основная автогужевая магистраль Ангренской долины». А по существу никакой «магистралей» не было. Поездка на легковом автомобиле занимала 6–7 часов при протяженности маршрута 120 км. Обычно жители городка, желавшие провести выходной воскресный день в Ташкенте, а таких было не так уж много, это владельцы собственных автомобилей, старались выехать после рабочего субботнего дня и к ночи приехать в Ташкент, провести в нём весь воскресный день и выехать в обратный путь в 4–5 утра в понедельник, чтобы попасть на работу вовремя, или с небольшим опозданием. В один из рабочих дней, в период Юлиного пребывания в послеродовом отпуске, я с раннего утра был с проверкой состояния работ на участке штольни № 1. К 14 часам вышел на поверхность вместе с Борисом Рейзенем, который пригласил меня забежать к ним домой и пообедать с ними, учитывая моё «холостяцкое» положение. Супруга его ждала нас, предупрежденная телефонным звонком. Борис достал из шкафчика чекушку (250 грамм) водки, разлил её по стаканам нам пополам и со словами – «будем!» – мы одновременно опрокинули содержимое в рот одним глотком (таковой была манера

и у меня, и у Бориса при приёме крепких спиртных напитков) и проглотили. Через секунду мы смотрели друг на друга непонимающими и испуганными глазами! Мы выпили уксус! А может быть эссенцию!? Переполох был большой. Людмила быстро дала нам минеральную воду и мы стали пить её стаканами и пытались всё это «отдавать назад»! Слава Богу, оказалось, что это не эссенция, а крепко разведенный из эссенции уксус, приготовленный Людмилой ранее и стоявший рядом с водкой в такой же посуде, что и последняя. Этот случай стал от нас же известным друзьям и товарищам, часто вспоминался при компанейских сборищах, а мы (Борис и я), какой-то период, перед «приёмом» спиртного, пригубляли небольшую порцию. Борис Рейзен с семьёй после отработки трёх лет по месту распределения, как это положено по закону, уволился и уехал в Москву (как это им удалось не знаю, так как сделать такое из нашей системы в то время было почти невозможно).

Встреча нового года. Янгиабад. 1954 г.

В последнем ряду – Л. Бешер-Белинский, Ю. Шатуновская, Борис Рейзен. Сидят в центре – Марина Шитова, Г. Афанасьев, Л. Рейзен, мать Шитовой. Стоит – А. М. Кожевникова. Самый правый из сидящих – В. Кожевников

Примерно в этот период произошло в нашей семейной жизни ещё одно немаловажное событие. В главе, где я рассказывал о семье моей мамы, был только упомянут дядя Володя (средний из маминых братьев), спасшийся при погроме

в 1919 году, но не рассказано о его семье. Он остался жить в местечке Тростянец и у них с супругой было, в конце-концов, два сына и самая младшая дочь Фаня, огненно-рыжая красивая девочка с большими чёрными глазами. Старший сын 1919 г. рождения Наум (Николай в дальнейшей жизни), и второй Иосиф (Йося). Наум закончил строительный техникум и был призван в советскую Красную Армию в 1939 году, в рядах которой и прошёл все войны от раздела Польши между Германией и СССР в том же году, Финской между СССР и Финляндией, Великой Отечественной и, в конце-концов, Японской в Корее. Был он несколько раз ранен и контужен, но не тяжело, так повезло! Остальная часть семьи, т. е. родители, брат и сестра его, оказались в оккупированной немцами-фашистами территории и были ими уничтожены. Николай демобилизовался из Армии в 1946 году и приехал в Ташкент, где проживали с двадцатых годов три его тётки, сёстры его матери, и мы, моя мама и я. Вскоре он женился и у него образовалась семья, где росли сын, Владимир, и дочь, Лариса. В Армии Николай получил профессию водителя многих видов транспорта и, демобилизовавшись, стал работать водителем-шофёром. Это давало большой заработок и возможность обеспечивать семью лучше, чем трудиться на стройке мастером. Когда моя семья переехала на предприятие и городок «Развилка», мы встречались, бывали у них в гостях и он, однажды, по приглашению и получению пропуска, гостил у нас. Супруга его, Евгения, тоже участник ВОВ, работала кассиром в одной из рабочих столовых, это тоже как-то помогало содержать семью. В общем, жили они довольно скромно, если не сказать «худо». И Николай обратился к нам с настоятельной просьбой – продать ему нашу машину «Победу». Мы с Юлией обсудили эту тему и пришли к нелёгкому выводу, что не можем не помочь и решили отдать автомобиль по государственной цене, 16 тысяч рублей, с выплатой нам в рассрочку. А оформили передачу автомобиля, как подарок Николаю Белинскому. Автомобиль стал для семьи Николая средством дополнительного дохода. Он стал в свободное от работы время делать то, что называлось тогда «левачить», перевоза пассажиров. В городе не хватало такси, да и стоимость проезда на них была не дешёвой. Мы недолго были без собственного автомобиля. Вскоре мне выделили право на покупку автомобиля «Москвич», на которые уже не было большого спроса на наших предприяти-

ях, а большинство желали приобрести автомобили «Победа», или уже ожидавшихся к производству машин «Волга» ГАЗ-21. «Москвич» был уже модернизирован, двигатель большей мощности (27 л. с. вместо ранее выпускаемых мощностью 21,5 и 23 л. с.). Я был очень доволен этой машиной, за её неприхотливость, дешевизну (по нашим доходам, которые были выше средних, чем в других отраслях промышленности). По этому поводу расскажу интересную историю.

Малыш Витя был с нами и за ним в рабочее время ухаживала нанимаемые няньки, дефицит которых в условиях таких городков, как наш, был особенно большим, а качество «сервиса» минимальным. А наш старший, Борис, продолжал проживать и воспитываться у родителей Юли в Ташкенте. Рахель Исаевна и Макс Борисович жили в центре европейской части Ташкента, на улице им. Энгельса (бывшее название «Московская»), поблизости от Центрального сквера, с одной стороны, и Алайского рынка, с другой стороны, в одноэтажном, но большом доме дореволюционной постройки, из сырцового кирпича, с тремя парадными входами с ул. Энгельса и большим, внутренним двором, въезд и вход в который был с поперечной улицы Первомайской. Занимали они в это время одну большую комнату в 40 квадратных метров, находившуюся в конце дома с парадной стороны, с тремя большими окнами на ул. Энгельса. Вход с крайнего парадного в коридор, из которого вправо и влево двери в жилые комнаты, занимаемые семьями жильцов, а сам коридор служил и местом размещения кухонных принадлежностей (примусы, керогазы, кастрюльки и прочее) у дверей. В другом конце коридора выход во двор, где были водопроводная колонка питьевого водоснабжения, какое-то количество небольших жилых квартирок, разместившихся в бывших до революции подсобных помещениях, и деревянный «домик» общественного выгребного туалета. Такие подробности нам нужны будут в дальнейшем.

Отец Юли, Макс Борисович Шатуновский, в это время майор советской армии, служил в штабе Туркестанского военного округа (ТУРКВО) в должности главного агронома службы тыла. Макс Борисович, родился в 1903 году в городке-крепости Чарджуй, в Туркестанском крае, ставшем впоследствии городом Чарджоу в Туркменской ССР, в семье представителя от сахарозаводчика и торгового дома Бродских по Туркестану

*Георгий Афанасьев, Юлия Шатуновская,
Борис Рейзен, Галина Афанасьева. Янгиабд. 1954 г.*

Шатуновского Боруха, у которого уже было до этого четверо детей, три дочери и сын. В 1908-м году Борух Шатуновский скончался и семью содержала очень энергичная и деятельная супруга Софья Борисовна, которая сумела дать возможность всем детям закончить не только среднее, но и высшее образование. Девичья фамилия Софьи Борисовны – Слиозберг. Она родная сестра известного в России до революций 1917 года адвоката Слиозберга, упоминаемого в трудах В. И. Ленина о спорах с Бундом, членом руководства которого был Слиозберг. Он и помог своим племянницам, Агнессе и Нине, закончить высшее образование в Санкт-Петербурге, а племянник Мирон самостоятельно закончил Томский университет. Макс Борисович закончил в 1925-м году Средне-Азиатский Государственный Университет в г. Ташкенте и стал агрономом, кем и работал, с момента окончания, в различных сельскохозяйственных районах Ташкентской и других областей Узбекистана. В последние годы перед ВОВ он работал на разных руководящих должностях в Узнаркомземе и Узстатуправлении, из которого и был призван в Красную Армию в самом начале войны, в июле 1941 году. Я был знаком и неоднократно встречался с Агнессой Борисовной, преподававшей русский язык и литературу многие годы в школе № 50 г. Ташкента, Заслуженной

учительницей СССР, кавалером Ордена Ленина; Ниной Борисовной, бывшей солисткой Академического театра оперы и балета УзССР, а затем артистки Ленконцерта и преподавателя музыки в Ленинграде, пережившей репрессию и уничтожение мужа, немца по национальности, работавшего перед арестом коммерческим директором киностудии «Ленфильм», пережившей Ленинградскую блокаду. Я не был лично знаком с Ревеккой Борисовной и Мироном Борисовичем, но много о них слышал от Макса Борисовича и Юли и был лично знаком и общался с сыновьями Мирона Борисовича – Борисом Шатуновским, бывшим в последние годы главным редактором областной газеты «Ташкентская правда», и Ильей Шатуновским, бывшим редактором отдела фельетонов газеты ЦК КПСС «Правда», журналистом и писателем. Оба они были участниками и инвалидами ВОВ. Отец их, Мирон Борисович был, в своё время, министром финансов в правительстве Бухарской Республики, где-то в двадцатые годы. Агнесса Борисовна со своим мужем, Котаксом Владимиром Осиповичем, и мамой, Софьей Борисовной, проживали в том же доме, что и родители Юли, но в другом входе, среднем. У Агнессы Борисовны своих детей никогда не было и наш сын Борис был баловнем и своих бабушки и дедушки, и всех членов семьи Агнессы Борисовны. Так вот, после большого отступления на подробности о Юлиных родственниках, вернусь к тому, что мы запланировали поездку на Первомайские праздники 1956 года в Ташкент, к родителям Юли и к нашему старшему сыну. Напомню, что это два дня праздников, 1 и 2 мая, и мы намечали провести их с семьёй, повстречаться с некоторыми друзьями – однокашниками, проживавшими в Ташкенте. Выехали мы, примерно, в 16 часов 30-го апреля. Мы, это и Юлия и семимесячный Витенька на руках, благополучно преодолели вброд два сая, Дукент и Аблык, а третий, самый большой и коварный, Ахангаран, встретил нас более полноводным и пришлось снять ремень вентилятора автомобиля, чтобы не залить водой свечи зажигания (такое происшествие уже знали из предыдущего опыта). Проехали. А при подъезде к Ташкенту, пошёл сильный дождь, по-весеннему бурный! Стало понятным, что если он продолжится, то на обратном пути ни каким образом не преодолеть этот сай своим ходом. Дождь продолжался с некоторыми перерывами и ночью, и днём, 1-го мая.

Наш отдых был испорчен тревожными мыслями о сложностях обратной поездки, и мы приняли решение уже где-то в 13–14 часов возвращаться домой. При подъезде к саю увидели следующую картину: у правого берега реки стоит несколько автомашин наших Развилковских сослуживцев и товарищей; в середине бушующей реки выглядывает крыша «Победы», на которой стоит её владелец (фамилию не помню). Никто из стоящих на берегу, а это были, среди других, Прокопенко Н. С., Шитовы Андрей и Марина, маркшейдер рудника № 2 Чернышёв Юрий с супругой, не решались двигаться дальше. Время шло, начал опять моросить дождь, стало темнеть. Я принимаю решение первым, из стоящих, попробовать переехать выше по течению от затопленного автомобиля. Мы договорились с Шитовыми, что Юлия с маленьким Витькой перейдут к ним в «Победу». Снял ремень вентилятора, завёл двигатель и спустился в воду, проехал немного меньше половины потока. Вдруг, машина резко провалилась в «яму» и заглохла. В кабину стала заливаться вода. Пришлось открыть дверку, что удалось нелегко, и выйти на берег. Вода была очень холодной. Уровень воды в кузове достиг высоты почти до низа рулевого колеса («баранки»). Кто-то из желающих переправиться пошел в ближайший кишлак (сельский посёлок в Узбекистане), с целью найти трактор с трактористом для перетаскивания наших автомобилей через поток. Через час появился таковой и за 25 рублей с каждой машины согласился переправить нас. Для меня эта операция была особенно неприятной, так как у «Москвича» не оказалось специальных мест для зачаливания буксирного троса и, чтобы этот трос всё-таки зацепить за передние полуоси, надо было нырять в холодную, мутную, быстротекущую воду, причём делать это пришлось несколько раз. Наконец, мне это удалось и трактор вытащил машину со мной на противоположный берег. Затем были перетасканы остальные автомобили уже благополучно по трассе выше моей, где ям не оказалось. Юрий Чернышёв предложил мне пол-литровую бутылку водки, имевшуюся у него, чтобы предотвратить простуду, и я воспользовался ею, выпив «с горла» почти всю. Затем собрал у всех сухие тряпки и стал протирать всё подкапотное пространство и, в первую очередь, свечи зажигания, провода и т. п. Товарищи помогали мне, я прокрутил заводной ручкой двигатель несколько

раз, он завёлся. Мы колонной двинулись в путь, понимая что и остальные сая необходимо будет преодолевать с помощью тракторов. Так это и было. Уже поздно ночью добрались до дома, Юлия с Витей так и доехали на «Победе» с Шитовыми. На следующий день, заглянув на автомобиль, я обнаружил, что уровень масла, определяемый специальным щупом, выше нормы и достиг среза горловины, то-есть, в картер попала вода и на этой масляно-водяной смеси машина проехала около 80 километров. Эту смесь я, конечно, сменил, промыв емкость, но каких-либо повреждений двигателя не произошло. Этим я хочу лишь подтвердить, что примитивный советский автомобиль завода АЗЛК «Москвич», был весьма неприхотливым и надёжным средством передвижения, и я с очень теплым чувством вспоминаю годы, когда пользовался им.

Должен остановиться на важных событиях, произошедших в описанный период в масштабе всей страны, сыгравших значительную роль в судьбах многих тысяч советских людей, и высказать моё отношение к ним.

Смерть Сталина И. в 1953 году, внешне повергла многие миллионы советских людей в шок, даже истерику. «А что теперь будет со страной, как будем жить?!» – вопрошали многие, не представляя себе дальнейший образ существования. Но, многие из них же, не говоря о миллионах прошедших репрессии и члены их семей, в душе и наяву, но в кругу семьи, друзей, вздохнули с облегчением и даже радовались. Про себя могу сказать, что не почувствовал особой горечи, сожаления по поводу кончины вождя. Во мне уже «сидели» какие-то сомнения в правильности «линии партии», порождённые еще в юношеские годы при разговорах о многих арестах и расстрелах преданных Партии людей, арестом моей мамы, утвердившемся мнением о несправедливом выселении целых народов, их геноциде, осадком горечи, перенесенном в 1952 году от дела «еврейских врачей». Мы проживали в «глубокой провинции», вели весьма напряжённый трудовой ритм жизни, пользовались лишь официальными средствами информации, «народные сплетни» доходили к нам с огромным отставанием. Да сразу после смерти «вождя» ничего не изменилось в государственной и партийной линиях. Лишь потом, когда стало известно об аресте Берия, суде над ним и его расстреле, почувствовалось, что должны произойти какие-то изменения.

Больших перемен стали ожидать после прошедшего в 1956 году XX съезда КПСС, официально разоблачившего и осудившего, главным образом, репрессивные действия партийных, государственных органов МВД и КГБ, поощряемых бывшим руководством. Но и решения этого Съезда вызывали какое-то двоякое чувство. Как-то не искренне проходили партийные собрания, конференции по обсуждению Решений XX Съезда. Вместе с тем, вызывала удовлетворение начавшаяся реабилитация многих репрессированных, возвращение их из «мест, не столь отдалённых», тех, кто остался жив. Правда, процесс этот длился не один год.

Мы, наша семья, были подписчиками «Большой Советской Энциклопедии». На книжных полках уже красовалось несколько изданных томов. Неожиданно получили по почте пакет, в котором было несколько страниц вновь отпечатанных статей, связанных со статьёй «Берия Лаврентий Павлович». В сопроводительном письме предлагалось заменить такие-то страницы такого-то тома на вновь присланные, а старые просили уничтожить. В новой статье Берия уже объявлялся «Английским шпионом еще с дашнакских времён, немецким шпионом и врагом народа и т. д. и т. п.». Я не стал вырывать старые страницы, а просто вставил в том и новые страницы, так было интересней! К сожалению, вся «Большая Советская Энциклопедия» в 52 томах и нескольких дополнительных, как и остальные, около 3000 экземпляров, книг нашей домашней библиотеки, были брошены нами при отъезде в Израиль, по понятным причинам.

«Хрущёвская оттепель» ничего не изменила ни в требованиях ускоренного развития атомной проблемы, ни в режиме секретности, ни в режиме труда и его интенсивности. По-моему, ещё более усилились тенденции к противостоянию «социалистического» и «капиталистического» лагерей. «Холодная война», гонка вооружений усиливались.

Н. С. Хрущёв начал активно внедрять новшества во многих областях хозяйствования в стране. Одним из крупнейших нововведений было создание совнархозов. Вся страна была разбита на территориальные зоны, в которых созданы Советы по управлению всем хозяйством в конкретной зоне. Союзные министерства были ликвидированы. Некоторые, всё же, сохранились, такие, как например, обороны, среднего машиностро-

ения, общего машиностроения и др., которые стали называться «Комитетами». Мы оказались в зоне Средазсовнархоза, осуществлявшего руководство всей хозяйственной деятельностью всеми Средне-Азиатскими республиками: Узбекистаном, Таджикистаном, Туркменистаном и Киргизстаном. Понятно, что наши предприятия по-прежнему подчинялись комбинату № 6, управление которого дислоцировалось в Ленинабаде, и к совнархозу никакого отношения не имели. «Злые языки» говорили, что такую систему управления страной Хрущёв Н. С. ввёл для того, чтобы резко снизить роль и авторитет министров, с одной стороны, и первых секретарей республиканских и областных комитетов КПСС, с другой стороны, которые стали «местными князьками». Совнархозы просуществовали недолго. Народное хозяйство страны начало «хромать». Хозяйственное управление государством вернули к прежней системе.

ГЛАВА 16

Короткий период работы в геологоразведке – предприятие п/я 30 – и жизни в Ташкенте

Юлия не блистала большим здоровьем. Она ещё в юности болела эндокардитом, часто простуживалась и её даже освобождали от сельхозработ, на которые ежегодно отправляли школьников и студентов в начале учебного года. Она страдала частыми головными болями, сильнейшими приступами мигрени, которые могли продолжаться по трое суток подряд. Врачи не рекомендовали ей проживать в высокогорной местности. Но она стоически переносила все невзгоды нашего бытия, примерно, со рвением исполняла свои служебные обязанности и несла общественные нагрузки, будучи членом КПСС. Однако, в семейном воздухе витала мысль о необходимости каким-то образом переехать с высокогорья. Один из моих институтских однокашников Яков Ефимович Ткач, окончивший горный факультет по «Разработке и эксплуатации рудных месторождений», по распределению уехал на работу на рудник по добыче свинцовых руд Кан в Ошской области Киргизии, в системе Минцветмета, где он вскоре стал главным инженером. В 1953 г. он перевёлся на работу в г. Ташкент в филиал союзного проектного института «Гипроцветмет», который в будущем стал самостоятельным, отделившись от головного, Московского, и стал именоваться «Средазгипроцветмет». Яков по окончании института женился на выпускнице энергофака нашего института Лиле Кейновой и мы иногда, при приезде в Ташкент, встречались семьями. Яков предложил мне встретиться с руководством института, с целью переговоров о переходе на работу в этот институт, а квалифици-

рованные кадры им требовались. Такая встреча с и.о. директора состоялась и мне предложили должность главного специалиста в горном отделе и квартиру в строящемся новом районе Ташкента «Домрабаде». Мы с Юлией съездили в этот район и увидали, что жилые коттеджи, несколько штук из которых к этому времени были построены, состояли из весьма приемлемых квартир, но совершенно отсутствовали коммуникационные связи с центром. Автобусный маршрут по расписанию бывал здесь 4–5 раз в день, телефонной связи не было, детского сада и школы также не было и еще не строились. Это нас не устраивало. Квартиру в центре города дать мне руководство института не смогло. Этот вариант не состоялся.

Я уже упоминал, что в составе геологического управления комбината функционировала геологоразведочная экспедиция, в составе которой работали несколько геолого-поисковых и геолого-разведочных партий. Официально и открыто эта экспедиция именовалось предприятием п/я 30 и находилось в г. Ташкенте. К описываемому периоду этим предприятием руководил Полежаев Фёдор Павлович. Бывший руководитель этого предприятия Смирнов Сергей Артёмович был переведен на работу в северный Казахстан, где в Акмолинской области, ставшей впоследствии Целиноградской, было разведано несколько урановых месторождений и продолжалась разведка других. На этой базе создавался еще один уранодобывающий комбинат, ставший Целиноградским горно-рудным комбинатом, ЦГРК. На его базе был построен город Степногорск, Целиноградской области. Смирнов С. А. стал директором этого комбината и руководил им много лет, получил высокое звание Героя Социалистического Труда. Затем он стал заместителем председателя правительства Казахской ССР, а через 2–3 года был снят с этой должности и стал работать (уже в «перестроечные» годы) руководителем группы подземного выщелачивания в горном отделе ПГУ Минсредмаша.

Одна из геологоразведочных партий предприятия п/я 30 с начала пятидесятых годов проводила, после поисков, разведку нового месторождения урановых руд «Майли-Катан». Месторождение это находилось в Кураминском хребте Тянь-Шанской горной системы, то-есть по другой стороне Ангренской долины по отношению к месту нахождения нашего предприятия. Разведка велась уже горными выработками, круглогодично,

а трудящиеся партии проживали в деревянных домах-казармах типа «КЩ», широко применяемых в первые периоды становления и строительства основных предприятий в системе Минсредмаша. Временный посёлок геологоразведчиков располагался на одном из северных склонов района месторождения на высоте примерно 1300–1400 метров над уровнем моря. Высота снежного покрытия в зимний период в этом климатическом районе достигала 0,8–1,2 метра, а местами и больше. В одно раннее утро одного из, кажется, мартовских дней 1954 года с вышележащей над посёлком площади, казалось не очень крутого склона, сошла снежная лавина, которая снесла три дома-барака и всех находящихся, в основном спящих, в них людей. По распоряжению руководства комбината с нашего предприятия была срочно командирована в Майли-Катан группа трудящихся, в том числе два отделения горноспасателей, для производства спасательных работ, медики и др., для оказания необходимой помощи. В эту группу попал и я. На место прибыли и руководящие сотрудники комбината и экспедиции. В результате произошедшего погибло 34 человека, в том числе дети, которых извлечь из-под снега и обломков сооружений живыми не удалось. Эта трагедия получила большой резонанс в плане того, что внимание всех руководителей предприятий заострили на выработку мер по предотвращению подобных случаев – ведь большинство промышленных и многие жилые объекты некоторых предприятий комбината располагались на склонах или вблизи них в горах. Особенно лавиноопасными были определены склоны гор в районе наших рудников №№ 1 и 2. Принимал я участие и в комиссии по расследованию Майли-Катанской трагедии, назначенной главным управлением, и познакомился в этом процессе с руководящими и другими сотрудниками предприятия п/я 30.

В результате обследования района нашего предприятия специально созданной комиссией, куда были привлечены специалисты специализированных организации, в том числе Академии Наук УзССР, имеющих и теоретические разработки и опыт борьбы со снежными лавинами, и заключения в соответствующем документе этой комиссии, на нашем предприятии была создана специальная «Противолавинная служба» и её руководителем был назначен Кожевников Владимир Степанович, инженер-гидрогеолог, наш друг. Под его началом работало не-

сколько инженеров и техников, в том числе гляциологов, привлеченных извне, из Узбекских организаций.

Произошедшее в Майли-Катане событие подтолкнуло руководство комбината и главка принять срочное решение о передаче работ по доразведке, дальнейшему строительству и разработке месторождения Майли-Катан нашему предприятию, п/я 29. Уже с 1955 года это решение было осуществлено.

Геологоразведочное предприятие продолжало проводить поиски и разведку урановых месторождений в довольно большом, обширном районе на территориях Узбекской и Таджикской республик, в основном, в высокогорных местах, прилегающих к зонам действующих предприятий комбината. Мне стало известно, что предприятию необходим опытный горняк для работы в управлении, который мог бы курировать и управлять проводимыми «тяжёлыми» горными работами. Так геологи называют разведку горными выработками, в отличие от канав, борозд, бурения скважин с поверхности и других видов работ и приёмов, применяемых в поисках и разведке месторождений полезных ископаемых. После переговоров с Полежаевым Ф. П. и, получив добро от своего директора, после нелёгких переговоров с ним и нескольких отказов, я был приказом по комбинату переведен на должность руководителя производственной группы управления предприятия п/я 30 с выплатой подъёмных. Произошло это в декабре 1956 года. У предприятия п/я 30 было десятка два квартир в центре города Ташкента и десятка три деревянных коттеджей, располагающихся небольшим компактным посёлком на одной из окраин. Естественно, что все квартиры были заняты, были и очереди на получение жилплощади, поэтому рассчитывать на получение жилья в какое-то ближайшее время не приходилось. Мы переехали к Юлиным родителям. Юлия сразу же устроилась на работу в проектный институт «ТЭП» – «Теплоэлектропроект». Переехали мы в декабре 1956 года, а в марте мы купили частную квартиру в доме по улице Энгельса, вблизи от места проживания Шатуновских.

Управленческий персонал предприятия п/я 30 был небольшим. Начальник предприятия Полежаев Ф. П., главный геолог Муромцев Николай Николаевич, лауреат Ленинской премии, очень серьёзный, редко улыбающийся, рыжеватый, опытный геолог, пользовался большим авторитетом среди персонала

предприятия, но, в тоже время, и недолгоблюдали его за сухость и малую общительность. Главного инженера предприятия в этот период (хотя по штатному расписанию такая должность имелась) не было, не знаю по какой причине. В мою группу входили старший инженер-плановик, старший инженер по организации труда и заработной платы. Механическую группу возглавлял главный механик и в неё входили инженер-электрик, старший инженер-буровик. Группу транспорта возглавлял инженер-автомобилист. У начальника предприятия был заместитель по общим вопросам, которому подчинялась транспортная группа и группа материально-технического снабжения. Я подчинялся непосредственно начальнику предприятия. В составе предприятия действовало 5–6 сезонных поисковых партий, одна круглогодичная геологоразведочная партия, автотехбаза, имевшей десятка два автомобилей грузовых, несколько легковых типа ГАЗ, с десятков самоходных буровых установок и небольшую ремонтную базу, и располагавшаяся в районе посёлка коттеджей. На территории управления (в городе) имелись несколько помещений материально-технических складов. В подчинении главного геолога имелся довольно солидный геологический отдел, из состава которого назначались в очередном летнем сезоне начальники и старшие геологи поисковых партий. Фамилии большинства сослуживцев того периода не помню, а некоторые фамилии основных геологов, с большинством из которых в будущем я неоднократно встречался по разным производственным вопросам не только на этом предприятии, а и в своей дальнейшей работе, это инженеры-геологи: Новосельцев В. В., Колмогоров Н. М., Калинин В. И., Вольвак В., Гоготишвили А. Г. и Владимир Семёнович Ломовский. Большинство из них были примерно одного возраста в 25–28 лет, каждый из них имел уже достаточный опыт работ. Между ними шло негласное соперничество, кроме официального соцсоревнования, в вопросах прогнозов и правильности проведенных поисковых работ в прошедшем сезоне. Лишь Владимир Семёнович был старше возрастом, имел больший опыт и эрудицию, и именно к нему часто обращались за консультациями и советами. Казалось, что он должен был бы быть назначенным на должность главного инженера предприятия, но, похоже, этому мешала «пятая графа» – он был евреем. На предприятии было принято обсуждать на Совете предпри-

ятия завершённые геологические отчёты и планы дальнейших работ поисковых партий. Проходили такие обсуждения в зимне-весенний период.

Круглогодичная геологоразведочная партия проводила разведочные работы на двух потенциальных месторождениях – «Ак-Тепе» и «Ризак». Находились они в горах, в районе стыка Чаткальского и Кураминского хребтов. Основной производственно – жилой посёлок находился на площадке «Ак-Тепе», но и на «Ризаке» имелись необходимые производственные и жилые временные сооружения в виде деревянных барakov и землянок. Начальником партии № 9 (а так она называлась) был инженер-геолог Гоготишвили Арчил Григорьевич, типичный, но светлый, грузин приятной наружности, с ранней большой лысиной, ярко выраженным грузинским акцентом в речи. На участке «Ак-Тепе» проводились горные работы на 2–3 штольнях и намечалось начать проходку вертикального ствола, на месте которого уже велись подготовительные работы. Начальником участка «Ак-Тепе» был горный инженер, а участком «Ризак» руководил горный техник Симонян Гарник. На последнем тоже велись горные работы на нескольких штольневых горизонтах. Естественно, что практически в первые же дни моей работы на предприятии, я был командирован в партию № 9. В командировку отправился вместе с начальником предприятия Полежаевым Ф. П. на автомобиле ГАЗ-69. Да и в другие геологические партии можно было добираться лишь на автотранспорте, других возможностей не было. В геолого-разведочную партию № 9 из Ташкента можно было проехать лишь со стороны города Коканда, Ферганской области Узбекистана. Оба месторождения располагались на территории УзССР. Добираться можно было двумя путями: от Ташкента по Большому Узбекскому тракту в г. Коканд, в районе которого по мосту на правый берег Сыр-Дарьи, далее в горы по строящейся уже в то время автомобильной дороге Коканд – Ташкент. Эта стратегическая магистраль строилась и со стороны г. Ангрена, т. е. с противоположной стороны, но здесь ее сооружение шло значительно медленнее, в связи с тем, что трасса здесь проходила исключительно по скальным породам в горном хребте. Второй вариант – это от Ташкента на Ленинабад (Таджикистан) по межгорной пустынной долине, из Ленинабада, по правобережью Сыр-Дарьи, по полупустынным степям и Сольпрому до

района Коканда, а далее по той же строящейся дороге Коканд – Ташкент. Эта магистраль была окончательно построена и сдана в эксплуатацию через несколько лет.

Поездка с Полежаевым Ф. в партию № 9 продолжалась несколько дней. Неоднократные поездки в командировки, обсуждение состояния дел и планов их развития, поведение во время собственно переездов по не лучшим дорогам и сельским посёлочкам, отдых в них и еда в «забегаловках», как-то сняли определённую натянутость взаимоотношений между нами. Полежаев, очевидно, понял, что я достаточно эрудированный специалист, умею поставить и организовать исполнение решений, способствующих улучшению горных, и не только, работ, коммуникабелен и не подведу в любых обстоятельствах. Это послужило тому, что на очередной профсоюзной конференции, в феврале или марте 1957 года, меня, вдруг, выбрали председателем комитета профсоюза предприятия. В соответствии со штатным расписанием группового комитета профсоюза комбината, полагалась одна освобождённая единица в нашем профкоме. Но я категорически отказался быть освобождённым председателем комитета и с этим согласились, а освобожденным сделали председателя профкома геологоразведочный партии № 9, как наиболее многочисленной в составе нашей профорганизации. Пришлось выполнять мне, наряду со служебными обязанностями, и эту общественную нагрузку. Я с этим справлялся, да так, что и на следующей профсоюзной конференции, в начале 1958 года, пытались меня переизбрать на второй срок, но я категорически снял свою кандидатуру. Таким образом понятно, что я довольно быстро вписался в коллектив нового предприятия, хотя в принципе, мне всегда было довольно трудно осваиваться в новых коллективах, из-за внутренней застенчивости, которая преследовала меня всю жизнь, с самых ранних лет, очевидно связанной с тем, что я был огненно-рыжим по цвету волос и сильно конопатым (веснушки покрывали всё лицо и большую часть тела), и я поэтому стеснялся. Правда, со временем, когда меня ближе узнавали в новых коллективах (школьном классе, кружке, уличной общности, трудовом), признавали хорошим товарищем, сослуживцем и я, как правило, становился лидером.

В течение зимнего периода 1956–57 гг., я несколько раз выезжал в командировку в партию № 9, где проводил по

10–12 дней, помогая налаживать нужные темпы проходки вертикального ствола. Главным инженером геологоразведочной партии работал в это время горный инженер Шангин Александр, с которым у меня сложились довольно хорошие взаимоотношения, и такими они оставались и в дальнейшем, когда мы встречались по делам, уже трудясь на других должностях в системе комбината. Очевидно, мои усилия давали практическую помощь и это положительно повлияло и на желание начальника партии Гоготишвили А. Г. поближе познакомиться со мной. Неоднократно приглашался к нему домой на семейные ужины. Супруга Гоготишвили работала, кажется, в бухгалтерии партии. Это была довольно энергичная и красивая женщина и, к тому же, прекрасно готовившая всякие вкусные блюда. Хорошие товарищеские отношения, сложившиеся с этого времени, продолжались с семьёй Гоготишвили более 35 лет, до его кончины, кажется, в 1993 году.

На предприятии шла напряженная работа по завершению отчётов за прошедший сезон и подготовка к наступающему поисковому сезону 1957 года. В наступающем сезоне предстояло провести разведку горными выработками на нескольких горизонтах на опоискованном в предыдущих сезонах перспективном участке. Находился этот участок на одном из горных пиков Чаткальского хребта Курган-таш, в Паркентском районе Ташкентской области. Перспективный участок располагался на высотах 3000–3200 метров над уровнем моря. Поисково-разведочный сезон в таких географо-климатических условиях продолжался не более 3-х месяцев, из-за позднего схода снежного покрова и раннего начала дождей и снегопадов уже в конце лета. В предыдущие сезоны поисковой партией была создана основная база на горе Курган-таш на высоте 1800 метров, к которой была проложена грунтовая дорога с возможностью проезда по ней автомобилей-вездеходов (со всеми ведущими осями). К месту предстоящих горных работ необходимо было проложить еще 14 километров дороги, трасса которой со многими серпантинами проходила по крутым склонам и, в основном, в скальных грунтах, разработку которых можно было производить лишь с применением ручного бурения и взрывными работами. Я привлекался для работы над проектом геологоразведочных работ на предстоящий сезон. Такие проекты готовились каждой группой геологов на очередной сезон работ.

На предприятии имелся определённый контингент сезонных рабочих, который задействовался на время сезона работ, а в зимний период они отдыхали по местам своего постоянного проживания. Такой статус – «сезонный работник» – имелся в официальных государственных документах, в которых определялись все правила взаимодействия таких категорий трудящихся с госпредприятиями, их права, обязанности каждой стороны и т. п. Как правило, этого костяка трудящихся не хватало для обеспечения запланированного объёма работ в сезон и начальникам геологоразведочных партий разрешалось нанимать рабочих со стороны на временную работу. В каждом проекте определялись все виды геологических работ, их объёмы, обсчитывались потребности в материалах, механизмах, людских ресурсах по укрупнённым нормам и, в конце концов, затраты и возможный экономический эффект. Поэтому почти вся технико-экономическая часть проектов составлялась с участием моей производственной группы.

К марту–апрелю месяцу были назначены начальники и старшие геологи всех сезонных партий, а в Курган-ташскую назначен лишь старший геолог, которым стал Калинин Виктор Иванович. Он же был определён как временно исполняющий обязанности начальника партии. В конце марта весь постоянный состав этой партии выехал на основную базу в Паркентский район. Приступили к расконсервированию оборудования и подготовку к обустройству лагеря непосредственно на месте производства разведочных работ. В. И. Калинин котировался в среде коллектива и официально у руководства предприятия, как далеко не лучший сотрудник, т. е. не только, что «не хватал звёзд с неба», но ещё и отличался некоторым пристрастием к спиртным напиткам и нарушениям трудовой дисциплины в связи с этим. Может быть, именно поэтому он был назначен в «Курган-ташскую» партию, наиболее трудную и самую неперспективную из всех остальных в сезоне, т. е. как бы в наказание. Уже в самом начале апреля Полежаев Ф. распорядился о моём выезде с ним в командировку в «Курган-ташскую» партию, куда мы прибыли на автомобиле до основной базы. К месту работ можно было добраться лишь по горной тропе пешком или верхом на лошади. Мелкое оборудование, палатки, продукты питания и другие материалы доставлялись наверх выюками на лошадях. Лошади рабочие и верховые брались в аренду вместе

с погонщиками в близлежащих колхозах, имевшихся в долине. Такое право имели начальники геолого-разведочных партий. Проектом работ на сезон предусматривалось проведение горных выработок с самого начала сезона, применяя ручное бурение шпуров, с тем, чтобы одновременно выюком на верблюдах доставить наверх детали передвижных компрессоров ПК-9, передвижных электростанций «ЖЭС», их сборки и действия. Одновременно должна была идти прокладка автомобильной (грунтовой) дороги, чтобы подготовить её к будущему сезону 1958-го года. С основной базы мы (Полежаев и я) пешком, ведя верховых лошадей за поводки, дошли по тропе к верхнему лагерю, осмотрели места закладки будущих штолен, рассмотрели еще раз объёмы предстоящих работ и возможные меры по обеспечению их выполнения. В конце совещания с ИТР партии Полежаев Ф. заявил, что оставляет меня здесь для организации и выполнения всех горных работ и строительства подъездной дороги, даёт мне все права начальника партии и надеется, что я справлюсь с этими задачами. Я не счёл возможным отказаться от выполнения такого поручения. Не возражал, или вернее, не высказал возражений и Калинин В. Думаю, что он как-то даже был рад такому обороту дела. Ведь к указанному моменту партия не была укомплектована необходимым числом проходчиков, умеющих и способных выполнять ручное бурение шпуров, возводить крепление при необходимости, вместо 4–5 горных мастеров было лишь два, а на весь необходимый объём взрывных работ на проходке штолен и на сооружении подъездной дороги имелся лишь один взрывник, имеющий специальное образование и удостоверение на право производства взрывных работ огневым и электровзрыванием. Производить эти виды работ предстояло многократно и в любое время суток. Ещё не были обговорены и не заключены договоры с руководством колхозов на аренду верблюдов и погонщиков. Много других вопросов оставались открытыми. Я попросил Полежаева Ф. обязать кадровиков предприятия активней поработать в Ташкенте с целью направления в партию потенциальных рабочих, которых, в таких случаях, находят на вокзалах, автобусных станциях и других, «злачных» местах. Это, как правило, освобождённые с мест заключения, бомжи, пьяницы и подобные категории людей, хотя иногда среди них могут оказаться вполне нормальные граждане, оказавшиеся,

по тем или иным причинам, в «пиковом положении». Сразу скажу, что мою просьбу Полежаев, в основном, выполнил. Действительно стало поступать на приём много претендентов, из которых я мог отобрать подходящих, с моей точки зрения, внешне крепких и особенно имевших хоть какой-то опыт горных работ в предыдущие годы. В результате сформировал три бригады проходчиков по 9–12 человек, которые и начали проходку трёх штолен.

В партии все трудящиеся питались с общего котла. Под открытым небом, под небольшим навесом был организован очаг из больших казанов, в которых готовились основные блюда: шурпа, борщи, плов и т. п. Была одна повариха, два помощника на заготовке дров, углей и других вспомогательных работах. Ежедневно повар и зам. начальника по хозяйственным вопросам (такой тоже был) составляли калькуляцию и определяли стоимость комплексного обеда. Обеды раздавались «под карандаш», т. е. отмечалось в списке кадрового состава, и деньги удерживались при выдаче аванса и зарплаты. Невдалеке от кухни паслась постоянно пара баранов, которая составляла источник мясных продуктов. Так было значительно дешевле, а главное, решало проблему свежего мяса при отсутствии холодильников. А некоторые проходческие бригады, работая круглосуточно, сами устраивали себе недалеко от места работ очаги, покупали баранов и сами готовили себе пищу, не теряя времени и силы на ходьбу в «столовую» и обратно. Надо иметь в виду, что передвигаться на высоте 3000–3200 метров над уровнем моря довольно тяжело, особенно вверх по местности. Работа проходчиков требовала больших физических нагрузок особенно на ручном бурении шпуров, да и на всех других операциях: погрузке породы в вагонетки лопатами или совками, ручной откатке и разгрузке вагонеток, производстве крепления в нужных местах. Работа в забоях шла непрерывно 24 часа, звенья проходчиков менялись в забое. Были только небольшие перерывы на время естественного проветривания забоя после производства взрывания шпуров (скважин). Здесь мне хочется рассказать, что самой большой трудностью в моей работе в партии, было организация взрывания забоев и многих мест на сооружении подъездной дороги. Производить взрывные работы разрешается лишь специалистам, имеющим специальные права и удостоверение, получить которые можно

лишь по окончании специальных курсов, прохождения стажировки и сдачи экзамена комиссии под председательством представителя Госгортехнадзора. Под моим началом имелся лишь один такой специалист, который, конечно же, не мог обеспечить производство этих работ, даже если бы он мог быть на ногах все 24 часа в сутках. Пришлось идти на очень большой риск, который мог окончиться весьма печально. В каждую бригаду на проходке выработок и на строительстве дороги вошёл один из рабочих, имевший хотя бы небольшой опыт производства взрывания. Официальный взрывник успевал лишь получать взрывные материалы по накладной, подписанной сменным горным мастером, и на лошади развести к каждому рабочему месту, где по наряду было необходимо произвести взрывание. Он оставлял взрывматериалы рабочему, уполномоченному проводить взрывной процесс. Конечно при выдаче каждого наряда в начале смены горный мастер напоминал все необходимые меры безопасности и выборочно мастер, иногда и я, прибывали к месту работ, чтобы убедиться в правильности исполнения этих, очень опасных работ. К счастью, весь сезон прошёл без каких-либо происшествий на этом виде работ.

Между тем, были заключены договоры и началась доставка на верхнюю площадку деталей передвижных электростанций и компрессоров выюком на верблюдах. В соответствие с договорами, стоимость провоза от нижней до верхней площадок расценивались так: деталь весом до 100 кг – 100 рублей; весом от 100 до 200 кг – 200 руб.; весом от 200 до 300 кг – 300 руб.; весом от 300 до 400 кг – 400 руб.; весом от 400 до 500 кг – 500 руб. Около 500 кг весили неразборные рамы. Деталь весом около 500 кг могли доставить лишь два из всего стада верблюдов. Причём, один из них при одной из очередных ходок, не выдержал и скончался от перегрузок. Оборудование, трубы для сборки трубопроводов сжатого воздуха были доставлены наверх. Моей задачей было организовать сборку энергетического оборудования и сварку труб в трубопроводы. Сборку оборудования производили бригада слесарей механической службы предприятия, а вот сборку и сварку воздухопроводов пришлось организовывать силами неквалифицированных кадров. Ни одного сварщика среди всех имевшихся рабочих кадров не оказалось. Но один из новичков заявил, что умеет производить газосварочные работы, что у него брат был

сварщиком. Сам этот работник нанялся к нам только на сезон с тем, чтобы заработать после освобождения из мест заключения. Другого выхода не было, мне пришлось заключить с ним трудовое соглашение и работа началась. Качество сварки отвратительное, но и это было достижением. Ко второй половине сезона удалось перейти на перфораторное бурение скважин на проходке штолен.

Расскажу еще о некоторых сценках работы и быта геологов-разведчиков. Бригады на проходке штолен работали круглосуточно, меняясь сменами в забое, на отдых никуда не уходили, а спали рядом с устьем штольни в спальных мешках, питались тут же, котлом. Месячный план проходки забоя старались выполнить и даже несколько перевыполнить, так как за это полагалась премия. Заработную плату выдавали дважды в месяц, аванс – 15–20 числа, а месячный расчёт – 5–7 числа следующего месяца. 30-го числа каждого месяца производился маркшейдерский замер, в результате которого выявлялся произведенный за месяц объём проходки, качество работ, т. е. производился приём выполненных работ. Обычно план выполнялся и удовлетворённые проходчики на следующий день исчезали всей бригадой, куда?! Спускались вниз, в районный центр Паркент, где «прожигали» в пьянке, игре в карты заработки, иногда до продажи одежды и другого имущества. Забой простаивал 3–4 суток. Но, возвратившись, просили прощения, не наказывать их за прогулы, обещая обязательно выполнить план проходки. Практически так всё и происходило.

Не могу не поделиться и изумительными впечатлениями, полученными за время работы в горных условиях на высоте 3100–3200 м. над уровнем моря. Дорога на нижнюю площадку и строящаяся на верхнюю площадку проходили по крутому склону, спускающемуся до реки-сая, бурно текущему по каменному ложу, с крупными камнями, уступами, с пенящимися водопадами и грохотом падающих потоков. Склоны горы в зарослях – деревьях, кустарниках, меняющихся пород в зависимости от высоты. А там, наверху, яркое солнце, достаточно палящее днём, прохлада до холода ночью, и почти нет крупной растительности, а только травянистые растения. Часто белые, кучные облака, верх которых находился ниже высоты наших работ на 100–300 метров (так казалось), медленно проплывали, закрыв видимость всего находящегося ниже, и манили к

себе, так и хотелось спуститься и пройти по ним, или прокатиться на них. Картина неописуемо красочная!

Время сезона протекало очень быстро, намеченные планы очень тяжело, но в основном выполнялись, отставало только сооружение подъездной дороги, из-за большего объёма скальных работ, чем планировалось. Я несколько раз спускался в долину, в Ташкент, по служебным делам и на побывку к семье. Уже в самом начале сентября погода начала резко ухудшаться, часто выпадали дожди осеннего характера, весьма замедлившие темпы всех видов геолого-поисковых и геолого-разведочных работ. Естественно, это повлияло и на снижение заработков рабочих. Они начали покидать работу в партии, одни подав официально заявления, другие просто исчезнув без предупреждения. Оставались к 20-м числам лишь кадровые сезонные работники. Еле удалось провести работы по консервации объектов на зимний сезон. В конце сентября на объект прибыл Полежаев Ф. и, убедившись в том, что положение соответствует даваемым ему радиограммам, распорядился прекратить дальнейшие работы, принять меры безопасного спуска людей, так как дождь продолжал проливаться сутками и спускаться по тропам и дороге было очень трудно, чтобы не свалиться в каньон. Последними спускались мы, это водитель автомобиля за рулём, Полежаев и я на заднем сидении, при открытых дверках с тем, чтобы суметь выпрыгнуть, если автомобиль, ГАЗ-57, начнёт скользить к пропасти. Но всё закончилось благополучно!

Осенью 1957-го года главным инженером геолого-разведочного предприятия назначили Гоготишвили А. Г., начальника партии № 9. Затем стали просачиваться слухи о возможном переводе управления и всей базы предприятия из Ташкента в Чкаловск, Ленинабадской области, т.е. в город комбината.

В это же время произошло ещё важное событие. Летом, или в начале осени, 1957-го года я в составе группы сотрудников предприятия п/я 30 стал участником совещания, проводимого в городе Чкаловске вновь назначенным министром среднего машиностроения Славским Ефимом Павловичем. Завенягин А. П. пробыл министром незначительный срок в связи с кончиной. Министром стал Малышев В. А., который имел и статус заместителя председателя правительства, чем подчёркивалось важность решаемых этим министерством проблем и задач.

Но, и Малышев В. А. скончался в связи с болезнью. Через несколько лет стало известно, что и Завенягин А. П. и Малышев В. А., будучи руководителями высокого ранга, часто и помногу посещали места работ, где проводились исследования и конструкторские работы, практические испытания разработанных средств и чрезмерно облучились, что послужило причиной их преждевременной кончины. Совещание состоялось в зале Дворца пионеров, построенного к этому времени в г. Чкаловске. Совещание было закрытым, предусматривались отчет о работе комбината и, естественно, выступление министра с постановкой задач, стоящих перед коллективом, и других подобных вопросов. У здания Дворца пионеров и на входе стояли милиционеры и люди в штатском, тщательно следящие за проходящими, а на входе проверялись удостоверения личности и приглашения на совещание. В зале были представители всех предприятий во главе с первыми руководителями, ответственные работники управления комбината, сопровождающие министра сотрудники министерства, в том числе начальник Первого главного управления Карпов Николай Борисович. Ровно в назначенное время за стол президиума сели Министр Славский, Карпов Н. Б., Десятников Д. Т. (директор комбината). Последний сделал небольшой, но насыщенный доклад. Затем дали возможность выступить желающим участникам совещания. Наиболее ярким было выступление Директора предприятия № 11 (Табошары) Зубарева Геннадия Васильевича, в котором он очень последовательно и логично изложил претензии к руководству министерства. Кроме того, его внешний вид представительного мужчины с довольно длинной бородой, что было в те времена редкостью, и симпатичным лицом, явно произвели очень благоприятное впечатление на Е. П. Славского. Это почувствовалось в ходе не менее яркого выступления министра. Во время перерыва и после совещания, между нами, участниками, в кулуарах его, возникли довольно интересные обсуждения, обмен мнениями, в которых большинство отмечали весьма приятное впечатление от услышанного и увиденного в ходе совещания, атмосферы, царящей на нём, что стало возможным благодаря очень тонкому и умелому поведению Е. П. Славского, его очень вовремя сказанным репликам к выступающим, метким и простым, и яркой речи, без «высоких» слов и выражений. Вскоре, директор комбината

Десятников Д. Т. был переведен на должность главного инженера Первого главного управления, а директором комбината был назначен Зубарев Геннадий Васильевич.

Геологоразведочные работы продолжались своим порядком. Прошёл очередной зимний сезон, наступил летний сезон 1958-го года. Каких-либо новинок в поисках и разведке не произошло. Лишь на участке «Ризак» появились перспективы на то, что здесь могут определиться запасы, которые окажутся промышленными. Я неоднократно посещал геолого-разведочную партию № 9, да и другие поисковые партии в сезон поисков. Ф. Полежаев практически не выезжал на объекты без меня.

Хочу рассказать ещё об одном интересном, на мой взгляд, случае. Примерно в конце мая или начале июня 1958-го года мы, Полежаев Ф. и я, отправились в командировку в одну из поисковых партий, проводившей работы на территории Таджикистана, в горах восточнее городка и угледобывающего предприятия «Шураб». Километров за сто, не доезжая до расположения партии, дорога проходила по довольно широкому высокогорному пустынному, каменистому плоскогорью, между двумя параллельно тянущимися хребтами. Ехали на «Газике» со скоростью 50–60 км в час по грунтовой, из мелкого камня, ровной, как стрела, дороге. Погода была уже жаркой, в воздухе стояло марево, ветерок прохладу не приносил, всё время хотелось пить. Мы и водитель очень внимательно просматривали впереди лежащее пространство, чтобы не прозевать приметы, по которым нам следовало свернуть с этой дороги к месту расположения лагеря партии. Вдруг, мы практически одновременно, увидели на горизонте, в конце видимости, красиво стоящий дом и рядом растущее высокое, с большой кроной дерево. Картина была завораживающая, но сколько мы не ехали, расстояние к видимому пейзажу не сокращалось. Это был мираж! Такое я видал лишь один-единственный раз в жизни, хотя много лет прожил и работал в пустынях и горах в Средней Азии после этого.

Как я уже отмечал, проживали мы на улице Энгельса, рядом с местом проживания Юлиных родителей, и дети, естественно, были на попечении Рахель Исаевны. Да и мы, Юлия и я, после работы приходили к родителям, где фактически и питались, кроме завтрака. К нам, вернее, к Шатуновским, очень часто

наведывались друзья из «Развилки», особенно по воскресеньям. Мы были в курсе всех происходящих на предприятии п/я 29 событий. Более того, часто заезжали и по необходимости, как, например, одолжить денег, отдохнуть перед дорогой в обратный путь и т.п. Н. С. Прокопенко попросил меня подыскать для его старшего сына место для проживания в Ташкенте, на время его учёбы в институте, лучше с пансионом. Посоветовались с родителями, которые согласились взять его к себе на какой-то период, пока он сам сумеет подыскать себе желаемый вариант. Так это и произошло. Семья Прокопенко стала нашими друзьями и товарищеская дружба между нашими семьями сохранилась на долгие годы.

В начале 1958 года я получил устное приглашение от Руководства вернуться на прежнюю должность на предприятие п/я 29. Работа на геолого-разведочном предприятии для меня никаких перспектив не представляла. Да и доходы нашей семьи, после переезда в Ташкент, значительно снизились, а образ жизни менять не хотелось. Дети подросли. На большом семейном совете решили принять приглашение. Я поставил руководству предприятия п/я 29 одно условие, это приличную квартиру. Получил на это согласие. Таким образом, уже в конце первого полугодия 1958 года мы вернулись на «Развилку».

Выделили нам квартиру в двухквартирном коттедже, состоящую из трёх комнат и всех служб, но с печным отоплением и газовой колонкой в ванной. Во дворе сарайчики, возможность разводить цветы, живность и т. п. На этом закончилась моя работа в геологоразведке, где я получил определённый опыт, пригодившийся мне в дальнейшей производственной деятельности. Во всей будущей моей жизни я ни разу уже не переходил на работу в другие предприятия, или должности, по собственной инициативе, а только по приказам свыше. Чтобы завершить эту главу нашей работы и жизни следует сказать, что участок «Курган-таш» не стал месторождением. Дальнейшая разведка определила запасы, объём которых при весьма труднодоступных условиях строительства и эксплуатации, был не рентабелен.

Вскоре, уже в конце 58-го или начале 59-го годов, геолого-разведочное предприятие было переведено на промышленную площадку города Чкаловск, Ленинабадской области. При этом, некоторые руководители и специалисты остались в Ташкенте,

перейдя на работу в другие предприятия и учреждения уже не Средмаша. В частности: Ф. П. Полежаев перешёл на работу в Геологический институт Академии Наук УзССР; Н. Н. Муромцев, Н. М. Колмогоров, В. И. Калинин, А. Г. Гоготишвили устроились на работу в «Краснохолмскую Экспедицию» Первого главного управления Министерства геологии СССР, которое, как я уже упоминал, занималось и, довольно успешно, поисками и разведкой урановых месторождений во всём среднеазиатском регионе. Калинин В. И., вскоре, был переведен на работу в промышленный отдел ЦК КП Узбекистана в качестве инструктора, курировавшего «закрытые» предприятия и учреждения, принадлежащие Минсредмашу, Мингеологии. Первым руководителем экспедиции «Краснохолмскгеологии» был тогда известный геолог Петренко Алексей Александрович, а главным инженером тоже заслуженный геолог Гафт Рувим Саулович. Со всеми названными специалистами и руководителями мне повезёт встречаться по долгу службы и просто по-товарищески неоднократно в течение дальнейшей жизни.

ГЛАВА 17

*И снова предприятие п/я 29, но город уже Янгиабад.
Как возник посёлок Дукент*

Приступил к работе на своей прежней должности заместителя главного инженера по ТБиОТ предприятия п/я 29. Мы начали обживать новую квартиру, даже завели кур. Дети посещали детсад. Предприятие выросло, городок стал красивей, подросла зелень. В 1957–58 годах произошли очень важные организационные и структурные изменения в производственной системе Ведомства, связанные, как мне кажется, с общим периодом хрущёвской «оттепели» после решений XX съезда КПСС. Были ликвидированы ПФЛ и спецпоселения, т. е. все бывшие трудящиеся этих категорий стали вольнонаёмными работниками, имевшими возможность выезжать в отпуск, увольняться и переезжать на другое место жительства, но с определёнными ограничениями, например, не могли проживать в Москве и столицах республик, в приграничных районах, крымские татары не могли возвращаться в Крым, наверно, и другие ограничения, о которых я и не знал. Въезд в наши города стал более свободным, шлагбаумы были сняты. Городам стали присваиваться наименования, партийные организации стали входить в соответствующие территориальные партийные органы, стало больше советской власти. Но, предприятия по-прежнему имели индексы почтовых ящиков. Режим секретности не уменьшился. «Первые отделы», режимные отделы оставались на всех уровнях, подписки о неразглашении секретных сведений обновлялись каждый год. Перечень сведений с грифом «ОП», «совершенно секретно», «секретно» и «для служебного пользования»

обновлялись в сторону ужесточения. Вместе с тем на каждого трудящегося завели «трудовые книжки».

Нашему социалистическому городку «Развилка» определили статус «Посёлок городского типа районного подчинения» и получил название Янгиабад, что в переводе с узбекского означает «Новый город». Административно он вошёл в Ахангаранский район Ташкентской области. Численность населения росла быстро и, вскоре, его статус повысился – он стал городом Янгиабадом областного подчинения. Был избран городской совет депутатов трудящихся. На очередной партийной конференции был избран партийный орган, которому дали статус районного комитета КПУз, а не горкома. Очевидно ещё не хватало необходимой численности членов партии. Первым секретарём райкома КПУз стал Тимофеев К. М., а вторым секретарём был избран бывший директор средней школы нашего городка Стрижков Николай Васильевич. Кажется я не рассказал, что и я вступил в члены КПСС, подав заявление ещё до переезда в Ташкент в 1956 году. По инициативе партийной организации коллектив рудоуправления и жители города стали вести работу по достижению звания «Города коммунистического труда и быта». Такая форма соревнования была ещё новинкой. По всей стране широко действовала система соревнования среди многих производственных коллективов за звание «Коллектив коммунистического труда».

Предприятие росло численно и менялась его структура. Теперь уже появился новый рудник № 3, который базировался на разведанных запасах, выявленных в левобережном хребте реки Алатаньга. В начале это был самостоятельный участок, а затем стал административно рудником. На левобережье реки Катта-сай разведывались новые перспективные участки, ставшие через пару лет месторождением «Джекиндек». Здесь был пройден и вертикальный ствол прямоугольного сечения, при строительстве которого проведено много новинок в способах крепления, в перепуске отбиваемой породы забоя через ранее пробуренную снизу вверх по центру будущего ствола и обсаженную скважину. Что касается креплений, то здесь были опробованы штанговая крепь с металлической сеткой, штанговая крепь с покрытием стенок ствола торкретбетоном, различные комбинации указанных видов крепи, в зависимости от состояния пересекаемых горных пород, их крепости,

трещиноватости, слоистости и других важных факторов. Все эти эксперименты разрабатывались в проектно-конструкторском отделе управления при самом непосредственном моём участии. Причём, моё мнение считалось одним из важных. Шли проходка горных выработок всех назначений (разведочные, подготовительные, капитальные), строительство поверхностных сооружений, подъездных дорог на месторождении «Майли-Катане», отдалённом от всей инфраструктуры предприятия. Этот объект стал через несколько лет рудником № 4. Объём работ, обследований, проверок исполнения, согласования технических решений и др. становился всё больше и режим труда управленцев, и особенно моего отдела, стал интенсивнее. На это уходило ежедневно не менее 12–13 часов рабочего времени. Бывали и события, в силу которых некоторые ИТР, конечно и я, бывали на ногах и без сна по 2–3 суток. Я сам себе удивлялся, как выдерживает такие нагрузки организм да так, что и спать-то не хочется! Понятно, что такие ситуации были связаны с авариями, повлекшими к угрозе жизни людей, их спасением или необходимостью извлечь из завала уже погибших. О таком случае расскажу позже.

На предприятии велись работы по совершенствованию всех процессов основного, горного производства, да и других производств. Особенно важным моментом было разработка, проведение её испытаний и внедрение с обрушением выработанного пространства, вместо системы блоков с закладкой выработанного пространства пустыми породами. В этом вопросе помощь предприятию оказали сотрудники научной части ГСПИ-14, г. Москва. Связи с этим институтом очень укреплялись. Особенно запомнился один из сотрудников науки из института Дмитрий Федорович Ревский. Этот молодой учёный, фронтовик, горняк, по несколько месяцев без выезда с предприятия, по 12–14 часов проводил непосредственно на рабочих местах, в шахте, консультируя и ИТР и рабочих, добиваясь выполнения всех предусмотренных проектом мер с тем, чтобы опыт был положительным. Ведь были и скептики, возражавшие предлагаемым новшествам. Я тоже поддерживал переход на системы с обрушением, также уделял много времени на работы в опытном блоке и лично принял активное участие в работе по производству первой посадки кровли, имея большой опыт такого вида работ ещё по работе на производственных практиках во

время учёбы в институте, на урановом руднике № 1 и угольном руднике № 4 предприятия Майли-Су. Опытный блок на руднике № 3 был успешно отработан, все технико-экономические показатели превысили аналогичные по блокам с закладкой и началось внедрение системы с обрушением на всех действующих на рудоуправлении рудниках. За короткий срок была внедрена система «послойной отработки с обрушением», а затем и стали внедрять и отработку отдельных рудных тел «подэтажным обрушением». Последняя система стала основной на руднике № 4 «Майли-Катане». Производительность блоков по месячной выдаче руды выросла вдвое–втрое, хотя увеличилось и разубоживание, но успешное внедрение радиометрической сортировки на РОФе (радиометрическая обогатительная фабрика) компенсировала последний недостаток и конечные технико-экономические показатели работы предприятия значительно улучшились.

В 1958 году главный инженер рудоуправления Прокопенко Н. С. был переведен на новое предприятие, возникшее на работах по извлечению урана в районе города Пятигорска на Кавказских Минеральных водах. Здесь вместе с производством вырос городок Лермонтов, построенный тоже по принципам социалистических новостроек со всей необходимой инфраструктурой для нормальной жизни по меркам тех времён. Главным инженером рудоуправления был назначен переведенный с рудника № 2 Шапиро Пётр Иосифович. Буквально через небольшое время сменился у нас и директор рудоуправления. Я уже упоминал, что примерно в 1954 году предприятие № 13 – Майли-Су, начальником которого стал Степанец П. Е., выделилось из состава комбината № 6 и стало самостоятельным комбинатом № 5. Этот комбинат между собой, «в народе», стали иронично называть «Гвардейским», не знаю почему. Город этого комбината стал называться Майли-сай. Работал комбинат неплохо, кадры росли, бывшие молодые специалисты набирались опыта, расширялась география действия производства. Комбинат этот располагался на территории Киргизии. Степанца П. Е. перевели на работу в Первое главное управление министерства, нашего директора Данилина К. В., назначили директором этого комбината. А директором нашего рудоуправления был назначен Опланчук Владимир Яковлевич, горный инженер с опытом работ на угольных месторождениях,

а затем в системе среднего машиностроения. В Янгибад он приехал после работы в нашей системе на руководящей работе в ГДР, в том же АО «Висмут», где ранее работал Данилин К. В. Владимир Яковлевич, среднего роста, но довольно крупного объёма, мужчина при первом общении производил впечатление простоватого, с сильным украинским акцентом, мужиковатого и демократичного человека, по нашим понятиям не подходящим для руководства таким производством, каким было рудоуправление. Но уже через небольшой срок стало понятным, что это впечатление ошибочно. Никогда Владимир Яковлевич не поднимал голоса, отчитывал провинившихся спокойно (так казалось), ровно, но последовательно и твёрдо произносил сделанный им вывод и степень наказания и не поддавался попыткам разжалобить его. Принятое решение исполнялось без изменений. Но, через какое-то время, по просьбе подвергнутого наказанию, мог вернуться к рассматриваемому вопросу и принять другое решение. Со временем, к Владимиру Яковлевичу стали относиться очень уважительно, авторитет его неуклонно рос среди всех категорий трудящихся предприятия и у руководства комбината.

В результате начатой бывшим главным инженером рудоуправления Прокопенко Николай Степановичем и продолженной новым руководством, в лице Шапиро П. И. и Опланчука В. Я., системой неуклонного повышения требований по исполнению всех действующих «Правил... безопасности» и поддержки ими и моих инициатив, состояние производственного травматизма и уровень профессиональных заболеваний стали улучшаться и эта тенденция продолжалась постоянно, много лет. Жёсткие требования подкреплялись созданием и внедрением многих технических средств и организационных мер, и именно это давало необходимый эффект. Все рабочие места оснащались всеми необходимыми средствами для безопасного ведения работ: ломики для обборки пород кровли и стенок, предохранительными поясами, резиновыми перчатками для работы с электроинструментом (электроскреперами, переносное электроосвещение призабойного пространства), индивидуальными респираторами-лепестками, защитными очками, рукавицами и т. п. Орошение горной массы для предотвращения пыления проводилось не только при бурении шпуров, но и постоянно при скреперовании в очистных забо-

ях, при погрузке отбитой горной массы в проходческих забоях погрузмашинами, при выгрузке пород и руды из восстающих при открытии затворов, проезжающие составы с горной массой с помощью водяных завес, устраиваемых через каждые 200 метров на откаточных выработках. Очень большой эффект в снижении травматизма дало разработка конструкции передвижного полка для проходки вертикальных восстающих, выполненная горным инженером Будряновичем В. И. Он тоже был в своё время переведен с предприятия 13, где мы ранее работали. Это был очень грамотный, умнейший человек, изобретатель, рационализатор, сочетавший производственную работу с творческим процессом создания многих новинок, значительно улучшающих производственные процессы и их безопасность. Применяемая на наших действующих рудниках система разработки предусматривала величину этажа в 40 метров. Подготовка блоков к отработке требовала проходки не менее четырёх вертикальных восстающих, которые крепились деревянными венцами с тремя отделениями: для выдачи горной массы, подъёма материалов и оборудования, ходовое для перемещения людей в блок и обратно. Грузовое отделение располагалось в средней части. Очень опасным при проходке восстающих был процесс открытия наклонного полка, сооружаемого перед производством взрыва забоя над ходовым отделением для предотвращения попадания отбитой горной массы в него и направления её (горной массы) в грузовое отделение. Забойщик, приподнимал детали отбойного полка по одному, но, в то же время оказывался под не обобраным после взрыва забоем, где нависали не упавшие, но могущие обрушиться в любой момент, куски породы слабо сцепленные с массивом из-за образовавшихся трещин. Отбивать такие куски из ходового отделения в первый период очень не удобно и очень опасно. Много травм происходило при производстве таких работ. Созданный Будряновичем В. И. самопередвигающийся по крепи с помощью гидродомкратов (а в начальном варианте пневмодомкратов) полк, практически устранил ручную работу по удалению наклонного полка и обеспечивал удобство и безопасность производства удаления нависших кусков пород. Дальнейшие усовершенствования конструкции полка, которые сделал Вульф Израилевич, позволили даже проводить бурение забоя восстающего через отверстия в металлическом

перекрытии полка, не обнажая его (забой) в условиях, когда проходка производится в разломах, где породы значительно ослаблены. Созданный Будряновичем В. И. «Самопередвигающийся полк для проходки вертикальных восстающих пластов» был запатентован, прошёл производственные испытания на нашем предприятии и был принят для промышленного применения в горном производстве комиссией под моим председательством. Таким образом, техническое обеспечение горных работ многими видами проходческого оборудования, оборудования для очистных работ, средств для вентиляции забоев, автоматики, выпускаемых машиностроительными и приборостроительными заводами страны и систематически совершенствующие их, а так же множество разработок местных изобретателей и рационализаторов, творчество которых хорошо поддерживалось и поощрялось, способствовало систематическому росту производительности труда и созданию безопасных условий их производства. Но, для действительного достижения безопасности при производстве работ необходимо было добиться практического использования рабочими возможностей этих средств, а эта задача оказалась для исполнения наиболее трудной. Простое ужесточение наказаний, понижение в должностях, даже привлечение к судебной ответственности не давали должного эффекта. Требовалась систематическая разъяснительная работа, наглядная агитация в сочетании с неотвратимостью наказания при нарушениях «Правил...» до того, как произойдёт травма или авария. И такую работу мы начали, выработав и осуществив целый ряд мер, о некоторых из них и расскажу.

Приказами по предприятию с согласия профсоюзного комитета, ввели на всех видах работ и профессий выдачу специальных удостоверений с тремя талонами №№ 1, 2, 3, которые последовательно изымаются у нарушителя «Правил безопасности...», при обнаружении их лицами горного или административного надзора. При изъятии третьего талона работник переводится на нижеоплачиваемую, менее квалифицированную работу или должность на определённый срок со сдачей экзамена на знание «Правил ...». На всех рабочих местах, в горных выработках, в местах раскомандировок, кабинетах начальников участков и цехов вывешивались ключевые изречения из «Правил...» и «Инструкций...», выполненных местны-

ми умельцами на жести. Многие трудящиеся, проработавшие большой срок без травм и нарушений «Правил...», поощрялись руководством рудника или рудоуправления денежными премиями или ценными подарками. По моей личной инициативе совместно с начальниками рудников, цехов стали проводить собрания с жёнами рабочих, чаще по профессиям, на которых обсуждались конкретные нарушители и нарушения, возможность их последствий, здесь же оглашались приказы об ощутимых материальных наказаниях одних, или тоже ощутимых награждениях других. Должен отметить, что последнее мероприятие давало весьма положительный результат. В. Я. Опланчук стал лично участвовать в таких мероприятиях в масштабе предприятия, проводимых в зале кинотеатра, а позже во Дворце культуры, который был построен в 1960 году. Как правило, такие собрания, беседы начинались моим рассказом обстановки, я старался чтобы это не носило форму сухого доклада, а было живо, даже интересно. Мне это удавалось, прежде всего, за счёт того, что я прекрасно знал весь технологический процесс, подавляющее число рабочих по фамилии или имени, промахи многих и их наклонности, успехи (имею ввиду на производстве), мог изобразить кое-что и с юмором. Конечно, достигал я таких знаний тем, что очень много времени находился на рабочих местах, часто совершал проверки с посещением участков, рудников, цехов во вторые и ночные смены и без предупреждения их руководителей. Видали меня и в экстремальной обстановке, где я находил своевременные и нужные решения. Вот здесь и расскажу некоторые события.

Еще в конце 1954 года на руднике № 2, на основном штольневом откаточном горизонте в воскресный выходной день возник подземный пожар. На руднике проводились ремонтные работы на разных горизонтах. При первом же сообщении об аварии я прибыл на рудник вместе с подразделением горноспасателей. Не помню, говорил ли я, что командиром ВГСЧ (Военизированной горно-спасательная часть) уже стал к этому времени горный техник Мотлохов Николай Петрович, ранее работавший со мной на угольном руднике в Майли-Су, затем перешедший на работу в ВГСЧ там же, а затем переведенный к нам, на предприятие № 22. Известно, что руководителем работ по ликвидации аварий на горном производстве должен быть только главный инженер рудника, все остальные ИТР,

независимо от служебного положения, поступают в распоряжение руководителя ликвидации аварии и должны выполнять его распоряжения. Руководитель ликвидации аварии может привлекать их как консультантов, причём все действия вносятся в специальный журнал, где фиксируются все распоряжения и советы. На каждом руднике, в соответствии с «Правилами...» разрабатывается и утверждается на каждый год «План предупреждения и ликвидации аварий», в котором предусматриваются возможные аварии и действия лиц надзора и работающих при их возникновении, в том числе, пути выхода на поверхность. Рудник № 2 в этот период интенсивно строился, действовала установка центрального проветривания, но ещё не были сооружены необходимые вентиляционные двери и перемычки, другие средства регулирования. Главный инженер рудника Соколов Николай отдаёт распоряжение провести разведку места горения силами ВГСЧ и остановить работу ЦВУ, работающей в нормальном режиме на нагнетание. Такое действие можно выполнить лишь при полной уверенности, что все люди выведены из горных выработок, а на мой вопрос Соколов отвечает, что такого доклада он не имеет. Я рекомендую работу ЦВУ не останавливать, а одновременно с разведкой места пожара направить часть сил ВГСЧ по пути движения задымленной струи воздуха для выяснения наличия людей и оказания в нужном случае им помощи. Соколов согласился с моими рекомендациями, что оказалось в дальнейшем правильным. После того, как стало ясным, что в горных выработках нет людей, и горноспасатели доложили о конкретном месте и масштабе пожара, а горела деревянная крепь. Пожар довольно быстро распространялся в сторону устья штольни, напротив движения вентиляционной струи. Было принято решение об опрокидывании вентиляционной струи, т. е. запустить ЦВУ на всасывание и огонь должен начать движение в сторону уже выгоревшей части. После этого, силы ВГСЧ были направлены на дальнюю от устья сторону пожара, откуда уже шла свежая струя воздуха и они должны были тушить огонь водой из водопровода. Через несколько часов пожар был потушен и можно было оценить масштаб урона. Выгорела крепь примерно на участке штольни в 250–300 метров, естественно, деформировались все металлические трубопроводы (сжатого воздуха, водопровода), кабели энергоснабжения, контрольные и т.п. Немедленно

была назначена комиссия по расследованию причин пожара, членом которой стал и я. По ходу расследования возникали разные версии вплоть до варианта диверсии. Как это бывает в случаях опросов многих свидетелей и тех, что приходят добровольно дать информацию с их точки зрения важную, кто-то видел заходящих в штольню посторонних, в районе пожара обнаружили предмет похожий на рукотворный факел, которым можно было зажечь крепь, особенно ту часть, где за затяжку забрасывают всякий мусор, и другие самые невероятные истории. Но серьёзно рассматривались две версии. Это – результат недостаточных мер принятых при производстве и окончанию сварочных работ, проводимых накануне, или короткое замыкание в 6-киловольтном силовом электрокабеле, проходящем в этом месте. В пользу последней версии свидетельствовал тот факт, что за одну–две недели до возникновения пожара, электролаборатория проводила плановую проверку состояния сопротивления изоляции высоковольтных кабелей на руднике и прибор зафиксировал некоторую, пониженную от нормы величину сопротивления изоляции этого кабеля. Об этом комиссии сообщил начальник электролаборатории Лебедев. Но отклонение по сопротивлению изоляции кабеля были весьма незначительным и, по мнению многих членов комиссии, в том числе и моего, не могли быть причиной возгорания, ведь нагрузки в воскресный день были во много раз меньшими, чем в рабочий день. Вдруг меня вызвал директор Данилин К. В. и приказал немедленно выехать в командировку в Ленинабад, чтобы доложить лично директору комбината Десятникову Д. Т. о ходе расследования факта пожара. Меня это удивило, но я выполнил команду и утром следующего дня прибыл в управлении комбината. Был принят главным инженером Поповым Александром Александровичем, который меня выслушал и сказал, что Десятников очень занят и принять меня сможет лишь завтра. На следующий день я не был принят Десятниковым. Лишь на третий день он меня как-то невнимательно выслушал, что было и понятно, так как мои данные уже отстали от происходящего на месте и ему, конечно, докладывали по телефону ежедневно руководители предприятия. Я вернулся на предприятие и здесь неофициально узнал, что был отправлен в Ленинабад по просьбе уполномоченного КГБ, обслуживающего наше предприятие, якобы потому, что я не принимал версию загорания

по причине короткого замыкания в силовом кабеле, стараясь выгородить вину в этом случае главного энергетика Гизерского Л. А., еврея, по соображениям национальной солидарности!? Я очень обиделся и внутренне переживал, причём, обида была на директора Данилина К. В., не защитившего меня от неоправданных подозрений со стороны «гэбэшника». Да, конечно, Гизерские были среди наших друзей, было бы удивительно, если бы они не были таковыми не только нам, но и всему нашему кругу друзей, тем более, что Лев Гизерский окончил энергофак САИИ в один год с Юлией, хотя был старше возрастом, пройдя фронтовую жизнь. Последствия пожара были довольно быстро ликвидированы. Комиссия, всё-таки, сделала выводы, что причиной возгорания явилось короткое замыкание в высоковольтном силовом кабеле по вине энергослужбы. Я же, и ещё несколько членов комиссии по расследованию обстоятельств пожара, отразили в акте своё, особое мнение о том, что причиной возгорания послужили недоработка необходимых мер при производстве сварочных работ.

Особых наказаний не последовало, все виновные отделались дисциплинарными взысканиями. Главным было то, что происшествие прошло без пострадавших и в последнем сыграло большую роль мой опыт по тушению подземных эндогенных и экзогенных пожаров, приобретённый мною в прежней работе.

1. Позже, в 1958 году, на руднике № 2 произошло обрушение кровли в одном из очистных блоков, причём, при этом перекрыло единственный выход из блока, и в оставшемся, не обрушенном пространстве остался бригадир очистной бригады Шишлов. Он был очень опытным горняком, одним из лучших бригадиров очистных бригад, известным человеком в коллективе предприятия. Завал произошёл рано утром, в конце ночной смены. Остальные члены звена только спустились из блока, услышали шум обрушения и увидели падающие куски пород из ходового отделения восстающего. О случившемся доложили сменному инженеру и далее по инстанции. К месту происшествия прибыли горноспасатели, руководство участка, рудника, Шапиро П. И. и я. Горноспасатели обследовали все восстающие, ведущие в блок, но все они были перекрыты обвалившимися породами, «запечатаны», как выражаются горняки. Становилось понятным, что скорее всего Шишлов погиб. Ру-

ководитель ликвидации аварии принял решение начать выпуск пород из восстающего, по которому ранее спускались из блока рабочие, имея ввиду, что и Шишлов, живой или нет? Скорее всего находится ближе к нему. Но, результата не получалось, порода всё шла и шла. Стало ясно, что с этого восстающего не выйти к возможному местонахождению Шишлова. Было принято решение подойти к намеченному месту из другого восстающего, это около 20 метров по горизонтали, выполнив засечку ниже завала, в целике и пройти слабо наклонную выработку минимального сечения. Работа шла непрерывно, лучшие проходчики сменялись каждые полчаса. Горноспасатели в это время всё же пытались прослушивать из самой верхней точки восстающего, куда можно было проникнуть, шумы падения пород или другие и, в какой-то момент, через 3–4 часа от начала операции показалось, что с места завала пробивается как будто глухой голос. Все работы были приостановлены, чтобы создать полную тишину. Действительно, по очереди поднимавшиеся лица подтверждали (в том числе и я), что это голос человека. Работы по проходке подходной выработки интенсифицировались. Все участники с удвоенной энергией и надеждой на благополучный исход, проявляли смекалку и желание быть первым по выручке из беды Шишлова, отказывались от подмены через установленный интервал. С каждым метром приближения к целевому месту всё чаще создавали тишину и пытались услышать сигналы Шишлова, прокричать ему свои сигналы. Почти двое суток ушло на проходку подходной выработки. Все работы велись, практически, вручную, без применения взрывных работ, отбойным молотком с большой осторожностью, чтобы не вызвать дальнейшего обрушения в оставшемся пространстве, где мог находиться Шишлов. И, наконец, произошла сбойка с оставшимся не заваленным пространством, в котором и находился почти в обморочном состоянии Шишлов, человек уже немолодой, и горняк с солидным стажем работы в наших условиях урановых рудников, прекрасный семьянин, обычно спокойный и выдержанный, малоговорящий, отдающий свои распоряжения членам бригады тихим, но твёрдым, не допускающим возражений голосом. Его ловко вытащили из ловушки, протащили к восстающему, осторожно спустили на штрек, где медики оказали ему самую первую помощь, после чего он отказался ехать в медсанчасть.

В кабинете главного инженера рудника Шишлова покормили бутербродами с красной икрой, напоили несколькими глотками коньяка, а затем, мы (несколько руководящих сотрудников) сопроводили его домой. Более двух суток Шапиро П. И., я, главный инженер рудника Луценко Николай Ефимович и ещё несколько должностных лиц не отходили от места проходящих спасательных работ. Состояние нервного напряжения было таковым, что спать не хотелось, пища принималась механически, в основном это были бутерброды и чай из термосов.

Значительные меры технического и организационного характера были осуществлены на рудничном транспорте и в области доведения проветривания рудников, которые дали значительный эффект в снижении травматизма и доведения до норм содержания в рудничной атмосфере пыли и радона. На основных магистральных горизонтах внедрены средства автоматического управления машинистами электровозов из кабины электровоза переводом стрелок, открытием и закрытием вентиляционных дверей и шлюзов на устьях штолен; автоматически с помощью фоторелейных средств и исполнительных механизмов, созданных умельцами предприятия, производилось выключение и включение водяных завес в горных выработках; доставка трудящихся на рудники 1 и 2 по магистральной штольне № 11 (из городка) и обратно производилось составами в специальных пассажирских вагонетках, а в штольне были созданы специальные посадочные станции в расширенных до нужных размеров участках штольни; на промплощадке этой штольни был построен большой административно-бытовой комбинат, обслуживающий трудящихся обоих рудников; двухкубовые вагонетки для перевозки горной массы оборудовали автоматическими сцепками, их разгрузка производилась в круговых опрокидывателях без их расцепки от состава.

Нельзя не отметить, что очень большую помощь в деле снижения радиационной опасности на рудниках оказывали работы, проводимые горной лабораторией ЦНИЛа комбината и опорным пунктом в Чкаловске от Института биофизики (г. Москва). Их обследования, аналитические разработки, советы и предложения научных отчётов оказывали положительную пользу практике. Отмечу особо значительный вклад в указанные виды деятельности инженера, а затем руководителя группы, ЦНИЛа Николаева Валерия Диодоровича и старшего

научного сотрудника от Института биофизики, доктора медицинских наук Быховского (имя и отчество не помню).

В результате громадных усилий большого коллектива, неослабного внимания руководителей предприятия, поддержки руководства комбината, умелого использования материальных средств, поощрения рационализаторов и болеющих за дело трудящихся на рудниках нашего рудоуправления, да и во всех других подразделениях, значительно снизился травматизм, была достигнута норма содержания газов, в том числе радона, и пыли в рудничной атмосфере повсеместно. На зданиях административно-бытовых комбинатов рудников, в раскомандировочных горных участках, зданиях управлений всех подразделений засияли светящиеся табло, указывающих число дней работы данного коллектива без несчастных случаев. На отдельных участках эти цифры стали достигать трехзначных цифр – 370–380. К таким результатам стали приближаться и коллективы рудников.

Ранее я уже отмечал, что радиационно-пылевая обстановка в атмосфере рудников приводила к значительному числу профессиональных заболеваний у работников. К 1957–58 годам число заболевших, выявленных при ежегодных медицинских обследованиях, дошло уже до нескольких сотен. Заболевшие, по решению медкомиссий переводились на инвалидность. Их выводили из подземных работ, устраивали на вспомогательные работы в разных подразделениях предприятия. В соответствии с трудовым законодательством, каждому выплачивалось компенсация до среднего их заработка на прежней работе. Но, обеспечить такими видами работ в подразделениях горного предприятия и в небольшом городке всех нуждающихся в этом, не представлялось возможным. Руководству предприятия пришлось резко ограничить приём на работу вторых членов семьи (жён), занимать эти рабочие места профзаболевшими. Понятно, что это вызывало недовольство трудящихся, жителей городка, да и не решало проблемы в целом. Возникла идея (не помню, кто был первым её автором) построить жилой городок в очень красивом районе, на правом склоне речки-сая Дукент. В этом районе уже несколько лет располагался пионерский лагерь предприятия, в котором успешно проводили летние каникулы сотни детей наших работников. Район этот находился в месте выхода Дукента на широкую Ангренскую долину,

у границ города Ангрена. Пологие склоны зеленели многими видами деревьев, кустарника, трав. К этому времени г. Ангрен уже имел более 100 тысяч населения. Растущему на базе разработок открытым и подземным способами крупного угольного месторождения, функционирования и расширения мощной ГРЭС, работающей на Ангренских углях, а также, работающих и строящихся производств разных профилей, в том числе строительных материалов, химии, нефтехимии и т. п.

Для осуществления строительства нового посёлка необходимо было получить централизованное финансирование, пройти много согласований в различных инстанциях как нашего ведомства, Средмаша, так и местных партийных (без них в СССР ничего осуществить нельзя было) и советских органов. Чтобы начать этот процесс, директор предприятия В. Я. Опланчук поручил мне написать текст письма в адрес ЦК КПСС и Совмина СССР с обоснованием необходимости осуществления такого строительства и просьбой принять положительные решения по затрагиваемым вопросам. Я понял, что поручение это согласованно с первым секретарём Янгибадского РК КПУз, а к этому времени им стал Илюхин Александр Меркулович. Бывший первый секретарь Тимофеев К. М. был направлен на учёбу в Высшую партийную школу (ВППШ) в г. Москве, где он успешно учился два года, а на очередной партийной конференции 1-м секретарём был избран по рекомендации ЦК КПУз А. М. Илюхин. Это был очень опытный партработник, политик, средних лет, внешне симпатичный человек, с твёрдым характером, жёсткой требовательностью к выполнению принятых решений, лишённый бюрократических наклонностей. Он быстро освоился в новых условиях и своей решительностью, логичностью мышления и прочими положительными качествами приобрёл заслуженный авторитет. Я не знал (и до сих пор не знаю) его предыдущего послужного списка, но через года два он стал Министром коммунального хозяйства УзССР. В письме я должен был поставить два вопроса – это строительство так называемого «профилактического посёлка» и об организации в системе Минздрава СССР в каждой области (главным образом в Центральной России и на Украине) наличия хотя бы одного специалиста, знающего и умеющего диагностировать такие профессиональные заболевания, как силикоз и силико-туберкулёз, вибрационную болезнь. Дело в

том, что многие профбольные горняки уезжали из Янгиабада (наверное, и из других предприятий комбината, например «Табосар»), приобретали жилье и пытались дожить «свой век» в родных, или других местах с подходящим климатом, или возможностью лечения. В основном, это были Крым, Украина и т. п. Но, по существовавшим правилам, инвалиды должны были проходить ежегодное освидетельствование во ВТЭКах, чтобы подтвердить инвалидность, иначе они не могли получать дотацию к среднему заработку, а если не имели заработка, то просто средний заработок. Они были вынуждены приезжать (прилетать) в Янгиабад и проходить комиссию здесь. Предприятие же было вынужденно оплачивать им стоимость проезда сюда и обратно. Это выходило в весьма солидную сумму. Я сочинял текст письма почти неделю. Видно нашёл все необходимые обоснования и стиль изложения и представил его В. Я. Опланчуку. В дальнейшем я узнал, что текст моего письма, практически не претерпев особых корректировок, был принят во всех хозяйственных и партийных инстанциях и от имени Министра и ЦК КПУз ушёл в ЦК КПСС и Совмин СССР. Решения были приняты, финансирование открыто, проекты разработаны и уже с 1959 (или 1960) года строительство началось. В первую очередь коммуникации, котельная и одноэтажные коттеджи на две квартиры. Переселяемые и обученные квалификациям слесаря, столяра, плотника профбольные устраивались на работу в Ангренских производствах и, таким образом, использовалась их остаточная трудоспособность, а главное, давало возможность больным не сосредотачиваться на болезни и ощутить свою востребованность. В будущем район «профилактического посёлка» стал единственным местом дальнейшего строительства жилья и объектов соцкультбыта для трудящихся развивающегося предприятия, т. е. города Янгиабада. Возможные площади для строительства в районе «Развилки» были в недалёком будущем исчерпаны. Думаю, что именно это имелось ввиду в головах Руководителей при предложении строить «профилактический посёлок!»

ГЛАВА 18

Успехи закрепились.

Город «Коммунистического труда и быта».

*Предприятие открыто для посещения
делегаций из Соцстран!*

В результате всех описанных мер по совершенствованию технологий, укреплению дисциплины, созданию здоровых условий труда, быта и культуры, успехи коллектива Янгибадского предприятия стали стабильными. Все горные выработки, рабочие места на всех подразделениях предприятия стали не только почти безопасными, но и красивыми. В городе поддерживался порядок, чистота, поднялась зелень, много цветников (появился даже в штате и в натуре главный озеленитель города). В кинотеатр стали заходить свободно, без контролёра, ранее стоявшего у входа в зал. Функционировало достаточное число магазинов, даже специализированных, музыкальная школа, детские учреждения полностью удовлетворяли потребность в них, Дворец культуры со многими кружками, замечательный книжный магазин, в который завозились много и дефицитной художественной литературы – всё это стало основанием для присвоения предприятию и городу Янгибаду звания «Город коммунистического труда и быта». Следует сказать, что директор рудоуправления Владимир Яковлевич Опланчук был самым ярким любителем «книжки» и лично курировал работу книжного магазина, благодаря чему в нём (магазине) и имелся широкий ассортимент.

Предприятие по решению руководства комбината, а затем и министерства стали посещать делегации из других подразде-

лений Ленинабадского горно-химического комбината и, затем, из других горных предприятий Первого главного управления министерства, с целью получения опыта, достигнутого у нас, воочию убедиться, что можно достичь норм, предусмотренных «Правилами...», и даже превзойти их. Через небольшое время, были приняты решения на уровне министерства и Совмина СССР об открытии возможности посещения нашего предприятия делегаций из предприятий добывающих отраслей Союза (Минцветмета, Минчермета, Минугля и др.), а также из горно-добывающих уран предприятий стран социалистического содружества, на которых работы велись совместно с советскими специалистами. Такие делегации возглавлялись одним из высокопоставленных руководителей делегирующего предприятия, а заграничных представителей, как правило, сопровождал ответственный сотрудник 8-го управления Минсредмаша (Управления заграничными предприятиями). Директор Опланчук В. Я. поручил мне быть организатором приёма, показа производственных подразделений, докладов, лекций и досуга принимаемых делегаций. Надо сказать, что всё было не так просто в этом деле. Секретность основных показателей оставалась, называть истинные плановые и фактические цифры не допускалось. Особенно трудно было с иностранными делегациями. Программа приёма каждой делегации разрабатывалась заранее, об их посещениях и сроках нам сообщали за месяц и более. О нужных ограничениях по информации тех, или иных, делегаций (главным образом иностранных) нам также сообщалось по линии первых отделов. В разрабатываемых мною программах приёма делегаций предусматривались основные темы рассказов, лекций, уроков, мест осмотра производств. По каждому такому мероприятию указывались привлекаемые специалисты предприятия и темы их сообщений. Разработанная программа согласовывалась с главным инженером и утверждалась директором. Таким образом, этот раздел моих служебных обязанностей стал занимать не малый объём, а если учесть, что никто не снимал с меня и других моих обязанностей, то станет ясно об увеличившихся затратах моего времени на работе, которые были весьма не малыми и до того. Вместе с тем, было очень интересно, расширялся круг знакомств и кругозор, к каждой встрече и сопровождению делегаций я готовился, повторял и углублялся

в необходимые материалы. За 2–3 года на предприятии побывали, и не однократно, зарубежные делегации из Болгарии, Венгрии, Румынии, ГДР (не в хронологическом порядке) и очень много групп с добывающих производств СССР. Я познакомился с руководителями довольно крупного ранга, руководителями атомных ведомств: Румынии – доктором Поппа, Венгрии – фамилию не вспомнил, но это был очень представительный, высокого роста, с красивой сединой, весьма симпатичный человек, болгарин по национальности. Кроме общения в процессе знакомства на производстве, В. Я. Опланчук устраивал обязательно приём каждой иностранной делегации в непринуждённой обстановке (в гостинице, где были необходимые условия), с фуршетом и обильным ужином, на которых принимали участие лишь небольшое число руководящих работников предприятия, но я всегда был участником таких вечеров. Кроме того, мне поручалось организовывать и сопровождать делегации (иностранные) на экскурсии в г. Ташкент. Я хорошо знал географию Ташкента, достопримечательные места и, как правило, гости были довольны моей ролью гида, выражали удовлетворение и высказывали мне благодарности. В это же время на предприятии прошли шестимесячную производственную стажировку 23 специалиста (инженеры и техники) из Китайской Народной Республики (КНР). Члены этой группы были распределены в рабочие бригады рудника № 2, где осваивали все виды работ по добыче руды и проходке горных выработок, работая забойщиками и проходчиками. Все китайские товарищи приехали в «униформе» – синих хлопчатобумажных костюмах, проживали в общежитиях, питались в рабочих столовых, были очень скромными, прилежными, старались в работе не отставать от квалифицированных рабочих. На каждом горном участке был назначен руководитель практики, курировавший работающих китайских специалистов, а на мою долю пришлось особенно заботиться о том, чтобы никто из них не был травмирован на производстве. Практика прошла успешно. Окончание их шестимесячного пребывания было завершено прекрасным вечером-банкетом, на котором присутствовали почти все наши специалисты, участвовавшие в обучении практикантов, руководители производств. Всем практикантам были вручены памятные подарки. Интересно, что вся заработная плата, которую заработали в бригадах

китайские специалисты и которую они единодушно отказались получать, пошла именно на приобретение этих памятных подарков. Китайские товарищи объяснили отказ от зарплаты тем, что китайское государство платит им стипендию на период практики и они не считают возможным дополнительно получать оплату их труда. Нас, советских людей, такое бескорыстие очень удивляло. При общении с китайскими товарищами мы узнали много интересных деталей из жизни в этой стране. Например, партия и правительство Китая бросило клич, что каждый гражданин должен съедать не более 100 граммов мяса в день и этого строго придерживаются все, независимо от степени зажиточности.

Руководство комбината и предприятия приняли решение о съёмке документального фильма, в котором должно было показать и рассказать о всех технических и организационных мерах, проведенных на горных работах, и достигнутых результатах по созданию практически безопасных условий в рудничной атмосфере. Для съёмки фильма была приглашена бригада из «Узбекфильма». В группу по разработке сценария фильма были включены от предприятия – Бешер-Белинский Л. Б., от комбината – сотрудник ЦНИЛа Николаев В. Д., режиссёр-руководитель бригады от киностудии. Написание сценария шло очень тяжело, во-первых, из-за отсутствия опыта у нас, работников комбината, во-вторых, из-за того, что не совсем совпадали цели у участников творческой группы. Режиссёр старался иметь как можно больше красивых и легко снимаемых кадров, побольше текстов, больше «художественности». Николаев В. стремился побольше ввести кадров и текстов, касающихся важности исследовательских работ, теоретических объяснений радиоактивности и т. п. Я же настаивал, и кажется добился, чтобы в фильме были как можно больше показаны кадры рабочих мест в динамике производственных процессов с их исполнителями, рабочими, оборудование и приспособления, их создатели и рассказ о них. Конечно, съёмка таких кадров была сопряжена с очень большими трудностями технического и организационного планов. Ведь и осветительная, и другая аппаратура «киношников» не соответствовали условиям подземных работ по электронапряжениям и уровню влажности. Ограниченность пространства в горных выработках, особенно, в действующих забоях, не позволяли

размещать съёмочное оборудование в местах, откуда получаются лучшие кадры, приходилось делать многие «дубли», а это задерживало необходимый темп работ у рабочей смены и т. д. и т. п. Я настаивал на том, что кадры должны быть «живые», реальные, а не «искусственные», специально созданные для киносъёмки. Ведь зрители, а это должны были быть, главным образом, специалисты, горняки, рабочие и инженеры, сразу же бы поняли «искусственность» и это вызвало бы недоверие к показываемому. Так как я настаивал, то пришлось мне взять на себя всю организацию съёмок, производимых в подземных условиях. Сценарий писался нами месяца три. Наконец, он был оформлен, утверждён в нужных инстанциях (пришлось даже мне выезжать однажды в киностудию «Узбекфильм» в Ташкент.). Съёмки производились в течение 6–7 месяцев. Съёмочная бригада неоднократно уезжала в Ташкент, возвращалась через 2–3 недели, были задержки для изготовления разных приспособлений для возможности съёмок под землёй, и по другим причинам. Съёмки были закончены, бригада с отснятым материалом отбыла в Ташкент, для дальнейшей работы по выпуску фильма. В заключение этого события скажу, что фильм я лично увидел значительно позже, когда уже не работал в Янгиабадском предприятии, в 1962 или 63-м годах, и обнаружил в титрах его свою фамилию лишь в качестве консультанта. В дальнейшем мне стало известно, что через несколько лет группа авторов написала книгу с обобщением всего опыта работ по созданию и внедрению комплекса мероприятий и достижению весьма удовлетворительных результатов по доведению рудничной атмосферы до норм и ниже в условиях Янгиабадского рудоуправления. Эта работа (книга и вышеописанный фильм) были представлены на соискание Государственной премии СССР. В группу авторов были включены, из известных мне лиц, Шапиро П. И., к этому времени уже ставший главным инженером ЛГХК (Ленинабадский горно-химический комбинат), Николаев В. Д., ставший главным инженером филиала «ВНИ-ПИпромтехнологии» в г. Ташкенте и другие. Естественно, моего участия в этом процессе, которому я отдал почти девять лет упорного труда и жизни, и не вспомнили.

В связи с опасностью схода снежных лавин в районах промплощадок, как я отмечал уже, в составе предприятия была создана специальная служба противолавинной защиты. Эту служ-

бу сформировал, фактически создал и возглавил, наш давний друг и товарищ Кожевников Владимир Степанович, инженер-гидрогеолог. Эта служба вела круглогодичные наблюдения и изучения снежного покрова, статистику и, на основе имеющихся научных разработок соответствующих академических институтов Узбекистана, с которыми наша служба очень тесно сотрудничала, давала прогнозы о возможных местах и времени схода снежных лавин. Соответствующими руководителями принимались необходимые решения для предотвращения аварий, возможных материальных потерь и несчастных случаев. В начальный период, всё-таки, было у нас очень неприятное, с тяжёлыми последствиями событие, которое дало толчок более ускоренному развитию этой специальной службы, выделению необходимых средств для её укомплектования и кадрами, и необходимыми материальными средствами. А было следующее. Геологической службой предприятия была обоснована необходимость проходки разведочной штольни в месте обнаруженного рудопроявления, находящегося значительно выше промплощадок рудника № 2 и далее вверх по течению Алатангы. Штольню эту начали проходить в начале лета, кажется 1956 или 57 года, и результаты разведки были весьма обнадеживающими. Работы по проходке штольни продолжились и в зимний период. В связи с перспективностью, работы на этой штольне часто посещал главный геолог предприятия Коновалов И. М. И вот, в один из мартовских дней, в первой смене в момент, когда на устье штольни находились один из проходчиков и пришедший в очередной раз сюда И. М. Коновалов, с площади выше штольни, а до вершины хребта в этом месте было не более 100–150 метров, сошла лавина, накрыла их и спустилась почти до самого русла реки, захватывая всё большую вширь площадь по мере понижения. Высота снежного покрова в этот период в этом районе была примерно 1–1,2 м. К счастью, устье штольни не запечатало и обнаруживший несчастие горный мастер сообщил диспетчеру предприятия. К месту происшествия добрались, подчёркиваю, добрались от промплощадки рудника только пешком горноспасатели, руководители рудника, лавинной службы и я. Уже через час примерно был обнаружен и извлечён из-под снега Коновалов И. М., который оказался на площадке штольни и не под большим слоем снега. Поиски проводились с помощью специальных

щупов, которые были уже на вооружении наших ВГСЧ. Это были металлические, длиной 0,7 метра полудюймовые трубы, свинчивающиеся в необходимый размер, в зависимости от глубины слоя снега на исследуемой площади. Коновалов был в бессознательном состоянии, но усилиями бойцов ВГСЧ и подоспевшими медиками быстро был выведен из этого состояния, доставлен в больницу и на следующий день уже был на работе. Дальнейшие поиски рабочего в районе промплощадки штольни не увенчались успехом, пришлось продолжать поиск всё ниже по склону, где ширина следа лавины увеличивалась, а толщина снега и его плотность увеличивались. В поиск включились всё большее число людей, кроме ВГСЧ, всё мы, прибывшие первыми, а затем и подходившие подкрепления из рабочих и ИТР рудника. Мы увлеклись, забыв, что лавиноопасность к дневным часам становится более вероятной и может привести к несчастью с десятками участников поиска. Отрезвил нас начальник противолавинной службы Кожевников В. С. Мы приняли решение прекратить поиск пострадавшего, имея ввиду, что вероятнее всего после 4–6 часов под плотным снегом пострадавший уже живым быть не может. Рисковать же жизнью других, ради находки и извлечения из-под снега тела пострадавшего, не имеет смысла. Действительно, тело пострадавшего было обнаружено лишь в конце июня месяца, когда снег подтаял основательно и в районе, где снег при первоначальных поисках имел мощность более 6 метров.

По предложениям сотрудников противолавинной службы и под их руководством стали осуществляться активные и пассивные меры борьбы со снежными лавинами. В периоды наибольшей вероятности схода лавин привлекались миномётные подразделения советской армии, которые по указанию сотрудников противолавинной службы обстреливали вероятные для схода лавин места, угрожающие промышленным и хозяйственным объектам, вызывая их сход еще при минимальном объеме накопления снега и предварительно выполнив необходимые меры по защите объектов. В соответствии с проводимыми службой расчётами и разрабатываемыми проектами, на склонах гор в районах, угрожающих действующим объектам, стали возводиться специальные защитные сооружения, деревянные щиты длиной 20–30 метров и необходимой высоты, разделяющие снежные массивы на участки, не приводящие к сходу

снежных лавин. В дальнейшем, миномётное подразделение было организовано непосредственно в составе противолавинной службы и исключалась необходимость привлекать армию, что значительно увеличило оперативность в выполнении необходимых мер по снятию напряжённости в снежных массивах и искусственному вызову лавин. Привлечение армейских подразделений всегда было сопряжено с многочисленными согласованиями, на что уходило масса времени и снижало эффективность.

Постоянная напряжённость в производственной деятельности, многочисленные посещения нас разными делегациями и различными комиссиями по проверке многих сторон деятельности предприятия, содействовали тому, что жизнь в городе становилась заметно лучше. Создался коллектив, свои традиции, уже не слышны были:

«А у нас (там-то) это делалось не так!»

Стало чувствоваться, что подавляющее большинство трудящихся предприятия болеют за успехи всего коллектива. Заработная плата большинства работников предприятия была выше, и значительно, чем на производствах вне нашего города. Наладился быт, снабжение продуктовыми и промышленными товарами, торговых точек также было намного выше округи. Люди называли это «московским снабжением». Действительно, в атомном ведомстве СССР была своя система снабжения, возглавляемая ГлавУрсом. На каждом административном уровне – комбинат, рудоуправление, завод – были Урсы, Орсы, которые и занимались осуществлением практических действий по удовлетворению потребностей трудящихся и населения наших, всё ещё закрытых, городов и рабочих посёлков. Они пользовались определёнными преимуществами, которыми их наделили соответствующие советские органы, а именно, внеочередным и первоочередным выделением фондов по всем видам продуктовых и промышленных товаров народного потребления республиканскими и местными производителями и снабженческими организациями. Особо дефицитные товары выделялись по определённым критериям и отгружались органами Главурса и его центральными базами, располагающимися, в основном, в Москве и Московской области, или других областях Центральной России. Отсюда и термин «московское снабжение». Условия труда и жизни в нашем городе привлекали многих

желающих быть принятыми к нам на работу и, в силу этого, предприятие укомплектовывалось уже квалифицированными рабочими кадрами при необходимости.

Нормальные, по тем меркам, условия жизни наладили и наш семейный быт. Дети наши были при нас, весьма удовлетворительные жилищные условия в коттедже, палисадник, возможность даже содержать небольшое число неприхотливых кур, прекрасный климат – «Узбекистанская Швейцария» (кроме высокогорья для Юлии) – дети в детских учреждениях, старший, а затем и младший, в музыкальной школе, возможность обедать всей семьёй в прекрасной городской столовой по предварительному заказу и многое другое, давали возможность организовывать и культурные развлечения, довольно частые встречи с друзьями, соседями, вечеринки, семейные торжества и довольно частые лечения в санаторно-курортных учреждениях на центральных курортах страны. К этому времени Средмаш и ЦК профсоюза отрасли построили практически на всех центральных курортах современные санатории, оборудованные всеми необходимыми лечебными, физкультурными и другими средствами для лечения и отдыха. Ближайшими соседями были семьи Аникиных, Божко, проживавшие в соседнем коттедже. На другой стороне улицы, выше по склону было построено несколько деревянных коттеджей, в ближайших из которых проживали семьи Соколовых М. Н. и Вальбергов Б. В. Наша семья была в весьма дружественных отношениях и с соседями и сослуживцами. О некоторых расскажу подробнее, чтобы было лучше понять всю атмосферу жизни нашей семьи, которую можно считать, как среднестатистическую семью инженерно-технических работников того периода. Пётр Дементьевич Аникин и его супруга инженер-геолог были старше нас по возрасту. Они были «старожилами» городка, как я уже упоминал, он несколько лет был секретарём парткома предприятия, затем начальником отдела кадров. Детей у них не было и они усыновили мальчика из детдома. С Иваном Илларионовичем Божко мы были знакомы ещё с первых дней нашей трудовой деятельности, т. е. с момента прибытия на Андижанскую перевалочную базу Майли-Суйского предприятия, где он тогда был её начальником. Это был очень оригинальный человек, одессит по рождению и действительно отражающий общепринятые представления о них.

Ниже среднего роста, выше средней упитанности, с мягким украинско-русско-еврейско-одесским говором, хотя был он украинцем, и хорошо поставленным низким голосом. Супруга его, болезненная еврейка-одесситка, домохозяйка. Было у них двое детей, старшая из которых проживала в Одессе (очевидно у родственников), а младшая дочь (примерно лет 12–13 в описываемый период) тоже болезненная девочка, очевидно, перенесшая полиомиелит, проживала с ними. Чета Божко, по возрасту старше нас лет на десять, приехала на «Развилку» ранее нас на год или более, по просьбе, надо думать, Гаршина П. П. Хотя чувствовалось, что образование не более 7–8 классов, но опыт, природная одарённость, хозяйственная хватка позволяли Божко прекрасно справляться с весьма сложными, особенно в период строительства и становления предприятия, обязанностями заместителя директора предприятия по общим вопросам. В круг его обязанностей входили вопросы жилья, быта, материально-технического снабжения, транспорта. За Божко И. И. был закреплён служебный автомобиль и я часто пользовался этим, когда мне необходимо было по служебным делам быть на объектах предприятия, находящихся в Ангрене: автобаза, ЦРММ, база МТС, деревообрабатывающий завод, рудный двор и др. Поездка с ним всегда была связана с необходимостью несколько раз за день «принять» по 100 грамм. Дело в том, что Иван Илларионович через каждые 2–3 часа обязательно подкреплялся ста граммами водки (и только водки). Это знали все сослуживцы и продавцы продуктовых магазинов и буфетов, функционирующих на территориях наших объектов. Приходилось иногда и поддержать его за компанию. Но, следует обязательно отметить, что Божко И. всегда расплачивался с продавцами, никогда не пьянел, всегда выглядел опрятным, не выходил за рамки приличий даже если вёл неприятные разговоры с подчинёнными, отчитывая их за те или иные провинности. Мы, соседи, довольно часто, особенно в летние вечера, собирались в том, или ином палисадничке за разговорами на разные темы, «пропуская» при этом понемногу спиртного. С семьями Соколовых и Вальбергов мы просто дружили. Наши дети, а у Соколовых их было трое, а у Вальбергов двое, постоянно играли вместе, обязательно вместе отмечали дни рождений, новогодние домашние ёлки, ссорились, мирились, т. е. были закадычными друзьями-товарищами.

С М. Н. Соколовым я был в самых лучших служебных отношениях и мы дружили и в быту. Семья Вальбергов, «музыкальная» – Борис Викторович, директор музыкальной школы, специалист по народным инструментам, а его супруга, Энна – преподаватель в музыкальной школе по классу фортепьяно и сольфеджио – весьма интеллигентные и высококультурные люди, с которыми было приятно общаться. Юлия и Энна очень подружились. Это о соседях. Дружили мы, естественно, со «старыми» сослуживцами, семьями Кожевниковых, Красиковых, Канов, Гизерских и со многими семьями, с которыми познакомились уже здесь. Это геологи Запорожцы Анатолий и Зинаида, Шитовы Андрей и Марина, врач-гинеколог Кирилин Георгий (Жора), Самотуга Вера, хирург, ставшая затем начальником медсанчасти предприятия. Это были близкие друзья, а, кроме того, было много товарищей, с которыми бывали встречи во внеслужебной обстановке по тому или иному случаю. Большими компаниями собирались по «большим» праздникам – 1-е Мая, годовщина Октября, 8-е Марта, «День Шахтёра». Естественно, у многих наших друзей были свои компании, поэтому когда, скажем, собирались у Запорожцев по какому-либо случаю, то компания была одна, а у Шитовых – другая. Число друзей менялось, вернее, добавлялось со временем. Так мы сблизились с семьёй Шапиро П. И. На вечеринках по любому поводу выпивали, много шутили, обязательно пели песни, причём, разные и военных лет, и шуточные, и «хиты» тех лет, и студенческие. У выпускников разных ВУЗов были свои студенческие песни, но многие из них имели хождение во многих регионах, и мы их с огромным удовольствием пропевали, например, «От зари до зари, где горят фонари...». При малейших возможностях в площадях мы танцевали принятые в те времена танцы. Я любил и петь, и танцевать и часто бывал заводилой этих мероприятий, причём, получалось у меня это неплохо и получало положительные оценки наших друзей и товарищей. (Сделаю некоторое отступление – в эти минуты, что я пишу эти строчки, а сегодня 28.11.03, по телевидению в программе ОРТ идет передача «Песни нашего двора», в которой исполняются, практически, многие песни, которые мы сообща и сольно пели в описываемые годы).

Таким образом понятно, что кроме производственных напряжённых будней, бурлила и личная семейная жизнь, посе-

щение сеансов кино, вечеринки с друзьями, просто вечера в кругу тех или иных друзей, обсуждение просмотренных фильмов, прочитанных книг, текущих проблем жития-бытия и т. п.

С большинством друзей и товарищей у нас осталась связь на много-много лет и после того, как мы, а затем и другие, уезжали, по тем или иным обстоятельствам, из города Янгиабада. Так, с семьёй Вальбергов, которые в середине шестидесятых годов переехали на постоянное проживание в г. Калинин (ныне Тверь), а мы с ними расстались в 1962-м году, когда мы переехали на другое предприятие (об этом разговор, даст бог, впереди), мы поддерживали дружеские отношения путём переписки, приездов в гости, в определённых случаях и материальной помощи.

Хочу перейти еще к некоторым, на мой взгляд, очень важным событиям и делам, которые сыграли значительную роль в дальнейших судьбах многих сослуживцев, друзей, моей семьи и, не побоюсь этого выражения, дальнейшего развития атомной промышленности. Рассказ об этом выделю в отдельную главу.

ГЛАВА 19

«Наугарзан» и интересные события с ним связанные

Как я уже упоминал, предприятием полным ходом велись работы по доразведке месторождения «Майли-Катан», освоению и строительству здесь рудника по добыче урановых руд. Ему присвоили № 4. Месторождение находилось в довольно труднодоступном горном районе Кураминского хребта. Расстояние в 40 километров от города Янгиабада до месторождения преодолевалось автотранспортом за 2–3 часа, в зависимости от его вида – легковой или грузовой. Часть дороги на рудник, проходящая за городом Ангрен, уже на левом берегу реки Ангрен, пролежала по узким ущельям, с крутыми подъёмами, по каменистым ломам, пробитым в скальных породах. Эта временная дорога шла к существующей, со времён разведочных работ геолого-разведочным предприятием п/я 30, промплощадке, на которой располагались временные деревянные сооружения складов, мастерских, общежитий, контор, столовой и др. Это был самый верх месторождения, а рудные тела уходили вглубь. В соответствии с принятыми и утверждёнными Главком проектными решениями, строительство жилого посёлка при руднике не предусматривалось, из-за отсутствия в ближайших районах возможных для этого приемлемых площадок. Было принято решение трудящихся на работу и с работы возить автобусами из Янгиабада. Для этого предусматривалась и строилась автомобильная дорога, соответствующая всем нормам по профилю, ширине, покрытиям для безопасного движения по ней грузового транспорта, обеспечивающего вывоз руды с рудника и доставку вспомогательных материалов на рудник, и

автобусов, перевозящих трудящихся. Эта дорога подходила к новой, основной промышленной площадке рудника, располагающейся на уровне самого нижнего горизонта рудника, но за пределами контура рудных тел на расстоянии около трёх километров. Проектом предусматривалась проходка вертикального ствола, объединяющего все горизонты и выходящего на уровень промплощадки, с которой к стволу должна была подойти основная транспортная магистраль, штольня соответствующего сечения. Всё это было в какой-то степени похоже на осуществлённый вариант со штольней № 11 на основной площадке предприятия. В районе устья штольни следовало построить ряд постоянных промышленных объектов: мощную компрессорную, административно-бытовой комбинат для обслуживания всего персонала с учётом всех норм, санитарных требований и требований радиационной безопасности, электроподстанции, ремонтно-механических мастерских, расходных складов, здания ВГСЧ и перегрузочных бункеров руды. Эта новая промплощадка стала называться «Наугарзан», по имени ущелья, в котором находилась. По отдельным техно-рабочим проектам уже шли горные работы по вскрытию нескольких горизонтов (короткими штольнями) рудных тел и опробованию отработки их слоевыми, а затем и подэтажными системами. Построена временная компрессорная и начата проходка и оформление устья и портала основной транспортной магистрали, штольни «Наугарзан». Кстати, в последствии и весь рудник стал называться «Наугарзан». Понятно, что проходить штольню «Наугарзан» предусматривалось скоростным методом по опыту штольни № 11, но ещё большими темпами, иначе её сооружение затянулось бы на многие годы. К этому времени начальником рудника был назначен уже знакомый нам Овешников Зосим Васильевич, руководивший ранее скоростной проходкой штольни № 11.

Устье штольни «Наугарзан» было привязано примерно на середине крутого правого склона довольно глубокого ущелья, на дне которого протекал ручей-сай. Противоположный склон, также крутой, возвышался над саем примерно на ту же высоту, что и правый. Выше по течению Наугарзан-сая, за небольшим поперечным хребтом, ущелье несколько расширялось и правобережье несколько выполаживалось, образуя слабо наклонную, удобную для строительства площадку. Здесь размещались

временные промышленные объекты и жильё трудящихся одного из подразделений республиканского треста «Узшахтострой», которые производили проходку тоже магистральной транспортной штольни, по которой в будущем должна была доставляться флюоритовая руда, добываемая карьером на соответствующем месторождении выше в горах, в труднодоступном районе. Штольня эта уже проходилась более года, но темпы проходки были малыми – 60–100 метров в месяц, хотя руководством ставилась задача проходить её скоростными методами, а проектная её длина была более 3-х километров. Вблизи устья шахтостроевской штольни во временных зданиях располагались компрессорная с компрессорами какой-то немецкой фирмы, ремонтно-механические мастерские и др., а по всей площадке располагались жилые помещения из деревянных элементов, или землянки, которые соорудили сами трудящиеся, временные здания магазина и конторы участка. В центре площадки было начато строительство двухэтажного кирпичного здания, предназначавшегося под контору и общежитие. Я описываю такие подробности потому, что это понадобится в дальнейшем.

Вернёмся к своей площадке у магистральной штольни «Наугарзан». Было принято решение о строительстве постоянных сооружений на двух отдельных площадках – компрессорная, электроподстанция и мехмастерских на одной, ближе к устью штольни; административно-бытовой комбинат и ВГСЧ – на другой, подальше, выше по саю примерно в 100–150 метрах. Строительное подразделение генподрядчика приступило к производству работ по созданию в склоне горизонтальной площадки. Горный склон по геологическому разрезу был сложен из скальных пород (гранитов, гранодиоритов), покрытых наносами мощностью от 1,5–2,0 до 4 метров, заросших растительностью. С наносной частью пород строители справились достаточно быстро, несмотря на крутость склона, а скальную часть пород стали разрушать буровзрывными работами мелкошпуровым способом. У строителей других вариантов и не было, наличное у них оборудование – передвижные компрессоры производительностью 9 кубометров в минуту, ручные перфораторы, и отсутствие необходимого персонала для производства взрывных работ. Они были вынуждены просить взрывников у основного подразделения, у Овешникова З. В. А для

создания площадки нужных размеров надо было удалить около 100 тысяч кубометров скальных пород. Темпы устройства площадки не устраивали никого. Строители просили помощи у рудоуправления. На эту тему П. И. Шапиро провёл совещание с персоналом производственного, проектного и моего отделов. В результате обсуждения, было принято решение (уже не помню по чьей инициативе) запроектировать и осуществить массовый взрыв со сбросом большей части взорванной массы за пределы площадки в сай. Разработать проект массового взрыва поручено проектному отделу с участием отделов производственного и отдела ТБиОТ. Дело в том, что опыта проектирования и производства массовых взрывов ни у кого из сотрудников предприятия не было, а привлекать специализированные организации не было времени. По существовавшим бюрократическим канонам, на такое привлечение с необходимыми согласованиями, выдачей задания на проектирование, утверждение проекта могло уйти более года. И это никого не устраивало. Основной расчёт необходимого количества ВВ (взрывчатых веществ), их размещения произвёл ст. инженер ПО по буровзрывным работам Бугайский Алексей, оформили проект сотрудники проектного отдела, согласовали его начальники ПО Соколов М. Н. и отдела ТБиОТ Бешер-Белинский Л. Б., утвердил его главный инженер рудоуправления Шапиро П. И. На это ушло всего две недели интенсивной работы всех её участников. Провести все подготовительные работы – пройти горные выработки и камеры размещения ВВ, провести подходные тропинки к местам размещения ВВ, обеспечить работы необходимым рабочим составом и горным надзором – поручено руднику, ответственный Овешников, а организовать и осуществить непосредственно взрыв было поручено мне и Соколову М. Н. Напомню, что я имел опыт взрывных работ ещё с ранних моих производств, а здесь на предприятии я сдал соответствующий экзамен и имел удостоверение мастера-взрывника. Горные работы по проходке выработок и семи камер в них для размещения около 150 тонн ВВ, определенных проектом, были проведены примерно за две недели. Настал ответственный момент по размещению взрывчатых материалов и производству непосредственно взрыва на выброс. Проектом были определены опасная зона, за которую должны быть выведены люди, и в которую попали и часть посёлка «Узшахтостроя», место нахождения взрывной станции

в центре этого же посёлка, число и дислокация постов охраны опасной зоны. Старший инженер Бугайский А. под моим руководством разработал специальный документ, названный «Диспозицией...», в котором были уже конкретно расписаны все действия всего участвующего в производстве работ персонала с момента размещения в камерах СВ (средства взрывания) и до подачи сигнала «отбой». Кстати, сигналы готовности к взрыву и отбоя предусматривалось подавать с помощью соответствующих ракет из ракетницы. Подачу этих сигналов поручалось мне. В течение трёх суток ВВ (аммиачно-селитренного класса) были загружены в камеры и на следующий день назначен день «Х».

С утра (число, конечно, не помню) к месту работ прибыли мы, Бешер-Белинский, Соколов, Бугайский. Провели инструктаж выделенным рабочим и лицам горного надзора от рудника для охраны опасной зоны, отправили их к постам. Все работы в опасной зоне прекращены, люди из неё выведены. По нашей команде и нашему надзору взрывник приступил к размещению расчётных СВ в заряды. Детонирующие шнуры от каждой камеры собраны в пучок, к которому присоединили электродетонаторы, а провода от них были выведены к взрывной станции, где мы установили ЖЭС-5, от которой и давался электроимпульс на взрывание. Последние операции тоже заняли несколько часов. Ко второй половине дня всё было готово. На станции взрывания остались взрывник, Соколов М. Н., Бешер-Белинский Л. Б., Бугайский А. и кто-то из руководства рудника. Я ракетницей подал необходимые сигналы. ЖЭС была заведена и я дал команду: «Взрыв»! Взрывник замкнул включатель. Почувствовалось небольшое землетрясение, затем раздался грохот, а через некоторое время мы увидели за хребтиком клубы дыма и газов, которые начали двигаться в нашу сторону, вверх по ущелью Наугарзан. Через несколько минут место расположения взрывной станции обволокло густым облаком пыли и газов. Дышать стало невозможно. Мы ринулись бежать вверх и влево на склон основного хребта, стараясь оторваться от поднимающихся густых грязно-желтых облаков. Бежать было тяжело, но мы всё-таки выбрались, отдышались, пришли в норму от испуга. Через минут 20–30 пылевое облако улетучилось и улеглось. Мы пошли посмотреть результат взрыва. Результат оказался визуально замечательным, что и подтвердилось в дальнейшем. Я подал сигнал «отбой». Через некоторое время

стали возвращаться трудящиеся и жильцы посёлка «Узшахто-стройка». Породы от взрыва были, в основном, выброшены вниз по склону ниже подъездной к руднику автодороги. Задача, поставленная руководством рудоуправления была выполнена, время и значительные затраты были сэкономлены. Строители приступили к окончательной расчистки площадки и закладке подземных коммуникаций и фундаментов.

Успешное проведение первого массового взрыва утвердило мнение, что и вторую площадку, для строительства административно-бытового комбината и здания ВГСЧ, а она по площади требовалась больше, чем первая, следует подготовить также массовым взрывом. Вторая площадка, как я уже упоминал, была дальше от устья штольни, выше по рельефу и ближе к промышленной и жилой зонам строителей «Узшахтостройка».

Решение было принято, задания выданы, сроки исполнения определены. Были они жёсткими с учётом того, что на первой площадке нельзя возводить строительные конструкции до производства массового взрыва на второй. Проект и расчёты взрыва были выполнены по тем же параметрам, что и первый, я имею ввиду, крепость взрываемых пород, величина мощности наносов и т. п. На сей раз по расчёту необходимо было зарядить 210 тонн ВВ. Диспозиция по организации и обеспечению безопасности проведения непосредственно взрыва составлена и утверждена. В последней уже было учтено, что у находящихся на взрывной станции должны быть противогазы на случай, если газы и пыль понесёт, также, как и в первый раз, в этот район. К этому времени двухэтажное кирпичное здание на шахтостроевской площадке строительством было окончено, но еще не заселено. В подъезде этого здания на первом этаже и было предусмотрено размещение взрывной станции. Подробности уже описывать не буду, они не отличались от описанных ранее. Добавлю лишь, что к нам, ответственным исполнителям от рудоуправления, очень напросились наши товарищи главный маркшейдер Красиков Николай Федорович и начальник рудника № 1 Кан Андрей Константинович, которые очень хотели поучаствовать в таком интересном и необычном деле. Мы (я и Соколов) отказать им не смогли. Таким образом, на взрывной станции нас было 7 человек. Всё население, трудящиеся «Узшахтостройка» и наши выведены из опасной зоны. Охрана её выставлена и об этом мы получили соответствующий

доклад. Средства взрывания установлены. Заводим ЖЭС, даю сигнальную ракету и команду «Взрыв»! Опять землетрясение, но более сильное, чем в прошлый раз. И вдруг!!! На нас, вернее, на площадку и на здание, где мы находимся, летят камни, да не малой величины! Прямо перед входом в наше здание падает камень величиной в 0,7–0,8 метра и врезается примерно на полметра в землю, по крыше здания бьются камни градом, откуда-то сверху падают кирпичи! Понимаем, что произошла катастрофа. Но это ещё не всё!.. На нас, на всю площадку, надвигается густое пылегазовое облако. Но, противогазов-то только 5, а нас 7! Даю команду: «Противогазы не одевать, бежать на левый склон, помогать друг другу!» Надо отдать должное, все выполнили моё распоряжение (может – рекомендацию) без отклонений. Мы вырвались из задымленной атмосферы и благополучно добрались до какой-то высоты, а облако поднималось вверх вдоль основного хребта и рассеивалось постепенно. Мы, сидя на склоне, стали понемногу отходить от шока и испуга. Примерно, через минут 40–50 атмосфера стала прозрачной, видимость значительно улучшилась и перед нами открылась картина полного разгрома. Из всех сооружений и зданий площадки, только кирпичное здание стояло с выбитыми стёклами и полностью разрушенной крышей. Мы спустились и стали обходить площадку. Валялись трупы убитых кур, свиней, раздавались крики раненых животных. В развороченных домиках и землянках валялись одежда, разбитые предметы домашнего обихода. Посоветовавшись между собой, решили сигнала отбоя не давать. Послали срочно гонца в Янгиабат, для сообщения о случившемся руководству предприятия. Напомню, что это в 40 километрах. Туда – обратно, время на обдумывание и т.п., в общем, уходили часы. Сигнала «отбой» не даём. Но население не выдержало. Стали приходить на площадку трудящиеся «Узшахтостроя». Увидав, во что превратились их жильё и скarb, стали произносить оскорбительные фразы и угрожать нам, руководителям взрыва. Оказалось, что и промышленные сооружения – компрессорная, мехмастерская и др. – тоже разрушены. Начальник горного участка по проходке транспортной штольни к флюоритовому руднику, после осмотра состояния его поверхностных объектов, подошёл к нам и выразил с большой радостью, что теперь таки ему дадут долгожданный трудовой отпуск и он поедет отдыхать. Восстановить

хозяйство, по его мнению, удастся лишь через 1,5–2 месяца. Часов через 4–5 на место произошедшего прибыли директор предприятия Опланчук В. Я., главный инженер Шапиро П. О., главный механик Марутаев Ю. И., Аникин П. Д. Быстро осмотрев некоторые пострадавшие объекты, а дело уже двигалось к вечеру, Опланчук В. Я. попросил собрать всех трудящихся и жителей к одному месту, попросил всех не паниковать, пообещал, что всем, понесшим материальный урон, будет определен его размер и компенсирован полностью. Тут же поручил мне и Соколову М. Н. написать приказ о создании пяти комиссий из числа наших работников и представителей пострадавших, подписал этот приказ и комиссии приступили к работе до темна.

На следующий день на место события уже выехали во главе с Опланчуком все главные специалисты рудоуправления, которым была поставлена задача определить весь объём необходимых работ по восстановлению пострадавших объектов, необходимое оборудование и материалы. Комиссии по определению величины ущерба в жилом секторе работали три дня. Конечно, все оценить было невозможно, многие жильцы настаивали вписать в акты много такого, что у них никогда и не было. В. Я. Опланчук дал указание не очень сопротивляться, уступать в таких случаях. В конце дня Опланчук собрал совещание прямо на площадке с участием представителей Узшахтстроя и, после докладов специалистов, распорядился срочно подготовить приказ о немедленной организации работ по восстановлению промышленных объектов со сроком окончания их через две недели, восстановлению объектов жилья и быта (в частности, был разрушен магазин смешанных товаров) – до наступления холодов и с учётом того, что в этих работах примут участие и жильцы и работники пострадавших объектов. Представители Узшахтстроя очень скептически отнеслись к принятым срокам.

Собственно взрыв оказался замечательным. Площадка для строительства в расчётных размерах, большой объём пород выброшен с площадки, правда не совсем туда, куда мы рассчитывали.

Работы по восстановлению пострадавших объектов и по строительству наших промобъектов пошли быстрыми темпами. Руководство предприятия держало их под неусыпным контролем.

Факт остановки работ по сооружению магистральной штольни к флюоритовому месторождению, проходимой республиканским трестом Узшахтострой, дошёл до правительства Узбекистана, которое определяло этот объект важным и даже стратегическим. Совмин УзССР издал распоряжения о создании комиссии по расследованию факта, наказанию виновных и организации восстановительных работ. Председателем комиссии был назначен один из министров, заместителем председателя – главный инженер треста «Узвзрывпром» (фамилии не помню). Видно бюрократия в недрах Совмина была не малая, с одной стороны, да и наша принадлежность к весьма секретному ведомству, к документам которого не так просто прикоснуться, с другой стороны, привели к тому, что на предприятие некоторые члены республиканской комиссии прибыли только дней через десять. Возглавлял прибывшую группу заместитель председателя комиссии главный инженер Узвзрывпрома. В группе оказался главный специалист треста Узвзрывпром Бурштейн Михаил, мой однокашник по горному факультету. Михаил начал учёбу на горном факультете в том же, 1943 году, но затем, по каким-то причинам, отстал на год и закончил факультет в 1949 г. Попал на работу в Узвзрывпром, где специализировался на массовых взрывах, участвовал в разработке проектов и осуществлении ряда крупных массовых взрывов в Узбекистане и в других азиатских республиках по созданию плотин, каналов орошения и других народнохозяйственных нужд. Он защитил диссертацию и стал кандидатом технических наук. Ко времени прибытия этой комиссии, нами, специалистами и планово-экономическими службами предприятия, были произведены все расчёты, оформленные в специальный том, в котором было убедительно показана и доказана значительная экономическая эффективность произведенных нами массовых взрывов на выброс для сооружения строительных площадок в районе рудника «Наугарзан». Приведу лишь окончательный вывод: в результате проведенных расчётов получилось, что после вычетов всех расходов, в том числе на восстановление разрушенных объектов «Узшахтстроя» и компенсацию за потери жильцам его посёлка, массовые взрывы сэкономили более 800 тысяч рублей, по сравнению с сооружением этих площадок рядовым, мелкошпуровым способом. Кроме всех прочих документов, этот расчёт был представлен комиссии. Естественно, с

комиссией пришлось плотно работать нам, главным инициаторам и производителям взрывов, виновникам произошедшего, мне и Соколову М. Н. В ходе расследования, специалисты из комиссии показали нам все наши ошибки, приведшие к аварии. Главнейшими из них были две. Первая – это то, что проекты взрывов выполнялись на топооснове в масштабе 1:5000, а по канонам, такие проекты должны выполняться на топооснове не мельче 1:2000, а лучше и крупнее. Действительно, когда наши топографы дали такую основу, то сразу стало ясно, что часть взрывающей массы во втором взрыве понесёт на площадку «Узшахтстроя». Вторая – это неправильный расчёт величины зарядов, завышенный в результате недостоверных данных по мощности наносов на взрываемом участке. Специальных инженерно-геологических изысканий мы не проводили, а приняли величину наносов по данным, имевшимся при закладке устья штольни, 1,5–2 метра. Фактически они были другими на разных местах, и оказались и 3, и 5 метров, и даже до 8 метров.

После нескольких дней работы на предприятии, комиссия составила акт, в котором были отражены все обстоятельства произошедшего, результаты расследования, согласились с нашими технико-экономическими расчётами. Выводы были достаточно мягкими. Конечно, большую роль в последнем сыграли, во первых, то, что при произошедшем не было человеческих жертв и травм, во-вторых, довольно лояльное отношение к нам (точнее ко мне) решающих членов комиссии, специалистов «Узвзрывпрома», моего однокашника Бурштейна М., его товарищей.

Работы по восстановлению промышленных объектов «Узшахтстроя» были выполнены ровно за две недели, несмотря на невероятные трудности по ремонту компрессорного оборудования, особенно немецкого производства. Здесь была очень большая заслуга механической службы предприятия и её главы, главного механика Марутаева Ю. И., который проявил невиданное упорство и смекалку, заставил скептиков из его же службы, засомневавшихся в возможности восстановления, выполнять принятые им решения. В результате, компрессорная заработала на полную мощность. Проходка штольни «Узшахтстроя» возобновилась. И это сыграло положительную роль в подходе республиканских ведомств к вопросу о наказаниях, не потребовали «жертв». Короче, вся эта «эпопея» закончилась

тем, что два основных виновника – Соколов М. Н. и Бешер-Белинский Л. Б. – получили в приказе по Ленинабадскому горно-химическому комбинату по выговору!

Строительство жизненно-важных промышленных объектов прошло успешно, проходка магистральной транспортной штольни осуществили скоростными методами. Среднемесячная скорость проходки составила почти 300 метров. Майли-Катанский урановый рудник набирал мощность по всем видам горных работ, в том числе, по добыче руды, причём, очень хорошего качества. Наше предприятие становилось самым мощным в составе комбината № 6 и главным поставщиком урановой руды на перерабатывающий завод в промышленной зоне г. Чкаловска. Напомню, что так стал называться город, в котором находились управление, вся необходимая инфраструктура и объекты жилья и соцкультбыта трудящихся комбината и промышленных объектов, расположенных в промышленной зоне. Ранее по статусу рабочий посёлок разрастался очень быстро, застраиваясь по единому проекту современными и своеобразной архитектуре зданиями, благоустроенными магистралями, парками и др., получил статус города Чкаловск, Ленинабадской области. В городе, в красивом по архитектуре театральном здании, функционировал драмтеатр, имевший профессиональный состав, был выстроен комплекс зданий и действовал политехнический техникум, в котором готовились кадры по многим профильным специальностям, необходимым для производств комбината, действовали объекты торговли, прекрасная гостиница, Дом пионеров и многое, многое другое, обеспечивавшее населению бытовые услуги. Поездка в командировку в Чкаловск (вернее, в комбинат) всегда была желательной именно потому, что можно было там хорошо и интересно провести досуг и повстречаться с друзьями, которых там было немало. Это и однокашники по институту, и уже ставшими таковыми по работе и знакомству в комбинате. Город застраивался по проектам Московского института ГСПИ-14 и его подразделения, именовавшегося СПБ-2, дислоцировавшегося в Чкаловске. В СПБ-2 работали мои однокашники Галочкин А. Г., Шилов П. Д., Теплов А. Проживали в городе и трудились в разных подразделениях комбината на разных должностях наши институтские однокашники Гершкарон Иосиф, Моталёв Виктор, Лемишевский Виктор, Антонов Юрий, Маслов Юрий, Аваев и

др. Всё это были серьезные «ребята». Вообще, выпуск и Горного факультета, и Энергетического и Химико-технологического факультетов 1948 года был очень высоким по качеству и подавляющее большинство инженеров, отобранных на работу в атомное ведомство, довольно быстро продвигались по служебной лестнице, достигали высоких должностей. С большинством из них мы встречались в течение всех лет работы и жизни на других предприятиях, в командировках, или на крупных совещаниях в масштабе отрасли.

Напряженная работа, приличный быт, приятные встречи и проводы делегаций по обмену опытом, приезд различных высокого ранга сотрудников Первого главного управления, руководителей и специалистов ГСПИ-14 и других ведомств, участие в совещаниях с ними по решению многих вопросов дальнейшего строительства и совершенствования производства, участие в проверках состояния техники безопасности в составе комиссий, присылаемых из вышестоящих инстанций (комбината, главка, главной горно-технической инспекции, технической инспекции ЦК отраслевого профсоюза), личные проверки подразделений, которые я продолжал с неослабевающим упорством – всё это занимало быстротекущие дни, недели, месяцы. Нашёл я общий язык, даже сдружился с горно-техническим инспектором, непосредственно живущим в нашем городе и обслуживающий два предприятия – наше, Янгибадское, и вновь организованное на базе уранового месторождения «Чаули», предприятия 24, где вырос свой посёлок городского типа «Красногорск» – Герасименко Анатолием Ивановичем. Это был горный инженер, выпускник Донецкого Индустриального института 1948-го года. Он в первые годы после окончания Института работал на предприятии 11, Табошарах. Здоровьем не отличался, сдали нервы, хотя внешне высок и строен, и перешёл работать в горно-техническую инспекцию. Герасименко А. очень рьяно исполнял свои служебные обязанности, был строг, но, зачастую, формален. Из-за нервозности, в полемике срывался на высокие тона. Это не добавляло ему авторитета в среде инженерно-технического персонала предприятия. Но, я в общении с ним, при очередных проверках объектов, в частных встречах смог направить его в более разумный тон поведения, не уменьшая требовательности, находить компромиссные решения, без излишних эмоций и словесных конфликтов.

Персонал производственных подразделений со временем понял положительную роль требований, выдвигаемых горно-техническим инспектором, и А. Герасименко как бы стал уважаемым членом коллектива. Не менее раза, а то и дважды в год, предприятие посещал с инспекцией, или в составе комиссий по другим вопросам, главный инженер ГГТИ министерства Андриенко Анатолий Илларионович. Это был уже выше средних лет, грузноватый, ниже среднего роста симпатичный человек, с умными хитроватыми глазами, опытный горняк, много лет проработавший на шахтах в Донбассе. Как я узнал позже, он был однокашником с начальником Первого главного управления Карповым Н. Б. Очевидно, именно это обстоятельство решило переезд на работу в Москву Андриенко А. И. Анатолий Илларионович по приезду на очередную инспекцию в Ленинабадский комбинат (да и в другие комбинаты) организовывал проведение работы следующим образом: на предприятие он привозил двух–трех районных горно-технических инспекторов, здесь создавалось несколько комиссионных групп, которые возглавляли эти инспекторы, одну из них он сам, в состав которых входили сотрудники производственных отделов предприятия; группы распределялись по объектам; в конце работы, ежедневно группы собирались вместе и обсуждался итог дня; по окончании всей комплексной проверки все материалы обобщались в единый документ–предписание. Естественно, что я, как заместитель главного инженера предприятия по ТБ и ОТ, был и организатором всей работы, и членом группы, возглавляемой Андриенко А. В ходе проверки приходилось и не соглашаться с некоторыми замечаниями и предложениями, исходящими от него, Андриенко, причём, мои возражения бывали очень обоснованными, логичными и Андриенко проникся ко мне симпатией. Результат комплексной проверки-обследования докладывался главному инженеру и директору предприятия, при этом, вырабатывались основные положения приказа, который я и готовил. Акт комплексной проверки, предписание ГГТИ и приказ по предприятию с соответствующими выводами оглашался на расширенном совещании с участием руководителей производственных подразделений, отделов управления, представителей профсоюзных комитетов подразделений и предприятия, соответствующих партийных комитетов.

Анатолий Илларионович был интересным собеседником и весёлым человеком. Он знал очень много анекдотов, выдавал их в подходящий момент и в рабочее время, и на отдыхе. А отдыхать он любил больше в компаниях с приличными яствами и напитками, которые принимал в немалом количестве, но понемногу, растягивая время. Иногда он забывал очередной анекдот, который хотел выдать к месту, и выхватывал из бокового кармана пиджака небольшого формата, но объёмистый блокнот, по какой-то системе быстро находил нужный текст и произносил желаемое. Оказалось, что Анатолий Илларионович уже много лет собирал анекдоты, записывал только те, что ему уж очень понравились. Оказалось, что у него уже два таких блокнота, полностью заполненных анекдотами. Наше знакомство переросло в дружбу, познакомились семьями. У него оказалась очень приятная супруга и прекрасные две дочери. Проживали они в Москве, в 12-этажном доме на набережной Максима Горького, в трехкомнатной квартире, рядом с трёхэтажным зданием гостиницы министерства, не имевшем, по понятным причинам, вывески. Мы переписывались многие годы, даже моя семья однажды останавливалась у них, где была принята «на высшем уровне». Во всех очередных приездах Андриенко А. на предприятия, где мы работали и жили, он был желанным гостем в нашей семье. Анатолий Илларионович всё хотел организовать мне протекцию с тем, чтобы меня перевели на работу в Москву, в министерство. Но я не очень поощрял его в этом деле, понимая, что это уж очень не просто, да и по многим причинам, особого желания жить в Москве у нас не было. Я же лично почти во всех командировках в Москву, а в будущем их бывало много, встречался с Анатолием Илларионовичем, обмениваясь всем, происшедшим в нашей жизни. Герасименко Анатолий Иванович, впоследствии, стал начальником РГТИ (районная горно-техническая инспекция) при ЛГХК и переехал в г. Чкаловск.

ГЛАВА 20

«Модельные» взрывы и первый результат

В начале января 1960-го года меня вызвал в комбинат главный инженер Александр Александрович Попов. В беседе один-на-один предложил (почти приказал) участвовать в проведении ряда мероприятий совместно с представителями министерства обороны, в которых он, Попов, будет тоже принимать личное участие. Подробности, сказал он, узнаешь на месте. Приказал через неделю прибыть в Чкаловск вместе со ст. инженером по БВР А. Бугайским в командировку на большой срок примерно месяца на два. Мы распоряжение выполнили, явились в указанный срок. На двух автомобилях ГАЗ-69, вместе с присоединившейся группой сотрудников комбината – главного маркшейдера В. Н. Чеберяшкина, начальников отделов режима (1-го отдела) и охраны (фамилии не помню) – отправились по дорогам Ферганской долины на Восток. Конечной точкой нашего путешествия стал уже организованный лагерь подразделения комбината по восстановлению некоторых горных выработок на ранее заброшенном урановом рудопроявлении «Тюя-Муюн». Это в горах Киргизии, в 20–25 километрах от города Джалал-Абада. В не очень широкой долине реки-тая того же названия было поставлено несколько десятков палаток для проживания персонала и хозяйственных нужд, радиостанция для связи с внешним миром, поодаль склады материалов, растворобетонный узел, ремонтно-механические мастерские и т. п.

К моменту нашего прибытия было приведено в рабочее состояние вся бывшая геолого-разведочная штольня длиной более 2000 метров, которая проходила, если помните, под-

разделением от предприятия 13 под руководством бывшего начальника рудника № 1 Авалиани Григория Акакиевича в 50–51 годах. Штольня была сбита с вертикальным стволом, пройденным с площадки на вершине горы до отметки штольни. Ствол этот был сооружён в конце двадцатых, или в начале тридцатых годов, бельгийской фирмой, работавшей здесь на правах концессии. Для нас была приготовлена десятиместная палатка, расположенная несколько в стороне от существующих, оборудованная деревянным полом, двумя металлическими печурками с выведенными наружу трубами. Через пару дней после нашего приезда прибыла группа офицеров министерства обороны, которую возглавлял начальник 6-го отдела 12-го Главного управления Минобороны – полковник Владимир Иванович Луценко. В группу входил учёный, кандидат физико-математических наук, подполковник Кондратьев и несколько офицеров в званиях майор и капитан. Последние это были инженеры связи, электронщики, то есть, мастеровые, которые, впоследствии, занимались монтажом станции управления. Полковник В. И. Луценко и подполковник Кондратьев разместились в нашей палатке. Таким образом, наша палатка стала «Штабом», где решались все основные стратегические и оперативные вопросы.

«Тюя-Муюн». Февраль 1960 г. В штабной палатке

Л. Б. Бешер-Белинский, главный маркшейдер ЛГХК
В. Н. Чеберяшкин, подполковник Кондратьев, А. А. Попов.

Вот здесь мы и узнали подробности миссии, которую должны выполнить участники этого строго секретного мероприятия. А задача была такая: необходимо подготовить и произвести взрыв 150 тонн тротила в камере-сфере с эффектом камуфлета. При взрыве образовавшиеся газы и другие продукты взрыва не должны выйти за пределы камеры. Для этого необходимо выполнить надёжную забойку заряда щебнем на определённую проектом длину подходной к камере выработки, в конце забойки возвести железобетонный «зуб», указанной в проекте конфигурации. Все работы должны быть выполнены срочно, даже определена дата и час взрыва. Лично мне А. А. Попов поставил конкретную задачу: обеспечить безопасность производства работ по доставке в камеру всего объёма тротила, его плотной укладке в камере, лично установить заряд-инициатор взрыва, вывести детонирующий шнур, обеспечить его целостность в период забутовки выработки щебнем и возведения «зуба», подключение электродетонатора к детонирующему шнуру. Совместно с Бугайским А. мы должны были составить и диспозицию, с изложением всех действий в день взрыва, обеспечивающих безопасность всех участников до, во время, после взрыва до снятия оцепления на периметре опасной зоны.

Примерно на 1800-м метре от устья штольни, вправо, уже заканчивалась проходка подходной к месту сооружения камеры выработки. Вся её длина по проекту была, по памяти, 160 метров, а закладке подлежало 85 метров вместе с железобетонным «зубом». До окончания горных работ и начала зарядки оставалось достаточно времени. Работа членов руководящего штаба шла у каждого по своим направлениям. Полковник Луценко В. вместе с начальниками отделов режима и охраны комбината ежедневно выезжали на переговоры с местными советскими властями, областными, районными и поселковыми, на предмет организации оповещения населения всех находящихся в возможной зоне влияния взрыва населённых пунктов, о необходимости воздержаться от выпаса скота, хождения на охоту, по другим надобностям в определённый район, о необходимости выйти всем из своих домов с такого-то по такое-то время, которое будет сообщено дополнительно. Это была довольно тяжёлая и многодневная работа, которую

надо было делать деликатно и настоятельно, убедить, в первую очередь, самих руководителей, особенно поселкового и районного уровня. Областные руководители понимали важность мероприятия, потому что их знакомили со специальным распоряжением ЦК КПСС и Совмина СССР. А. А. Попов часто посещал горные работы и проводил оперативные совещания с руководством и персоналом горного подразделения (к сожалению не помню фамилии начальника участка), на которых иногда принимали участие Луценко В., и я, стараясь обеспечить нужные темпы работ, снимать возникающие вопросы и недостатки организационного плана, материально-технического снабжения. Все материалы, оборудование доставлялись автотранспортом из Чкаловска. Между Чкаловском и «Объектом» непрерывно двигались днём и ночью несколько десятков грузовых автомобилей разной грузоподъемности, шла почта и т. п. А. Попов ежедневно по радио связывался с директором комбината Зубаревым Г. В. и другими руководителями по необходимости, но не всё можно было произносить в эфир, поэтому почти ежедневно шла и спецпочта на спецавтомобиле. Я же и А. Бугайский ежедневно проверяли поступление на «Временный склад ВМ» взрывматериалов, правильность их хранения, периодически испытывали качество поступающего детонирующего шнура, электродетонаторов; обследовали весь близлежащий район для определения возможных мест установления постов оцепления опасной зоны, ведь каждый постовой должен иметь прямую видимость находящихся и слева, и справа постовых; стали составлять черновик «Диспозиции...»

Несколько подробнее о местности, непосредственно прилегающей к месту работ. Долинка шириной метров в 200–300 располагалась между двумя хребтами, превышавшими её равнинную часть примерно на 200–250 метров. По ней текла в сторону устья штольни речушка-сай, уровень воды в которой менялся в зависимости от времени года, но был всегда, т. е. не пересыхал. Правобережный хребет как бы разрывался и Туя-Муюн-сай протекал сквозь хребет на другую его сторону. Устье штольни было заложено на левом берегу, прямо в «торец» начала разорванной части хребта, и штольня проходила как бы посередине горы после небольшого поворота влево. Если смотреть со стороны устья штольни на долину, то створ

проходил к левому крутому склону правобережья и дальше уже к равнинной части. Все временные сооружения подразделения и жилые палатки располагались слева от устья штольни в сторону проходки самой штольни. Таким образом, входа в штольню со стороны промышленных и хозяйственных построек видно не было. Примерно, в 50–70 метрах от устья штольни, но правее от её створа градусов на 20–25 были установлены две палатки, в которых начался монтаж оборудования, находящегося в ведении группы Минобороны, доступа к ним иным сотрудникам был запрещён. Здесь круглосуточно находились офицеры. Кроме всего прочего, все мы, члены «штаба», часто посещали и горные работы, интересуясь их ходом, темпами да и качеством, дабы впредь не было препон для беспрепятственной доставки ВМ по горным выработкам на специально изготавливаемых для этой цели вагонетках-платформах.

Примерно к 22–23 часам, в нашей палатке собирались все её обитатели и за «лёгким» ужином мы обменивались впечатлениями о прошедшем дне, планах на будущий день, шутили, «травили» анекдоты. Много интересного мы узнали из уст ученого подполковника Кондратьева. Это был среднего роста, сутулый человек, в больших очках, производивший впечатление «вундеркинда», с какой-то странной манерой изложения. Но чувствовалось, что он владеет материалом и излагает его очень доходчиво. Из его сообщений мы узнали, что идёт негласное соревнование между США и СССР в разработке и осуществлении различных вариантов производства подземных атомных взрывов, для дальнейших исследований и усовершенствования атомных устройств, которые в открытых разговорах назывались «изделие». Интенсивность этого соревнования увеличивается, в связи с тем, что идут успешные переговоры, и, в ближайшее время, будет заключено международное соглашение о запрещении наземных и воздушных атомных испытаний. США же, по мнению советских учёных и по данным разведок, опережают СССР, уже произвели какое-то количество подземных атомных испытаний в штате Невада. В. И. Луценко рассказывал о ходе переговоров с местными властями и трудностях выполнения его требований на местности. В разговорах быстро проходило время и укладывались спать не ранее двух ночи. Подъём же проходил в 6 утра, а рабочий день начинали в 8 утра. Завтрак и ужин у нашей компании про-

ходил в нашей палатке, в основном, на «подножном корму», т. е. купленными у местного населения в близлежащих кишлаках, привезенными В. И. Луценко из Джалал-Абада продуктами, овощами и прочим. Иногда на ужин приносили что-либо горячее из столовой, приготовленное поваром по нашему заказу (начальство всё же). Довольно часто «прикладывались» к спиртному, вернее, пили спирт 96°, официально реализуемый в продуктовых магазинах Киргизии. Таким преимуществом в то советское время пользовались немногие административные районы СССР. Владимир Иванович иногда брал меня с собой в поездку в Джалал-Абад, где он с центрального телефонного переговорного пункта связывался с кем-то в Минобороны и докладывал о происходящем на объекте. В таких поездках мы, как то, узнавали больше друг о друге, и становились наши отношения более откровенными. Владимир Иванович был выше среднего роста, стройный (чувствовалась военная выправка), с лёгкой сединой человек, с крупным, вытянутым лицом, с длинными зубами. Не очень разговорчивый, правда, много улыбающийся. Несмотря на высокий пост и звание, В. И. Луценко был прост со всеми и доступен, но не допускал панибратства. Мне было интересно общаться с ним. От него я узнал, что он занимает должность начальника 6-го отдела 12-го Главного управления Минобороны. Вообще, в нашей палатке создалась очень благоприятная, товарищеская атмосфера, несмотря на разнохарактерный состав, что немало содействовало успешному проведению работ в назначенный срок.

Горные работы по созданию камеры-сферы были окончены, сфера получилась довольно правильной формы, соответствовала проекту, несмотря на крепкие породы, в которых она сооружалась. Проект и рабочие чертежи разрабатывались в Москве, в ГСПИ-14, в составе которого было создано Специальное комплексное бюро (СКБ). Представители этого проектного подразделения были на площадке и, в частности, их представлял и мой однокашник по факультету Ситников Игорь, который, ещё будучи студентом, отличался своим умом, упорством в учёбе, прекрасно играл в шахматы, где ему не было равных на факультете. Он проживал в институтском общежитии на улице Пролетарской 25, но близко не сходил с товарищами по учёбе и проживанию, был замкнут. Куда он был распределён на работу по окончанию института я не помню, но

через несколько лет я узнал, что он работает в научной части ГСПИ-14.

Пришло время организации работ по зарядке камеры, где надо было обеспечить и безопасность и качество, т. е. плотность заряда. Тротил поступал на объект в крафтмешках по 15 (или 20, точно не помню) килограмм. В таком виде он на автотранспорте привозился на промплощадку к устью штольни, здесь перегружался на спецплатформы-вагонетки и, в составе двух платформ, электровозом доставлялся к камере. Здесь мешки разгружались и в камере разрезались, а содержимое высыпалось в кучу. На каждом таком переделе работало необходимое количество рабочих, работа шла круглосуточно. На каждом рабочем месте постоянно находился кто-то из лиц горного надзора, или нас, членов «Штаба». На всех переделах отсутствовали предметы из металла, запрещалось иметь при себе курительные принадлежности, на устье штольни стояли «табакотрусы», которые проверяли входящих на наличие запрещённых предметов, инструменты применялись лишь из дерева или других материалов, не дающих искры, все участники снабжались респираторами типа «лепесток». Все трудящиеся, связанные с этой работой, были подробно проинструктированы о всех мерах безопасности, условиях работы и ответственности за нарушения. Металлическими оставались лишь база вагонеток-платформ и рельсы. Я и Бугайский А. сутки разделили пополам и находились в камере, следя за разгрузкой, засыпкой и уплотнению тротилового заряда. При этих операциях выделялось очень много тротиловой пыли, в воздухе стояло марево, достаточно было одной искорки, чтобы возник пожар и, естественно, при высоких температурах – взрыв. Очень неприятными были часто слышавшиеся трески при наезде колёс платформ на рассыпанные чешуйки тротила. Трески эти напоминали потрескивания горящих угольков или тростинок. Работы шли очень интенсивно, намеченные темпы выдерживались. Трудным оказался последний период зарядки, уплотнять последние порции тротила приходилось деревянными лопатами с очень длинными ручками. Затем я установил заряд-инициатор, вывел детонирующий шнур из камеры в заранее подготовленную дюймовую трубу, в которой был проложен тросик, с помощью которого и протаскивал шнур на необходимую длину. И эта операция завершилась благополучно. Камеру с зарядом зашили дощатой перегород-

кой. Началась закладка подходной к камере горной выработки щебнем, который доставлялся в вагонетках, и вручную с металлических листов забрасывался в выработку. Моей задачей было обеспечить целостность линии подрыва, которая по мере закладки оставалась в забутованном пространстве, и надзор за концом детонирующего шнура, выведенного в специальный ящик, у которого постоянно стоял пост охраны. Понятно, что к этому времени уже была утверждена, написанная нами «Диспозиция...». Особенно трудным для сохранения линии подрыва оказался участок возведения бетонного «зуба». Оказалось, что при застывании бетона выделялось значительно больше тепла, чем ожидалось, и температура в застывающем массиве бетона поднимались до величин, больших, чем допустимо по техническим условиям, для обычного ДШ (детонирующего шнура). Это вызвало очень сильное беспокойство, ведь не дай бог, произойдёт взрыв!?! Кроме того, что будет сорвано мероприятие союзного масштаба, не представлялось что делать с таким «отказом» (как это принято называть в горном деле) в 150 тонн (150 000 кг!) тротила? Не только скандал, но и последствия для многих участников непредсказуемые, с учётом известной советской действительности. Думаю, что многие из нас, нашего палаточного «штаба», чувствовали себя (как и я) не очень уютно, хотя вслух это не произносили. Но работы продолжались. Известно, что бетон набирает почти полную прочность после укладки только через 28 суток. Но выждать такой период не позволял срок, оставшийся к назначенному дню «Игры» – так условно был назван день взрыва. Протоколно, на созванном В. И. Луценко и А. А. Поповым совещании, было принято решение о достаточности периода схватывания бетона в течение 5 суток после возведения последнего метра «зуба», имея ввиду, что от начала его возведения уже прошло достаточно времени и весь объём «зуба» наберёт не менее 70 процентов прочности. За оставшиеся дни были закончены работы по монтажу и отладке оборудования в палатках управления взрывом офицерами Минобороны, нами проложена взрывная электросеть от палатки управления до начала ДШ в районе «зуба». Многие рабочие горного подразделения и других служб, не задействованных в дальнейших работах, были вывезены с площадки в места их постоянного проживания. Им был дан отпуск в счёт отгулов за работу без выходных дней.

В. И. Луценко, взяв меня с собой, выехал в Джалал-Абад и доложил в Москву руководству о готовности работ к «Игре». Был окончательно назначен конкретный день и час. Число не помню, а час – ровно 12 часов дня по Московскому времени, по сигналу Кремлёвских курантов. Нам осталось всего два дня на все оставшиеся дела, самыми «тяжёлыми» из которых было довести до населения кишлаков время выхода их из жилых помещений. Все мы, члены «штаба», интенсивно проводили порученные каждому дела. Мы с Бугайским провели тренировку с персоналом, назначенным в оцепление опасной зоны, провели испытание партии электродетонаторов, из которой будет применены для производства «игры». К этому времени на площадку прибыли ещё несколько групп от разных научных институтов Академии Наук СССР, Минобороны, которые установили на разных расстояниях от эпицентра взрыва различные приборы и другое оборудование, назначение которых я, естественно, не знал и, конечно, не расспрашивал об этом.

За 2 часа до «Игры» с площадки были выведены все трудящиеся за исключением нескольких лиц, непосредственно задействованных в производстве взрыва, это: несколько офицеров в палатках управления, я, Бешер-Белинский, А. А. Попов и В. И. Луценко. С промплощадки вывезли все транспортные средства и подвижное оборудование. Ответственный за расстановку постов охраны опасной зоны – начальник отдела охраны комбината – должен был дать сигнал о готовности зелёной ракетой с места ближайшего поста на вершине одной из гор левого бережного хребта, где и сосредоточилось большинство выведенных из зоны людей.

За час до назначенного мгновения, я в штольне подключил электродетонаторы к ДШ. Вышедши оттуда, доложил об этом А. Попову и В. Луценко. Напряжение росло, время ожидания «растягивалось». Мы, оставшиеся в опасной зоне, стояли у палаток управления взрывом, а два офицера – в одной из палаток. Наконец, раздался голос из палатки: «Готовность Минута!» Затем:

– Готовность 20 секунд... 19... 18... и, наконец, Ноль!

Один из офицеров дал ракетный сигнал вместе с голосом «0». Мы почувствовали приличное землетрясение, а затем... Необычный свист! Из устья штольни полетели камни, часть из которых ударялась в противоположный берег, меняя на-

правление полёта, затем пошёл густой дым из устья штольни, и из устья ствола на вершине горы, в районе эпицентра. Стало понятно, что «забойка» не выдержала и «камуфлета» не получилось. В соответствии с «Диспозицией...» подходить к устью штольни нельзя в течение 2-х часов, а к месту взрыва не ранее, чем через сутки. Мы, оставшиеся в опасной зоне, стояли у палаток. Так и подмывало пройти к району разлёта вылетевших из штольни материалов, но я категорически возражал, являясь ответственным за безопасность, хотя и сам бы побежал смотреть. И вдруг, через 40–45 минут от времени взрыва, послышался сильный хлопок, значительно меньший, чем первый от взрыва, и опять из устья штольни вылетело небольшое количество материалов! Это было полной неожиданностью! Через 2 часа был дан «отбой» ракетами и трудящиеся вернулись на площадку, а у устья штольни был установлен пост, не допускавший вход в неё.

Мы собрались в «штабную» палатку и началось обсуждение произошедшего, в которой участвовали и учёные, прибывшие к «игре», и проектировщики. Особенно обсуждался вопрос причин возникновения вторичного взрыва. Высказано было много вариантов, но к единому, обоснованному выводу не пришли.

Через сутки в штольню были допущены горноспасатели, которые в изолирующих аппаратах дошли до сопряжения штольни с квершлагом (подходной к эпицентру выработки), отобрали пробы воздуха в разных местах по маршруту и, вышедши, доложили, что во многих местах нарушено крепление, рельсы узкой колеи, на почве штольни разбросан щебень от забойки и чем ближе к месту взрыва, тем большим слоем. Экспресс-анализ проб воздуха показал довольно удовлетворительные результаты. Наши функции были закончены. Группа от управления комбината во главе с А. А. Поповым на тех же автомобилях отправилась в Чкаловск. Производственное подразделение приступило к восстановительным работам в штольне и, в дальнейшем, к проходке нового квершлага для подготовки очередного модельного взрыва. Подобные взрывы имели именно такое наименование – «модельные». Но об этом рассказ впереди.

Мы вернулись в свой город, приступили к выполнению своих обычных служебных обязанностей и семейных обязательств.

Предприятие продолжало стабильно выполнять и перевыполнять производственные планы. Уровень производственного травматизма был самым низким среди горных производств в Первом главном управлении министерства. Санитарно-гигиеническая и радиационная обстановки соответствовали требованиям действующих в то время норм. Я подчёркиваю «действующих в то время» потому, что нормы эти менялись в сторону ужесточения, по мере изучения и углубления знаний о радиационном воздействии на человеческий организм. Научными и медицинскими институтами, которые исходили из результатов обобщения данных практики, поставляемых нами, работниками рудников, перерабатывающих руду заводов, других подразделений, уже очень многочисленных, и располагающихся в самых различных местах громадной страны.

Рос авторитет руководителей нашего предприятия, директора В. Я. Опланчука, главного инженера П. И. Шапиро. Рос и мой авторитет на предприятии и среди работников комбината (наверное и главка). Владимир Яковлевич всё удивлялся тому, что моя работа, должность заместителя главного инженера по ТБиОТ рудоуправления, относится ко второму списку по вредности (к нему относились все сотрудники производственных отделов рудоуправлений министерства), а не к первому списку, как сотрудники рудников, так как он видел меня всё время, почти ежедневно, посещающего подземные работы, часто говорил, что добьётся этого. Конечно, это не произошло, и не могло произойти, по причине действующих бюрократических канонов – ведь не было индивидуального учёта пребывания сотрудника в тех или иных вредных условиях, как и индивидуального учёта величины полученного облучения.

Несмотря на напряженный ритм труда, мы устраивали себе по семейному или компаниями отдых в воскресные дни. Это выезды на реку Ангрен, в район значительно ниже по течению от города Ангрена, где купались, загорали, жарили шашлыки и т. п. Семьёй выезжали в гости в Ташкент, встречались с родителями Юлии, друзьями, иногда посещали театры. Я очень любил прогулки за рулём автомобиля, никогда не уставал от езды и числился одним из лучших водителей-любителей в Янгиабадской среде. На нашем «Москвиче» я устанавливал рекорды по времени преодоления расстояния от Ташкента до Янгиабада, хотя многие автолюбители ездили на «Победах»

и «Волгах», ГАЗ-21. В 1960-м году мне выделили на покупку «Волгу», ГАЗ-21 с условием, что я своего «Москвича» продам по цене, определенной комиссией, председателю комитета профсоюза предприятия. Мы стали уже владельцами «Волги».

В последние из описанных несколько лет произошло много событий на развивающихся предприятиях комбината № 6 и других, близлежащих, входящих в Первое главное управление министерства. Набрало темпы, разрослось предприятие 24, его посёлок Красногорск. Директором этого предприятия стал Антон Петрович Щепетков, переведенный из «Табошар», горный инженер, участник ВОВ, главным энергетиком – Юрий Михайлович Маслов, участник ВОВ, однокашник Юли по Институту, переведенный из Чкаловска, главным механиком стал Борис Исаакович Шварцман, участник ВОВ, переведенный с нашего предприятия.

На одном из широких производственных совещаний в Чкаловске, созываемых Руководством комбината, участником которых непременно был и я, выступил вновь вернувшийся в Среднюю Азию Зарапетян Зураб Петросович, теперь уже директор вновь образованного комбината, создаваемого на базе разведанного крупнейшего уранового месторождения Уч-Кудук в пустыне центральных Кызыл-кумов, управление которого находилось в городке Кермине, Бухарской области. Зарапетян З. П. выступил с большой, зажигательной речью, в которой обратился к участникам с просьбой перейти на работу к нему специалистов, для освоения весьма труднодоступного и по горно-техническим, и по климатическим, и по географо-экономическим условиям, месторождения. О том, что ведутся подготовительные работы по строительству новых объектов нашей Отрасли в районе Бухары, мы уже знали ещё раньше, по докладам на совещаниях, так как кураторами этих работ стали сотрудники ОКСа комбината № 6 Пётр Георгиевич Гуляев и др. Надо сказать, что призыв Зарапетяна З. П. нашёл отклик, к нему поехали на работу добровольцы и, в частности, А. П. Щепетков стал первым главным инженером комбината, до этого первым директором Уч-Кудукского рудоуправления стал мой однокашник Павел Васильевич Смирнов. И Щепетков, и Смирнов были знакомы с Зарапетяном по совместной работе в Табошарах. Уехал из Красногорска и Ю. М. Маслов на должность главного энергетика комбината.

На комбинате № 5 (Майли-Су) тоже менялась обстановка в смысле роста кадров. Бывшие молодые специалисты, мои товарищи по прежней работе, занимали руководящие посты. С. Н. Витковский из начальника смены гидрометаллургического завода, через должности начальника цеха, главного инженера завода стал директором завода; С. С. Покровский – стал начальником рудника № 2, а в недалёком будущем, директором комбината. Бывший директор К. В. Данилин был переведен на работу первым заместителем председателя правительства Киргизской ССР. Мой однокашник Борис Хоментовский из участкового геолога, через должности геолога рудника, заместителя главного геолога комбината вскоре стал главным геологом комбината. С точки зрения производства, дела на этом комбинате развивались не лучшим образом, из-за идущей к концу отработки запасов руд на действующих рудниках и отсутствия перспективы на разведку новых месторождений в областях, прилегающих к зоне действий комбината.

В то же время шло бурное развитие работ и строительство новых объектов по добыче и обогащению урана на выявленных и перспективных месторождениях на территориях Украины, Казахстана. Для нас это не было секретом, так как я и мои сослуживцы бывали участниками производственных, профсоюзных, партийных совещаний, конференций, на которых были представители новых предприятий, в докладах о них (производствах и городах) говорилось, да и шло перемещение кадров с наших объектов на новые.

ГЛАВА 21

Второй, мощный «модельный» взрыв – неудача. Удачный финал

В конце октября 1960-го года я получил команду вновь отправиться в длительную командировку в комбинат (Чкаловск) и далее, то есть на известный объект – «Тюя-Муюн».

В таком же составе, что и в первый раз, мы на двух автомобилях «козликах», как их называли тогда, прибыли на место. Палатка «наша» была приведена в надлежащий порядок. Мы разместились, как и ранее, на раскладушках со спальными мешками, в центре две железные печурки, сбитый деревянный стол, пол деревянный, у входа пара напольных вешалок для верхней одежды, у раскладушек по одной тумбочке для личных принадлежностей. Умывальник на улице, естественно, и другие «службы». В штольне шли работы по проходке камеры, в которой должно было разместить тротильный заряд, теперь уже в 700 тонн! Камера завершала квершлаг длиной, примерно, в 200 метров, пройденный влево от оси штольни, и, примерно, на сто метров ближе к устью штольни от прежнего взрыва.

Через полмесяца к нам присоединились те же представители Минобороны, полковник В. И. Луценко и подполковник Кондратьев. Так же, до позднего вечера у стола, при натопленных печурках, собиралась вся компания и обсуждала текущие вопросы, связанные с ходом работ, и многие другие, касающиеся состояния дел по проведению испытаний атомных устройств в СССР и в США, и проводимых Францией.

Подполковник Кондратьев рассказал, что американцы подготовили и провели уже испытание атомного устройства в

подземных условиях, размещённого в камере, которая замыкала горную выработку, пройденную спиралью. Такое размещение имеет какие-то преимущества (я не понял в чём).

Через некоторое время на участок прибыла группа военных специалистов во главе с генерал-лейтенантом, фамилию которого не помню, представившегося начальником Военной академии (то ли инженерной, то ли какой то другой, тоже не помню). Он разместился в нашей палатке, остальные, человек 15 в званиях майор, подполковник, слушатели академии, были размещены в другой, подготовленной для них палатке. Генерал, человек очень солидного возраста (примерно лет 75-ти), оказался очень приятным собеседником, с большим жизненным опытом, эрудированным, знавшим ещё и много анекдотов. Слушатели академии, после прохождения инструктажа о правилах поведения в горных выработках, посещали места производства и горных работ, и монтажа специального оборудования, которое попозже проводилось в палатках, размещённых на прежнем месте, что и при производстве первого взрыва. К последнему обстоятельству мы ещё вернёмся.

Зима брала свои права, морозы крепчали, землю припорошило снегом. По утрам не очень хотелось вылезать из спального мешка. Было установлено дежурство жильцов палатки поочерёдно. В обязанности дежурного входило первому подняться и растопить печурки, вскипятить воду для чая и кофе. Стало неприятно по утрам бриться. Мы – Попов, я и Бугайский – решили отпустить бороды, и расстаться с ними лишь после завершения работы. Вечерне-ночная жизнь в палатке шла очень интенсивно и нарастала по мере приближения срока проведения «игры». На сей раз необходимость проведения всех условий безопасности для участников производства работ и населения в округе, район которой расширился (700 тон, не 150), увеличилась. Ежедневно шли и спецпочтой, и по телефонным переговорам В. И. Луценко из Джалал-Абада, куда он (и часто я с ним) выезжал, директивы по увязке времени и способов оповещения всех участников эксперимента. А в этом были задействованы многие научные учреждения различных областей знаний, подразделения которых размещались почти на всей территории СССР. Высшее руководство требовало ускорить темпы работ по подготовке взрыва. С раннего утра и до позднего вечера каждый из нас проводил на

местах работ, или выполнял заданные ему основные поручения. Мы, я и Бугайский, как и ранее, готовили «диспозицию», проверяли ход поступления ВВ, проводили испытания партии СВ и ДШ. Кстати, зачастую, испытания ДШ и детонаторов я производил вдали от лагеря, вверх по течению речки-сая таким образом, чтобы к ужину у нас была рыбка «мариинка», водившаяся в горной речушке. В такие вечера мы особенно засиживались, «принимая» замечательный чистый питьевой спирт, кто разведенный, а кто (в том числе я) и не разведенный. В такие вечера генерал рассказывал много интересных баек про Корею, Японию, где он побывал в военные и послевоенные годы.

Работы по сооружению шарообразной камеры были интенсифицированы, пришло время размещения заряда. При этом виде работ я и Бугайский, разбив сутки пополам, непосредственно пребывали на месте работ, ведя постоянный надзор за правильностью выполнения и безопасного проведения. Обстановка в забое напряжённая, атмосфера запылённая, нервы у всех исполнителей – рабочих, ИТР – на пределе, все в защитных очках и респираторах-лепестках. Каждое движение платформы с прибывшей очередной порцией тротила, и выкачивание разгруженной платформы, вызывали потрескивание раздавливаемых тротильных чешуек и вздрагивание слышавших эти звуки участников работы. Нашлись и такие рабочие, несколько, которые отказались участвовать в этом виде работ. Но работы шли и были закончены. Плотно уложены все 700 тонн тротила, все трудящиеся удалены на поверхность. Я вложил 30 килограмм заряда-инициатора из патронированного аммиачно-селитренного ВВ, детонаторов и ДШ. Необходимая длина ДШ была пропущена в трубы, уложенные на почву по правой стороне выработки.

Камера с зарядом защита деревянным щитом. Горнорабочие приступили к закладке выработки щебнем. Во всё время работ по забутовке и сооружения железобетонного «зуба» мы продолжали постоянно по 12 и более часов находиться на месте работ, наблюдая за аккуратностью обращения с трубой, в которой находился ДШ. На сей раз заранее был проложен по штольне и магистральный кабель, предназначенный для электровзрывания. Всё шло в темпах, необходимых, чтобы уложиться в назначенные высшими инстанциями срок – а это

было опять 12.00 по Московскому времени 31.12.60, то есть под самый Новый, 1961-й год.

Выяснилось одно, очень важное обстоятельство, которое грозило сорвать назначенный срок. В соответствии с запоздавшим проектом, следовало расположить пункт управления взрывом со всем оборудованием и спецсредствами в траншейных укрытиях примерно в том же районе, где располагались палатки того же назначения в первом взрыве. Но, уже времени и необходимых для выполнения таких работ механизмов не было.

Тюя-Муюн. Декабрь 1960 г.

Слева – Бешер-Белинский Л., пятый – полковник Луценко В. И.

Это стало предметом обсуждения на специальном совещании в нашей палатке под председательством А. А. Попова. Я думаю, что, о производстве планируемого взрыва состоялось секретное постановление правительства СССР, где ответственными за его осуществление назначались от Минсредмаша – А. А. Попов, а от Минобороны – В. И. Луценко. На совещании, на месте ведущего, рядом с Поповым сидел и Луценко. Обсуждение шло очень остро, обстоятельно и долго.

Результатом обсуждения стало решение, закреплённое протоколом, который подписали все участники. Я не знаю, докладывалось ли принятое решение «наверх» и получило ли оно одобрения. Думаю, что такого доклада не было. Нашим

руководителям не хотелось огорчать вышестоящие инстанции, представлять объяснения по этому поводу, вести очень неприятные для них переговоры. Да, наверное, это и правильно. Я бы на их месте поступил бы точно так. А принятое решение, в основном, заключалось в следующем:

1. Пункт управления расположить в палатках, на том же месте, что и при прежнем взрыве.

2. Смонтировать всё необходимое оборудование в палатках.

3. В опасной зоне остаются только четыре офицера-оператора (фамилии не помню), А. А. Попов, Л. Б. Бешер-Белинский, которые находятся у палаток до непосредственно взрыва.

4. У палаток стоят два автомобиля «ГАЗ-69» с заведенными двигателями и открытыми дверцами.

5. При команде «0» Бешер-Белинский даёт ракетницей сигнал оповещения для ближних станций наблюдения.

6. Затем, за рули автомобилей, как можно быстро, садятся А. А. Попов и Л. Б. Бешер-Белинский, а на задние сидения вскакивают по два офицера.

7. Автомобили на максимально возможной скорости (по бездорожью) «мчатся» в сторону от створа оси штольни (на местности это вправо от места нахождения палаток управления).

Таким образом, опасность срыва намеченного срока производства взрыва была устранена и было доложено о его полной готовности.

В день «игры», а это 31-е декабря, всё происходило в соответствии с «диспозицией». Все люди и техника выведены из опасной зоны, посты расставлены и доложено об этом. Я подключил электродетонатор к ДШ в присутствии одного из офицеров, доложил об исполнении А. А. Попову. Офицеры расположились в палатках, а мы (Попов и я) – у палаток. Пошли тянуться минуты ожидания, всё замерло! Думаю, что и у всех, находящихся за зоной опасности, напряжение росло.

Вот и последние секунды. Голос из палатки:

– Готовность – двадцать – девятнадцать – восемнадцать – и, наконец, «Ноль!»

Даю выстрел зелёной ракетой, ощущаю хорошую встряску земли, вскакиваю в назначенный мне автомобиль В это же время слышу нарастающие звуки, похожие на рев заведенного и набирающего обороты реактивного двигателя самолёта на

аэродроме. На заднее сиденье вскакивают офицеры с криком: «быстрее...быстрее!!!» Даю «газ»! Но, увеличивать скорость весьма проблематично – поле, ранее использовавшееся под выращивание сельхозпродукции (возможно хлопка), оставалась покрытым остатками грядок и понижений, и тряска автомобиля уже способна выбросить седоков. Отворачиваю вправо и чувствую, что сзади раздаются звуки падающих предметов, по-прежнему раздаётся рев и крик сидящих офицеров: «быстрее... быстрее!!!»

Наконец, всё затихло, мы остановили автомобили уже вдали от устья штольни и её створа. Успокоились и, убедившись, что все невредимы и здоровы, заулыбались несколько сдержанными и «натянутыми» улыбками.

Из устья штольни и из устья вертикального ствола валили дым и пыль. Напомню, что «Диспозицией...» предусматривалось не подходить к устью штольни ранее, чем через 2 часа. Напряженно ждали, а будет ли вторичный взрыв, как это имело место при первой «игре». Да, примерно через 40–50 минут такой взрыв, и довольно мощный, произошёл!

Через 2 часа, не давая сигнала отбой, мы прошли ближе к устью штольни и району разлёта всех выброшенных из штольни материалов. Понятно, что забойка не выдержала, «камуфлета», как и в первом случае, не получилось. 700 тонн тротила выстрелили всю забойку («пыж») через штольню («ствол»). На местности валялось, кроме материала забойки – щебня, рельсы длиной отдельных, соединенных между собой, кусков до 200 метров, шпалы, элементы деревянной крепи, куски кабелей, труб и других материалов, имевшихся в штольне. Правая граница разлёта всего этого «материала» (по ходу полёта) на порядочном расстоянии шла впритык к трассе движения наших автомобилей, не хватило, буквально, 2–3-х метров, чтобы их захватить в этот «круговорот».

Всё закончилось благополучно. Я дал сигнал отбоя. Оставшиеся трудящиеся вернулись в лагерь. Руководство собралось в нашей палатке. Время шло к темноте. Приняли решение:

- Оставить в лагере минимум трудящихся для охраны устьев штольни и ствола от проникновения в них, охраны имущества и оборудования;

- Горному подразделению комбината, после Новогоднего праздника, приступить к консервации горных работ.

— Остальных трудящихся доставить к местам постоянного проживания и работы.

А. А. Попов с нами принял решение как можно быстрее добраться в Чкаловск. Дело в том, что мы, через Попова, получили приглашение на новогодний бал от директора комбината Г. В. Зубарева. Водителю автомобиля Попов дал полную свободу выбора трассы (вариантов было несколько) с одной целью, как можно быстрее попасть к цели. В пути много обсуждали, как мы, бородатые, явимся на бал и лишим преимущества уважаемого всеми Г. В. Зубарева быть единственным в бороде! (А носил он довольно большую, «Курчатовскую», бороду).

Добрались в Чкаловск уже часов в 22–23. А. А. Попов пригласил меня и А. Бугайского к себе домой, где мы приняли ванны, привели себя в порядок. Подошло местное время Нового года, мы поздравили друг друга и членов семьи Попова, выпили по бокалу шампанского! И поняли, что мы все уставшие, лица обветренные и загоревшие, веселиться в темпе отдохнувших, разодетых к празднику участников бала, в основном, сотрудников управления комбината, не сумеем. Решили не идти на бал. Остались у А. А. Попова, где ещё повеселились. Нам любезно предложили чистые и тёплые постели.

Утром А. А. Попов вызвал автомобиль и отправил нас в Янгиабад, куда мы благополучно прибыли в конце светового дня, 1-го января 1961-го года. Так я впервые встретил Новый год вне семьи. Борода моя Юле не понравилась, и я с ней (бородой) расстался в день приезда.

ГЛАВА 22

Семипалатинский атомный полигон. Третий «модельный» и удачный взрыв

Недолго пришлось мне побыть дома, заниматься своими, обычными производственными делами. О проводимых «мероприятиях» во время командировки рассказывать сослуживцам и друзьям не разрешалось, о чём мы дали соответствующие подписки. Детям тоже на их вопросы выдумывались рассказы, не имеющие никакого отношения к реальным делам.

Уже в начале февраля 1961-го года получил распоряжение лично от директора предприятия В. Я. Опланчука оформить командировочные документы для поездки на срок не менее 2-х месяцев на объект «Москва 400», к поездке привлечь и ст. инженера А. Бугайского. В 1-м отделе мы получили необходимые документы и разъяснения, как добраться до объекта, подписали соответствующие обязательства о неразглашении тайны, с кем и как связаться в местах пересадок с одного вида транспорта на другой, и прочее, и прочее.

Юлии и детям пришлось объяснить необходимость отъезда на очередной длительный срок (Юлия, конечно, получила более реальные сведения от меня), и мы выехали в Ташкент и далее. А далее, это самолётом Ташкент – Алма-Ата, далее Алма-Ата – Семипалатинск. В Семипалатинске на такси по данному нам адресу добрались на одну из окраин, где в отдельно стоящем, довольно большом, одноэтажном доме с приусадебным участком, окружённом деревянным штакетником, нас принял «хозяин» этих хором, военный в чине старшины (фамилию не помню, но её в то время, как мы позже узнали, знали

все трудившиеся на «объекте», она была легендарна). Нельзя сказать, что приём был радушным, даже наоборот, очень сухим, с оттенком недовольства, вроде, «мы Вас не звали». Чувствовалось, что «хозяин» высоко оценивает свою роль, горд своими обязанностями, выполняет их скрупулёзно, со всей ответственностью и все, обратившиеся, должны оказывать ему почтение, так как от него зависит как будут проведены дальнейшие время и условия проживания здесь, день выезда на объект. Но, тем не менее, он разместил нас в приличную (а были и хуже) комнату, оказал нам внимание и в дальнейшем. Совместно с нами поужинал, присоединив к нашим продуктам свой харч, довольно обильный и хорошо приготовленный (наверно его супругой). Он оперативно связался с необходимыми органами, передал наши данные и характер наших командировочных заданий, так что мы уже на следующие сутки выехали на спецпоезде, имея на руках специальные пропуска на Центральную площадку.

Поезд продвигался довольно медленно, часто останавливался на каких-то разъездах, полустанках, часто по вагонам проходили военные патрули, требовали показать документы. Наконец, через несколько часов на очередной стоянке нас тщательно проверили и не только документы, но и багаж при нас, на предмет наличия, кроме всего прочего, спиртных напитков, – на объекте был режим «сухого закона». Солдаты, под руководством офицера, очень внимательно прощупали всё содержимое чемоданов и портфелей. В поезде было не так уж и много приехавших, грузы на вагонах-платформах, крытые грузовые вагоны, т. е. состав смешанный, поэтому вся проверка продолжалась довольно долго. По окончании проверки, поезд заехал уже в огороженную по всем правилам закрытую зону. По ней проехали какое-то время и остановились на станции с довольно развитыми железнодорожными путями, где нас встретил один из сотрудников подразделения нашего комбината.

Это подразделение называлось «Экспедицией...» Он проводил нас в одно из трёхэтажных зданий, которых оказалось здесь в достаточно большом количестве – кирпичные типовые общежития того периода. В этом общежитии проживали по 2–3 дня только трудящиеся нашей экспедиции, приехавшие на работу, или оформляющие отъезд после отработки назначенного срока (как правило, шести месяцев).

Утром, после завтрака в одной из столовых самообслуживания, не отличающейся чистотой и порядком, мы отправились в штаб войсковой части, являющейся «хозяином» всей обширной территории, всех происходящих на ней событий. Уже понятно, что речь идёт об известном полигоне атомных испытаний, находящемся близ города Семипалатинска, на территории Казахской ССР.

Здесь я хочу несколько отступить от хронологии и рассказать некоторые сведения, которые узнал позже, в процессе работы на полигоне. Это поможет лучше и легче понимать дальнейший рассказ.

После оформления соответствующих пропусков, мы прошли на второй этаж монументального здания, в котором размещался «Штаб...». Трехэтажное с колонами, выкрашенное в бледно-желтый цвет, размещалось в центре городка, именуемого тогда «Берег». Действительно, границей городка (кажется северной) являлась река Иртыш, один из главных притоков одной из больших Сибирских рек, Оби. Здание штаба с трёх сторон окружалось парком, а со стороны главного фасада была площадь, примыкавшая к главной улице городка. На главной же улице размещались и Дом офицеров, и большинство торговых магазинов и учреждений общественного питания, здания управлений многих воинских подразделений и других организаций, участвующих в работе полигона.

Нас принял начальник штаба полковник А. Щетинин. Он попросил рассказать о характере и порядке организации проведенных в Киргизии модельных взрывов, сообщил нам о необходимости проведения модельного взрыва на полигоне, просил нас оказать руководству полигона помощь в организации его осуществления, на основе имеющегося у нас опыта. На нас он возложил и обязанность написать документ – «Диспозицию...», который он посчитал очень важным и необходимым, особенно в условиях полигона. Этот документ, он считал, надо будет утвердить у командира в/ч (номер не помню), то есть у «хозяина», которым в это время был генерал-майор Иван Николаевич Гуреев. При нас полковник Щетинин доложил по телефону генералу о нашем прибытии. Последний решил принять нас. Примерно через час, в течение которого мы в спецотделе оформили ряд документов и подписок о неразглашении секретных сведений, нас провели в обширный кабинет гене-

рала, где уже находились несколько полковников – начальник оперативного отдела (фамилию не помню), начальник научной части Николай Николаевич Виноградов и знакомый уже нам А. Щетинин. Нас представили генералу. Это был среднего роста, крепко сложенный, плотный, но не толстый, человек. Крупное лицо, гладко и тщательно выбритое, крепкая шея. Беседа была короткой. Генерал тоже подтвердил, что мы окажем им существенную помощь в деле организации модельного взрыва, впервые осуществляемого на полигоне в подземных условиях, и перед подготовкой к первому подземному атомному взрыву.

После этого короткого совещания мы вместе с подъехавшим к штабу начальником экспедиции нашего комбината Фёдор Семёновичем Польша (это был начальник производственного отдела рудника № 2 нашего предприятия) и оформления необходимых удостоверений с «магическими» значками, дающими право посещения и входа в определённые учреждения и площадки полигона, на автомобиле отправились в распоряжение его подразделения.

Большая территория полигона была разбита на отдельные площади, именуемые «площадками», число которых я не знал, и не знаю до сих пор. Знаю только часть из них, это площадки «Ш», «Г», «Д-1», «Д-2», «Д-3», располагавшиеся на разных от «Берега» расстояниях и в разных направлениях. Перечисленные мною площадки находились на юг и юго-восток от центра. Проезд на самые дальние из них проходил через, или рядом, с предыдущими. Чтобы попасть на площадки «Д-1» и «Д-2», непосредственно на которых находилась наша экспедиция, и где проводились проходка горных выработок для будущих взрывов, надо было проехать через площадки «Ш» и «Г».

Ближайшая от «Берега» площадка «Ш» была на расстоянии примерно 100 км по прямой дороге, площадка «Г» от «Ш» около 20 км к востоку, а площадки «Д-1» и «Д-2» ещё км 30 к востоку. Площадки «Ш» и «Г» на равнине, а площадки «Д», в горной гряде, имеющей превышение над равнинной частью в 400–500 метров.

К моменту нашего прибытия основные производственные и людские ресурсы Экспедиции располагались на площадке «Д-1» и были направлены на проходку двух штолен с необходимыми сооружениями для размещения разнообразных аппаратов и приборов, по проектам, выполненным ГСПИ-14

по заказам Минобороны и многих других исследовательских организаций Академии Наук СССР, Минздрава СССР и других ведомств. Очевидно, всё это координировалось Минсредмашем и Минобороны.

Все производственные объекты – мехмастерские, компрессорные, дизельные электростанции и прочие – размещались во временных, деревянных помещениях, навесах, располагающихся поблизости от площадок штолен. Жильё для трудящихся экспедиции и военных строителей, приданных экспедиции, столовая, прачечная и др. размещались в деревянных казармах типа КЩ, подальше от горных объектов. На одном из предгорных холмов на площадке «Д-1», поближе к штольням, был выстроен финский деревянный коттедж, в котором меблирован зал для совещаний. На площадке «Д-2» тоже уже были начаты горные работы по проходке 2–3 штолен и, также, имелись и строились объекты жилья и обслуживания.

Дороги от центра до площадок и между площадками были выполнены довольно хорошими, по нормам для проезда тяжёлых видов транспорта, но без асфальтового покрытия. Связь с площадками была телефонная по временным опорам и по кабелям по почве. Аппараты примитивные, зачастую полевые, кроме того, имелась и радиосвязь, находящаяся под руководством спецподразделения руководства полигона.

Начальником экспедиции, как я уже отмечал, был Ф. С. Польща. Организационная структура экспедиции соответствовала структуре рудника. Главным инженером экспедиции был в это время Владимир Иванович Попов, горный инженер, который работал начальником ППО геологоразведочной экспедиции комбината, размещавшейся в г. Чкаловске, той самой, что в своё время находилась в Ташкенте, и где я работал в 1957–58 годах; главным механиком экспедиции был Владимир Крестовский, «дома» – главный механик рудника № 1. Были и главный бухгалтер, и старший плановик, и отдел нормирования труда, и главный маркшейдер. Численность всех служб была минимальной. Так как, каждый трудящийся командировался сюда на работу на 6 месяцев, то смена происходила индивидуально, что не очень отражалось на производственных процессах, чем если бы смена проводилась групповым составом.

В составе экспедиции было два горных участка, один на «Д-1» и второй на «Д-2», которые были укомплектованы

необходимым составом горного надзора – начальники участков, горные мастера, участковые механики, маркшейдеры, нормировщики – и квалифицированными рабочими-специалистами всех горных специальностей. Каждый проходимый забой проводился комплексной бригадой. Темпы проходки каждым забоем были на хорошем уровне, 60–80 погонных метров на забой в месяц. На вспомогательных работах и обслуживании на поверхности (уборка помещений, доставка материалов, кочегары и т. п.), а также на строительных работах поверхностных объектов, работали солдаты военно-строительных отрядов, приданных экспедиции. Столовые и их персонал были в штате управления тыла.

Ф. Польша и В. Попов проживали в двухкомнатной землянке, устроенной в склоне невысокой гряды на «Д-1». Первая комната выполняла роль кабинета, а вторая – спальни, где мне поставили третью раскладушку. А. Бугайского разместили в одной из комнат для ИТР в общежитии-казарме. К моменту моего прибытия в Экспедицию на «Д-1» была закончена проходка штольни № 3, протяженностью около 400 метров, в которой и планировалось произвести модельный взрыв мощностью 250 тонн тротила. Забойка должна составить 150 метров, в конце её – железобетонный «зуб» двойной, по 5 метров каждый, с большим по величине врубом в изверженные породы, чем это делалось при прежних взрывах, и усиленном качестве бетона, т. е. марка его должна быть не менее «400». Бригада проходчиков сооружала камеру для размещения тротилового заряда. Пока проводились эти работы мы несколько раз приезжали на «Берег», где, на основе наших рекогносцировок и изучения местности в районе готовящегося взрыва, составили «Диспозицию...». Рассмотрели её с начальниками основных служб штаба. Она была утверждена генералом И. Н. Гуреевым. А на месте мы проводили обучение и инструктаж рабочего персонала и горных мастеров, выделенных для производства работ по зарядке камеры и сооружению забойки и бетонного зуба. По нашим указаниям были подготовлены механической службой экспедиции необходимые средства для доставки тротила к камере, приспособления для удобного производства работ по разгрузке вагонеток с дроблённой породой при закладке и бетонированию при сооружении зуба.

Перед началом работ по зарядке камеры генерал И. Н. Гуреев собрал совещание в домике на площадке «Д-1» с участием многих офицеров, начальников различных служб и подразделений, в котором участвовали и мы, я имею ввиду Польшу, меня и Бугайского. На совещании была поставлена задача провести все предстоящие виды работ со всей тщательностью, выдержать все параметры, предусмотренные проектом, в минимальные сроки и обеспечить безопасность при производстве работ и непосредственно взрыва. Были определены ответственные за каждый вид работ и передел. Результат совещания был закреплён приказом, подписанным генералом. Ответственность за проведение работ по зарядке камеры, выполнение закладки и бетонного зуба возлагалась на начальника экспедиции, которое одновременно называлось в/ч № 32672 (цифры не точны, забыл их точное значение) Ф. С. Польшу. Ответственность за качество заряда, линии подрыва, безопасность проведения этих работ и при производстве непосредственно взрыва, и после его осуществления возложена на Л. Б. Бешер-Белинского. Ответственность за качество поставляемого щебня закладки, запроектированной марки бетона возложена на начальника в/ч (военно-строительного подразделения). Надзор за выполнением всех видов производственных операций с регистрацией их в соответствующих журналах (соответствие нормам соотношения компонентов при изготовлении бетона, отбор проб из каждой партии поставляемого цемента и бетона, щебня, применение и тщательность проработки бетона вибраторами при укладке бетона в зуб и т. п.) возложена на подразделения военно-научного управления штаба, руководимого полковником Н. Н. Виноградовым и сотрудников ОКСа штаба полигона, руководимых полковником Рыжиковым.

Сам ход работ по зарядке, закладке и бетонированию «зуба» описывать не буду, так как он был идентичен аналогичным работам в прежних модельных взрывах. Расскажу лишь несколько интересных эпизодов, имевших место в процессе работ и взрыва. Понятно, что мне и моему помощнику Бугайскому пришлось опять потрудиться и днём, и ночью, разделив сутки пополам, а то и вместе прихватывать по несколько часов, т. е. и совсем не спать сутки и более при определённых обстоятельствах.

Неожиданно для меня, в то время когда камера уже была заряжена, а я занимался прокладкой линии подрыва ДШ и, как это было предусмотрено «Диспозицией...», в штольне находилось ограниченное число людей (Бугайский, взрывник горного участка, доставивший к месту работ ДШ и других средств взрывания), появилась группа людей в робах, касках с горящими шахтными лампами-аккумуляторами, при полном горняцком снаряжении. Я возмутился и хотел было выmaterить Ф. С. Польщу, который шёл впереди этой группы. Он вовремя остановил мои намерения и успел шепнуть мне, что это приехали на полигон и решили лично посетить наши работы крупные руководители. Я узнал сразу В. Я. Опланчука, который к этому времени стал директором комбината вместо Г. В. Зубарева, выдвинутого на должность первого заместителя председателя Совмина Таджикской ССР. За ним шёл Ефим Павлович Славский, наш министр, вслед – Николай Борисович Карпов, начальник первого главного управления Минсредмаша и с ним генерал И. Н. Гуреев – начальник полигона. Компания не большая, но «знатная». Все были в хорошем настроении, поздоровались со мной, посмотрели как я обращаюсь с линией ДШ, а Ефим Павлович попросил у меня разрешение тоже подержаться за шнур, чтобы потом, как он выразился:

– Буду хвастаться, что и я принимал личное участие в производстве этого модельного взрыва.

Я, естественно, разрешил, и он рядом со мной держался за разматываемый мною круг ДШ. Следует сказать, что в этом взрыве удалось мне настоять, чтобы был доставлен специальный детонирующий шнур, не применяющийся на горных работах в промышленности, маркирующийся как ДША, имеющий более подходящие характеристики по стойкости к внешним температурам, если мне память не изменяет, то выдерживающий температуры до 70–75°C, тогда как обычный ДШ не гарантировал годность при температурах 50° С. Оболочка ДША была приятного красного цвета, очень гладкого и бархатистого покрытия. Затем произошло небольшое обсуждение предстоящих работ, спросили меня как обстоят дела по возможным срокам выполнения оставшегося объёма работ до взрыва. Они отправились на поверхность, предварительно пригласив меня на производственное совещание, которое решил провести министр с руководителями подразделения и передовиками из

числа рабочих в конце этого же дня. На совещании были обсуждены, в основном, вопросы материального обеспечения горных работ и быта трудящихся, в которых было достаточно проблем, выданы «ценные» указания соответствующим руководителям и министр со свитой отправился на «Берег». В дальнейшей работе этой, как тогда принято было говорить, комиссии я участия не принимал и какие решения она (комиссия) выработала не знаю. Мне стало известно, что директором предприятия вместо В. Я. Опланчука, назначен вернувшийся с учёбы в «Высшей Партийной школе» Константин Михайлович Тимофеев.

Работы по устройству закладки щебнем и бетонированию железо-бетонного «зуба» прошли без особых событий, хотя, несколько раз фиксировались не соответствие проектным характеристики щебня и марки цемента, применяемого для производства бетона. Эти недостатки, насколько возможно было, быстро ликвидировались соответствующими подразделениями и весь процесс занял примерно месяц.

В соответствии с «Диспозицией...», последними от штольни, у устья которой стоял ящик с началом (или концом) ДША, у которого постоянно находился солдат-автоматчик, допускавший к ящику только меня, уходили я, офицер-разводящий охраны и по его указанию солдат-автоматчик. Мы на автомобиле ГАЗ-69, ожидавший нас в отдалении, отправились к палаткам управления взрывом, находящимся в 4-х километрах от площадки штольни, за опасной зоной. В одной из двух палаток находились руководители взрыва, возглавляемые генералом И. Н. Гуреевым, и несколько высокопоставленных гражданских лиц, с некоторыми из которых я познакомился позже. Здесь я по всей форме (как командир в/ч) доложил генералу Гурееву о полной готовности «игры» и положил на стол ему заранее подготовленный письменный рапорт о готовности ко взрыву. Всё это соответствовало указаниям, отражённым в «Диспозиции...», внесённым при её составлении представителями штаба полигона. В последствии я понял, что это уже были детали, которые потребуются при производстве уже реального атомного взрыва.

Мой доклад генерал одобрил и приказал объявить часовую готовность. Точное время взрыва было, надо думать, согласовано с Москвой. И, как это происходило ранее, по микрофону один из офицеров управления взрывом объявлял минутную,

полуминутную, а затем 20-ти, 19-ти, 18-ти и т.д. секундную готовность, и «0».

Легкое землетрясение, напряжённое ожидание дальнейшего, смотрим в бинокли – всё благополучно!! Забойку не вынесло!!! Общий вздох! Поздравления друг друга!

В соответствии с положениями «Диспозиции...», подходить к устью штольни можно не ранее 24-х часов. Никаких работ в районе штольни не производятся. Оцепление опасной зоны снимается и переводится на другие позиции, менее удалённые от площадки.

Но, генерал И. Н. Гуреев говорит мне:

– Леонид Борисович! Давай ты да я подойдём поближе к штольне, взглянем есть ли разрушения устья и т. п.

Говорю:

– Но, Иван Николаевич! Ведь записано... нельзя!

– Ну ладно, только мы с тобой!

Но в этот момент нас слышал еще один человек, который оказался Михаилом Александровичем Садовским, директор Института физики земли Академии Наук СССР, член-корреспондент Академии Наук (в недалёком будущем – действительный член Академии Наук), который тут же и заявил:

– А я, Иван Николаевич, я тоже хочу. Неужели не возьмешь меня?!

Переглянулись между собой, а мне-то и самому очень хотелось взглянуть на результат! Я позвал командира горноспасателей, приданных экспедиции, это был Николай Мотлохов, мой сослуживец и товарищ ещё с Майли-Суйских времён, и дал ему команду взять еще двух бойцов-горноспасателей. Перечисленная «команда», во главе которой я, двинулись к площадке штольни. Меня никто не мог задержать, так как я был самым главным ответственным в это время игры. Но повёл я их не непосредственно к устью штольни № 3, в которой и был произведен взрыв, а по противоположному берегу неглубокого сая, разделяющего площадки штолен № 3 и 4. Последняя предназначалась для подготовки подземного атомного взрыва. Бойцы-горноспасатели, с моего разрешения, подошли непосредственно к устью штольни, где оказалось, что часть портала от землетрясения разрушилась. Однако, памятуя, что есть возможность вторичного взрыва, я приказал им не находиться у входа в штольню. Они поднялись по склону на верхнюю

часть и стали ломиками сбрасывать отколовшиеся от массива куски пород, нависавшие над входом. Мы же, оставшаяся группа, уселись на противоположном склоне, на расстоянии примерно метров в 30-ти, но не прямо против створа штольни, а с отклонением от него градусов на 15–20. Пошло рассуждение будет, или нет, вторичный взрыв при условии, что забойку не вынесло. В это время послышался гул и сильный хлопок, а из жерла штольни полетели камни. Но при первом же гуле мы все вскочили на ноги и бросились бежать вниз, подальше от створа и штольни. Горноспасатели кубарем скатились от устья в сторону от створа. Всё быстро успокоилось, травм, по счастью, никто не получил. Конечно, эффект вторичного взрыва резко отличался от прежних, когда материал забойки зарядов выносило.

Сам же факт нарушения записанных правил и случившееся послужили в мою пользу, ещё раз подтвердив строжайшую необходимость выполнять принятые положения.

Через 24 часа мы, группа из военных специалистов, горняков с необходимым инструментом для обборки отколовшихся и нависших кусков пород и после положительных результатов проб воздуха, отобранных горноспасателями, прошли по штольне до бетонного «зуба», осмотрели его состояние. Военные инженеры сделали зарисовки. На этом мой интерес к этой штольне закончился.

Ф. С. Польша пригласил меня поехать с ним на «Берег» и вместе с ним доложить директору комбината В. Я. Опланчуку о результатах проведенных работ по модельному взрыву.

В центральном городке мы подъехали к трёхэтажному зданию штаба управления военно-строительных войск, расквартированных на полигоне. Командиром этих войск был полковник Б. Г. Падушинский (инициалы не точны), с которым меня познакомил Польша, после разрешения войти в кабинет. Худощавый, довольно высокого роста, подтянутый (чувствовалась военная выправка), выразительные, внимательно изучающие собеседника глаза, произвели на меня какое-то необычное впечатление, стало понятно, что передо мной необычайно сильный и серьёзный руководитель и талантливый человек, прошедший большую жизненную школу. В большом, хорошо, но не вычурно, обставленном кабинете, на большом столе, за которым сидел Падушинский, стояло много телефонов, один из

которых (большой, белый) был ВЧ, по которому мы и связались с Ленинабадом – Чкаловском – Опланчуком.

После докладов Польши и моего, В. Я. Опланчук предложил мне принять дела от Польши, потому что назначает меня начальником экспедиции с достаточно высоким окладом содержания, и просит не возражать, а немедленно приступить к исполнению новых обязанностей. В. Я. Опланчук сообщил мне, что он через несколько дней приедет лично на полигон и представит меня руководству, которое уже информировано о назначении, что все его решения согласованы и утверждены начальником первого главного управления министерства. Всё это было весьма неожиданно для меня. Я несколько даже растерялся. Но с этого момента я уже вышел из штаба как-то под тяжестью положенного на мои плечи тяжелого груза обязанностей, тем более, что В. Я. Опланчук во время телефонного разговора, сказал, что наступает очень ответственный период работ на полигоне.

ГЛАВА 23

Жизнь атомного полигона. Я становлюсь начальником экспедиции и «командиром в/ч».
Воздушные испытания. Подготовка к первому подземному испытанию «изделия». Ю. Б. Харитон

Эту главу я начну с некоторых положений, которые узнал и освоил по мере работы в новом амплуа и которые помогут лучше понять события происходящие позже.

Повторюсь и напомним, что полигоном руководил его начальник, в это время генерал-майор Иван Николаевич Гуреев (командир В/Ч №, который не просто не помню, но и не знал и не интересовался им) со своим штабом, в котором был полный набор всех необходимых отделов, размещённых в описанном мною ранее здании, и служб разных направлений, необходимых для выполнения всех жизненных функций очень крупного хозяйства, каким являлся полигон. В первую очередь скажу, что в составе этого крупного войскового подразделения имелось довольно важная научно-исследовательская часть, руководимая полковником Николаем Николаевичем Виноградовым, размещавшемся в группе зданий, ограждённых своим забором и охранными устройствами. Управление тыла, которым командовал полковник Иван Белый, штаб которого размещался тоже в отдельном, довольно большом здании в городке. В составе тыла имелись, также, необходимые службы: торговли, общественного питания, быта и т. п. Естественно, в составе в/ч полигона имелись боевые войсковые части, осуществлявшие охрану всего периметра ограждённой территории, поддержания порядка – комендантские функции, и др. Имелся аэродром с необходимым инженерным оборудованием, на котором базировалось какое-то число самолётов и вертолёт, в том числе командирский самолёт типа «Дуглас» (по моим понятиям).

Все виды строительства, осуществляемые в значительных объёмах, проводились войсковыми подразделениями военных строителей, объединённых штабом крупного подразделения под руководством полковника Падушинского (с которым я уже познакомился). В составе управления строительства имелись множество строительно-монтажных, подсобно-вспомогательных и других подразделений, базировавшихся на своих территориях, производства, склады материально-технического снабжения со своими подъездными путями и т. д. и т. п. Как мне говорили, должность командира этих строительных войск была генеральской, но Падушинскому очередного звания не присваивали, из-за «пятого пункта», он был евреем по национальности (такие ходили слухи).

В городке имелся государственный банк, в котором (по непонятным мне причинам) руководство и служащие были в погонах. Было и управление особого отдела, которым в то время руководил полковник в погонах военно-воздушных сил, фамилию которого совершенно не помню. Очевидно, было много и других подразделений, объектов, родов войск, о которых я не знал, потому что не приходилось с ними сталкиваться.

Командир гарнизона, то бишь, генерал И. Н. Гуреев, со своим штабом был здесь «заказчиком» по отношению к привлекаемым военным строителям, являвшимися «генеральным подрядчиком», и ко многим специализированным подразделениям (партиям, экспедициям и др.), являвшимися субподрядными организациями. К категории последних относилась и наша экспедиция, в функции которой входило сооружение подземных горных выработок, камер для размещения в них ядерных зарядов, специального оборудования и приспособлений, животных и прочего, для проведения испытаний ядерных устройств и связанных с этим научно-исследовательских работ во многих областях знаний. Наша (а теперь моя) экспедиция была одной из самых крупных по объёму работ, численности и важности, среди многих других и это чувствовалось во всё время моего пребывания на полигоне, да и давало кое-какие мне преимущества. По моим оценкам на полигоне, имея ввиду не только его центральный городок, «Берег», а и все площадки, размещённые в разных местах обширной площади, одни из которых уже «отслужили» своё назначение, а другие создавались для определённых целей, находилось не менее сотни тысяч

человек. Кроме постоянных войсковых подразделений, на полигоне беспрерывно шло обучение приехавших сюда офицеров разных родов войск, целых войсковых подразделений. В городке функционировало несколько десятков трёхэтажных офицерских общежитий для приезжающих на курсы, десятки таких же домов-гостиниц для приезжающих и отъезжающих гражданских лиц. В довольно красивом и архитектурно-оригинальном здании Дома офицеров демонстрировались кинофильмы, проходили вечера отдыха в выходные дни, торжественные собрания по случаю праздников и другие культурно-развлекательные мероприятия. На внутренних территориях штабов и некоторых подразделений были оборудованы спортивные, волейбольные и баскетбольные площадки, на которых в вечернее летнее время и по выходным проводились игры, товарищеские соревнования и здесь присутствовало много «болельщиков».

Вправо от здания штаба гарнизона, если смотреть на главный фасад, размещался довольно большой сад – парк, на территории которого, ближе к левому берегу Иртыша, стоял большой каменный коттедж, где проживал с семьёй генерал И. Н. Гуреев. Недалеко от него – небольшой гостиничный комплекс (двухэтажный жилой, на номеров 10, дом и одноэтажные подсобные помещения) для высокопоставленных гостей, которые появлялись часто на полигоне – крупные учёные, маршалы, генералы, министры и другие, приравненные к ним, лица. На первом этаже этой гостиницы, была небольшая комнатка, вход в которую шёл прямо под лестничным маршем с первого на второй этаж, отданная в постоянное распоряжение начальника экспедиции комбината, т. е., в данном случае, меня. Я мог в любое время появляться и пользоваться этим жильём без какого-либо дополнительного оформления.

Постоянный состав старших офицеров гарнизона проживал с семьями в квартале одно- и двухквартирных коттеджей, или в квартирах многоэтажных домов. Все остальные участники жили в общежитиях, казармах, естественно, это были или холостяки, или офицеры, семьи которых продолжали находиться в местах постоянного проживания. В силу вышесказанного понятно, что соотношение мужского и женского населения было весьма и весьма большим. Ну, и ещё одно, немаловажное обстоятельство – на полигоне существовал «сухой закон»,

установленный руководством полигона. Два последних обстоятельства создавали очень своеобразную «атмосферу» в общественной жизни полигона.

Итак, я принял дела от Ф. С. Польщи, если имеется ввиду просто заявления об этом на собранном совещании ИТР управления и начальников участков экспедиции, где Ф. С. Польща попрощался, а я представился работникам, хотя многие из них знали меня или по проводимым здесь работам с моим участием, или по работе на нашем Янгиабадском предприятии, откуда они командировались сюда.

Ф. Польща ввёл меня в курс плановых дел и финансового состояния экспедиции. На закреплённой за экспедицией машине (ГАЗ-69) с солдатом водителем мы отправились на «Берег», где были приняты генералом И. Н. Гуреевым, доложили ему о смене руководителя экспедиции. Ф. С. Польща с большой радостью отправился домой, а я на площадку в распоряжение вверенного мне объекта.

Начались будни напряжённой работы по обеспечению стабильной работы при увеличивающихся объёмах горных и строительных работ, выполнению планов, при требуемом качестве работ, по сдаче выполненных объёмов заказчику, своевременному поступлению финансовых средств на счёт экспедиции через банк, по материально – техническому обеспечению и своевременному поступлению в экспедицию людских кадров. Естественно, в мои обязанности входили и представительские функции, участие в оперативных совещаниях на уровне руководства генподрядчика, заказчика, торжественных мероприятий, проводимых на городском уровне и т.п.

На основной площадке «Д-1», где размещались главные к этому времени силы экспедиции, склады снабжения, контора управления, горные работы производились на четырёх штольнях, готовились промплощадки ещё на нескольких.

Но основное внимание заказчика было направлено на штольню № 4, где и должен был быть выполнен первый в СССР подземный атомный взрыв. Здесь заканчивалась проходка штольни, в конце которой должна быть сооружена камера для размещения «изделия», так называлось атомное устройство в открытых разговорах. Одновременно, проходились несколько камер различных размеров, в которых устраивались стеллажи различной конструкции, на которых будут размещены

приборы и аппараты многих исследовательских организаций. Условно все эти приборы назывались осциллографами.

Особые технические требования предъявлялись к одной, необычной камере, которая сооружалась под узкоколейными путями штольни на глубину от головки рельс примерно на 2,5–3,0 метра, шириной 2,0 метра и длиной по ходу выработки 5–6 метров. В ней необходимо было обеспечить полное отсутствие влаги. Последнее условие, практически, было невыполнимым, потому что при проходке выработок постоянно шло водовыделение из горных пород, проходила водотводная канавка, по которой протекала вся вода и которую надо было отвести от этой камеры, кроме того шло выделение воды из стенок самой камеры, площадь которых достаточно большая. Выполненные мероприятия, предусмотренные проектом, не дали необходимого результата по удалению влаги. Мне пришлось поручить главному инженеру экспедиции В. И. Попову заняться только этим серьезнейшим вопросом, освободив его от других обязанностей. Мне показалось, что Владимир Иванович проникся этим делом и проводил в этой камере по 14–18 часов в сутки, экспериментируя разные варианты и, забегая вперёд, скажу, что он добился нужных условий и сдал камеру представителям заказчика с хорошей оценкой. Но это произошло уже к концу срока его пребывания в экспедиции.

Его сменил Андрей Сергеевич Шитов, сотрудник нашего предприятия и мой близкий товарищ. Понятно, что в период работы В. И. Попова. исключительно в «камере», на меня навалилась двойная нагрузка.

У меня, начальника экспедиции, был заместитель по общим вопросам (материально-техническому снабжению, размещению трудящихся во время их прибытия и отбытия на полигон и обратно и т. п.). В мою бытность эту должность занял сразу после моего назначения сотрудник базы МТС Янгиабадского предприятия, очень энергичный и коммуникабельный, симпатичный молодой человек Юрий Антонович Левченко. Он быстро вошёл в курс дел и оказывал мне большую помощь в работе. Он постоянно находился на «Берегу» и, кроме прямых своих обязанностей, выполнял все мои поручения, снимая с меня необходимость, зачастую, выезжать с площадки на «Берег».

Как я уже отмечал, незадолго до моего назначения на руководство экспедицией, начались работы по организации и ос-

воению новой площадки, «Д-2». Мне уже пришлось быстрыми темпами развить эти работы, начать и ускорить проходку 3–4 новых штолен, строительство объектов жилья (казарм), столовой, котельной, складов материалов и продовольствия и всего остального, провести передислокацию основных сил экспедиции с «Д-1» на «Д-2». На «Д-1» я проживал совместно с главным инженером в землянке, а на «Д-2» был выстроен деревянный (финский) домик, в котором разместился кабинет и спальни для меня и Шитова А., но это потом. Имелось ввиду, что перед «игрой» всё управление экспедицией должно перейти на «Д-2». Так оно и было.

Одной из важной, но не очень приятной, обязанностью, было промежуточная месячная, по форме С-3, и ежеквартальная, по форме С-2, сдача заказчику выполненных объёмов работ, по результатам которых переводились денежные средства на счёт экспедиции. По существовавшим в СССР правилам, субподрядчик должен сдавать свои работы генподрядчику, но здесь было принято решение, что наша экспедиция, из-за специфики горных работ, сдаёт объёмы прямо заказчику, в штабе которого имеется мощный ОКС (Отдел капитального строительства) со множеством специалистов. Начальником отдела был полковник Куликов, человек очень небольшого роста (даже, как-то не смотрелась такая фигура в военной форме), который очень мало занимался нашей экспедицией (наверное был занят другими видами работ, проводимых на полигоне). Нас очень плотно курировал главный инженер ОКСа полковник Павел Аполлинариевич Рыжиков (имя, отчество не точные), довольно грузный, уже пожилой по тогдашним моим представлениям, рыжий, с весьма добродушным, с хитрецей взглядом серых глаз, человек, как-то сразу вызывающий симпатию, в противоположность его начальнику. В составе ОКСа имелось несколько офицеров в званиях не менее майоров, выполнявших функции технических инспекторов, которые ежедневно курировали наши работы, наблюдая за исполнением технических требований при выполнении работ, подписывали акты на скрытые работы при необходимости. Ими же подтверждались, или нет, различные коэффициенты, увеличивающие, или уменьшающие расценки выполненных работ при окончательной их сдаче, что существенно отражалось на финансовой деятельности экспедиции.

У меня сложились достаточно хорошие, я бы сказал, товарищеские взаимоотношения с полковником Рыжиковым. Я даже за время совместной работы пару раз бывал у него дома, познакомился с очень милой его «старушкой» супругой, прекрасно готовящей различные домашние кушанья, по которым я соскучился. Сам полковник и его супруга, я понял, с нетерпением уже ждали ухода в отставку Рыжикова и возвращения на своё место постоянного проживания, где-то в центре России. Мне довелось дважды сдавать квартальные объёмы работы, то-есть, окончательное подписание формы С-3, которое происходило в кабинете полковника Рыжикова, в штабе гарнизона. Несмотря на добрые личные взаимоотношения между нами, Рыжиков всеми своими силами и умением старался доказать неправомо́рность применённых нами коэффи́циентов, увеличивающих стоимос́ть, при малейших возможностях это оспаривать, а мы, мой главный сметчик и экономист экспедиции и я, соответственно, всеми знаниями и напором доказывали правомо́рность их применения. Споры продолжались до поздней ночи два-три дня. В кабинете «дым стоял коромыслом» (и я, и Рыжиков курили беспрерывно), а однажды дело дошло даже до «грудков»: я и полковник с «матами» схватились за лацканы друг друга! Но дело заканчивалось каким-то компромиссом. После этого мы, Рыжиков и я, отправлялись к нему домой, где супруга Рыжикова угощала нас приготовленной ею «вкуснятиной», в основном рыбными блюдами, под возлияния спирта, который он, Рыжиков, разводил, а я пил неразведенный. Я уже говорил, что на территории Полигона действовал «сухой закон». В моём же распоряжении всегда был технический спирт, предназначавшийся для производственных нужд, как и на большинстве советских промышленных предприятиях. Спиртом этим, по соответствующим требованиям и накладным получала служба снабжения экспедиции, как и многие другие материалы, со складов МТС генподрядчика по соответствующим нормам. Естественно, что в условиях «сухого закона» спирт приобретал особую ценность, его хранение и распределение для использования было под личным контролем моего зама по общим вопросам. Весь его запас был в его кабинете, а у меня в кабинете, в сейфе постоянно хранилась 20-литровая канистра со спиртом. Это не значило, что я его пил, нет! Но, чтобы снять неимоверную напряжённость и

усталость от круглосуточного бдения у среднего и старшего состава ИТР экспедиции, я раз в две – три недели, в конце дня, часов в 22–23, устраивал сбор их у себя. Мы в беседе и обмене мнениями выпивали каждый свою «норму» под заранее приготовленную закуску. Доходило и до пения в полголоса под звуки баяна, имевшегося у одного из маркшейдеров. Бывало, что ко мне обращались старшие офицеры, после напряженного труда по своей линии в готовящейся ко взрыву штольне, с просьбой расслабиться, и я удовлетворял такие просьбы, конечно, только тем, с кем сдружился или которым симпатизировал – был такой грех! К таким офицерам относились инженер-полковник Игорь Дмитриевич Асеев из научно-исследовательского сектора, тот же полковник Рыжиков и ещё несколько офицеров в полковничьих и подполковничьих званиях. Но, вернусь к трапезам у Рыжиковых. Мы просиживали до утра и позже, если это совпадало с воскресеньем. Здесь уже и следует открыть секрет весьма вкусных рыбных блюд. Дело в том, что в Иртыше было достаточно много очень вкусной рыбы, особенно, осетра и стерляди. Если осетра я пробовал ранее, то о стерляди знал только по прочитанным романам и повестям. Но ловля рыбы вообще и, особенно, указанных сортов в районе Полигона категорически запрещалась. Но, многие офицеры высокого ранга имели необходимые снасти, плавсредства и опыт ночной ловли рыбы, пользовались этим периодически, вылавливая за каждый выход достаточно много рыбы, чтобы удовлетворить не только свою потребность, но и презентовать своим друзьям и сослуживцам. Доставалось и мне стерлядка непосредственно уже приготовленной в том или ином виде, или на званых вечерах в той или иной семье. Так что, за время моей работы на полигоне я имел удовольствие полакомиться большим количеством особенно вкусной стерляди во многих видах.

О ходе обычных горных работ, дел по их организации и руководстве ими с моей стороны я писать не хочу, потому что это не особенно отличалось от имевшегося у меня достаточного опыта, не вызывало каких-то особых трудностей. Я достаточно часто посещал горные выработки и рабочие места, был в курсе и влиял на ход работ, проводил оперативные совещания, старался и снимал возникающие трудности. Активно руководил горными работами главный инженер Экспедиции А. С. Шитов. Все главные специалисты были опытными

и квалифицированными, работы шли в нужных темпах и без особенных ЧП. Я буду подробнее останавливаться на моментах необычных, присущих специфике атомного полигона обстоятельствах, событиях и фактах, представляющих, на мой взгляд, интерес и характеризующих царящую в то время обстановку и дух, присущий соответствующему советскому периоду.

Помните, что директор комбината В. Я. Опланчук обещал мне, при телефонном разговоре о моём назначении, в ближайшее время приехать и представить меня в новом амплуа. Но, ближайшим временем оказалось немного более месяца. Владимир Яковлевич прибыл не один, а с группой сотрудников управления комбината: сотрудник горного отдела, курировавший экспедицию с самого момента её создания и действительно оказывавший практическую помощь – Иван Онорин, зам. начальника планового отдела А. И. Зиновьев (помните, когда-то недолго работавшего начальником рудника № 2 Янгибадского предприятия, и после снятия ставший управленцем), сотрудник отдела труда и зарплаты – ОТиЗа, и ещё несколько человек. Я встретил их на «Берегу».

В. Я. Опланчук и я были приняты генералом И. Н. Гуреевым. Владимир Яковлевич официально меня представил, выразил удовлетворение моей работой и заверил руководство полигона в том, что экспедицией будут в требуемые сроки и на высоком уровне обеспечены и выполнены предстоящие особой важности работы.

Затем вся группа на автомобилях, вернее Опланчук и я на «газике», а остальные на автобусе «Таджик», переехали на площадки действия экспедиции. Осмотрели горные работы, хозяйство. Владимир Яковлевич провёл совещание с участием ИТР и бригадиров, выслушал выступления и критику в адрес комбината и руководства полигона по некоторым вопросам, в частности, по неудовлетворительному приготовлению питания и санитарному состоянию в столовых спецпитания, находящихся в подчинении управления тыла гарнизона, персонал которых состоял из солдат и заведующими которых был офицер, лейтенант.

После совещания В. Я. Опланчук в беседе «один на один» информировал меня о предстоящих особых работах в ближайший период и о поручении мне лично некоторых операций, не входящих в прямые обязанности начальника экспедиции.

В этот же поздний вечер вся группа вернулась на «Берег». На следующий день состоялся обед в одном из залов гостиничного комплекса, данный генералом, на котором шла деловая беседа о задачах экспедиции в ближайший период и мерах по их исполнению. На столе были и спиртные напитки (водка, коньяк, вина), но никто из присутствующих, несмотря на огромное желание, не посмел открыть бутылку, а генерал и Опланчук не подумали это сделать.

На следующий день Владимир Яковлевич с сопровождающими его лицами отбыл с полигона. Я вернулся на площадки и усилил работы по передислокации имущества экспедиции на площадку «Д-2». Средства автотранспорта экспедиции состояли из нескольких грузовых автомобилей, двух автобусов «Таджик» и легкового «ГАЗ-69». Они постоянно были закреплены за экспедицией. При необходимости перевозок крупногабаритных грузов, леса-длинномера и прочего, по заявкам спецтранспорт выделялся генподрядчиком. Правда, заявки эти выполнялись не всегда оперативно и не с большим «довольствованием». Почему-то всегда и на всех предприятиях СССР, и во все времена, автотранспорт был в дефиците и даже на таком важном объекте, как атомный полигон, это присутствовало. Я упоминал об автобусе «Таджик». Этой марки автобус выпускался авторемонтным заводом (АРЗ) комбината № 6 в г. Чкаловске. Дело в том, что на всех предприятиях комбината трудящиеся перевозились из городков на рудники автобусами, которых вечно не хватало. Поездки в переполненных салонах, опоздания на работу и т. п. были предметом жалоб, обсуждений на проводимых совещаниях, собраниях, конференциях всех уровней и видов (производственных, профсоюзных, партийных). Заявки, требования о поставках автобусов из автомобильной промышленности не удовлетворялись. Поэтому, руководством комбината ещё при директоре Д. Т. Десятникове, была поставлена и выполнена задача организации и выпуска автобусов в авторемонтном цехе комбината. Конструкторы разработали модель на базе шасси автомобиля «ГАЗ-51» Горьковского завода и местным кузовом на двадцать с небольшим мест. В короткий срок авторемонтный цех освоил его производство, сам цех перешёл в разряд завода, стал АРЗ. Постоянно конструкция автобуса и его качество совершенствовались и автобус «Таджик-1», «Таджик-2»

и т. д. стали востребованы не только в пределах комбината № 6, а и на многих предприятиях системы Минсредмаша. Такие автобусы дошли и до полигона. Передислокация с площадки «Д-1» на «Д-2» пошла усиленными темпами и, практически, была завершена в ближайший месяц.

Моё внимание сосредоточилось на работах, проводимых на штольне № 4, где уже шли проходка камеры для заряда, монтаж многих кабелей, труб разных диаметров (в основном небольших), оборудования в камерах-лабораториях. Монтажные работы проводились спецмонтажными участками, являющимися субподрядчиками экспедиции, а организационно были подразделениями механо-монтажных и электромонтажных трестов 12-го главного управления Минсредмаша. С некоторыми руководителями этих участков я встречался в процессе дальнейшей моей работе в будущем.

Мне, всё же, приходилось довольно часто приезжать на «Берег» по вопросам финансовых взаиморасчётов с генподрядчиком, заказчиком, отчётов о делах по ВЧ В. Я. Опланчуку или А. А. Попову, при отсутствии первого, и другим вопросам. Зачастую ко мне присоединялся в поездке тот или иной офицер, как правило, в ранге полковника, многие из которых курировали ход горных и монтажных работ в штольне № 4. Мы шутили: «Над каждой трубой и каждым кабелем – свой полковник», но это было не шуткой, а реальностью. Так вот, при таких поездках я с очередным старшим офицером несколько раз заезжали на площадку «Ш», где в 1949 году был проведен первый в СССР атомный взрыв, первое испытание атомной бомбы. Взрыв был наземный. Воронка от взрыва ещё сохранилась, наверное уменьшилась за счёт природных воздействий за 12 лет, но весь район выглядел мёртвенно-чёрным, в каких-то складках-морщинах безжизненных почв, которые так и не смогли за столь долгий период родить хоть единый росток. Но, что меня ещё больше удивило, так это большое число натуральных строений, возведённых по всем правилам строительства в натуральную величину, таких, как зерновой элеватор, мосты автомобильные, жилые многоэтажные дома и др., выстроенные на разных расстояниях от места взрыва и получившие те, или иные, повреждения. Кроме того, на разных удалениях и направлениях были установлены всевозможные виды военной и гражданской техники: автомобили разных

марок, танки, самолёты, комбайны и т.п., тоже повреждённые в большей или меньшей степени. Всё это производило очень неприятные впечатления и осталось в памяти на всю оставшуюся жизнь. После таких посещений, я понял, зачем и почему на полигоне сосредоточены в огромном количестве силы военных строителей. А ведь, я не знал и не бывал на многих других площадках. Я так и не знал где (и что там было выстроено), было проведёно испытание первой водородной бомбы в 1953 году. Думаю, что и там были сооружены не менее, а, может быть, и более дорогостоящие объекты. Вывод один – Научные разработки о влиянии атомных и водородных взрывов на природу, строения, технику, наконец, и человека, опирались, в основном, на практические результаты, полученные методом «тыка».

На полигоне начались серии испытаний воздушных атомных взрывов, о производстве которых я был предупреждён как руководитель крупного подразделения и с целью принятия мною мер по обеспечению спокойствия среди подчинённых мне трудящихся, адекватного их поведения, запрета выхода за пределы промплощадок. Я не писал, что въезд на каждую площадку был перекрыт шлагбаумом, но проход был беспрепятственным, т. е. площадки не были ограждены. Первый воздушный взрыв я наблюдал с территории штаба гарнизона в городке «Берег».

Примерно в полдень, на фоне чистого голубого неба летнего дня (в последствии я узнал, что взрывы планировались к производству лишь в благоприятные по метеоусловиям дням) появился двухмоторный самолёт, а через несколько секунд ещё один, летящий за ним на довольно значительном, но видимом, расстоянии. А ещё через короткое время мы, а рядом со мной стояло много офицеров Штаба, увидели вспышку яркого света, затмившую солнечный свет и заставившая на некоторое время закрыть глаза. Затем сформировался классической формы «гриб» из пыли, газов, переливавшихся на периферии огненно-рыжим обрамлением. Такая картина стояла довольно долго. Затем постепенно и медленно «гриб» стал размываться и перемещаться по небу под воздействием воздушных течений. А вот звук от взрыва был каким-то не громким, значительно меньшим, чем ожидалось.

Таких картин мне довелось увидеть 20 дневных и одну ночную. Последний взрыв я наблюдал с площадки «Д-1», заранее

подготовив затемнённое стекло, так рекомендовали. Впечатление грандиозное и неповторимое: ночь на несколько мгновений становилась днём, более светлым, чем солнечный!

Итак, я сосредоточил своё внимание на работах в штольне № 4.

Это потребовалось с учётом того, что я был вызван в штаб гарнизона, где меня начальник штаба полковник Щетинин проинформировал о необходимости срочной подготовки к проведению первого в СССР подземного атомного взрыва, входящего в состав серии атомных испытаний 1961 года, определённой ЦК КПСС и правительством СССР и приуроченной к открытию очередного Съезда КПСС.

Здесь же сообщил, что я должен с рядом офицеров штаба составить уже известный документ – «Диспозиция заключительных операций проведения взрыва атомного устройства в подземных условиях, обеспечивающая безопасность персонала участников, выполняющих эти операции».

Он же познакомил меня с сотрудником какого-то НИИ, назвав его по имени, который отвечал за доставку и установку в камеру «изделия» и подключение основного устройства, инициирующего взрыв. Вместе с тем, необходимо было обеспечить второе (резервное) устройство инициирования взрыва на случай отказа основного. Его конструкцию и монтаж на месте поручалось выполнить мне, Л. Б. Бешер-Белинскому.

Мы должны взаимоувязать их расположение, время установки на месте, и это должно было быть отражено в «Диспозиции...». Такой документ был составлен, прошёл все инстанции согласований и был утверждён командиром гарнизона, генерал-майором И. Н. Гуреевым. На это у меня ушло несколько дней и потребовало нескольких поездок на «Берег».

При возвращении на площадку в один из разов со мной произошёл интересный инцидент. В этот день планировался очередной воздушный взрыв «изделия» и известен был час его производства. В такие дни прекращались передвижения всех видов транспорта по дорогам, ведущим из городка к площадкам, между площадками за 2 часа до времени «Х». Для этого на определённых местах выставлялись временные КПП из солдат во главе с офицером. Я передвигался, как уже понятно, на закреплённом за мной, как начальником подразделения, автомобиле «ГАЗ-69». Водителем был рядовой солдат Володя

Кожевников, безотказный и невозмутимый, готовый трудиться в любое время суток, молчун и симпатяга, за что я его опекал и следил, чтобы он всегда был накормлен и, по возможности, отдохнувшим. Интересно, что его имя и фамилия были такими же, что и у нашего друга, сослуживца, с которым наша дружба продолжалась всю жизнь и продолжается до сих пор (на сколько это возможно, проживая в разных странах). В описываемый день я, по каким-то причинам, задержался, и мы к КПП (это примерно километрах в 30-ти от площадки «Ш») подъехали уже во время закрытия проезда. Но мне не хотелось несколько часов ожидать в поле у КПП и я, используя некоторую уже имевшуюся популярность, а её подогрел и водитель Володя, уговорил офицера пропустить нас, обещая, что отвернём с трассы по просёлку на наши площадки «Д», минуя площадку «Ш», и по времени успеем до «игры» добраться до места. Нас пропустили и мы поехали. Через некоторое время поняли, что уже должны выехать на трассу дороги к площадкам «Д», но всё ещё едем по каким-то степям, холмам и на всю видимость не определяется им конца. В какой-то момент мы заехали в неизвестный нам район, весь заваленный грудями металла из деталей военной техники, искореженной при испытаниях, корпуса танков, крылья и другие части самолётов, автомобилей и т. п. Продвигаться дальше на автомобиле стало невозможным. Мы вышли из него, прошли к верхней точке местности, осмотрелись и поняли, что заблудились. Время поджимало, подходило к моменту «игры». Пришлось немного вернуться и повернуть на восток. Наконец, мы выехали на трассу основной дороги. И в это время произошла «игра», которую мы наблюдали, остановившись. Добрались до площадки «Д-1». Здесь были встречены возгласами и радости, и возмущения со стороны группы военных. Оказывается, что наша поездка через КПП, стала известна руководству полигона, вызвала беспокойство и уже намечалось начать поиск нас. О нашем прибытии было доложено по рации руководству гарнизона, а в последствии я получил словесный выговор от генерала И. Н. Гуреева.

Мы тут же были обследованы радиометрами, нашу одежду сожгли, а нас заставили тщательно вымыться в специальной передвижной душевой.

На штольне № 4 шли уже последние, завершающие работы по подготовке к атомному испытанию – монтаж лабораторного

оборудования, труб и кабелей, предназначенных для исследований, бурение малых шпуров в определённых местах, когда я получил радиogramму о вызове меня в штаб.

По прибытию меня пригласили в секретную часть, где дали прочитать и расписаться об ознакомлении со следующим документом: «Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР о производстве подземного атомного испытания». В приложении к «Постановлению...» были расписаны необходимые меры его подготовки, ответственные за выполнение этих мер, сроки его проведения. В пунктах о производстве работ по забойке и сооружению бетонного «зуба», мерах по обеспечению их качества, о выполнении второй (резервной) линии подрыва «Изделия», безопасности во время производства работ по возведению забойки и бетонированию и обеспечения целостности исследовательских средств при этих работах, ответственность возлагалась на Минсредмаш, конкретно на заместителя начальника первого главного управления Валентина Никаноровича Богатова и начальника экспедиции Леонида Борисовича Бешер-Белинского.

Я понял, какая большая ответственность легла на мои плечи. С одной стороны меня это не радовало, имея ввиду возможные негативные последствия, а с другой – придавало привкус гордости, значимости.

Понятно, что я большую часть своих усилий, внимания и времени стал уделять именно работам на штольне № 4.

Через несколько дней после возвращения с «Берега», получил радиogramму о подготовке зала заседания для проведения совещания на высоком уровне, а по телефону был уведомлён, что совещание будет проводить завтра, в 10.00, Юлий Борисович Харитон. Зал привели в порядок, вымыли, расставили столы, небольшую трибуну, стулья человек на 35–40. Уже к 9-ти утра следующего дня на площадку стали съезжаться приглашённые участники совещания. Это, в основном, полковники из разных подразделений научно-исследовательского сектора во главе с его руководителем полковником Н. Н. Виноградовым несколько гражданских лиц, мне неизвестных. Примерно за несколько минут до десяти, офицер, дежуривший у телефона спецсвязи, вышел на площадку перед домиком заседаний и сообщил всем собравшимся, что совещание отменяется, в связи с плохим самочувствием

Ю. Б. Харитона, которому врачи запретили выезд на площадку. Вечером получил очередное сообщение, что совещание состоится в 10 утра следующего дня.

Всё произошло по вчерашнему сценарию: все собрались там же, на площадке перед домиком совещаний. Шёл разговор на разные темы между несколькими группками, в основном, о личности Ю. Б. Харитона, возможном ходе совещания и прочих. За несколько минут до десяти на дороге показались два легковых автомобиля, направлявшихся к нам и остановившихся метрах в 10-ти от нас. С заднего сидения авто выскочили два человека весьма плотного, мускулистого телосложения, хорошо определяемого через плотнооблегающие их одинаковые, красивые, яркие, машинной вязки свитера со смотрящими друг на друга оленями, очень модными в то время. Один из них быстро открыл дверцу переднего сидения и оттуда вышел небольшого роста, в шляпе с широкими полями, я сказал бы, худощавый человек, подождал, пока к нему присоединится, приехавший на втором авто генерал И. Н. Гуреев. Они вместе подошли, поздоровались общим приветствием с встречающими. Несколько сзади, шага на два за Харитоном, следовали неотступно вышеописанные крепыши, а у автомобиля остался водитель, оказавшийся таким же крепышом, в таком же свитере, но возрастом постарше первых двух. Нам попозже отрекомендовали «сопровождающих лиц», как секретарей Харитона. Я, на правах «хозяина» площадки, пригласил всех в домик.

Ю. Б. Харитон с И. Н. Гуреевым сели у стола ведущих совещание, а остальные разместились на расставленных стульях полукругом по отношению к столу. Без всяких вступлений Юлий Борисович довольно резким тоном начал совещание с того, что цель его доложить ему готовность к проведению испытаний по всем направлениям и что на доклад каждого из ответственных не более полутора минут. Докладчикам, вызываемых по списку, Ю. Б. Харитон лишь изредка задавал уточняющие вопросы. Я был вызван где-то пятым или шестым. Доложил, что все горные работы выполнены в полном соответствии с проектами и требованиями, но есть сомнения в возможности достичь требуемой марки бетона в запроектированном двойном «зубе», из-за несоответствия по твёрдости поставляемого щебня-наполнителя и марки цемента. Ответственными за эту поставку были подразделения генподрядчика.

Ю. Б. Харитон только посмотрел суровым взглядом на представителя этой организации и тут же получил заверения от него и от генерала И. Н. Гуреева о немедленном принятии мер к исправлению этих недостатков. Гуреев своим взглядом в мою сторону показал явное неудовольствие моими замечаниями. Совещание закончилось коротким заключением Ю. Б. Харитона, в котором он попросил, тоном приказа, выполнить на высоком уровне все виды оставшихся работ в сроки, определённые Правительством.

Участники совещания стали разъезжаться, а Юлий Борисович выразил желание пройти в штольню, к месту будущего взрыва. Принесли каску, которую я подогнал по его голове (в горняцких защитных касках предусмотрена такая возможность). Небольшая группа во главе с Ю. Б. Харитоном, которого я лично сопровождал впереди, а за нами И. Н. Гуреев, «секретари» и ещё 2–3 человека из науки, пошли по штольне. По ходу были объяснения о камерах-лабораториях, назначениях оборудования, размещённого в них, которые давали находящиеся в них сотрудники, а я рассказывал о предстоящих объёмах и местах их размещения по «изоляции» взрывного устройства для предотвращения выброса продуктов взрыва за пределы камеры. И. Н. Гуреев неоднократно предупреждал меня, приближаясь сзади, о внимании и осторожности, чтобы, не дай бог, Ю. Б. не споткнулся, не ударился головой, что я отвечаю за последствия. Всё окончилось благополучно и высокие гости отбыли на «Берег».

Наконец, все работы были закончены и пришёл день проверки возможности беспрепятственной и безопасной доставки «Изделия» по штольне до места его установки в камере. В этот день все трудящиеся были выведены из штольни и поверхностной площадки, выставлены посты охраны, препятствующие проходу сюда посторонних. На устье штольни остался лишь солдат-автоматчик, охраняющий ящики, где начинались устройства линий подрыва, и я. Через некоторое время подъехал трёхосный автомобиль-вездеход, кузов которого был закрыт брезентом. Из него вышло четверо солдат (вместе с водителем) и известный мне (без фамилии) сотрудник НИИ. Они сняли из кузова и уложили на ранее подготовленную спецвагонетку макет «Изделия», выполненный в натуральную величину. Я снабдил солдат защитными касками

и шахтными светильниками и они, в сопровождении меня (впереди) и гражданского сотрудника (сзади), медленно показали тележку по штольне к камере. Затем уложили макет на подготовленную в центре камеры бетонную тумбу, возвышающуюся над почвой сантиметров 70–80. Вся операция прошла успешно, макет обратным ходом был с площадки удалён. Репорт о проведенном был доложен Руководству. Я получил указание к началу работ в соответствии с «Диспозицией...».

ГЛАВА 24

Первый в СССР подземный атомный взрыв.

Жизнь на полигоне продолжается

День начала заключительных операций по производству первого подземного атомного взрыва в СССР начался в таком же порядке и обстоятельствах, что и день опробования доставки макета. Разница заключалась в том, что это уже был не макет, а настоящее атомное устройство, вернее, атомная бомба мощностью, как я узнал позже, в 15-20 килотонн. После установки её на тот же «пьедестал», сотрудник НИИ (о нём я уже неоднократно писал) остался в камере один, где провёл какие-то действия. Вход в камеру отделялся деревянной перегородкой с открывающейся дверью. Таким образом не видны были действия сотрудника. Через некоторое время он пригласил меня. Я разместил на одной из сторон «Изделия», закрытого покрывалом из материи, 40 килограммов детонита, заранее завезенных в камеру, смонтировал необходимый инициатор из пучка ДША. Мы вышли из камеры, закрыли двери и вышли на устье штольни.

По моему распоряжению на площадку было допущено первое звено горняков из заранее сформированной бригады, горный мастер и начальник горного участка. Они доставили к камере мешки со щебёнкой и возвели из них стенку, полностью закрывшую вход в камеру. Все их действия проходили под неослабным моим контролем, для предотвращения возможных повреждений смонтированных труб и кабелей. Затем в штольню были допущены представители всех исследовательских организации, минимально необходимых по численности, и офицеры заказчика, в функции которых входило фиксирование в журналах всех видов работ, их производство в соответствии с техническими условиями, предотвращение повреждений смонтированных коммуникаций и оборудования.

Так начался процесс забойки атомного заряда, проходивший круглосуточно комплексной бригадой горняков. Все необходимые технические и материальные средства были подготовлены, работы шли удовлетворительно, даже опережая составленный нами график. Этому содействовало, в немалой степени, условия оплаты труда бригаде, которые были определены комплексным нарядом, тщательно разработанным сотрудниками ОТиЗ, и по моим указаниям, в котором были учтены все возможные нюансы, предложения участников бригады, с которыми я провёл несколько встреч на бригадных собраниях. В соответствии с графиком и нарядом, забойка должна была быть выполнена за 15 рабочих дней. При этом, заработок среднего члена бригады составлял около 500 рублей, а за каждый день сокращения этих работ заработок увеличивался в 1,3 раза. В состав комплексной бригады и наряда включались и все вспомогательные работы, как то: погрузка щебня и других материалов на поверхности, электровозная доставка и прочие. В наряде предусматривалась возможность снижение заработка при повреждении членами бригады важных коммуникаций, что тоже сыграло свою положительную роль.

Напряжение было большим. Я и главный инженер экспедиции А. С. Шитов практически проводили здесь, на штольне, в месте производства работ большую часть суток, почти без сна.

Примерно на третьи, или четвёртые, сутки от начала работ по закладке, к нам на площадку прибыл зам. начальника первого главного управления Валентин Никанорович Богатов, ответственный от Минсредмаша. Это был довольно большого роста, стройный с лёгкой сединой и крупным лицом человек, с которым я до этого нигде не встречался. Он приехал на легковом автомобиле «Победа» цвета хаки, водитель солдат. Должен сказать, что я в какой-то раз пребывания на центральной площадке, на «Берегу», в районе прирельсовых баз, увидел огороженную, довольно большую территорию, на которой размещалась автобаза специального легкового транспорта. Аккуратными рядами на колодках стояли несколько сотен «Побед» и «Волг» все цвета хаки, а колёса по фасадному фронту выкрашены в белый цвет. Мне объяснили, что это автомобили, предназначенные для высоких, посещающих полигон лиц, за каждым из которых закреплён определённый автомобиль. Наверное, были и автомобили не персональные, а предоставляемые менее

высоким, но важным персонам. Вот в таком и прибыл Валентин Никанорович. Он ознакомился с положением дел, ходом работ, их организацией, соответствие их темпов поставленным задачам по сроку окончания, обеспеченность материалами и оборудованием и остался доволен увиденным.

Через пару дней, а он оставался на площадке несколько дней, он, неожиданно для нас, пригласил меня и главного инженера А. Шитова в свою машину и приказал ехать на «озёра». Были такие небольшие впадины, заполненные водой, в районе которых сохранялась растительность всё знойное лето (ведь основное низменное пространство Полигона было пустыней и полупустыней). Находились они километрах в 10–15 от площадки «Д-1». В пути и, затем, во время прогулки в районе «озёр», Валентин Никанорович занимал нас рассказами интересных историй из его жизни и, особенно, из времени его работы в ГДР, в АО «Висмут», где он занимал весьма высокую должность, кажется даже Генерального Директора. Мы же очень нервничали, беспокоясь о том, что могут произойти какие-либо неприятности на объекте, особенно на главных в этот период работах по закладке. А Валентин Никанорович деликатно, но настойчиво отвлекал нас от этих мыслей и еще долго «прогуливал» нас на природе. Часов через пять только мы вернулись на свою площадку. Работы шли без каких-либо срывов. Мы поняли, насколько был прав Валентин Никанорович, дав нам возможность несколько расслабиться, отдохнуть, сменить обстановку и зарядиться новыми силами для дальнейшего напряжённого труда. У нас с Андреем Шитовым были в «зачатке» пара бутылок хорошего армянского коньяка. Мы под предлогом дня рождения Андрей Сергеевича, пригласили Валентина Никаноровича в нашу землянку, где под приятную закуску, а кое-что привёз и Валентин Никанорович из Москвы, с удовольствием выпили бутылочку. В.Н. Богатов убедившись в нормальном ходе работ, их стабильности через ещё несколько дней распрощался с нами и отбыл в Москву.

Мы долго ещё с благодарностью вспоминали умелые действия В. Н. Богатова, советы его, бывалого и умного, имеющего богатый жизненный опыт.

Забойка щебнем подходной к заряду горной выработки была закончена за 12 дней, вместо 15-ти. Вторая бригада горняков немедленно приступила к бетонированию «зуба», вруб

для которого был заготовлен ранее, до установки «изделия» на место, также, как и вруб для сооружения бетонной перемычки с лазом размером 800 на 800 мм, закрываемым двойным металлическим задраивающимся затвором, как в бомбоубежищах. Бригада по возведению бетона также работала по аккордному наряду под неусыпным надзором ИТР экспедиции и представителей разных служб заказчика. Напряжение возрастало, подходил назначенный срок «игры». Ведь этот срок был назначен ЦК КПСС и Совмином.

Все бетонные работы были тоже выполнены в намеченные сроки и до дня «игры» было достаточно времени всем участвующим службам провести тщательную проверку установленных приборов и другого оборудования, а медицинским исследователям расставить животных в намеченных местах под землёй и на поверхности, на разных расстояниях от эпицентра и в различных позах. Таких животных было сотни: овцы, кролики, морские свинки. От многих из них тоже шли провода и кабели на командный пункт (КП), оборудованный на одной из сопков в 4-х километрах от устья штольни.

У устья штольни, несколько в стороне от входа, по-прежнему у специального ящика, куда были выведены концы линий подрыва заряда, смонтированные сотрудником НИИ и мною, бесшумно стоял пост – солдат с автоматом. Доступ к этому ящику имели только указанные лица в присутствии разводящего офицера в звании капитана, знающего нас в лицо.

В разных местах на поверхности были установлены кинокамеры, которые должны были автоматически фиксировать происходящее в районе взрыва. Командный пункт состоял из двух больших, наверное 20-тиместных палаток, одна из которых была начинена различной аппаратурой, а вторая – оснащена двумя столами, стульями, микрофонами, телефонами, имелось ввиду, что здесь будут находиться (так это и было) непосредственные руководители «Игры» и высокие гости.

Наступил день «Игры»! А это было 11 октября 1961 года!

В соответствии с «Диспозицией...», с площадки «Д-1» за зону безопасности были вывезены все работающие, в основном, на площадку «Д-2». С поверхностной площадки штольни вывезено всё оборудование. Безопасная зона оцеплена расставленными постами из солдат гарнизона. «Игра» должна была произойти по радиосигналу в 12.00 по Московскому

времени. Разница во времени 3 часа, значит в 15.00 по местному времени.

С утра представители всех служб (до вывода за безопасную зону) подключили и включили необходимые приборы и датчики к животным. Затем ответственный за расстановку постов, ограждающих зону безопасности, доложил генералу И. Н. Гурееву об исполнении. В штабной палатке уже находились все принимавшие участие в работе и гости. Среди гостей были и маршалы СССР, и пониже рангом, но мне неизвестные по фамилиям. Я и не интересовался этим – не положено. Сотрудник НИИ и я получили команду приступить к исполнению наших действий.

На автомобиле мы, я и капитан, разводящий караула, проехали на площадку штольни. Капитан снял с поста автоматчика. Сотрудник НИИ произвёл свои действия. Я подключил электродетонаторы (дублированные) к электролинии. На этом же автомобиле приехали к КП. Сотрудник НИИ и я вошли в палатку, где воцарилась полная тишина. Мы, поочередно, отдали устные доклады руководителю «Игры», генералу Гурееву, и заранее заготовленные письменные рапорта, о готовности всех работ к исполнению взрыва. В палатке пошёл негромкий гомон, присутствовавшие одобрительно отзывались о наших рапортах, прозвучавших от гражданских лиц, но очень коротких и чётких – по-военному!

Оживление продолжалось, присутствующие разделились на группки, обсуждая разные «проблемы», а я неоднократно перебирал в мыслях все свои действия, убеждаясь, что всё сделано правильно и должно сработать. По мере продвижения времени, напряжение нарастало. Шли какие-то телефонные разговоры, доклады офицеров из палатки управления взрывом.

По громкоговорителям прозвучало объявление о «20-минутной готовности!»

Разговоры становятся несколько тише.

Радио: «10-минутная готовность!»

Радио: «Минутная готовность!» Все в палатке замолкли.

Радио: «20 секунд – 19 – 18 – ...0!» Мгновение – гробовая тишина и ничего не происходит!? Но....., Земля под ногами вздрогнула и затряслась, и над местом взрыва, куда обращены были все взоры, а у некоторых бинокли, поднялся грунт на высоту (как это казалось с нашего места наблюдения) метров на

4–5 и лег вниз, на своё место! Раздаётся гууул! Все в ожидании! Мой взор направлен на устье штольни – но никаких признаков выноса забоечного материала нет. Проходит ещё несколько минут, всё затихает. Лишь через несколько минут возникает общее ликование присутствующих, поздравления друг друга!

«Игра» прошла благополучно!!.

Но это ещё не окончание. В соответствии с «Диспозицией...» подход к площадке штольни возможен лишь через 72 часа. Посты зоны безопасности были сняты и установлены на сокращённую линию, препятствуя проходу только на площадку штольни № 4. Работы на других объектах были возобновлены в обычном режиме.

Прошло около 48 часов после «игры». Ко мне по телефону обратился командир гарнизона генерал И. Н. Гуреев с просьбой подумать о возможности изменения, вернее, сокращения срока подхода к району взрыва. Жара способствовала разложению трупов многочисленных животных, а это могло привести к искажению данных, необходимых медицинской науке, да и к ухудшению санитарной обстановки. Я решил, что с точки зрения возможности каких-либо нежелательных последствий со стороны уже взорванного заряда быть не могло, а что касается радиационной обстановки, то она намного не уменьшится и после 72 часов. Оценив это, согласился допустить на поверхность площадку штольни и над эпицентром ограниченное число людей для выноса с мест нахождения животных. Но, прежде чем пустить кого-либо в штольню, посчитал необходимым провести рекогносцировку состояния крепи, горных пород в штольне, безопасно ли находится там, не подвергаясь опасности получить травму от падения кусков пород и т. п.

Принял решение о проведении такой рекогносцировки лично мною и командиром подразделения ВГСЧ Н. Мотлоховым. При докладе об этом генералу, он уполномочил принять участие в этом мероприятии представителям науки. Полковник Н. Н. Виноградов выделил в группу инженера-полковника И. Д. Асеева и лейтенанта-радиометриста (фамилию не помню) с переносным аппаратом-радиометром.

В связи с неизвестностью о состоянии воздушной атмосферы в штольне, приняли решение о походе в изолирующих аппаратах, имевшихся на вооружении ВГСЧ. С точки зрения радиационной обстановки нам выдали защитные костюмы

из спецматериала (пластиковая плёнка), типа ЛХК (не уверен в правильности этих букв, за которыми ещё следовали какие-то цифры). Я имел большой опыт работы в изолирующих аппаратах, приобретённый ещё во время трудовой деятельности на угольном руднике в Майли-Су, а прикомандированных от науки пришлось интенсивно проинструктировать и обучить пользованию ими (аппаратами).

Облачившись в перечисленные средства, наша группа отправилась в штольню. Не спеша передвигались по горной выработке, заглядывая по пути в камеры-лаборатории, везде всё на месте, каких-либо значительных повреждений или нарушений нет, только несколько из многочисленных приборов, которые называли почему-то все «осциллографами», соскочили из креплений подвески. Дошли до бетонной перемычки-лаза, «раздраили» люк и по одному пролезли через неё. Показания радиометра, быстро поднимавшиеся уже при движении по штольне, зашкалили до предела его возможностей на высшем диапазоне! Лейтенант-радиометрист выключил его, так как уже не имело смысла слушать треск, издаваемый им. Трещиноватость горных пород стен и кровли выработки увеличивалась. Мы подошли к стенке бетонного «зуба», осмотрели его состояние. Полковник И. Д. Асеев сделал зарисовки стенки, где отразил наиболее крупные трещины бетона. Мы отправились в обратный маршрут. На поверхности нас встретили, сняли с нас всю «амуницию», вымыли в передвижном душе и переодели в новую чистую одежду. На площадке находились группы медицинской науки, офицеры и солдата, которые занимались сбором подопытных животных, расставленных на поверхности, и приборов, установленных на этих животных. Начальник медицинской научной части полковник Василенко обратился ко мне с вопросом, а что же делать с животными, находящимися в штольне. Я ответил, что их извлечение не вменено в обязанность моей экспедиции. Оказывается не всё смогли учесть в «Диспозиции...». Естественно, я не мог допустить солдат и офицеров в штольню, где неизвестен состав рудничной атмосферы. Делать было нечего, доставать животных пришлось по моему распоряжению, бойцам подразделения ВГСЧ, после того, что я поставил полковнику Василенко условие, а он его принял, о выдаче бойцам ВГСЧ двух 5-литровых канистр чистого медицинского спирта.

По окончанию извлечения всех животных, полковник Василенко выполнил условие. Я счёл возможным устроить маленький праздник-разрядку. Собрались в землянке, теперь уже бывшем моём жилье, компанией из бойцов ВГСЧ и его командира, руководства экспедиции, начальника участка «Д-1», нескольких полковников руководителей служб, в том числе Рыжикова, Василенко, Асеева. Первым тостом, который произнёс полковник Василенко, было «За здоровье самого смелого еврея в Советском Союзе – Леонида Борисовича!»

Праздник прошёл в дружественной и приятной обстановке. Меня покорило заявление полковника, пахнущее антисемитизмом, но я вслух не отреагировал на него, о чём, в последствии, сожалел.

Через пару дней, а бойцы ВГСЧ систематически набирали пробы воздуха в нескольких точках штольни, атмосфера по содержанию кислорода и других составляющих (кроме радиации) пришла в норму. Соответствующие службы занялись снятием показаний и приборов в камерах-лабораториях. Я обратился к учёным с вопросом:

– А что же есть в воздухе штольни с точки зрения радиации, её мощности, видов частиц и т. п.?

Ответ был:

– Дай срок, Леонид Борисович, разберёмся месяца через три и скажем тебе.

Я ответа так и не дождался, закончил работу здесь ранее запрошенного ими срока. Значительно повышенная радиация была, естественно, и на всей площадке штольни. Солдаты и офицеры, да и все мы, трудящиеся экспедиции, проводили здесь работы в соответствии с приказом Министра обороны СССР, в котором временно нормы радиации для производства спецработ были увеличены в 100 раз!?

На этом мои функции по этой штольне закончились. Я занялся руководством экспедиции по обеспечению требуемых темпов проходки горных выработок под будущие подземные атомные взрывы и по подготовке работы экспедиции в зимних условиях. А зима приближалась и она, как правило, здесь была достаточно суровой и продолжительной.

Через несколько дней я получил распоряжение от имени генерала Гуреева явиться в штаб к такому-то часу такого-то дня. Я распоряжение выполнил. Генерал принял меня и сказал, что

я вхожу в группу по встрече Академика Ю. Б. Харитона прибывающего в г. Семипалатинск спецпоездом. Группа состояла из нескольких человек (помнится 5–7) во главе с генералом И. Н. Гуреевым, в которую входили полковник Н. Н. Виноградов, полковник Падушинский (остальных не помню). Мы вылетели в Семипалатинск на командирском двухмоторном самолёте, в котором салон был оборудован сидениями у нескольких столиков и очень приятно отделан. Полёт занял не большое время. Мы приземлились на военном аэродроме, где уже нас поджидали автомобили. На них мы переехали на железнодорожный вокзал, где и ожидали прибытия спецпоезда. Поезд прибыл через часа полтора. Мы увидали в его составе, состоящем всего из трёх-четырёх вагонов, очень необычный по архитектуре, устаревший, но сверкающий чистотой вагон, из которого вышли Ю. Б. Харитон и сопровождающие его лица. В последствии я узнал, что Ю. Б. Харитону запрещено летать на самолётах по стране.

Ю. Б. Харитон обменялся рукопожатиями со всеми встречающими. Мы быстро вышли к машинам. На перроне и в здании вокзала почти не было людей, чувствовалось, что такая обстановка была создана специально в целях безопасности. Переехали на аэродром, разместились в салоне самолёта, взлетели. После набора высоты, Юлий Борисович обошёл всех встречавших его представителей полигона, благодарил за успешное выполнение государственного задания, а меня не только поблагодарил, но и расцеловал!

По прибытию на «Берег», приехали к гостиничному комплексу, где и состоялся обед. Обычный светский разговор на разные общие темы и недолго, очевидно, Юлий Борисович устал. После обеда мы, участники встречи, кроме генерала И. Н. Гуреева, разошлись и разъехались восвояси. Больше я с Юлием Борисовичем не встречался.

Осталось лишь осветить некоторые события, могущие охарактеризовать некоторые стороны жизни одного из крупнейших хозяйств Минобороны СССР, которые, очевидно, были присущи большинству (если не всем) таким объектам. События не совсем приятные, и умолчать о них, думаю, будет не правильно.

Как я уже отмечал, в стране шла подготовка к съезду КПСС, Повсеместно были усилены действия всех спецслужб

по предотвращению возможных антисоветских проявлений, обеспечению безопасности, ужесточились явные и тайные проверки лиц, направляющихся всеми видами транспорта в Москву. Были выданы распоряжения всем руководителям предприятий, хозяйств и учреждений резко сократить число командированных в Москву. Вдруг, меня вызвали в особый отдел полигона, где мне его начальник сообщил, что задержан рабочий – взрывник экспедиции (фамилию не помню), который, закончив срок работы здесь, и направляясь на отдых в район Подмосковья, где проживает его мать, вёз с собой около 2-х килограмм взрывчатки и несколько детонаторов. Это, конечно, большое «ЧП»! Нарушителя задержали на несколько дней, допрашивали в органах дознания, но он объяснял упорно, что взрывчатку украл в целях использования её для глушения рыб в реке (есть такой «способ» рыбной ловли). На складах ВМ экспедиции была проведена ревизия, но каких-либо недостатков обнаружено не было. Нарушения правил выдачи ВМ, также не выявлено. Да и не могло быть выявлено. Дело в том, что «сэкономить» взрывматериалы может каждый взрывник, если он этого захочет. Получив взрывматериалы на складе ВМ по документу-требованию, подписанному не ниже, чем начальником участка, взрывник, при зарядании забоев, может не доложить в шпуры (скважины) какое-то количество ВВ, а отчитаться за полное его использование. Горный мастер, который по «Правилам...» должен присутствовать в момент зарядания, фактически не может выполнять такое требование потому, что в конце смены, когда идёт взрывание забоев, горный мастер может быть в одном из забоев, а проходка идёт в нескольких забоях. Горный мастер подписывает отчёт взрывника, доверяясь на его (взрывника) честность. Поэтому во взрывники, как правило, отбирали наиболее проверенных лиц. Но, в семье не без урода. В результате расследования, взрывника отпустили. Он был, по моему докладу руководству предприятия, уволен с предприятия. Но неприятность отложило свой отпечаток на настроение ИТР, имевших отношение к этому инциденту, да и моё!

В один из летних дней, примерно в 10–11 часов дня, мне сообщили, что несколько рабочих, находящихся на смене на площадке «Д-2», заболели с явными признаками отравления. Я немедленно отправился к району штолен и увидел неприглядную

картину: по дороге к площадкам штолен на земле, один за другим, на каких-то расстояниях, лежало уже человек пятнадцать. Корчились и просили о помощи. Я немедленно связался с «Берегом» и сообщил о ЧП. Через некоторое время на площадку прилетели два вертолёт с медперсоналом, начали оказывать первую помощь и отправлять тяжело больных на вертолётах в госпиталь на «Берег». В результате оказалось, что заболевших было около 40 человек, причём, 10–12 очень тяжёлых, даже 2–3 на грани смерти. Но, все заболевшие были спасены, выздоровели без последствий для здоровья. А причиной ЧП оказалось пищевое отравление, вследствие поданных на завтрак в столовой порций с гарниром из вермишели, оставшейся со вчерашнего дня вне холодильников. Начальника столовой, офицера, сняли с работы. Какому дальнейшему наказанию он подвергся, кто еще из службы торговли и общепита гарнизона был наказан, я не знаю.

Нам, руководителям экспедиции, пришлось очень «хорошо поработать», чтобы предотвратить избиение нашими возмущёнными трудящимися солдат – работников кухни. Дело в том, что питающиеся в столовой неоднократно жаловались на антисанитарию и некачественное приготовление пищи. Я, также, несколько раз обращал внимание подполковника, начальника соответствующей службы тыла гарнизона и даже письменно, о том же, но мер необходимых не принималось. Насколько я потом понял, об этом ЧП стало известно в руководстве Минобороны, в Москве. Наверное, был неллицеприятный разговор с генералом И. Н. Гуреевым

Может быть вышеописанный инцидент, а может и нет, просто совпадение, но через несколько дней после него я был приглашён на «Берег», где меня в Штабе Гарнизона познакомили с Гарником Оганезовичем Бурназяном, генерал-лейтенантом медслужбы, главным санитарным врачом СССР, заместителем министра здравоохранения СССР. Было уже начало сентября, в торговле в продаже в изобилии были арбузы. Я попросил водителя купить десяток арбузов и положить их в багажник. Г. О. Бурназян, весьма крупных размеров (в основном в ширину) человек, весом килограмм так 120–130, явно армянского вида, сел в наш автомобиль на место рядом с водителем. Я сел за руль (что я с удовольствием делал очень часто), а водитель – на заднее сиденье. Мы отправились на площадки Экспеди-

ции. В пути Гарник Оганезович очень интересно, с явным акцентом, рассказывал всякие байки из столичной жизни. Ему было в мундире достаточно жарко, он часто просил остановившись, чтобы попить водички, имевшейся у нас в термосе. Я же при очередной остановке вспомнил и о арбузах. Выйдя из машины, расположившись на обочине дороги, расстелив старые газеты, мы разрезали пару арбузов на крупные ломти. Надо было видеть, как очень «смачно», с прихлёбом расправлялся Гарник Оганезович с этими ломтями, приговаривая, что арбузы – это чудо природы, очень благотворно промывающие всю пищеварительную систему человека, и необходимо обязательно употреблять их в сезон как можно больше. Я и водитель просто почти прекратили есть, глядя на Гарника Оганезовича, который «умял» не менее 5–6 арбузов. Гарник Оганезович пробыл на наших площадках пару дней, в течение которых я вынужден был уделить ему достаточно времени. Выпили и бутылочку коньяка. Остались довольны знакомством, о чём обменялись на заключительном обеде. Он уехал на моём автомобиле. Больше в жизни я с ним не встречался, хотя читал много документов, инструкций, правил, утверждённых Г. О. Бурназяном, в дальнейшей моей практической работе. Он произвёл на меня действительно приятное впечатление.

«Сухой закон», действовавший на территории полигона, был причиной многих неприятностей, практически, для всех живших постоянно или временно здесь. Если учесть, что на полигоне «проживал» в основном мужской персонал – это солдаты, молодые офицеры, прикомандированные гражданские лица, то есть холостяки, или женатые, но без семей – а лишь постоянный персонал офицеров гарнизона полигона и военных строителей, причём это старший комсостав, жили здесь с семьями, вернее с жёнами. Женский персонал представлялся небольшим числом работающих в обслуживающих службах (медперсонал, продавцы в торговле на «Берегу» и т.п.). Явно чувствовался дефицит «слабого пола». Понятно, что совершалось много разных событий, связанных с изменами, «треугольниками», зачастую возникающими на почве пьянок. Очень часто в залах «Дома офицера» на «Берегу» проходили соответствующие разборки в рамках «судов чести» многочисленных нарушений морали, пьянок, допущенных офицерами.

Но, пьянство процветало, пили всё что могли добыть для этого. Те, кто имел возможность – спирт технический и медицинский, что было «деликатесом»; кое кто «гнал» самогон по всевозможным рецептам. Я же расскажу о личном опыте, связанном с одной из самых неприятных сторон моей работы на полигоне. Всё, что я опишу, очевидно, имело место не только в подчиненных мне подразделениях, а процветало повсеместно в коллективах на полигоне в такой, или похожих формах.

С самого начала работы в качестве начальника экспедиции (командира в/ч с соответствующим номером) я столкнулся с необходимостью вести борьбу с чрезмерными пьянками. Речь идёт о том, что среди рабочих-горняков в казармах-общешитиях возникали пьянки, охватывающие большой круг людей и приводящий, как правило, к дракам, к невыходу на работу, появлению на работе с глубокого похмелья, что отражалось как на ходе работ, так и на возможности несчастных случаев, связанных с этим. Нормальные застолья небольших групп товарищей по приличным поводам нами не преследовались. Я уже писал, что сам устраивал «управляемые выпивки» для разрядки с ИТР моих подразделений. Спиртное иногда присылали семьи в почтовых посылках своим мужьям, причём, водка помещалась в резиновые грелки. Водка, прибывшая таким образом, отдавала вкусом резины.

А массовые пьянки, как правило, происходили после прибытия на площадки передвижной (на автомобиле) «лавки Военторга». Оказалось, что основным товаром этих лавок был «тройной одеколон». Горняки покупали одеколон целыми упаковками (кажется по 30 флаконов) и с вечера начиналось «массовое гуляние». По получению сигнала о таком «разгуле» в том или ином бараке, я с группой ИТР являлись к месту происшествий, наводили порядок (появление начальника всё же быстро отрезвляло) тем более, что у нас в руках были и подручные средства в виде дубинок или отрезков буровой стали. Весь, ещё остававшийся арсенал флаконов и упаковок одеколону мы забирали. Они хранились у меня в кабинете под замком. Одеколон этот я возвращал владельцам лишь при отъезде после окончания срока их пребывания в экспедиции.

Передвижные лавки военторга посещали наши площадки регулярно два раза в месяц. Я обратился к начальнику военторга тыла с просьбой не привозить в лавках одеколоны, так

как узнал, что пьют не только «тройной», но и любые другие сорта: «Цветочный», «Сирень» и др.

Начальник, подполковник (фамилию не помню), сразу попытался превратить всё в шутку, мол как же, мужикам необходимо после бритья «подушиться». Но я его предупредил, что буду вынужден обратиться «выше», если он мер не примет. Не помогло. Я понял позже, что торговля одеколоном была очень и очень выгодна продавцу-водителю лавки и, надо полагать, всей цепочке лиц Военторга, участвующих в поставках этого ходового в условиях «сухого закона» товара. Не хотелось, но думаю, что и главные руководителей Военторга были в этом заинтересованы. Дело в том, что этот товар не только способствовал товарообороту и выполнению планов торговли, а давал прямой «навар» наличными. Флакончик «тройного», да и других, стоил где-то от 47 до 63 копеек, а горняки сдачи не требовали и товар шёл по рублю за флакон, независимо от количества приобретаемого. Поэтому лавка-машина набивалась в основном этим товаром и для проформы небольшое количество чего-то другого.

Вынужден был обратиться к начальнику тыла полковнику И. Белому. Он сделал удивлённый вид, но пообещал принять меры к сокращению объёмов «одеколонов». Практически ничего не изменилось.

В один из удобных моментов я рассказал об этом генералу И. Н. Гурееву, который отреагировал на это без слов, но лицо и мощная шея стали пурпурными. Я принял это за гнев на своих подчинённых и решил, что будет примерный «разнос». Но, время показало, что «а воз и ныне там». Одеколонная эпопея продолжалась без всяких изменений. Я решился выйти на начальника особого отдела и попросил у него аудиенции.

Особый отдел размещался в своём, отдельно стоящем особняке, с постами охраны. Начальник отдела, полковник (погоны авиачастей), принял меня в своём кабинете, пройти в который было не очень просто, несмотря на предварительную договорённость. После моего изложения всей истории и возможных последствий, полковник выразил мнение, что он окажет необходимые действия для изменения положения. Но наш разговор с начальником особого отдела был уже в конце моего пребывания на полигоне.

Я не могу судить помог ли он, или нет, но сам я лишь почувствовал через некоторое время, что разговор особиста с генералом состоялся.

Генерал И. Н. Гуреев резко изменил отношение ко мне в худшую сторону. Надо добавить, что водку на полигон поставляли и некоторые военнослужащие гарнизона, которые должны были охранять территорию на КПП и по периметру. Мне пришлось несколько раз разбирать происшествия в бараках-общежитиях горняков, связанные с пьянками и драками с солдатами, продававшими водку по цене от 20 до 40 рублей за пол-литровую бутылку, причём, цена росла в зависимости от времени приобретения (чем позднее – тем дороже) или степени опьянения покупателя. Напомню, что розничная цена такой бутылки была тогда в пределах трёх с полтиной. На этой почве рос антагонизм между рабочими и солдатами гарнизона.

Пришел ноябрь месяц, зима наступала, порошило снежком. Горные работы шли в неплохих темпах, подготовка к работе в зимних условиях была проведена удовлетворительно. Но, в один прекрасный день, уже в конце ноября, меня «скрутил» радикулит, да так, что я слёг и не мог «ни охнуть, ни вздохнуть»! Дело в том, что такие приступы радикулита у меня уже бывали неоднократно, начиная с зимы 53–54 года. Думаю, что это профессиональная причина – много лет в резиновых сапогах, кирзовых промокаемых, часто спецодежда одевалась непросохшей, частые переохлаждения в зимние периоды во время переезда с рудников на открытых грузовиках, или в автобусах после принятых обязательных купаний по выходу с горных работ. Дня через 2–3 меня госпитализировали в медсанчасть. Принимаемые меры – блокады, лекарства во внутрь – не давали быстрого эффекта, да и был уже просрочен срок моего «командировочного» периода, хотя В. Я. Опланчук не думал меня отзывать. Мне он разрешил отбыть домой. Меня на «ГАЗ-69» в сопровождении двух сотрудников, укрытым двумя полушубками привезли в аэропорт Семипалатинска. Я улетел рейсовым самолётом на Алма-Ату.

Сидеть в кресле самолёта не мог. Я, несмотря на настоятельные возражения стюардессы, после взлёта улёгся в проходе между рядами кресел. Наверное по данной командиром корабля радиогамме, меня в аэропорту Алма-Аты встречал санитарный автомобиль. Меня отвезли в гостиницу авиаперсонала.

Здесь меня держали и ухаживали за мной добрые люди, отметили билет на дальнейший полёт почти через сутки на рейс «Алма-Ата – Ташкент». В Ташкенте меня встретили друзья и сослуживцы.

Здесь мне хочется немного пофилософствовать. Если я, да и большинство моих сверстников, товарищей, сослуживцев, в угаре патриотизма, бескорыстно трудились, не считаясь со временем, здоровьем, лишь с одной целью и задачей «Родине нужно, Родина требует!», то периоды работы на производстве модельных взрывов и на атомном полигоне, общение с военными высоких рангов, учёными, обсуждения в этих кругах многих вопросов состояния дел в стране, во многом посвятили меня и заставили более критично относиться к официальным заявлениям, газетным статьям, статистике и еще более укрепили мои сомнения в правильности некоторых направлений политики партии и правительства, которые возникли во мне, когда я столкнулся с положением выселенных целых народов, названных предателями и превращённых в спецпоселенцев.

Я не стал антисоветчиком, диссидентом, я не стал хуже относиться к труду, просто я стал взрослее. Теперь я стал в какой-то степени понимать и реальней оценивать некоторые положения, которые ранее меня ставили в тупик. Разъясню это по конкретным примерам.

Каждый год (обычно это бывало в январе-феврале месяцах) в газетах опубликовывался утверждённый очередной сессией Верховного Совета СССР бюджет государства на соответствующий год. В бюджете указывалась и сумма, выделенная на оборону. Как правило, эта сумма составляла менее 10 процентов от общей суммы бюджета и обозначалась цифрой 18–19–20 миллиардов рублей. В газетах «Правда», «Известия», зачастую публиковались заметки о милитаризации, проводимой в США, где бюджет на военные нужды рос ежегодно быстро и составлял уже 270–300 миллиардов долларов! В то же время, отмечая стремление к агрессии со стороны США и её союзников, комментаторы и официальные лица заявляли о том, что Советский Союз всегда готов к отпору агрессора и имеет чем. Причём, наши вооружения не хуже, а даже во многих видах превосходят западные образцы. Сравнивая 20 миллиардов рублей и 300 миллиардов долларов, я никак не мог понять, каким же образом при таких несравнимых цифрах можно быть

«на равных» по мощи вооружений и подобных дел!? Хотя частично мне было ясно, что и содержание моего «ведомства» не отражается в строчке бюджета «на оборону».

Но лишь теперь, после того, как я окунулся в гущу описанных событий, понял, в какой-то степени, механизм финансирования, взаиморасчётов различных ведомств по работам на полигоне, мне стало яснее, как огромные расходы, фактически направленные на создание вооружений, скрываются от общественности страны и зарубежья. Всё чаще я обнаруживал несоответствия в публикуемых в печати статьях, сообщениях о событиях, их оценках и фактического состояния дел по этим событиям. Кстати, период моей работы и нахождения на атомном полигоне в моей трудовой книжке никак не отразили. Я, как будто, не отлучался и продолжал работать на своей должности на предприятии. Только в соответствующих справках этот период был добавлен мне в стаж работы по 1-му списку работ, дающих право выходить на пенсию в 50 лет.

ГЛАВА 25

*Откомандирован на новое место работы –
Навоийский Горно-металлургический комбинат,
директор З. П. Зарапетян*

После нескольких дней отдыха, связанного с продолжением болезни, бурного обмена информацией с Юлией и сыновьями, которым не очень было «сладко» во время моего долгого отсутствия, я приступил к выполнению своих служебных обязанностей заместителя главного инженера предприятия. Мои рассказы Юле и детям были, конечно, разными, но и ей, и им я не мог изложить всю правду, многое было мною придумано. Они же с большим эмоциональным настроем рассказали мне о поездке в город Майли-Сай, где провели несколько дней в гостях у наших друзей, товарищей, повидались с Витковскими,

*Лето 1961 года. Юлия с Витей в гостях в Майли-Су.
Люся Тележинская, Лида Репина, Юля Шатунов-
ская, Аня Витковская, Сергей Витковский. Дети
Тележинских, Витковских и наш Витя.*

Тележинскими, Покровскими, Хоментовскими и другими. Поездку они совершили на машине «Победа» с нашими друзьями Кожевниковыми, тоже бывшими Майли-сайцами. Мне уже больше в жизни не пришлось побывать в этих местах. Урановое месторождение иссякло. Власти старались использовать имевшиеся людские ресурсы, объекты жилья и соцкультбыта, всю инфраструктуру и построили крупный электроламповый завод на месте гидрометаллургического завода.

Многие высококвалифицированные инженерно-технические кадры горных, строительных специальностей из Майли-Су были постепенно переведены на другие уранодобывающие предприятия, быстро развивающиеся на базе интенсивно разведываемых новых месторождений. Так, руководство и многие главные специалисты Майлисайского комбината № 5, где к этому времени уже директором был С. С. Покровский, главным геологом – Б. Н. Хоментовский (наши друзья и однокашники), главным механиком Пахель, большинство начальников отделов передислоцировались в Читинскую область, где было открыто крупное месторождение урана, на базе которого был создан очередной комбинат и вырос город Краснокаменск. Через полтора десятка лет мне довелось побывать на этом комбинате и городе, куда меня приглашали на работу.

Наши друзья в Майли-Су. Стоят в центре – Люся и Сева Тележинские; сидят – Сергей Витковский, Воля и Сталь Покровские, Нина Бродецкая

Коллектив нашего предприятия планомерно наращивал объёмы работ и добычи урана, становился главным поставщиком руд на ГМЗ Чкаловска. На всех подразделениях шла значительная работа по поддержанию и улучшению безопасных условий труда. На световых табло, сооружённых на фронтонах зданий управления рудников, цехов, участков всех уровней, гласивших о числе дней работы соответствующих коллективов без несчастных случаев, были уже трёхзначные цифры близкие к году и даже более года. Конечно, полностью избавиться от производственного травматизма не удавалось, да и невозможно. Я даже выступил с инициативой разработки определённых допустимых уровней травматизма по отраслям производств, по сравнению с которыми можно было бы объективно оценивать работу коллективов по состоянию безопасности, но партийные органы и руководство комбината не поддержали это предложение. Конечно, удобнее держать в напряжении всех инженерно-технических сотрудников, «на крючке», ведь при каждом происшедшем на производстве несчастном случае обязательно находили виновным того, или иного ИТР, независимо от того есть его вина, или её нет. Я стал даже иногда выступать в качестве общественного защитника на судебных процессах, при разборе уголовного дела о привлечении к ответственности лиц горного надзора, тогда как его вины не было, а в актах служебного расследования ему инкриминировали отсутствие производственной дисциплины, или что-то другие, не имеющие прямого отношения к происшедшему. Мне удавалось даже своими доводами или полностью оправдать, или значительно снизить меру уголовного наказания подсудимому. Как-то мне молодой спецпрокурор, курировавший наше предприятие, в личной беседе сказал, что со мной очень трудно соперничать в судебном процессе, из-за моей высокой квалификации, железной логики и знаний многих положений УК (уголовного кодекса).

Жизнь и быт в нашем городке становились всё лучше и лучше по меркам тех лет. Ещё до отъезда на полигон, я приобрёл, с некоторым усилием, очень хороший шерстяной материал на мужской костюм. Но сшить костюм и хорошо – это сделать в те времена было невозможно, не только в таких небольших городках, как наш, но и в столице республики, Ташкенте. В официальных пошивочных ателье никаких гарантий

*Янгиабат. 1960 г. В горной выработке на руднике № 2.
Л. Бешер-Белинский, нач. рудника В. Ширяев,
А. Ф. Сосновский. – зам. главного инженера ЛГХК*

качества не было и, как правило, оно было никудышным. По рекомендации главного инженера предприятия и моего товарища П. И. Шапиро я заказал пошив у частного мастера в г. Ташкенте, берущего за работу довольно «хорошую» цену, но выполнявшего заказ на высоком качественном уровне. Через недели три после приёма заказа, почтовой открыткой он вызвал меня на первую примерку и обещал вскоре вызвать меня на вторую. Но в это время я уже уехал на полигон. Вторая примерка состоялась лишь после моего возвращения. При примерке мастер долго ходил вокруг меня и что-то бормотал себе «под нос». Я только понимал что, что-то не так, не годится. Наконец, он говорит:

– Так, станьте ровно, что Вы кривитесь!

Стало ясно, что у меня сколиоз, позвоночник искривлён в районе выше таза. Радикулит ещё не прошёл, да и боли у меня не очень сильные, но продолжались. Я просто не обращал на них внимания. Пришлось уехать. Только через пару месяцев я смог пройти вторую примерку и костюм был сшит. Надежды мои оправдались, костюм сидел на мне, как влитой, я чувствовал себя в нём удивительно раскрепощённым, не хотелось его снимать. Одевался он лишь по торжественным случаям в

праздники, при походах в гости, т. е. был, как это было принято в те времена в нашем обществе, «выходным», не ежедневным. Я сносил этот костюм, как говорят, «до дыр». В оставшуюся жизнь я сшил лишь ещё один пиджак, о чём расскажу позже, и обходился покупкой готовых изделий, благо фигура была близка к существующим стандартам массового пошива.

*Янгиабат. 1960 год, май. М. Н. Соколов, Л. Б. Бешер-Белинский,
Ю. Шатуновская, Слава Соколов, Борис и
Виктор Бешер-Белинские*

В самом конце года по всем коллективам министерства, как и на предприятии, прошла кампания по представлению особо отличившихся трудящихся к правительственным наградам. В связи с успешным проведением атомных испытаний 1961-го года, партия и правительство приняли решение наградить отличившихся участников из всех ведомств, имевших

отношение к этому событию. И, хотя выдвижение кандидатур на представление к наградам проводился строго в закрытом порядке на уровне первых лиц предприятий и соответствующих партийных органов, я узнал об этом. Почему-то думал, что и моя кандидатура будет подана на одну из возможных наград. В январе–феврале 1962-го года прошло вручение наград, но меня среди награждённых не оказалось. Я, конечно был огорчён, но не обижен. В число награждённых вошёл В. И. Попов бывший в мою каденцию на полигоне главным инженером экспедиции. Мысленно я всё-таки пытался анализировать, почему обошли меня, ведь я был непосредственным участником завершающей стадии и осуществления первого подземного атомного взрыва в СССР, причём, активным исполнителем его. Правда, моё непосредственное начальство предприятия и комбината деталей моего участия в этом не знали. Об этом знали лишь руководство полигона и мои подчинённые. А вот с руководством полигона, вернее, с его командиром, генералом И. Н. Гуреевым (Царство ему небесное!), я расстался, помните, не в лучших отношениях, вернее неличеприятных. Если В. Я. Опланчук и советовался с Гуреевым, то последний мог отвести мою кандидатуру. Для непосвящённых следует сказать, что представления к наградам в те времена проводились в пределах спускаемых каждому основному предприятию, а в системе Минсредмаша это был комбинат, лимиту наград по всем категориям, т. е. орденам и медалям. Партийные органы, согласование с которыми было обязательным, следили, чтобы выдерживались соотношения награждаемых по категориям – рабочие, ИТР, служащие – по национальностям, по возрасту и т. п. Ясно, что соответствующие руководители были в весьма затруднительном положении при проведении представлений на правительственные награды. Рассказывали, что уже почти при завершении наградной кампании, к В. Я. Опланчуку буквально ворвались в кабинет уже знакомый нам А. Я. Зиновьев и ещё один начальник отдела управления комбината и потребовали включить их кандидатуры в списки представляемых к наградам, так как они «курировали работы» экспедиции на полигоне. И Опланчук включил их. Они были награждены медалями.

О «кухне» представлений к наградам я немного знал уже в описываемый период, но глубже и больше узнавал по мере

подъёма по «служебной лестнице», о чём рассказ впереди. Могу только сказать, что при этой системе, естественно, в число награждаемых попадало немалое число, не имеющих отношения к отмечаемым событиям. (Это не относится к следующему сообщению).

Несколько позже я узнал, что в этот раз командир гарнизона Семипалатинского атомного полигона, генерал-майор И.Н. Гуреев, был отмечен званием «Герой Социалистического Труда СССР».

В начале апреля 1962-го года К. М. Тимофеев вызвал меня и М. Н. Соколова к себе в кабинет и передал распоряжение директора комбината В. Я. Опланчука о командировании нас в Москву, в первое главное управление министерства, по вызову его начальника, Н.Б.Карпова.

Янгиабат. В нашей квартире в мой день рождения в 1962 году. Юля и я, Анатолий Запорожец и Зина Запорожец, Миля Аникина, Тоня Кожевникова

Мы вместе, два заместителя главного инженера предприятия, вылетели в Москву. Москва встретила нас прохладной, сыкатной погодой, очередью на посадку в такси. Когда мы добрались до гостиницы министерства, находящейся на набережной Максима Горького, то оказалось, что мест свободных нет, никто о нас в гостиницу не звонил и мест не заказывал. Предложили нам ожидать возможного освобождения мест,

сидя в креслах, расставленных вдоль стен вестибюля. Время двигалось к вечеру. В гостиницу вошло несколько прибывших командированных и им предоставлялись места, они предъявляли какие-то бумажки. Обстановка становилась неприятной. Я, конечно, мог бы позвонить и отправиться к своим друзьям, Аксельбантам Давиду и Аде, где меня всегда принимали с удовольствием, но привести к ним ещё и незнакомого человека я не мог. Оставить одного Михаил Николаевича, моего сослуживца и товарища я, также, не мог. Я предложил Соколову взять такси и поехать по гостиницам, с целью обосноваться на проживание. Он согласился. Мы объездили несколько гостиниц в центре, но безуспешно. Наконец, мы подъехали к гостинице «Советская», местонахождение которой я хорошо знал, так как бывал в ресторане этой гостиницы дважды по приглашению Дэвика и Ады во время моих прежних пребываниях в Москве. Дежурный администратор, мужчина, на наш вопрос о наличии свободных номеров ответил отрицательно. Мы стали ретироваться, но администратор предложил нам места в общежитии. Я сказал, что это нам не подходит. Администратор предложил нам сначала посмотреть на предлагаемое и мы согласились. Администратор позвал служащего, велел ему проводить нас и мы оказались в большом номере, в котором было три кровати, причём, одна из них располагалась в алькове, отделяемого плотной шторой от основного помещения. В номере добротный письменный стол, телефон, прикроватные тумбочки, платяной шкаф. Короче говоря, по нашим меркам замечательный номер. Мы, конечно, приняли предложение и поблагодарили администратора, который сообщил нам, что вход в ресторан гостиницы проживающим в ней без очереди. Это преимущество очень важно, так как по вечерам в ресторан попасть невозможно, из-за большого числа жаждущих развлечься здесь. Гостиница и ресторан очень популярны – это гостиница прежде называлась «У Яра». Помните песню: «Соколовский хор у яра...», и т. д.

Администратор взял наши документы и в командировочных удостоверениях, на оборотной стороне поставил штамп: «Прописан в гостинице “Советская”».

Мы провели хороший вечер в ресторане. На следующее утро явились в здание Министерства среднего машиностроения, находившегося в двенадцатиэтажном, громадном здании по улице Большая Ордынка. После предъявления в бюро пропусков

соответствующих документов, в том числе справки о форме допуска к секретным документам, мы прошли через часового в гражданской форме, поднялись на 5-й этаж, где нас принял начальник отдела кадров Первого главного управления, причём, по одному. После выхода от него, мы обменялись с М. Соколовым информацией и поняли, что нас вызвали по одному и тому же вопросу – предложили в порядке перевода ехать на работу во вновь организованный комбинат – предприятие п/я № 3 – в качестве главного инженера предприятия п/я 11, находящегося в центральных Кызылкумах, посёлке Уч-Кудук.

Я, кажется, уже упоминал, что в результате интенсивных поисковых и геолого-разведочных работ, проводимых первым главным управлением Министерства геологии СССР во многих регионах Страны, было открыто, разведано, утверждены запасы и передано Минсредмашу крупнейшее по тем временам Уч-Кудукское месторождение урана, на базе которого был создан новый комбинат в конце 1958 года и директором его был назначен Зураб Петросович Зарапетян. Мы не знали масштабов этого месторождения, но знали, где оно находится и какие там климатические условия. Знали мы, что и горно-технические условия, для освоения и разработки этого месторождения, тоже очень сложные, совершенно отличающиеся от условий месторождений, разрабатываемых нашим предприятием. Ну, а что бытовые условия на вновь строящемся предприятии неизмеримо отличаются от тех, что мы имели уже в нашем городке «Коммунистического труда и быта», нам рассказывать не надо было, потому, что я уже имел опыт участия в строительстве двух новых предприятий и городов.

Оказалось, что и я, и М. Соколов отказались от предлагаемой должности. В последующие три дня нас в разное время и индивидуально принимали главный инженер Главка Д. Т. Десятников, зам. начальника главка В. Н. Богатов, с которым я был знаком по встречам на Семипалатинском полигоне и который пытался уговорить меня принять добровольно новую должность, обращаясь ко мне, как-то по отечески, раскрывая передо мною большую перспективу на будущее, подчёркивая на оказываемое мне большое доверие руководства министерства и т.п. Но, я отказывался, по главному мотиву – сердечного заболевания супруги и необходимости воспитывать ей, в основном, двух малых детей.

На четвёртый день мне главный кадровик заявил: «В бой вступает тяжёлая артиллерия!» – и пригласил меня на приём к начальнику главного управления. А это был, как я ранее уже писал, Герой Социалистического Труда Н. Б. Карпов.

Кабинеты начальника и главного инженера главного управления, как и помещения основных производственных отделов главка, размещались на шестом этаже здания. В приёмной секретарь просила подождать и вошла в кабинет Н. Б. Карпова. Через несколько минут вышла и пригласила меня и кадровика войти в кабинет. За большим, тяжелого стиля деревянным столом, находящемся в левой стороне, сидел в большом же, с высокой спинкой кожаном кресле, круглоголовый, со следом выбритых остатков волос, круглолицый, полноватый, небольшого роста человек, небольшие глаза которого с некоторым озорством смотрели на меня, входящего в кабинет. Он пригласил нас сесть на стоявшие по другую сторону стола два, тоже тяжёлых, деревянных с высокими спинками, стулья. Справа, у стенки стоял большой, чёрной кожи диван, тоже с высокой спинкой, украшенной резьбой по верхней, деревянной части и с застеклёнными фонарями по краям. За ним какое-то количество таких же стульев. Кабинет, хотя и не малый по площади, производил впечатление перегруженности старой мебелью, давил на посетителя, казалось что там не хватает воздуха. Причём, такое впечатление этот кабинет производил на меня всякий раз, когда я в нём был, а бывал я в нём, в дальнейшей моей работе, много-много раз.

Николай Борисович начал разговор издалека, расспросил о здоровье, настроении и т. п. Затем перешёл к делу и рассказал о большом и интересном деле по освоению уникальнейшего по размерам, горно-техническим условиям месторождения урана в центральных Кызылкумах, на котором предстоит построить 25 рудников. Отработка их предусматривается как подземным, так и открытым способами. Что касается семей, то, в связи с тяжёлыми климатическими условиями на месте, проектом принято решение о постоянном их проживании в городе Навои, где строится жильё, учебные заведения и вся необходимая инфраструктура в отдельном квартале. Ты (т. е. я), как и другие ИТР Уч-Кудука, на выходной, воскресный день будешь прилетать на самолёте. Он сослался на мой большой опыт работы на угольных месторождениях, что я закончил институт по специ-

альности «разработка пластовых (угольных) месторождений», а Уч-Кудукское месторождение пластообразное, поэтому нужны именно такие специалисты, как я.

Понятно стало, что Н. Б. готовился ко встрече со мной, изучил мой послужной список. Несмотря на мои возражения, Н. Б. Карпов выразил пожелания мне успехов и сказал, что я не осмелюсь не выполнить приказа, который он подпишет. Мы на этом расстались. Я понял, что выбор пал на меня, и что от М. Н. Соколова отстали.

Дела командировочные были закончены. Мы отправились на второй этаж в канцелярию Министерства, чтобы отметить в командировочных удостоверениях даты «прибытия» и «отбытия». Сотрудница, увидав отметки о нашем проживании в гостинице «Советская», сделала удивлённые глаза и немедленно позвонила в «режимный отдел», куда нас тут же пригласили пройти. Нас принял главный «режимщик», генерал, который не менее получаса читал нам нравоучения о нашей беспечности и нарушении положений такого-то приказа и такой-то инструкции, запрещающей проживание в гостиницах и посещение ресторанов, где могут быть иностранцы. Заставил нас расписаться в этих документах, где в приложениях перечислялись наименования таких гостиниц и ресторанов в Москве. Наши доводы о том, что мы ранее этого не знали (что было правдой) и что нас в министерской гостинице местами не обеспечили, его никак не устроили. Он, всё же, распорядился отметить наши командировки и никаких дальнейших санкций на нас не накладывали.

Мы вернулись в Янгиабат и приступили к своим служебным обязанностям. Мой рассказ Юле, естественно, не понравился. Она заявила, что речи о раздельном проживании, т.е. я в Уч-Кудуке, а она в Навои, и быть не может. Она будет там, где и я.

Буквально через день-два мне был объявлен приказ по первому главному управлению министерства о назначении меня главным инженером предприятия п/я 11, в составе предприятия п/я 3, с окладом содержания 400 рублей в месяц.

В эти ещё времена все производства системы продолжали называться «почтовыми ящиками», города были закрытыми, Руководители назывались «начальниками», на объектах, особенно в труднодоступных районах и районах с неблагоприятными климатическими условиями, обязательно имелись

«лагеря заключённых, именуемые УЯ № (такой то), в основном строгих режимов, обитатели которых использовались на строительных работах и других видах работ.

Просто я рановато, в некоторых местах повествования, перешёл на термины «рудоуправление», «комбинат», «директор» и т. п., чтобы читающим было понятнее о каких объектах и должностях я говорю.

Так вот, предприятие п/я 11 – это Уч-Кудукское рудоуправление, а предприятие п/я 3 – это комбинат № 2, впоследствии ставший именоваться НГМК – Навоийский горно-металлургический комбинат.

Слух о моём отъезде быстро распространился и дошёл до наших друзей и сослуживцев, которые одновременно с поздравлениями выражали сожаление о необходимости расставания с нами. Большинство из них знали, что едем мы в места весьма неблагоприятные для нормальной жизни и быта, и особенно сочувствовали Юле, которой предстоит нелегкий период жизни. Но, мы с друзьями навсегда не расстались. В дальнейшей жизни с большинством из них встречались, общались, оставаясь в одной системе.

Система эта давала возможность, также знакомиться с людьми и из других предприятий. Меня, кажется в 1959-м году, направляли на курсы повышения квалификации в г. Москву, где мы, группа из 20–25 человек, примерно одного возраста и служебного положения из разных предприятий и нашего комбината, и других мест, при Московском Институте цветных металлов прошли месячный курс, проживали в хороших гостиничных условиях и сдружились. Большинство из нас использовали возможность пребывания в Москве и для культурного обогащения. Я с моим товарищем из управления Ленинабадского комбината посмотрели за месяц тринадцать спектаклей в лучших театрах, в том числе два–три в «Большом...». Побывали мы, повышающие квалификацию, и на первой атомной электростанции в Обнинске, где меня, кроме всего прочего, очень удивили стоящие в одном из залов, в пирамиде, ничем не защищённые иссиня-черные урановые стержни, резервные для дальнейшей загрузки в реактор.

Как я уже упоминал, производство и коллектив Янгиабадского предприятия были в стадии расцвета. На всех видах горных работ широко использовалась новая техника и автоматизация,

созданы лучшие в подотрасли радиационные и санитарные условия. Город «Коммунистического труда и быта» разрастался, все возможные для застройки площади на «Развилке» были использованы, шла интенсивная застройка выделенного района под городок для семей профзаболевших. Теперь уже здесь были запроектированы и началось строительство и многоэтажных домов для удовлетворения нужд в жилье трудящихся. Руководство предприятия, руководители партийных и советских органов города пользовались авторитетом в соответствующих областных и республиканских органах власти. Директор предприятия, как правило, становился депутатом Верховного Совета УзССР, 1-й секретарь ГК КПУз – членом Ташкентского обкома КПУз. Партийная организация города (читай предприятия, так как население города состояло лишь из работников и членов их семей нашего производства), была относительно многочисленной и сплочённой. Был такой случай, когда в очередной кампании переизбрания партийных органов, делегаты городской партийной конференции (я тоже был делегатом её) не избрали в состав Пленума горкома кандидатуру (фамилию не помню), рекомендованную обкомом КПУз, но не работающего в нашей Системе и которого мы не знали. Имелось ввиду, что он станет и 1-м секретарём ГК КПУз. Так сказать, номер не прошёл, и вышестоящая инстанция сочла возможным не раздувать случившееся.

Надо еще подчеркнуть, что шло и интенсивное развитие производств и города Ангрена. В долине реки Ангрен (позднее переименованной в «Ахангаран») в период Великой Отечественной Войны начали срочно осваивать и добывать бурые угли, месторождение которых были открыты ещё в тридцатые годы. Разработки начали с подземной добычи на левом берегу реки, шахтой № 9. Затем началось строительство карьера открытой разработки мощных пластов угля. В 1945 году я с группой студентов горфака был на однодневной практике-экскурсии на этой стройке. Уже тогда здесь шли интенсивные работы по экскавации вскрышных уступов, строительство подъездных и внутрикарьерных железнодорожных путей, поверхностных объектов. Одновременно шло строительство объектов жилья и соцкультбыта на правобережной части долины, в районе, называемом «Соцгород», в отличие от старого жилого посёлка у самого берега реки, называемого

«Тишекташ». В описываемое время, километрах в 6–8 ниже по течению реки, после впадения в р. Ангрэн притока Дукентсай, шло строительство довольно мощной электростанции, ГРЭС, рассчитанной на использовании бурых, низкокалорийных углей. Был уже посёлок строителей ГРЭС и шло строительство постоянного посёлка для будущего персонала эксплуатационников электростанции.

Мы часто ездили в Ташкент и видели как идёт строительство автомобильной дороги Ташкент–Ангрэн, помните «Основная автогужевая магистраль Ангрэнской долины», которая была почти не проезжей половину года. Уже была выполнена дорога с чёрным покрытием от Тойтюбе до Ахангарана и продолжалась отсыпка трассы дальше в сторону Ангрена. Не помню писал ли о том, что ещё в период моей работы в геологоразведочной экспедиции (предприятие п/я 30), при поездках в геологическую партию № 9 (Ак-Тепе, Ризак), мы уже пользовались частично сооружённой и продолжающей строиться автодорогой Коканд–Ангрэн. Со стороны Ангрена в сторону Коканда, как я потом узнал, через горный перевал Камчик шло сооружение автодороги в тяжелейших условиях крепких скальных грунтов, буровзрывным способом. Говорили, что один километр дороги в этих условиях стоил один миллион рублей, что было по тем временам сверхдорогой ценой. Стало понятным, что сооружается стратегическая автомагистраль Ташкент–Коканд, сокращающая расстояние между этими городами вдвое и проходящая по территории Узбекистана, тогда как существующая автодорога, проходившая по Ферганской долине, пересекала участки территорий Таджикистана и Казахстана.

Шла подготовка для сооружений мостов через саи, которые мы ещё преодолевали вброд. В общественной жизни происходили свои события, характерные для этой «эпохи». Для примера расскажу лишь два.

Как-то весной, не помню какого года, после проведенных выходных дней, совпавших с христианским праздником Пасхи, возникло персональное дело, рассматриваемое парткомом предприятия, по которому обвинялись коммунисты Л. А. Гизерский, А. К. Кан и Абдугафаров, отмечавшие этот религиозный праздник! Ни одному из членов Парткома сразу не стало понятным, что ни один из провинившихся не относился к

«христианству», если так можно назвать в принципе «неверующих»: Гизерский – еврей, Кан – кореец, Абдугафаров – узбек.

Л. Гизерский приобрел собственный дом в г. Ташкенте, имея ввиду выйдя на пенсию, поселиться там со своей уже многочисленной семьей. Ему было предложено либо продать собственный дом в г. Ташкенте, или освободить занимаемую им государственную квартиру в Янгиабаде: коммунист не имеет права иметь две квартиры, тогда как в государстве остро не хватает жилья для удовлетворения потребностей трудящихся, населения. Гизерские были вынуждены уволиться и уехать в Ташкент, где проживали и работали в дальнейшем.

В период моей работы на Янгиабадском предприятии имело место ещё одно приятное событие. Благодаря группе выпускников 1948 года Горного факультета, проявивших благородную инициативу и нашедших адреса большинства закончивших в этот год факультет, состоялась юбилейная (10 лет со дня окончания) встреча на факультете 9-го мая 1958-го года. Встреча была очень трогательной, много эмоций. В ней приняли участие и некоторые преподаватели – Розалия Берзак, зав. кафедрой петрографии Ян Станиславович Висневский, Александр Рувимович Богуславский, супруги Шехтманы Ольга Денисовна и Павел Александрович, сотрудники из обслуживающего персонала – лаборант Нина Георгиевна, вечный комендант факультета, участник ВОВ, старшина Михаил Кийко и др. Встреча завершилась в ресторане на улице им. Куйбышева, где мы единогласно приняли решение встречаться каждые пять лет. Это так и было в дальнейшем до 40-летия, т. е. мы встретились в 1988 году в последний раз. С каждым разом все в меньшем составе участников. Чаще всего, кроме всяких семейных обстоятельств, по причине ухода наших товарищей в мир иной.

В начале 1962 года мне довелось, в составе небольшой группы специалистов по поручению Янгиабадского горкома КПУз, участвовать в проверке работы и подготовке постановления готовящегося заседания бюро ГК КПУз о деятельности Филиала № 1 Московского института ГСПИ-14. Филиал № 1 был создан в 1959 году в г. Ташкенте на базе бывшего СПБ-2 в г. Чкаловске и базировавшегося в Ташкенте подразделения инженерных изысканий этого же института. Филиал возглавлял Афанасий Павлович Суворов, горный инженер, уже знакомый мне по неудачной попытке создать проект отработки угольного

месторождения на Майли-Сайском предприятии, где я тогда работал главным инженером. Филиал размещался в специально выстроенном четырёхэтажном здании в районе обувной фабрики № 1, и поблизости строились и объекты жилья для сотрудников Филиала. По объёмам работ в филиале превалировали тогда инженерные изыскания, а проектные отделы еще были в стадии становления.

Заканчивался наш четырнадцатилетний период работы в комбинате № 6, названном в последствии Ленинабадским горно-химическим комбинатом, первом уранодобывающем в СССР, ставшим основной базой создания технологий разработки урановых месторождений, первичной переработки их руд, кузницей рабочих и инженерно-технических кадров, способствовавших освоению многих, вновь открываемых, урановых месторождений. Здесь я прошёл замечательную школу производственного и жизненного опыта, знакомства со многими прекрасными людьми, память о которых останется навсегда. Здесь прошли лучшие молодые годы, пришла зрелость, создалась семья, мне уже 36 лет, я – отец двух сыновей, уже не наивный «юнец», а имеющий значительный производственный опыт специалист и организатор производства!

Что жизнь готовит мне в дальнейшем?

Май 2004 года. Нетания. Израиль